

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

ГРАЖДАНСКАЯ

ВОЙНА

В РОССИИ

ТОМ СОРОК СЕДЬМОЙ

2024

Дорогие наши читатели! «Исторический вестник»
продолжает свою работу. Мы благодарны вам
за неослабевающий интерес к нашему журналу,
надеемся и впредь радовать вас новыми
открытиями и уникальными публикациями.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В РОССИИ

ТОМ СОРОК СЕДЬМОЙ

Под общей редакцией Р.Г. Гагкуева

МОСКВА, 2024

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 27.03.2024 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 27,75. Заказ № 28479.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2024

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий
зам. главного редактора, художественный редактор
- К.А. Давыденко
технический редактор
- Т. Лефко
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская
ученый секретарь
- Т.И. Маляренко
корректор

Редакционный совет

- М.В. Баранов
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн
научный сотрудник Музеев Московского Кремля
- Р.Г. Гагкуев
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Kseniya A. Davydenko
Technical Editor
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary
- Tatyana I. Malyarenko
Proofreader

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun
Research fellow at the Moscow Kremlin Museums
- Ruslan G. Gagkuev
D. Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН

С.В. Девятов

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исхаков

доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

С.А. Кириллина

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Т.Ю. Кобищанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

И.В. Курюкин

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Н. Ланской

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

Anton A. Gorskiy

D. Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Svetlana A. Kirillina

D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Taras Y. Kobishchanov

Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Igor V. Kurukin

D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Grigoriy N. Lanskoj

D.Sc.(History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

Г.Д. Ленхофф

Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

А.В. Марей

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес

профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе

С.В. Орлов

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова

Д. Панатери

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

К.А. Панченко

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, академик РАН

А.Э. Титков

кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

А.А. Улунян

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

В.В. Хутарев-Гарнишевский

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

Gail D. Lenhoff

Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

Alexander V. Marey

Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Stepan V. Orlov

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty

Daniel Panateri

D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Constantin A. Panchenko

D.Sc. (History), Professor of the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University (Department of the Middle Eastern History)

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences

Alexey E. Titkov

Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter

Arutyun A. Ulunyan

D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute

Vladimir Hutarev-Garnishevsky

Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

ОТ РЕДАКЦИИ

Сорок седьмой номер «Исторического вестника» посвящен Гражданской войне 1917–1922 гг. в России. Наш журнал не впервые затрагивает эту тематику, поистине неисчерпаемую и вызывающую неослабевающий интерес, как в профессиональной среде, так и в обществе в целом. Братоубийственный конфликт оставил после себя не только до сих пор существующие морально-нравственные предпочтения, но и огромные пласты еще не введенных в научный оборот исторических материалов, забытые имена героев с обеих сторон, малоизвестные страницы, связанные с влиянием внешнего фактора в русской революции и Гражданской войне. До недавнего времени эта тематика находилась под мощным идеологическим прессом с обеих сторон, а «красные» и «белые» авторы, как правило, не страдали объективностью в оценке событий и действующих лиц. Отголоски идеологического размежевания, а подчас и откровенной пропаганды были заметны и в работах многих зарубежных исследователей. По сути, непредвзятое и объективное исследование того периода происходит именно сегодня, и наш журнал старается внести свою лепту в исследование этого яркого и трагического периода отечественной истории.

Открывает номер работа П.А. Новикова, посвященная организации антибольшевистской борьбы в Иркутском военном округе в 1918–1919 гг. и попыткам белого командования переломить ход вооруженной борьбы. Немалый интерес представляет и краткая ретроспектива военно-инфраструктурного развития Восточной Сибири в 1884–1917 гг. Следующий материал, представленный Р.Г. Гагкуевым, поднимает вопрос о возможном участии Британской военной миссии в Сибири в приходе к власти адмирала А.В. Колчака в 1918 г. Данная работа продолжает ряд наших публикаций, посвященных влиянию внешнего фактора в событиях русской революции и Гражданской войны. Статья

И.В. Федотовой посвящена образу М.Н. Тухачевского в советской прессе 1918–1923 гг. В ней анализируется трансформация образа будущего маршала от малоизвестного в публичном пространстве персонажа до одного из главных героев Красной армии, символа «революционной войны». Яркая и неоднозначная личность Тухачевского, претерпевшая в последнее время радикальную переоценку, безусловно, будет и дальше привлекать внимание историков. Работа А.В. Сушко посвящена феномену сибирской православной периодики в годы Гражданской войны. На примере Сибири автор ставит проблему необходимости исследования данного вопроса в целом, как феномена в масштабах всей страны. Статья В.В. Назыровой и Д.И. Петина продолжает тему Гражданской войны в Сибири и затрагивает вопросы, связанные с деятельностью небезызвестного Чехословацкого корпуса — с освещением годовщины выступления корпуса в прессе белой Сибири. Статья будет особенно интересна специалистам в области исторической имагологии и культурной антропологии. Статья Ю.С. Пыльцына посвящена истории Съездов народов Терека и роли казачества в этих съездах. Особое внимание уделено тактике большевиков, сумевших, в итоге, превратить съезды в инструмент советизации региона. Судьбе красного командарма Ивана Сорокина посвящена работа А.С. Пученкова. В советское время этот неординарный командир был клеймен как предатель и изменник дела революции. Однако в современной историографии его личность получила иную оценку — талантливого военачальника и настоящего народного вожака, а его предательство и пособничество белым не находит документального подтверждения. А.В. Ганин предоставил для этого номера две работы: первая посвящена личности почти забытого красного командарма А.И. Харченко и его трагической судьбе, вторая посвящена ма-

лоизвестной странице Гражданской войны — заговору инженера Н.П. Алексеева в Царицыне в 1918 г. На основании новых документов автор предпринял попытку разобраться в подлинности существования заговора и в самом характере этого дела. Работа С.А. Миронюка возвращает нас к теме британского участия в событиях Гражданской войны и посвящена британской политике интервенции в 1917–1919 гг. В статье анализируются этапы и особенности вмешательства англичан во внутренние российские дела. Большинство архивных документов, главным образом британских, вводится в отечественный научный оборот впервые. П.Н. Базанов в своей статье обращается к наследию русского историка Н.И. Ульянова и анализирует его взгляд на истоки украинского сепаратизма. В материале используются статьи историка из редких малотиражных изданий русского зарубежья. Завершает номер материал, подготовленный С.В. Девятовым, В.И. Жилиевым и В.А. Невежиным, о работе над переводом Государственного гимна Советского Союза на английский язык с целью его популяризации в Великобритании и США. Работа основана на материалах Российского государственного архива социально-политической истории и Архива внешней политики Российской Федерации. Большинство материалов вводится в научный оборот впервые, в том числе решение Секретариата ЦК ВКП(б) от 19 января 1944 г. о создании комиссии по переводу текста Гимна на языки народов мира.

Редакция журнала благодарит всех авторов этого номера за вклад в его создание и выражает уверенность в том, что он станет весомым вкладом в дело изучения отечественной истории.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

The 47th issue of the *Historical Reporter* is dedicated to the Russian Civil War of 1917–1922. Our journal has repeatedly delved into this topic, which is truly inexhaustible and continues to generate long-lasting interest among specialists and general public alike. The fratricidal conflict left not only enduring moral preferences but also vast amounts of historical materials yet to be studied, forgotten heroes from both sides, and lesser-known aspects related to foreign influences on the Russian Revolution and the Civil War. Until recently, this topic was subjected to intense ideological pressure from both sides, with authors from the «red» and «white» factions often lacking objectivity in their assessments of events and individuals. Traces of ideological division, and at times blatant propaganda, were also evident in the works of many foreign researchers. Indeed, an impartial and objective examination of that era is happening now, and our journal is striving to contribute to the research of this memorable and tragic period in Russian history.

The issue begins with an article by Pavel A. Novikov, which focuses on the organization of the anti-Bolshevik resistance in the Irkutsk Military District in 1918–1919 and the White command's attempts to change the course of the armed conflict. A brief retrospective of the military and infrastructural development of Eastern Siberia from 1884 to 1917 is also of significant interest. The next piece by Ruslan G. Gagkuev explores the potential involvement of the British military mission in Siberia in Admiral A. Kolchak's rise to power in 1918. This paper continues our series of publications examining the impact of external factors on the Russian Revolution and the Civil War. An article by Irina V. Fedotova is dedicated to the portrayal of M. Tukhachevsky in the Soviet press from 1918 to 1923. It examines the transformation

of the future marshal's image from a relatively unknown public figure to one of the key heroes of the Red Army, symbol of the «revolutionary war». The remarkable and complex character of Tukhachevsky, who has recently been subject to a radical reevaluation, will undoubtedly continue to captivate historians. Aleksey V. Sushko's paper explores the phenomenon of Siberian Orthodox periodicals during the Civil War. Using Siberia as an example, the author highlights the need to study this issue as a nationwide phenomenon. An article by Viktoriya V. Nazyrova and Dmitry I. Petin continues the discussion on the Civil War in Siberia, addressing issues related to the activities of the infamous Czechoslovak Corps and its anniversary coverage in the press of White Siberia. This article will be particularly interesting to experts in historical imagology and cultural anthropology. Yuri S. Pyltsyn's article delves into the history of the Terek Peoples' Congresses and the role of the Cossacks. It pays special attention to the strategies of the Bolsheviks, who ultimately managed to use the Congresses as a tool for Sovietizing the region. Alexander S. Puchenkov's paper explores the life of the Red Army commander Ivan Sorokin. During the Soviet era, this exceptional commander was labeled a traitor and betrayer of the revolutionary cause. However, contemporary historiography paints a different picture of him as a talented military leader and a true people's leader, with no documented evidence to support claims of his betrayal and complicity with the Whites. Andrey V. Ganin has contributed two pieces to this issue: the first one is about the nearly forgotten Red Army commander A. Kharchenko and his tragic fate, while the second one sheds light on a lesser-known aspect of the Civil War – the conspiracy of engineer N. Alekseev in

Tsaritsin in 1918. Using new documents, the author attempts to verify the existence of the conspiracy and understand its nature. Sergei A. Mironiuk revisits the topic of British involvement in the Civil War, focusing on British intervention policies from 1917 to 1919, in his article. The paper examines the stages and characteristics of British interference in Russian internal affairs. Most of the archival documents, primarily British ones, are being introduced into Russian academic discourse for the first time. In his article, Pyotr N. Bazanov refers to the legacy of the Russian historian N. Ulyanov and analyzes his perspective on the origins of Ukrainian separatism. The article uses papers by the historian from rare, limited-edition publications of the Russian Diaspora. The issue concludes with a piece by Sergey V. Devyatov, Valentin I. Zhilyaev and Vladimir A. Nevezhin, which discusses the translation of the National Anthem of the Soviet Union into English for its promotion in the UK and the USA. The paper is based on materials from the Russian State Archive of Social and Political History and the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. Most of the materials, including the decision of the Secretariat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) from January 19, 1944, on the establishment of a commission for translating the Anthem into foreign languages, are being introduced into academic discourse for the first time.

The editorial board of the journal extends its gratitude to all the authors of this issue for their contributions and is confident that it will significantly contribute to the study of Russian history.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

П.А. Новиков. Антибольшевистское военное строительство и боевая работа войск: Иркутский военный округ в 1918–1919 гг.	14
Р.Г. Гагкуев. Вопрос участия Британской военной миссии в Сибири в перевороте 18 ноября 1918 г. и прихода к власти адмирала А.В. Колчака.	44
И.В. Федотова. Образ М.Н. Тухачевского в советской прессе 1918–1923 гг.	98
А.В. Сушко. Феномен сибирской православной периодики в годы Гражданской войны в России	128
В.В. Назырова, Д.И. Петин. «В славные дни нашего освобождения»: освещение годовщины выступления Чехословацкого корпуса в прессе белой Сибири.	160
Ю.С. Пыльцын. Клянутся ложно, заключают союзы (Ос. 10:4). Съезды народов Терека и терское казачество	184
А.С. Пученков. Красный командарм Иван Сорокин глазами современников	220
А.В. Ганин. «Публика кричала, чтобы меня немедленно расстрелять...» Командарм Харченко между красными и белыми.	236
А.В. Ганин. Заговор инженера Н.П. Алексеева в Царицыне в августе 1918 г.: реальность или миф?	270
С.А. Мироноук. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. — декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности.	318
П.Н. Базанов. Независимая Украина — основной фактор новой гражданской войны в творчестве историка Н.И. Ульянова	382

СОВЕТСКИЕ ХРОНИКИ

С.В. Девятов, В.И. Жилиев, В.А. Невежин. «Союз нерушимый...» на чистом английском. Советские дипломаты и популяризация Государственного гимна СССР в Великобритании и США.	404
---	-----

CONTENTS

THE CIVIL WAR IN RUSSIA

Editor: Grigory R. Gagkuev

- Pavel A. Novikov.** Anti-Bolshevik Military Construction and Combat Operations: Irkutsk Military District, 1918–1919 14
- Ruslan G. Gagkue.** The Question of Possible Participation of the British Military Mission in Siberia in Carrying Out of the Coup on November 18th, 1918 and to the Rise of A.V. Kolchak to Power. 44
- Irina V. Fedotova.** Image of M.N. Tukhachevsky in the Soviet Press 1918–1923 98
- Aleksey V. Sushko.** The Phenomenon of Siberian Orthodox Periodicals During the Civil War in Russia. 128
- Viktoriya V. Nazzyrova, Dmitry I. Petin.** «In the Glorious Days of our Liberation»: Coverage of the Anniversary of the Performance of the Czechoslovak Corps in the Press of White Siberia. 160
- Yuri S. Pyltsyn.** Swearing falsely in making a covenant (Hos. 10:4). Congress of Peoples of Terek and Terek Cossacks 184
- Alexander S. Puchenkov.** The Red Commander-in-Chief Ivan Sorokin in the Perception of Contemporaries 220
- Andrey V. Ganin.** «The Audience Shouted Demanding my Immediate Execution...». Commander A.I. Kharchenko in-between the Reds and the Whites 236
- Andrey V. Ganin.** The Conspiracy Case of Engineer N.P. Alekseev in Tsaritsyn, August 1918: Myth or Reality? 270
- Sergei A. Mironiuk.** British Intervention Policy in Russia (November 1917 – December 1919) as a Factor of the Civil War: Stages and Features. 318
- Pyotr N. Bazanov.** Independent Ukraine – the main factor for the New Civil War, Based on the Writings by Historian Nikolai I. Ulyanov. 382

SOVIET CHRONICLES

- Sergey V. Devyatov, Valentin I. Zhilyaev, Vladimir A. Nevezhin.** «An Unbreakable Union of Free Republics...» in Clear English. The Role of Soviet Diplomats in Promoting the USSR National Anthem In the UK and the USA 404

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.001

П.А. Новиков

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И БОЕВАЯ РАБОТА ВОЙСК: ИРКУТСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ В 1918–1919 гг.

Одной из самых трудных и сложных задач, которую приходилось решать противникам в продолжительной Гражданской войне, являлось использование мобилизационного потенциала подконтрольных территорий. Очевидно, что условия использования людских ресурсов прифронтовой полосы и относительно глубокого тыла существенно различались. Также значимую роль играло наличие военной инфраструктуры — казарменного фонда, унаследованного от Российской империи. Данная статья призвана рассмотреть основные организационные мероприятия в Иркутском военном округе в течение 1918–1919 гг., предварив их краткой ретроспективой (1884–1917 гг.) военного строительства в Восточной Сибири. Подобный подход позволит представить количественную динамику военного строительства, выделить его ключевые вехи и образующие ими этапы, оценить степень организационной последовательности, показать успехи в преодолении нехватки людских и материальных ресурсов. Очевидно, что исход военного противоборства является прямым следствием из подобных эпизодов и решений.

18 декабря 1918 г. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак приказал упразднить ранее существовавшие корпусные районы Сибирской

армии и образовать военные округа: Западно-Сибирский со штабом в Омске, Средне-Сибирский со штабом в Иркутске и Дальневосточный со штабом в Хабаровске, а также утвердил образование Оренбургского со штабом в Оренбурге. 16 января 1919 г. названия трех первых округов были изменены на Омский, Иркутский и Приамурский соответственно, что в целом отражало общий возврат к еще имперским подходам государственного строительства, включая наименования. При этом Иркутский округ охватил Енисейскую и Иркутскую губернии, а также Якутскую область, Забайкальская область включена в Приамурский округ. По данным 1917 г. на территории включенных в Иркутский военный округ образца 1919 г. (или 4-го формирования) трех административных единиц суммарной площадью 7 207 829 кв. км проживало 2 165,9 тыс. чел.

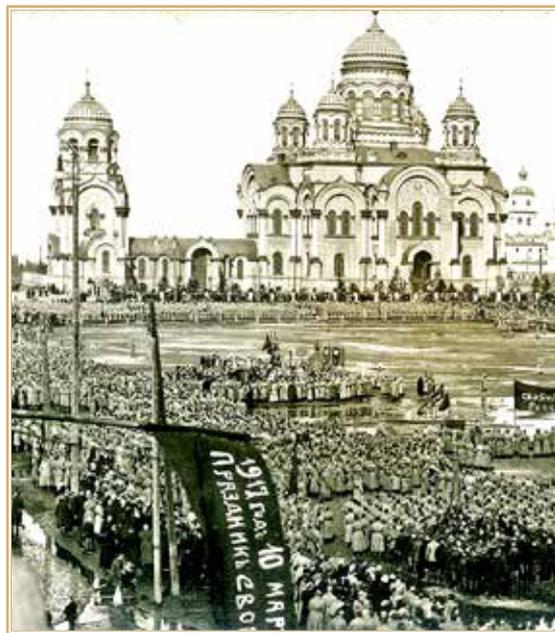
Приведем обзор предшествующего организационного опыта, чтобы показать масштабы предшествующих мобилизационных усилий, которые с некоторой долей условности и можно принять за потенциал военного строительства территории. Впервые Иркутский военный округ был образован 14 июля¹ 1884 г. при разделении Восточно-Сибирского округа в составе тех же трех административных единиц, что и в 1919 г. Весь первый период своего существования округ не имел полевых частей, располагая только резервными и местными войсками общей численностью до 5 тыс. чел. В Иркутске с 1872 г. функционировало военное училище, а с 1913 г. и кадетский корпус. 18 июня 1899 г. Иркутский военный округ упразднен.

Восстановлен округ 12 мая 1906 г., причем с включением дополнительно в его состав Забайкальской области. Численность личного состава Иркутского военного округа (2-го формирования) от показателей 80–90-х гг. XIX в. выросла более чем на порядок, составив на 1911 г. 40 генералов, до 2 тыс. офицеров и свыше 58 тыс. солдат, в округе дислоцировались 2-й Сибирский и 3-й Сибирский армейские корпуса. Первый включал 4-ю и 5-ю Сибирские стрелковые дивизии и Забайкальскую казачью бригаду, второй — 7-ю и 8-ю Сибирские стрелковые дивизии. Эти соединения занимали девять крупных гарнизонов, из которых в границы 1919 г. (без Забайкалья) попадут четыре: в Ачинске, Иркутске, Канске и Красноярске, к которым следует добавить значительно меньший в Нижнеудинске. Территория округа в 1910-х гг. намечалась в качестве района сосредоточения сил и средств на случай войны с Китаем

¹ Все даты до 1917 г. включительно по старому стилю.

и Японией. Если к 1914 г. в целом по Российской империи на 1000 жителей приходилось 10 солдат, то в Омском военном округе (Западной Сибири) — 2, в Иркутском (Восточной Сибири) — 22, а в Приамурском — 160. Особо отметим, что Западная Сибирь при без малого втрое большей, чем в Восточной Сибири, численности населения размещала на своей территории вчетверо меньше полевых частей всего в трех крупных гарнизонах: в Омске, Новониколаевске (ныне Новосибирске), Томске. В 1906–1914 гг. относительно малонаселенные Приамурский и Иркутский военные округа в масштабах империи выступали территориями приоритетного казарменного строительства.

Во время Первой мировой войны, ставшей испытанием всего российского государственного организма, Иркутский военный округ играл важную роль в пополнении русской армии (до 300 тыс. жителей Восточной Сибири призваны в ее ряды), в подготовке офицеров, в военном снабжении, в размещении военнопленных (на пике летом 1916 г. в округе содержалось до 200 тыс. иностранцев). Так, например, в конце июля — начале августа 1914 г. при мобилизационном развертывании численность войск округа за счет призванных из запаса выросла в 3,5 раза, были дополнительно сформированы 12-я и 13-я Сибирские стрелковые дивизии, 2-я и 3-я Забайкальские казачьи бригады, а также штаб 6-го Сибирского армейского корпуса. Весьма характерно распределение мобилизованных, влитых в соединения и части округа: из Восточной Сибири — 42 тыс. чел., из Западной Сибири — 70 тыс., из Поволжья — 40 тыс., показывающие мобилизационный потенциал собственной территории. Все вышеперечисленные (шесть стрелковых дивизий и три казачьи бригады) соединения в период с начала августа по середину сентября убыли в действующую армию. Для пополнения действующей армии осенью 1914 г. было развернуто 188 запасных батальонов, в том числе 16 (с 1-го по 16-й) Сибирских стрелковых запасных батальонов в Иркутском военном округе, сведенные в 1-ю (в начале 1916 г. она была передислоцирована в Туркестан) и 2-ю Сибирские стрелковые запасные бригады. В 1915 г. сформировано еще три запасных батальона — 29-й, 30-й и 31-й Сибирские. Летом 1916 г. оставшиеся в округе 11 запасных батальонов развернуты в полки той же нумерации, часть которых выделена в дополнительно образованную 6-ю Сибирскую стрелковую запасную бригаду. В дальнейшем численность запасных войск округа колебалась в интервале от 60 тыс. до 80 тыс., резко сократившись с лета 1917 г. Охрану Транссибирской магистрали и лагерей военнопленных в разное время несли

Празднование «дня Свободы» на Тихвинской площади Иркутска, 10 (23) марта 1917 г.

от 7 до 11 пеших дружин государственного ополчения численностью по 1000–2000 человек каждая.

Учитывая, что значительная часть имевшегося казарменного фонда была занята под размещение военнопленных, войска Иркутского военного округа всю Первую мировую войну испытывали острую нехватку жилых помещений, вынужденно дополнительно занимая общественные здания городов дислокации. В Иркутской губернии было призвано в армию 11,5% всего населения, в Енисейской — 9%, в Забайкальской области — 13%, в Якутской — 0,4%. Мобилизовали мужчин в возрасте от 20 до 39 лет, т.е. родившихся в 1897–1878 гг.

Таким образом, предвоенные (1906–1917 гг.) усилия не сняли трудности с расквартированием войск в Сибири, а выбранные для приоритетного строительства пункты соответствовали предполагаемым внешним угрозам, но не совпадали с местами проживания основной массы населения России. Вместе с тем, и это следует особо подчеркнуть, казарменные возможности Восточной Сибири были значительно более благоприятны (особенно после начавшейся весной 1918 г. репатриации иностранных военнопленных на родину), чем для Западной. Также обратим внимание на невключение/включение Забайкальской области (населенной на треть казаками и на треть не подлежащими в имперский период призыву «инородцами» — преимущественно бурятами и отчасти тунгусами) в Иркутский военный округ 1-го/2-го формиро-

Карта военных округов азиатской России на 1917 г.

Григорий Михайлович Семенов

вания, что уменьшало/увеличивало его людские ресурсы на треть и что получит продолжение в 1918–1919 гг.

Теперь перейдем к событиям Гражданской войны. В масштабах России Сибирь была затронута боевыми действиями в существенно меньшей степени. Боевые столкновения 1917–1918 гг. или хронологически непродолжительны, либо более или менее длительно разворачивались на ограниченной территории юго-востока Забайкалья, как действия антибольшевистского отряда Г.М. Семенова в первой половине 1918 г. При этом сражения вовлекали кратно меньшую часть жителей Сибири, чем фронты «внешней» Первой мировой войны. На пике весной 1918 г. одновременно сражались до 13 тыс. красных и до 9 тыс. белых. Противоборствующие стороны опирались преимущественно на добровольцев, хотя и предпринимали попытки мобилизаций в районах, непосредственно прилегающих к линии боев.

Размах боевых действий резко вырос в конце мая 1918 г. после восстания Чехословацкого корпуса. Вдоль Транссибирской магистрали начали действовать до 4,5 тыс. бойцов «Сибирской» группы капитана Р.И. Гайды. В то же время из ранее подпольных офицерских организаций Западной Сибири началось формирование антибольшевистской Сибирской армии, которую возглавил генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов, одновременно управлявший Военным министерством Временного Сибирского правительства. В мае–июле войска армии пополнялись мобилизацией офицеров и военных чиновников и набором добровольцев.

Алексей Николаевич Гришин-Алмазов

На 15 июня 1918 г. численность составляла около 4 тыс. бойцов, 10 июля до 23,5 тыс., к 1 сентября свыше 60 тыс.²

Летом 1918 г. Сибирская армия наступала из центра Западной Сибири в противоположных направлениях: на восток на Красноярск двинулся Средне-Сибирский корпус подполковника А.Н. Пепеляева; на запад на Тюмень и Екатеринбург — Степной Сибирский корпус полковника П.П. Иванова-Ринова. Продвигаясь на восток, белые последовательно заняли Красноярск (18 июня), Иркутск (11 июля), Верхнеудинск (20 августа), Читу (25 августа) и 31 августа соединились на реке Онон с силами Г.М. Семенова. На этом пути особенно напряженные бои происходили к востоку от Нижнеудинска и на южном побережье озера Байкал. Высвободившиеся части Сибирской армии и чехи с сентября 1918 г. были переброшены из Забайкалья под Екатеринбург. К этому времени вся Сибирь перестала быть ареной боевых действий регулярных войск.

11 июля 1918 г. полковник А.В. Эллерц-Усов возглавил официально восстановленный в третий раз Иркутский военный округ. Командующий хорошо знал местную обстановку, поскольку с 20 января 1918 г. руководил антибольшевистским подпольем Иркутска, а с 11 мая 1918 г. командовал подпольным Восточно-Сибирским военным округом (до 2,2 тыс. офицеров и солдат-фронтовиков в разных городах). Приоритетной задачей

² Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. С. 73.

Анатолий Николаевич Пепеляев

округа было проведение мобилизации и формирование воинских частей и соединений на территории Иркутской губернии, а с середины августа 1918 г. и в Забайкальской области (за исключением ее казачьего населения). С 12 июля по 6 августа 1918 г. образованы Иркутская (с 26 августа 3-я Сибирская) стрелковая дивизия, 9 августа — Черемховский и Красноярский отдельные батальоны, в конце августа — 3-я Иркутская стрелковая кадровая бригада (с 14 декабря дивизия), 10 сентября — Иркутский охранный железнодорожный батальон, 20 сентября — 4-я Иркутская конная бригада и Читинская (позднее 8-я Сибирская или 8-я Восточно-Сибирская) стрелковая дивизия. В этот 3-й период существования округа Енисейская губерния и Якутская область не входили в него, так как первая, наряду с Томской и Алтайской губерниями, составляла район пополнения Средне-Сибирского армейского корпуса и относилась к Западно-Сибирскому военному округу. Примечательно зафиксированное газетой периода Гражданской войны сравнение двух сибирских городов: (в Иркутске 17 июля 1918 г.) в гимназии Хамина остановился новый отряд сибиряков-красноярцев, состав почти весь офицерский. Они так рассказывают о событиях в Красноярске: «Тяжело нам было в Красноярске, как и у вас в Иркутске, справиться с большевиками... Офицерский состав в Красноярске ведь меньше вашего Иркутского. Мы при всех усилиях могли сформировать только бригаду, а у вас формируется целая дивизия»³.

³ Свободный край (Иркутск). 1918. № 18. 18 июля.

Павел Петрович Иванов-Ринов

Эллерц-Усов дважды — 26 июля и 30 июля — запрашивал у Гришина-Алмазова разрешение мобилизовать 2 тыс. граждан с образованием, рассчитывая таким образом набрать в войска «людей, умственный уровень которых дорос до понимания государственных задач»⁴. В ответах указывалось на необходимость самому проявить инициативу и должную энергию, не опасаясь ответственности за превышение власти. Получив такую непрямую санкцию, Эллерц-Усов 9 августа отдал приказ по Иркутскому военному округу № 139, которым объявил призыв лиц 18–25 лет, окончивших или прослушавших 4 класса средних учебных заведений. Гражданские власти в лице Иркутского губернского комиссара П.Д. Яковлева 13 августа составили жалобу министру внутренних дел В.М. Крутовскому, назвав приказ «незаконным», «превышающим полномочия». 23 августа Военное министерство согласилось с такой трактовкой, инициировало привлечение Эллерц-Усова к судебной ответственности, причем следствие без дисциплинарных последствий для «виновника» тянулось до лета 1919 г. Однако сам призыв уже состоялся, мобилизованные «цензовики» оставались на службе до начала ноября. Ими укомплектован Иркутский кадровый полк особого назначения, в котором к середине октября состояло 52 офицера и 1 332 солдата.

Временное Сибирское правительство 31 июля 1918 г. объявило мобилизацию родившихся в 1898–1899 гг. из числа русских старожилов

⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 524. Оп. 2. Д. 29. Б.Л.

Александр Васильевич Эллерц-Усов

и переселенцев, прибывших в Сибирь до 1 января 1915 г. Эта мобилизация довела численность Сибирской армии до 200 тыс. чел., сделав ее вчетверо многочисленнее Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Первым и прямым следствием роста численности белых войск на востоке России и изменения ими принципов мобилизации стало взятие 24–25 декабря 1918 г. Перми, которое было бы невозможно без пополнения боевых частей мобилизованными.

В Иркутской губернии мобилизация новобранцев 1898–1899 гг. рождения началась 25 августа 1918 г., назначенного первым днем явки 12 650 человек, из которых 9 157 были приняты в войска. В пределах Иркутской губернии до четверти лиц, подлежащих мобилизации осенью 1918 г., уклонилось от призыва. В соседней же Енисейской губернии это сделали более половины — в войска приняты 9 157 человек из 20 775⁵.

17 сентября 1918 г. Эллерц-Усов принял командование 4-м Восточно-Сибирским армейским корпусом со штабом в Иркутске. При этом он сохранил за собой статус командующего Иркутским военным округом, а 18 сентября произведен в генерал-майоры. Ввиду пересечения полномочий Иркутский военный округ (3-го формирования) был

⁵ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск, 2010. С. 145.

22 октября 1918 г. упразднен, просуществовав чуть более четырех месяцев. Сокращение территории округа от показателей 1906–1917 гг. создавало трудности с доведением численности формируемых соединений и частей (для двух полевых стрелковых дивизий не хватало 20 тыс. новобранцев) до штатного состава, вынуждая запрашивать (так и нереализованную) перевозку призывников с прилегающих к округу с запада районов. К этому добавлялась нехватка вооружения, обмундирования и необходимость обеспечить окарауливания еще остающихся в пределах округа 19 тыс. военнопленных центральных держав и значительного числа сдавшихся красноармейцев. Например, при планах сформировать 7 артиллерийских дивизионов из 26 батарей в наличии к ноябрю 1918 г. имелось лишь 6 исправных орудий⁶. Единственным уже отмечавшимся преимуществом Восточной Сибири был более обширный казарменный фонд, чем Западной.

Формирование в Иркутском военном округе в течение августа – сентября 1918 г. двух дивизий, кадровой и конной бригад происходило на фоне боевых действий, но лишь Иркутская стрелковая дивизия была задействована в них сначала в Южном Прибайкалье, а с 12 сентября 1918 г. на Центральном Урале⁷. К концу августа в ее рядах состояло 996 офицеров и 414 добровольцев, всего 1 410 чел., но более 200 чел. не имели оружия, к 5 сентября добавилось еще 202 чел.⁸ По другим данным, на 1 сентября соединение насчитывало 946 офицеров, 98 военных чиновников, 117 юнкеров и 829 добровольцев, всего 1 990 чел.⁹ Пополнение мобилизованными иркутянами 1898–1899 гг. рождения дивизия получила не ранее ноября 1918 г., что позволяет оценить работу кадровой бригады по обучению новобранцев как условно успешную. На 7 сентября в списках кадровой бригады было 5 630 новобранцев, на 9 октября – 9 114 (из которых 11% числились в «бегах» – дезертировали), на 5 ноября – 1 544¹⁰. Соответственно, маршевые пополнения из Восточной Сибири убыли на Урал в конце октября. Дезертиры же так объясняли свои действия:

⁶ Симонов Д.Г. Указ. соч. С. 248.

⁷ Подробнее см.: Новиков П.А. Боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии белых войск // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 31–38.

⁸ Каревский А.А. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: 4-й Восточно-Сибирский армейский корпус летом – осенью 1918 г. // Белая гвардия. М.: Посев, 2001. № 5. С. 85.

⁹ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. С. 240.

¹⁰ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 19. Л. 23; РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 165. Л. 48.

«Сидишь-сидишь, (в казарме) холодно, нет дров, одежды и сапог не дают, свои износились, обернешь ноги тряпками и ходу домой»¹¹.

Малополезной для белых в боевом отношении оказалась 8-я Читинская (8-я Сибирская) стрелковая дивизия, формируемая в гарнизонах Забайкалья: в Березовке, Чите и Сретенске. К 16 октября 1918 г. она насчитывала всего 464 чел.¹², а к 5 ноября 512 офицеров и 2 927 солдат¹³. 30 октября 1918 г. последовало предписание начальника штаба Сибирской армии о передаче этого соединения¹⁴ в Приамурский военный округ, где его полки и проведут 1919 г. преимущественно в пунктах постоянной дислокации. Учитывая, что Иркутская дивизия в начале боевого пути имела сопоставимую численность офицеров, можно констатировать значительность неиспользованных белыми на Урале людских сил Забайкальской области, в том числе поступивших в войска 1 523 новобранцев из числа русского населения Верхнеудинского уезда. На остальной территории Приамурского военного округа призыв 25 тыс. чел. 1898–1899 гг. рождения вообще не был проведен «из-за сложной военно-политической обстановки»¹⁵.

Эллерц-Усов 12 ноября 1918 г. объявил о начале формирования на базе ряда существующих частей новой 8-й Сибирской стрелковой дивизии со штабом в Красноярске и полками в Красноярске, Ачинске, Канске.

С 18 ноября 1918 г. стартовал конфликт Верховного правителя А.В. Колчака и командира 5-го Приамурского армейского корпуса полковника Г.М. Семенова, полностью разрешенный только к 25 мая 1919 г. Этот конфликт негативным, а возможно, и определяющим образом повлиял на неиспользование белых соединений, имевшихся восточнее Байкала, в боях на Урале в 1919 г. и на общесибирские организационные решения. Обширно представленная в отечественной и зарубежной историографии тема «атаманщины», «семеновщины», на наш взгляд, далека от исчерпывающего освещения, но в данной статье мы вынуждены оставить ее за рамками предметного рассмотрения.

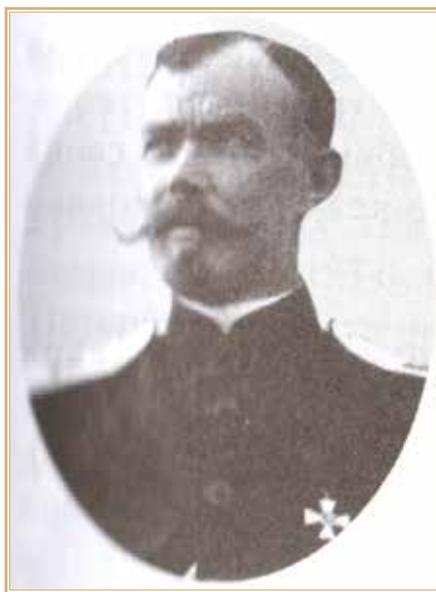
¹¹ Симонов Д.Г. Из истории 4-го Восточно-Сибирского корпуса белой Сибирской армии (1918 г.) // Вопросы социально-политической истории Сибири: Бахрушинские чтения 1997 г. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 1999. С. 128.

¹² РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 164. Л. 120.

¹³ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.

¹⁴ Телеграмма предписывала сменить номер воинского соединения на 9-й, что не было реализовано.

¹⁵ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. С. 142.

Вячеслав Иванович Волков

Такова краткая последовательность основных организационных мероприятий второй половины 1918 г. и исходная обстановка ко времени создания 18 декабря 1918 г. Средне-Сибирского (с 16 января 1919 г. Иркутского) военного округа, причем временной разрыв между четвертым и третьим периодом деятельности военно-территориального объединения составил менее двух месяцев. Таким образом, налицо определенная непоследовательность управленческих решений, существенно затруднившая полное использование белыми военных ресурсов Восточной Сибири.

1 декабря 1918 г. командование 4-м и 5-м корпусными районами Сибирской армии принял генерал-майор В.И. Волков, но во втором случае это осталось нереализованным ввиду неподчинения Г.М. Семёнова.

24 декабря 1918 г. Колчак назначил Волкова главным начальником недавно учрежденного Средне-Сибирского военного округа. В течение января 1919 г. последовали распоряжения об упразднении корпусных районов, уточнении названия округа на «Иркутский», переименовании 3-й Иркутской кадровой дивизии в 14-ю Сибирскую стрелковую. Три ее полка были расквартированы в Иркутске, один в Нижнеудинске.

Следует упомянуть еще одно соединение. 6 декабря 1918 г. из Омска в Иркутск была отправлена формируемая Партизанская бригада имени есаула Красильникова (до ноября 1918 г. одноименный добровольческий

Иван Николаевич Красильников

отряд). Это соединение не было задействовано против Семенова, а в январе 1919 г. получило задачу борьбы с красными партизанами в Канском уезде Енисейской губернии, пополняясь мобилизованными в Иркутской губернии.

29 января 1919 г. В.И. Волков отстранил А.В. Эллерц-Усова от командования и так упраздняемым 4-м Восточно-Сибирским армейским корпусом с такой мотивировкой: «За полную бездеятельность и упущения по службе (к периоду сильных морозов войска корпусного района оказались не снабженными теплой одеждой, на что имелось достаточно времени с августа), за неправильные боевые распоряжения, за командирование чинов вопреки приказа»¹⁶. 18 февраля 1919 г. В.И. Волкова на должности командующего Иркутским военным округом сменил генерал-лейтенант В.В. Артемьев.

Теперь обратимся к военно-политической обстановке в Иркутском военном округе. Имевшиеся в тылу соединения были заняты борьбой с партизанским движением. С осени 1918 г. начинается вооруженная борьба в тылу антибольшевистских правительств. Причинами стали преследование сторонников советской власти, недовольство восстановлением налогов и мобилизацией молодежи в армию¹⁷.

¹⁶ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 27. Л. 51.

¹⁷ Подробнее см.: Новиков П.А. Партизаны и каратели на рубеже 1918–1919 гг.: начало борьбы в Иркутском военном округе // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1 (29). С. 59–64.

Василий Васильевич Артемьев

Некоторые восстания белым удалось оперативно подавить: в Минусинском уезде Енисейской губернии в середине ноября 1918 г., на юге Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в апреле 1919 г. Вплоть до середины 1919 г. возникало множество преимущественно небольших, разрозненных, малосвязанных друг с другом партизанских отрядов. С середины 1919 г. до начала 1920 г. наблюдается повсеместный рост организованности и численности партизанского движения. Современный историк Н.С. Ларьков оценивает общую численность сибирских партизан в 140 тыс. чел. и указывает, что в подконтрольных им районах проживало до 1,8 млн чел.¹⁸

При этом если в Западной Сибири можно констатировать отрядно-групповую форму партизанского движения, то в Восточной Сибири наблюдалась очагово-территориальная природа деятельности в ряде районов (под г. Ачинск, вокруг сел Степной Баджей, Тасеево, Шиткино, Баер), перерастающая в угрожающие Транссибу диверсиями одноименные селам фронты.

Между Енисеем и верхним Каном (14 волостей, 100 тыс. жителей) в Канском уезде Енисейской губернии с ноября 1918 г. функционировала Степно-Баджейская партизанская республика с партизанской армией

¹⁸ Ларьков Н.С. Партизанское движение // Новая Сибирская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 2009. С. 581.

Александр Диомидович Кравченко

А.Д. Кравченко¹⁹. В апреле ее силы пополнил отряд П.Е. Шетинкина, вынужденно перешедший сюда с севера Ачинского уезда. Объединенные силы образовали «Южно-Канский фронт» численностью до 3,5 тыс. чел. После 28-дневных боев степно-баджейские партизаны в середине июня под натиском до 12 тыс. белых и чехов отступили в Урянхайский край (Туву) и 18 июля заняли Белоцарск (ныне Кызыл), где 29 августа после временного отхода нанесли поражение крупному белому отряду, а затем двинулись на север на Минусинск.

Тассевский партизанский фронт сложился на севере Канского уезда к январю 1919 г. и к лету насчитывал до 2 тыс. бойцов. Шиткинский партизанский фронт в Канском уезде Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде Иркутской губернии к марту 1919 г. насчитывал 7 отрядов и всего до 1,5 тыс. партизанских бойцов.

В конце мая — середине июня 1919 г. белые провели широкомасштабную операцию от устья Ангары до Нижнеудинска. 25 мая белые полностью оттеснили партизан от Транссиба, вынудив их отойти на север к Ангаре. Енисейская флотилия белых доставила отряд подполковника И.Ф. Ромерова к устью Ангары, откуда он выступил на юг. В центре силы полковника И.Н. Красильникова, наступая на север вдоль р. Усолка, 17 июня заняли Тасеево. Партизаны с семьями и ог-

¹⁹ Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. С. 127–166.

Петр Ефимович Щетинкин

ромным обозом отступили на восток. Белые настигли их на р. Кайтым в 65 км от Тасеева, после упорного боя партизаны бросили обоз и рассеялись.

Партизанские районы оказывались недоступны для мобилизации молодежи в колчаковскую армию, а карательные действия потребовали использования значительного количества войск. Летние карательные операции временно улучшили обстановку для белых, полностью прекратились нападения на Транссибирскую магистраль. В районах Сибири, откуда вытеснены партизаны, белые власти провели призывы, но лояльность мобилизованных была весьма сомнительной.

Теперь перенесемся на Урал, где противостояли друг другу регулярные войска красных и белых. В феврале 1919 г. обе стороны крупномасштабных действий не предпринимали, но активно готовились наступать весной. Белая Сибирская армия перешла в наступление 4 марта. Перейдя Каму, белые 7–8 марта заняли уездные города Пермской губернии Оханск и Осу. В районе Уфы 5-я красная армия 5 марта атаковала белых, также уже изготовившихся к наступлению. Опрокинув во встречных боях 6 марта левый фланг красных, белая Западная армия 13 марта заняла Уфу — столицу одноименной губернии, а в первых числах апреля и ее уездные центры Стерлитамак и Белебей. Затем белые вступили в Бугульминский и Бугурусланский уезды Самарской губернии. Всего за март–апрель 1919 г. войска Колчака с боями заняли территорию в 300 тыс. кв. км с 5 млн жителей, в 1,5 раза увеличив

численность населения под властью правительства А.В. Колчака. Это открывало большие потенциальные возможности пополнения личным составом, поскольку Колчак еще 3 февраля разрешил командующим проводить мобилизации на театре военных действий. Однако требовалось удержать занятые территории и наладить мобилизационную работу.

В целом же развитие успехов белых определялось возможностями усилить натиск вводом в бой крупных резервов и способностью отразить вероятный контрудар красных. Однако практически все мобилизованные с августа 1918 г. были уже давно распределены по частям. Изыскивались новые источники для пополнения личным составом. Например, в течение марта 1919 г. в ряды 1-го Волжского армейского корпуса было зачислено до 3,5 тыс. пленных красноармейцев, сдавшихся в декабре 1918 г. под Пермью.

4 марта 1919 г. Совет министров А.В. Колчака постановил призвать в армию горожан 18–35 лет с образованием не ниже четырех классов. Весьма показательна мотивировка постановления: «Признавая необходимость увеличить боевую мощь армии путем пополнения ее новыми войсками, созданием сильного корпуса офицеров и формированием необходимого числа войск технического и специального назначения, а также в видах облегчения тягот сельского населения»²⁰. Днями явки назначены 21 марта и 5 апреля. Так как некоторые скрывали свое образование, то 3 апреля последовало дополнение. Призыв был распространен на горожан тех же возрастов, даже имевших лишь домашнее образование, если они к 4 марта состояли на наемной службе, занимаясь нефизическим трудом (предписано явиться 23 апреля). Всего по постановлениям от 4 марта и 3 апреля в Иркутском военном округе призвали 2 469 чел. Таким образом, правительство Колчака через 7 месяцев сделало то, что Эллерц-Усов осуществил в августе 1918 г.

8 апреля 1919 г. был объявлен призыв родившихся в течение 1900 г. и январе — марте 1901 г. — первый день мобилизации 18 693 чел. в Иркутском военном округе указан 5 мая. Одновременно объявлена мобилизация лиц 1898–1899 гг., почему-либо (например, как переселенцев) не призванных ранее (явка 506 чел. — 25 мая). Также мобилизованы

²⁰ Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 67.

Дмитрий Антонович Лебедев

родившиеся в 1897 г. (явка 6 604 чел. — 2 июня)²¹. При этом 14-ю Сибирскую стрелковую дивизию намечалось пополнить 10 250 новобранцами 1900–1901 гг., мобилизованными преимущественно в Западной Сибири²².

Отозвав часть сил из-под Уральска и Оренбурга, подтянув резервы из центра России, 28 апреля 1919 г. красные перешли в наступление против белой Западной армии. Белые соединения были разбросаны на фронте в 450 км, а часть личного состава из мобилизованных и бывших красноармейцев не отличалась лояльностью. Наблюдались переходы подразделений и даже целых полков на сторону красных. 16 мая Западная армия начала отход к Уфе.

На фронте Сибирской армии 25 мая красные передовыми подразделениями форсировали Вятку у Донаурово и высадили десант из сил 28-й дивизии на правый берег Камы, выше устья Вятки, начав Сарапульско-Воткинскую операцию. 26 мая белая 3-я Иркутская дивизия оставила Елабугу, 2 июня — Сарапул. 9 июня белые окончательно покинули Ижевск, а 11 июня — Воткинск.

В Сибири 8 июля 1919 г. объявлено о мобилизации родившихся в апреле — декабре 1901 г. В Иркутском военном округе при ее проведении призвали 424 чел.

²¹ Там же. С. 69.

²² РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 49. Л. 92.

К концу июля 1919 г. войска белых отступили за Урал, Западная Сибирь снова (спустя год) стала ареной регулярных боевых операций. Отметим, что к географической границе стороны располагали не менее чем 120 тыс. бойцов. Таким образом, белые востока России в середине 1919 г. выставили на линию соприкосновения не менее трети общих сил, и, памятуя о раненых на излечении, это дает соотношение бойцов на фронте и едоков в тылу как 1 к 1. Для сравнения: осень 1920 г. Красная армия встретила в своем численном максимуме (5,5 млн чел.) и в соотношении 1 боец на 10 едоков в тылу.

21 июля 1919 г. 30-й Сибирский стрелковый полк (54 офицера, 7 военных чиновников, 3 врача, 1 священник и 1 740 солдат) убыл из Ачинска в Челябинск²³. К середине августа эта часть действовала севернее Кургана.

С середины июля 1919 г. по распоряжению начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майора Д.А. Лебедева проводилась реорганизация войск, действующих против партизан. Отряд полковника И.Н. Красильникова и батальона Особого назначения официально объединили в отдельную Егерскую бригаду (2,5 тыс. бойцов), остальные части свели во 2-ю отдельную (Особую) стрелковую бригаду (2 тыс. бойцов)²⁴. В августе обе бригады отозваны от операций против партизан и отправлены на фронт против регулярной Красной армии в междуречье Тобола и Ишима²⁵. Так, например, с 15 октября Егерская бригада начала весьма успешно действовать в районе Ялуторовск — Заводоуковское. Особая бригада в начале сентября действовала в районе Колмацкое — Истоминское²⁶.

В свою очередь с фронта в пока глубокий тыл отзываются авиационные подразделения и отдельные тяжелые артиллерийские дивизионы с личным составом, имеющим специализированную военную подготовку. В район Иркутска уже 4 августа прибыл 1-й дивизион батареи «120» из 25 орудий, в тот же день в Красноярск 2-й дивизион батареи «А» из

²³ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 25, Л. 55; Д. 332. Л. 14.

²⁴ Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. С. 74.

²⁵ Новиков П.А. Организационные мероприятия в вооруженных силах А.В. Колчака (август 1919 — январь 1920 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.): Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / Редкол.: В.И. Шишкин (отв. ред.), Т.И. Морозова (отв. секр.); Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. С. 228.

²⁶ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 317. Л. 2.

11 орудий, а 30 августа 6 бронепоездов 1-й армии²⁷. 1 сентября в предместье Иркутска разместился 1-й авиационный парк, в самом Иркутске 2-й авиационный отряд, 3-й воздухоплавательный парк, 33-й корпусный авиационный отряд и т.д. Белое командование рассчитывало сохранить эту материальную часть для активной боевой работы весной 1920 г.

9 августа 1919 г. правительство А.В. Колчака объявило мобилизацию городского населения от 18 до 43 лет. Призыву подлежали граждане, проживающие в городах Сибири, включая беженцев. По данному призыву в сентябре 1919 г. в Иркутском военном округе мобилизовали 8 714 чел.

В конце августа 1919 г. мобилизованы сибирские казаки нарядов призыва 1898–1920 гг. (23 возраста), енисейские 1900–1921 гг. (21 возраст), иркутские 1913–1920 гг. (7 возрастов).

На регулярном фронте произошли две Петропавловские (Тобольско-Петропавловские) операции 20 августа — 13 октября 1919 г. и 14 октября — 4 ноября 1919 г. с участием по 70–75 тыс. бойцов с каждой стороны.

14–15 октября Красная армия перешла в наступление и вторично форсировала Тобол. 25 октября белое командование принимает решение вывести в тыл штаб и соединения 1-й армии. Трем дивизиям и двум бригадам в начале ноября предстояло сняться с фронта и передислоцироваться по железной дороге в определенный город для пополнения. Пункты назначения: Омск, Новониколаевск, Барнаул, Томск, Мариинск, Красноярск, Канск. При этом в Красноярск убывали штаб 1-го Средне-Сибирского корпуса и 4-й Енисейский стрелковый полк, в Канск — 1-я Сибирская егерская бригада. Иркутскому военному округу и предстояло пополнить 1-ю армию личным составом.

Личный состав войск Иркутского военного округа в ноябре — декабре 1919 г. насчитывал на 1 ноября 1919 г. 530 офицеров и 13 958 солдат, на 15 декабря — 536 офицеров и 12 701 солдат²⁸. 14-я Сибирская дивизия располагала 26 орудиями. Кроме того, в Иркутске располагались Учебно-инструкторская школа, имевшая на 15 декабря 47 офицеров и 499 солдат, Иркутское военное училище из 19 офицеров и 250 юнкеров, Оренбургское казачье училище из 31 офицера и 373 юнкеров²⁹.

²⁷ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 25. Л. 60–65.

²⁸ Там же. Д. 76. Л. 20–21.

²⁹ Там же. Д. 18. Л. 63.

Борис Петрович Богословский

В Иркутск 7 ноября из Красноярска поступила телеграмма, в частности, сообщавшая: «Подписан приказ о реорганизации войск округа. 8-я и 14-я дивизии расформируются. 29-й полк передается Омскому округу, 31-й и 32-й полки, батарея и 2 эскадрона или сотни образуют 3-ю бригаду. Два полка 14-й дивизии — 1-й и 2-й полки образуют 4-ю стрелковую бригаду. Егерский и штурмовые батальоны приказано срочно выслать в Омск: первый в Образцовую, второй в Морскую дивизии. Два других полка 14-й дивизии свести в 3-ю Сибирскую кадровую бригаду, переименовав полки в 6-й и 7-й кадровые. Местные батальоны и роты пока не расформировывать...Инспектор пополнений генерал-майор Богословский»³⁰.

Тем временем на фронте произошла Омская операция 4–16 ноября 1919 г., когда 100 тыс. красноармейцев вынудили отступить 55 тыс. белых бойцов, пленив 30 тыс. чел. из них, и заняли 14 ноября Омск. Затем в ходе Новониколаевской операции 20 ноября — 16 декабря 1919 г. 40 тыс. красных бойцов успешно преследовали на линии соприкосновения 18 тыс. белых.

12 декабря начальник штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса полковник Турбин «в связи с предполагаемым движением частей корпуса на внешний фронт» запросил Штаб Иркутского военного округа, «когда отправят в Красноярск 2 тыс. добровольцев в распоряжение ко-

³⁰ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 76. Л. 34.

Владимир Оскарович Капель

мандира 4-го Енисейского, и обмундированы и вооружены ли добровольцы». Ответ: «Относительно 2 тыс. добровольцев, по-видимому, недоразумение... В Ваше распоряжение отправлена дружина и батальон, всего 20 офицеров, 2 чиновника, 415 солдат. Задержка произошла от не отпуска теплых вещей. Новая дружина формируется». Пермский сводный батальон из 14 офицеров, 1 чиновника и 251 солдата был отправлен 15 декабря, 1-я Иркутская дружина Креста, 6 офицеров, 2 чиновника и 164 солдата — 16 декабря³¹. Это были последние пополнения фронта из Иркутского округа.

Красноречиво содержание телеграммы штаба Иркутского военного округа, отделение оперативное, г. Иркутск, ноябрь 1919 г. (точная дата в архивном документе не указана). «Военному министру 8635: Егерский батальон 14-й Сибирской стрелковой дивизии с временно прикомандированными к нему: 30 офицеров, 685 стрелков, 4 пулемета, винтовок: 862 русских, 194 японских; 53-й Сибирский стрелковый полк: 32 офицера, 590 стрелков, 3 пулемета, 440 русских винтовок, 195 японских винтовок; 54-й Сибирский стрелковый полк: 57 офицеров, 100 стрелков, 8 пулеметов, 407 русских винтовок, 1 499 японских винтовок; Инструкторская школа: 50 офицеров, 605 стрелков, 9 пулеметов, 682 русские винтовки, 145 японских винтовок; 1-й Иркутский местный батальон: 21 офицер, 490 стрелков, 49 русских винтовок,

³¹ Там же. Д. 14. Л. 28–32.

Николай Сергеевич Калашников

339 японских винтовок; 2-й Иркутский местный батальон: 23 офицера, 600 стрелков, 106 русских и 402 японские винтовки; Иркутское военное училище: 20 офицеров, 233 стрелка, 250 русских винтовок; Отдельная конная сотня 14-й Сибирской стрелковой дивизии: 10 офицеров, 65 сабель, 164 винтовки, 2 пулемета; 2-й Забайкальский казачий полк: 28 офицеров, 157 сабель, 150 винтовок, 4 пулемета; Оренбургское казачье училище: 31 офицер, 374 стрелка, 40 русских винтовок, 250 японских винтовок. Итого в Иркутске русского гарнизона 3,3 тыс. пехоты, 596 сабель, 30 пулеметов, 302 офицера. Артиллерии нет. Иностранное войско: по частным сведениям за невозможностью получить точные — до 10 тыс. чехов, 200 японцев, незначительная часть румын. Для несения гарнизонной службы люди достаточно тепло одеты, для выхода в поле все войско одето недостаточно тепло. Надежны военные училища, Инструкторская школа, Егерский батальон. Суточный наряд 1 060 человек. Из других пунктов округа взять войско для усиления Иркутской губернии невозможно. Части расположены на больших расстояниях в пунктах, нуждающихся в постоянной охране»³².

К 15 декабря 1919 г. в Иркутске остались всего два батальона и отдельная конная сотня 14-й Сибирской дивизии, всего 76 офицеров, 1 707 солдат при 8 пулеметах. В то же время в боевых командировках в различных частях Иркутской губернии от этого соединения находи-

³² Там же. Д. 76. Л. 67.

Даниил Евдокимович Зверев

лись 8 отрядов, суммарно насчитывавших 61 офицера, 1 285 солдат при 7 пулеметах³³. 3-я Сибирская стрелковая бригада вела бои с партизанами на юге Енисейской губернии. У деревни Трифоново соединение было 16 декабря разбито, а его командир генерал-майор Барановский погиб.

Итогом Красноярской операции 2–7 января 1920 г. стало пленение до 50 тыс. белых и прорывом оставшихся 25 тыс. чел. во главе с генералом В.О. Кашпелем на восток.

Зимой 1919–1920 гг. трудности отступающих колчаковских войск многократно усиливали руководимые эсерами восстания в тыловых гарнизонах, в том числе в выведенных на пополнение соединениях и частях 1-й армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева. Антиколчаковские выступления произошли в Новониколаевске 7 декабря 1919 г. (подавлено) и завершившиеся успехом в Красноярске 23 декабря, в Иркутске 24 декабря — 5 января разрушили последние надежды белых на перелом в боевых действиях. В Иркутске в итоге на сторону эсеров перешло около 4 тыс. колчаковских военнослужащих, составивших ядро Народно-революционной армии Политцентра под началом Н.С. Калашникова, которая с переходом власти к большевистскому Ревкому была преобразована в Восточно-Сибирскую Советскую армию во главе с Д.Е. Зверевым. В нее же были влиты партизанские отряды, постепенно реорганизуемые в полки и дивизии.

³³ Там же. Д. 25. Л. 69.

Организационные мероприятия Иркутского военного округа антибольшевистских сил во 2-й половине 1918 г. и в течение 1919 г. можно определить в целом как последовательные. Учитывая, что в предшествовавший период 1906–1914 гг. Восточная Сибирь являлась территорией приоритетного казарменного строительства, здесь в период Гражданской войны были благоприятные условия для размещения и обучения мобилизованных новобранцев.

В августе–сентябре 1918 г. в Иркутском военном округе были сформированы четыре воинских соединения, но лишь Иркутская стрелковая дивизия была сразу задействована в боевых действиях. Различные причины привели к исключению из состава округа Забайкальской области, следствием чего стало неиспользование ее людских ресурсов в борьбе с Красной армией на Урале. Богатый организационный и мобилизационный опыт, накопленный за 1919 г., получил свое развитие в последующем военном строительстве противоборствующих сторон, продолживших вооруженную борьбу в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Приобретенные жителями в ходе военной службы и партизанского движения Гражданской войны навыки пригодились в последующих внешних военных конфликтах и оказали существенное влияние на общественно-политические процессы в СССР.

REFERENCES

1. *Karevskiy A.A.* Iz istorii vooruzhennykh sil Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva: 4-y Vostochno-Sibirskiy armeyskiy korpus letom — osen'yu 1918 g. [From the history of the armed forces of the Provisional Siberian Government: 4th East Siberian Army Corps in the summer and autumn of 1918]// *Belaya gvardiya*. M.: Posev, 2001. No. 5. P. 84–88.
2. *Lar'kov N.S.* Partizanskoe dvizhenie [Partisan movement]// *Novaya Sibirskaya entsiklopediya* [New Siberian Encyclopedia]. Vol. 2. Novosibirsk, 2009. P. 578–582.
3. *Novikov P.A.* Organizatsionnye meropriyatiya v vooruzhennykh silakh A.V. Kolchaka (avgust 1919 — yanvar' 1920 g.) [Organizational measures in the armed forces A.V. Kolchak (August 1919 — January 1920)]// *Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii (noyabr' 1917 — dekabr' 1922 g.): sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Civil War in Eastern Russia (November 1917 — December 1922): a collection of materials from the All-Russian Scientific Conference with International Participation] / [Editorial Board: V.I. Shishkin (chief editor), T.I. Morozova (responsible secret); Institute of History SB RAS. Novosibirsk: Publishing house SB RAS. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2019. P. 224–232.
4. *Novikov P.A.* *Grazhdanskaya vojna v Vostochnoy Sibiri* [Civil war in Eastern Siberi]. M.: Tsentrpoligraf, 2005. 415 p.
5. *Novikov P.A.* Partizany i karateli na rubezhe 1918–1919 gg.: nachalo bor'by v Irkutskom voennom okruge [Partisans and punitive forces at the turn of 1918–1919: the beginning of the struggle in the Irkutsk Military District]// *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo Tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University]. 2007. No. 1 (29). P. 59–64.
6. *Novikov P.A.* Boevoy put' 3-y Irkutskoy Sibirskoy strelkovoy divizii belykh voysk [The combat path of the 3rd Irkutsk Siberian Rifle Division of the White Troops]// *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Bulletin of Humanitarian Education]. 2018. No. 2. P. 31–38.
7. *Svobodnyy kray* (Irkutsk). 1918. No. 18. July 18.

8. *Simonov D.G.* Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu: monografiya [White Siberian Army in 1918: monograph]. Novosibirsk, 2010. 612 p.
9. *Simonov D.G.* Iz istorii 4-go Vostochno-Sibirskogo korpusa beyoy Sibirskoy armii (1918 g.) [From the history of the 4th East Siberian Corps of the White Siberian Army (1918)] // Voprosy sotsial'no-politicheskoy istorii Sibiri: Bakhrushinskie chteniya 1997 g. Mezhvuz. sb. nauch. tr. [Questions of the socio-political history of Siberia: Bakhrushin readings 1997 Interuniversity collection of scientific works] / Ed. V.I. Shishkin. Novosibirsk, 1999. P. 116–131.
10. *Simonov D.G.* K voprosu o voennom stroitel'stve v tylovykh okrugakh kolchakovskoy armii v 1919 g. [On the issue of military construction in the rear districts of Kolchak's army in 1919] // Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: Problemy istorii: Bakhrushinskie chteniya 2001. Mezhvuz. Sb. nauch. tr. [Civil War in the East of Russia: Problems of History: Bakhrushin Readings 2001. Interuniversity. Sat. scientific tr.] / Ed. V.I. Shishkin. Novosibirsk, 2001. P. 67–86.
11. *Shekshev A.P.* Grazhdanskaya smuta na Enisee: pobediteli i pobezhdennyye [Civil unrest on the Yenisei: winners and loser]. Abakan, 2006. 592 p.

Ключевые слова:

Гражданская война, Восточная Сибирь, белые, призывы в армию, дивизии, казарменный фонд, передислокации, организационные мероприятия, воинские соединения, развитие вооруженных сил, партизанское движение.

Pavel A. Novikov

ANTI-BOLSHEVIK MILITARY CONSTRUCTION AND COMBAT OPERATIONS: IRKUTSK MILITARY DISTRICT, 1918–1919

This article explores the primary organizational measures taken by the anti-Bolshevik forces in the Irkutsk Military District during the latter half of 1918 and throughout 1919. The article presents the quantitative progression of military construction, highlights its key milestones, illustrates the continuity of management decisions, discusses the successes and failures in overcoming shortages of human and material resources, specifies the district commanders. To provide a broader context, the first section of the article offers a brief retrospective of the military and infrastructural development of Eastern Siberia from 1884 to 1917, as well as a concise overview of the early stages of the Civil War in the region. In relation to the 1918–1919 period, the article examines the intricate interrelation between mobilization efforts and combat operations, the successes and failures in coordinating the front and rear lines, and the role and significance of the partisan movement. The article provides a detailed analysis of the chronology and scale of conscriptions implemented by the White authorities. The article discusses the White command's attempts to change the course of the armed conflict and characterizes the events that took place at the end of 1919.

Key Words: Civil War, Eastern Siberia, Whites, Conscription, Divisions, Barracks Fund, Relocations, Organizational Measures, Military Formations, Development of the Armed Forces, Partisan Movement.

Pavel A. Novikov – D.Sc. (History), Associate Professor, Head of Chair of the History and Philosophy at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

 Новиков Павел Александрович

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (Иркутск, Россия)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.002

Р.Г. Галкуев

ВОПРОС УЧАСТИЯ БРИТАНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В СИБИРИ В ПЕРЕВОРОТЕ 18 НОЯБРЯ 1918 г. И ПРИХОДА К ВЛАСТИ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

обытия, произошедшие в Омске 18 ноября 1918 г., в результате которых на вершине власти оказался Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, стали одними из ключевых в Гражданской войне. Не случайно они постоянно привлекают внимание отечественных и зарубежных историков, в ряде работ подробно описавших процесс подготовки свержения власти Временного Всероссийского правительства (Директории) и сам механизм переворота. Историография этого вопроса насчитывает десятки работ, среди которых исследования о ходе Гражданской войны на востоке России, научные биографии А.В. Колчака и тематические публикации¹.

Наряду с существованием подробного описания подготовки и хода переворота, на протяжении десятилетий дискуссионным остается вопрос возможного участия в нем офицеров Британской военной миссии в Сибири во главе с генерал-майором А. Ноксом. Разного рода слухи

¹ См., напр.: Шишкин В.И. Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2018. № 56. С. 66–78; Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М., 2019. С. 417–436 и др.

Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Омск. 1919 г.

об участии британцев в событиях, ходившие в Омске в ноябре–декабре 1918 г., в конечном счете вылились в версию об их активной роли в перевороте. Фактически эта версия была сформулирована чинами Французской военной миссии в Сибири во главе с дивизионным генералом М. Жаненом. Еще в годы Гражданской войны Жанен был убежден в участии Великобритании и лично начальника Британской военной миссии Нокса в состоявшемся 18 ноября перевороте. В действиях британцев в 1918–1919 гг. в Сибири французский генерал усматривал наличие некоего плана, призванного обеспечить интересы Великобритании, согласно которому русская революция была совершена для того, чтобы использовать части бывшей Российской империи².

В рапортах, отправляемых в Военное министерство, Жанен не написал о причастности британцев к перевороту. Со временем высказанная им точка зрения стала одним из главных аргументов в пользу «британского следа». В декабре 1918 г. он телеграфировал в Париж: «...Известно о связях адмирала Колчака с англичанами, генерал Нокс поддерживал

² *Janin M. Moje účast na Československém boji za svobodu / z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek. Praha, [1926]. S. 249.*

с ним отношения и наладил его отношения с генералом Гайдой»³. Жанен подозревал, что генерал-майор Р. Гауда был в курсе намерения А.В. Колчака осуществить переворот, лишив власти Директорию, хотя и отрицал это⁴. 14 декабря французский генерал обращал внимание французского председателя правительства и военного министра Ж. Клемансо на важный «нюанс»: «...Генерал Нокс приехал в Сибирь на три месяца раньше меня. Он был в союзе, и даже, возможно, тайном, с адмиралом Колчаком и, возможно, уже согласовал с ним общие вопросы формирования армии»⁵. «На нем лежит тяжкая ответственность, так как его агенты участвовали в тайных собраниях, которые предшествовали государственному перевороту адмирала, — утверждал Жанен в телеграмме министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу 22 декабря 1919 г. — Нужно отнестись с большой осторожностью к его здравому смыслу, слыша, как он открыто заявляет, что немецкое вмешательство может быть полезно, и думает привлекать немецких военнопленных, находящихся здесь (пленных из концентрационных лагерей. — Р.Г.). Ему тяжело, очевидно, признавать, что, поставив Колчака у власти, он помог гибели России»⁶.

Отвечая в июне 1920 г. в рапорте на имя военного министра А. Лефевра на свой же вопрос «Почему англичане выбрали Колчака?», французский генерал заключал: «Достаточно сказать, что англичане просили у правительства Колчака концессию на все богатства Туркестана за то, что они вторгнутся на юг Урала, что свидетельствует, что экономические виды наших союзников-британцев были весьма обширными. Они хотели иметь “свое” правительство. По их распоряжению Колчак, который уже плыл к Месопотамии, чтобы поступить там на “английскую службу”, был отозван и направлен в Омск, где благодаря опыту государственных переворотов в России, какой они уже нажили в Петрограде и в Архангельске, они, собрав группу русских офицеров-монархистов, устроили

³ Телеграмма начальника Французской военной миссии в Сибири генерала М. Жанена военному министру Ж. Клемансо. 15 декабря 1918 г., Омск. № 209–210 // SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 15 décembre 1918.

⁴ *Janin M.* Moje účast na Československém boji za svobodu. S. 188; *Janin [M.]* Ma mission en Sibirie. 1918–1920. Paris, 1933. P. 51.

⁵ Рапорт начальника Французской военной миссии в Сибири генерала М. Жанена военному министру Ж. Клемансо. 14 декабря 1918 г., Омск // SHD. 16 N. Carton 3810. D. 4. 14 Décembre 1918.

⁶ Телеграмма начальника Французской военной миссии в Сибири генерала М. Жанена министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу. 22 декабря 1919 г. // *Grondijs L.H.* Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe. Leiden, 1939. P. 108.

Генерал Константин Вячеславович Сахаров

государственный переворот, следствием которого стала потеря Сибири⁷. При подобной уверенности в участии британцев в перевороте 18 ноября 1918 г. в Омске Жанен, тем не менее, не располагал никакими реальными документами, подтверждавшими версию существования «британского следа» в заговоре против Директории.

Противоречия между двумя генералами Жаненом и Ноксом как главами союзных миссий, в 1918–1920 гг. почти никак не выходявшие наружу в Сибири, в 1920-е гг. проявились публично в Европе. Характерно, что британский генерал Нокс в своих воспоминаниях о Первой мировой войне, вышедших в 1921 г., упоминает Жанена, занимавшего важное место в жизни Ставки в Могилеве в 1916–1917 гг., всего один раз⁸.

В письме С.П. Мельгунову, готовившему в конце 1920-х гг. к изданию книгу «Трагедия адмирала Колчака», генерал Нокс, со слов историка, свидетельствовал, что о подготовке переворота он узнал за два–три дня до 18 ноября, получив информацию от генерал-майора К.В. Сахарова в Маньчжурии. При этом Нокс не отрицал возможную осведомлен-

⁷ Рапорт генерала М. Жанена военному министру А. Лефевру о миссии в Сибири. 20 июня 1920 г. // *Grondijs L.H. Le Cas-Koltchak...* P. 233; *Гайкуев Р.Г.* Рапорт генерала М. Жанена об итогах работы Французской военной миссии в Сибири // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10. № 4. С. 1060.

⁸ *Knox A. With the Russian army, 1914–1917: being chiefly extracts from the diary of a military attaché.* Vol. 2. London, 1921. P. 496; *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2014. С. 447.

ность по вопросу подготовки переворота некоторых членов его миссии, а также их возможное участие «в одном из многочисленных собраний в Омске», где заговорщики обсуждали свои планы. Под этими офицерами, как показывают документы, подразумевались полковник Дж. Нилсон, прибывший во Владивосток в октябре, и капитан Л. Стевени, находившийся во Владивостоке с мая 1918 г.⁹ Оба они, очевидно, прибыли в Омск в конце октября — начале ноября, накануне переворота. Мельгунов писал о наличии у него прямого свидетельства о подобном совещании с представителями союзников, на которое Е.Д. Ильина-Воейкова (жена капитана И.С. Ильина) была привлечена в качестве переводчика. Историк заключал, что факты далеки от того, что подтвердить санкционирование Ноксом переворота и сделать чинов его миссии «чуть ли не инициаторами этого акта»¹⁰.

В 1925 г. отвечая на утверждения, содержащиеся в опубликованных Жаненом отрывках из «Сибирского дневника» о причастности британцев к перевороту 18 ноября, Нокс написал резко, переходя к обвинениям в бездеятельности самого французского генерала: «В Сибири, по-видимому, все оказались виновны в последовавшем разгроме, все, кроме самого генерала Жанена. Отрывок из его дневника от 12 ноября 1919 г. особенно это подчеркивает. Он пишет, что англичане, поставившие Колчака у власти, были столь же дальновидны, как и в деле свержения Николая II». «Прежде всего укажем на то, что переворот, который поставил Колчака у власти еще до приезда генерала Жанена в Сибирь, был совершен сибирским правительством без ведома и всякого содействия Великобритании, — заключал бывший глава Британской военной миссии в Сибири. — Обвинение Англии в свержении покойного императора не что иное, как немецкая выдумка, в которой нет и тени правды, а генерал Жанен, разумеется, должен это знать. Заключительная трагедия в Сибири была подготовлена многими факторами. Одним из них, достойным упоминания, но, разумеется, опущенным автором дневника, является тот факт, что французский генерал оказался неспособен надлежащим образом дисциплинировать контингенты союзных войск (речь, прежде всего, о Чехословацком корпусе. — П.Г.), находящихся под его командованием»¹¹.

⁹ Тотров Ю.Х. Английская разведка в России. М.; СПб., 2023. С. 292, 302.

¹⁰ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. М., 2004. С. 440.

¹¹ Knox A. Reviewed Work: Fragment de mon Journal Sibérien. Le Monde slave for December, 1924 // The Slavonic Review. Vol. 3. № 9. Mar., 1925. P. 724; Жанен [М.] Отрывки из моего Сибирского дневника / [Предисл. и примеч. В.Д. Вегмана.] Пер. с франц. Н. Изонги // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 4. С. 158–159.

Реагируя на эту единственную ответную реплику Нокса после публикации в 1924 г. отрывков из своих дневников, Жанен наиболее кратко и полно сформулировал обвинение в причастности британцев к перевороту 18 ноября и свои претензии к ним.

Первым и наиболее важным было обвинение Нокса и его миссии в приходе Колчака к власти. «...Позволю себе сказать генералу Ноксу, что у него, наверное, очень короткая память, если он не помнит, что он был замешан в интриги, которые закончились переворотом Колчака, — указывал Жанен. — Речь ни в коем случае не идет о “содействии Великобритании”, а единственно только об инициативе, взятой на себя некоторыми ее агентами, инициативе, которую они отрицают и сейчас ввиду ее плачевных результатов. По-видимому, английский генерал не помнит больше смотра, который состоялся 10 ноября 1918 г. в Екатеринбурге (в нем принимал участие Колчак как военный министр Директории и на нем состоялось вручение знамен полкам 2-й Чехословацкой дивизии. — Р.Г.), смотра, на котором дефилировал батальон английского Мидлсекского полка, который служил адмиралу Колчаку с самого Владивостока в качестве преторианской стражи (Колчак прибыл в Омск 13 октября, а батальон — 18 октября. — Р.Г.)». Французский генерал, как всегда, в случаях, когда не был очевидцем, ссылался на мнение французских офицеров и осведомителей. «Тогда меня не было еще в Сибири, — публично обращался Жанен к Ноксу — но французские офицеры, которые мне предшествовали (вероятно, Ж. Пишон. — Р.Г.), а также чехи и затем многие русские свидетели этих памятных дней должны помнить позицию, которую занимали в этот день английские солдаты и их командующий подполковник [Дж.] Уорд...»¹² Между тем достоверность многих таких сведений была сомнительная, что наглядно показывал ряд его донесений в Париж, как, например, рапорт «Диктатура Колчака», датированный декабрем 1918 г.¹³, основанный на слухах и содержащий большое число ошибок.

Жанен прямо обвинял англичан в участии в заговоре, указывая, что «...генерал Нокс, несомненно, был в курсе заговора, замышляемого Колчаком хотя бы через своего офицера связи Стевени, который присутствовал даже на тайном собрании заговорщиков, где было принято

¹² Le journal Siberian du général Janin // Le Monde slave. Paris, 1925. № 4. P. 21; Жанен [М.]. Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 159–160.

¹³ См.: «Диктатура Колчака»: генерал Морис Жанен и начало работы Французской военной миссии в Сибири в ноябре — декабре 1918 г. / Вступ. ст., подг. текста и коммент. Р.Г. Гагкуева // Исторический вестник. Т. 37. М., 2021. С. 204–229.

решение привести заговор в исполнение». «Стевени не делал из этого тайны, — писал французский генерал, — и когда позднее, во время отступления, я спрашивал его в числе многих других союзников и русских, не испытывает ли он некоторого сожаления о содействии возвышению Колчака, которому мы обязаны таким разгромом, он ограничился молчанием. Мне кажется, что, страдая недостатком памяти, генерал Нокс ввел в заблуждение читателей»¹⁴.

Как видно, кроме глухих отсылок к «свидетельствам очевидцев» Жанен не приводил никаких реальных подтверждений своей версии событий. Молчание Стевени в ответ на его вопрос можно трактовать по-разному, никакого мнения самого британского офицера о тех событиях до настоящего времени не известно.

Вторым по важности тезисом в ответе Ноксу для Жанена стало обвинение его в фактическом отсутствии контроля над действием вверенных ему частей. Здесь французский генерал в очередной раз повторял, что в его распоряжении был только Чехословацкий корпус. «...Инсинуацию английского генерала, — писал Жанен, — согласно которой войска, которыми я командовал, не были взяты мною как следует в руки и оказались, благодаря своей недисциплинированности, одной из причин заключительной трагедии, он называл «стрелой парфянина»¹⁵. «Я имел под своим командованием только чехов и различные контингенты иностранцев, — указывал он. — Эти последние вовсе не участвовали в боях после моего приезда, значит — дело идет об одних чехах». По его мнению, Нокс «без сомнения» повторял «слова своих русских друзей, окружавших Колчака»¹⁶.

Учитывая, что чехословацкие части с началом 1919 г. действительно были отведены в тыл, Жанен вполне справедливо писал о их неучастии в боях на фронте. В то же время и чехословацкие, и некоторые другие национальные формирования были задействованы в охране Транссибирской магистрали. В конфликтах, которые возникали на протяжении 1919 г., можно увидеть не только отстаивание Жаненом интересов вверенных ему в командование частей, но и подстраивание французским генералом своих действий под их позицию.

¹⁴ Le journal Siberian du général Janin. P. 22; *Жанен [М.]*. Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 160.

¹⁵ В данном случае «парфянская стрела» — меткая фраза, использованная в качестве последнего довода, самого убийственного аргумента в споре со своим оппонентом.

¹⁶ Le journal Siberian du général Janin. P. 22; *Жанен [М.]*. Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 160.

Для Жанена было принципиально важно, с одной стороны, отвести от Чехословацкого корпуса обвинения в грабежах и бездействии, с другой — показать его подконтрольность приказам командования: «...Я часто слышал, как повторяли ему (Колчаку. — Р.Г.) и его близким, что чехи — преступники потому, что, очистив Сибирь от большевистских войск, они отказались продолжать сражаться за русских, которые предпочитали лучше веселиться в Омске, чем рисковать здоровьем и жизнью на больших дорогах и на фронте». Далее он подчеркивал их роль в сохранении снабжения Сибири по Транссибирской магистрали. «Они охраняли ее более восьми месяцев, обеспечивая нормальную торговлю и самое существование колчаковского правительства, — писал Жанен, — которое не чувствовало к ним ни малейшей благодарности за эту косвенную, но существенную помощь». Французский генерал обращал внимание, что Нокс «сам обнаруживает некоторую неблагодарность», так как «без чехов его поезд не циркулировал бы в безопасности между Уралом и Байкалом во время его частых переездов по краю, хозяевами которого, вне зоны, занятой моими войсками, с лета 1919 г. фактически являлись повстанцы». Стремясь лишний раз уязвить британского генерала, он писал, что «...если бы в момент окончательного отступления из Омска, к которому приближались красные, он (Нокс. — Р.Г.) так же, как и мы, медленно и последовательными этапами проделал бы это путешествие вместо того, чтобы быстро укатить к Великому океану (поезд Нокса отбыл из Омска 7 ноября, Жанена — 8 ноября, но по дороге он останавливался на станциях на разное время. — Р.Г.), то, наверное, почувствовал бы, что без охраны железной дороги ни одна из миссий не смогла бы вернуться на родину». Закljučая тезис о чехословацких войсках, он указывал Ноксу, что он может быть уверен в том, что они ослушались его «...только один раз, когда 6-й полк, несмотря на вторичный приказ, отказался оставить ранее меня Омск (по плану полк эвакуировался из города 20 октября; 28 октября офицеры полка заявили Жанену, что отказываются уезжать ранее его. — Р.Г.), находящийся под угрозой»¹⁷.

Позднее в воспоминаниях Жанен писал, что «...переворот, похоже, готовился заранее». Он «...был осуществлен, безусловно, с поддержкой присутствующих англичан-военных. В Омске, очевидно, все было готово, когда Нокс уехал отсюда, чтобы встретиться со мной. Очевидно, сочли разумным все подготовить до моего приезда в Омск, учитывая

¹⁷ Le journal Siberian du général Janin. P. 22–23; Жанен [М.]. Отрывки из моего Сибирского дневника... С. 160.

Генерал Василий Георгиевич Болдырев

мою дружбу с генералом Болдыревым, одним из членов Директории. Впоследствии я получил полное подтверждение этим своим данным»¹⁸. В воспоминаниях Жанен пересказывал слова чехословацкого военного министра М.Р. Штефаника после его встречи с британским верховным комиссаром Ч. Элиотом: «Я (Штефаник. — Р.Г.) сказал ему об участии английских офицеров в государственном перевороте, который привел Колчака к власти. Похоже, он ничего не знал, и побледнел, когда я добавил, что один из его офицеров по фамилии Стевени присутствовал на собрании, принявшем решение об убийстве. Тебе это пригодится»¹⁹.

В своем убеждении Жанен не был одинок. Обвинения в участии британцев в перевороте 18 ноября в 1920–1930-е гг. вслед за ним повторил и ряд членов его миссии.

Находившийся в составе Французской военной миссии в Сибири правый политический деятель Ж. Лази утверждал, что получил информацию о причастности англичан к заговору от генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева, верховного главкома Директории. Он «...убежденно заявил мне, что вдохновителем посягательства на единственное демократическое правительство, какое существовало в России и Сибири, был генерал Нокс, — указывал Лази. — И содействовал он перевороту

¹⁸ Janin [M.] Ma mission en Sibérie, 1918–1920. P. 31.

¹⁹ Janin M. Moje účast na Československém boji za svobodu. S. 204; Janin [M.] Ma mission en Sibérie... P. 63.

Милан Растислав Штефаник

с лихорадочной поспешностью, так как знал, что генерал Жанен уже находится во Владивостоке, поэтому хотел любой ценой попытаться и преуспеть в осуществлении своего плана до прибытия французского генерала, который вполне мог воспрепятствовать подобному деянию». Лази приводил данные, что именно Нокс «...предупредил генерала Болдырева... что в случае, если он помешает перевороту Колчака, то может не рассчитывать ни на моральную, ни на материальную помощь союзников. Генерал Нокс сделал свое заявление от имени всех союзников»²⁰. Правда, в «Дневнике» генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева за 25 октября 1918 г. содержится единственное упоминание об «угрозе» Ноксом осуществить переворот, которое явно было шуткой в ходе дружеского общения двух генералов: «В 4 часа приезжал Нокс с Родзянкой (полковник П.П. Родзянко, в 1918 г. поступивший на британскую службу и входивший в состав миссии в Омске. — Р.Г.); озабочен размещением батальона (Мидлсекского полка. — Р.Г.) прибывающих английских войск. Пил чай, грозил набрать банду и свергнуть нас, если мы не договоримся с сибиряками. “Я становлюсь сибиряком”, — закончил он свою шутку»²¹.

²⁰ Lasies J. La tragédie sibérienne, le drame d'Ekaterinbourg, la fin de l'amiral Koltchak. Paris, 1921. P. 135–136.

²¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) /Под ред., предисл. и прим. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 84.

Чарльз Элиот

Лази задавался вопросом о том, «...своевременно ли был оповещен об этой дерзкой вылазке (заявлении Нокса Болдыреву. — Р.Г.) господин Реньо, наш верховный комиссар, или французское правительство, как уже бывало не раз, было поставлено перед свершившимся фактом?». На основе своего общения с чинами британской миссии он заключал: «Ни у одного английского офицера, кроме двух личных друзей генерала Нокса, я не встретил одобрения этого британского милитаристского шага. Повсюду и ото всех слышалась критика». В конечном счете Лази приходил к выводу, полностью совпадавшему с выводом своего шефа: «Мне не понадобилось много времени, чтобы убедиться, что реакционная политика, проводимая адмиралом, в самом скором времени приведет к неминуемой катастрофе». По его мнению, «всемогущему» в Сибири Ноксу противостоял только Жанен, прилагавший «все возможные усилия, чтобы помешать адмиралу следовать по тому пути, какой виделся ему как гибельный. К несчастью, генерал Жанен был одинок в своих действиях, наш верховный комиссар (Э. Реньо, затем Э. Могра. — Р.Г.), как мне кажется, мало ему помогал. Возможно, все пошло бы гораздо успешнее, если бы верховный комиссар остался во Владивостоке, а генералу Жанену были поручены в Омске как военные вопросы, так и вопросы дипломатического характера»²².

²² Lasies J. La tragédie sibérienne, le drame d'Ekaterinbourg... P. 147–148.

Лодовейк Херман Грондейс

Входивший в состав французской миссии в Сибири нидерландский корреспондент Л.Х. Грондейс в вышедших в 1922 г. воспоминаниях не приводил никаких свидетельств, которые подтверждали бы уверенность его бывшего шефа и друга в британском следе. При этом он отмечал, что Колчак находился «под большим влиянием английской миссии», а самого адмирала Нокс привез в Омск, «не посоветовавшись предварительно с союзниками». По мнению Грондейса, «...государственный переворот 18 ноября, которому содействовала английская миссия, поставил у власти не комитет политиков, который помогал французской миссии в управлении военными операциями, а русского военного». Следствием этого «подчинение иностранцу» как главнокомандующему всеми антибольшевистскими силами «стало невозможным». По данным Грондейса, вероятно также основанных на информации полученных от неких осведомленных лиц, британцы «...просили у правительства Омска за введение войск на Южном Урале концессию и монополию на использование богатств Туркестана. Понятно, что только автономное русское правительство, обязанное своим существованием англичанам, могло давать подобные концессии»²³. Правда, этот тезис не подтверждается каким-либо соглашением между Российским правительством и Ве-

²³ Грондейс Л. Война в России и Сибири / Под науч. ред. Р.Г. Гагкуева; сост., ред., примеч. и коммент. Р.Г. Гагкуева; пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой; пер. с голл. В.И. Габышева. М., 2018. С. 359, 379, 360.

Жюль Легра

ликобританией, а британские войска так и не появились на Восточном фронте Гражданской войны.

В работе 1939 г. Грондейс повторял мысль об участии британцев в перевороте 18 ноября. «Нет никакого сомнения, что английская миссия сыграла решающую роль в этой драме, — писал он. — Англичанин Стевени присутствовал на сходках заговорщиков, где готовился этот государственный переворот. К тому же и сам адмирал уже на протяжении года (Колчак решил поступить на британскую службу для продолжения участия в мировой войне в декабре 1917 г. — Р.Г.) находился в тесных отношениях с англичанами, которые надеялись получить от правительства, обязанного им своим существованием, значительные концессии в Туркестане и на Урале»²⁴.

Входивший в состав Французской военной миссии в Сибири дивизионный генерал Ж. Пишон (в 1918 г. — подполковник) в своих мемуарах «Государственный переворот адмирала Колчака» писал, что по прибытии 10 ноября 1918 г. из Челябинска в Екатеринбург сразу заметил поезд адмирала Колчака, который «конвоировался английским Мидлсекским батальоном» во главе с полковником Дж. Уордом. Британский батальон со времени отъезда из Владивостока был для Колчака, по мнению Пишона, «преторианской гвардией» (здесь он дословно повторял своего шефа). Появление поезда, «охраняемого в России английскими вой-

²⁴ Grondijs L.H. Le Cas-Koltchak... P. 18.

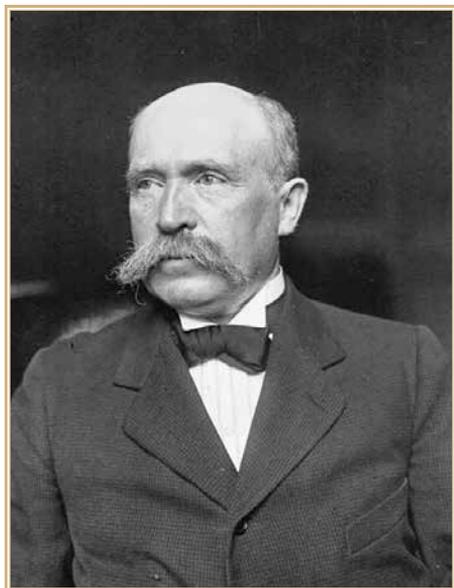
сками, вызвало не только любопытство, — продолжал он. — Английский батальон, сопровождая адмирала, принял участие в смотре». «Совершенно несомненно, что адмирал, привезенный англичанами из Месопотамии и из Индии (Колчак в конце 1917 г. — начале 1918 г. для службы в британских войсках ехал на Месопотамский фронт, успев добраться через Йокогаму и Шанхай до Сингапура, откуда вернулся в Шанхай, затем поехал в Пекин и в Харбин. — *Р.Г.*), конвоированный во Владивосток и в Сибирь английским батальоном (Колчак прибыл в Омск без сопровождения британского батальона, который приехал в Омск через несколько дней. — *Р.Г.*), был человеком генерала Нокса, — продолжал Пишон. — Но столь же несомненно и то, что не было на нем ни в коей мере французского штемпеля и что обстоятельства, приведшие его к власти, произошли между отъездом из Владивостока генерала Пари и приездом в Омск верховного французского комиссара [Реньо] и находились совершенно вне нашего влияния»²⁵. Пишон, сожалея об отсутствии влияния на Колчака со стороны французов, при этом также не приводил никаких подтверждений своей версии о Колчаке как ставленнике британцев.

Бригадный генерал Ж.Ж. Рукероль, также входивший в состав Французской военной миссии в Сибири в 1929 г., в мемуарах, вслед за своим шефом, не упоминая имя английского офицера, входившего в круг заговорщиков, также писал о «британском следе»: «Резкое изменение политической обстановки было делом правых партий и в не меньшей степени Англии, чей представитель, английский офицер (речь о Стевени. — *Р.Г.*), присутствовал на собрании, где решился вопрос о государственном перевороте»²⁶.

Ж. Легра — один из ближайших сотрудников Жанена и его друг, — входивший в состав миссии в Сибири, в 1928 г. дополняя изданные им ранее отрывки из сибирского дневника французского генерала, также следовал версии «британского следа». Он писал, что Колчак, ранее перебравшийся в Великобританию и ехавший весной 1918 г. в Месопотамию, «был отправлен в Сибирь англичанами», которые предоставили ему средства на дорогу до Владивостока. Легра довольно подробно описывал неудачную попытку Колчака встать во главе борьбы с советской властью на Дальнем Востоке, его взаимоотношения с генерал-лейтенантом Д.Г. Хорватом и японцами. По мнению француза, у адмирала

²⁵ *Pichon. Le coup d'État de l'amiral Kolcak // Le Monde slave. 1925. № 2. P. 251–252, 258–259.*

²⁶ *Rouquerol J. La guerre des rouges et des blancs: l'aventure de l'amiral Koltchak. Paris, 1929. P. 44.*

Жозеф Нуланс

«...не было секретов от англичан во главе с генералом Ноксом, который пользовался его доверием». «Мне говорили, и факты этого не опровергают, что приготовления к государственному перевороту производились в согласии с офицерами связи из английской миссии, — писал Легра, — кроме того, один офицер связи из французской миссии, не принимая участия в подготовке, был, однако, кажется, очень в курсе дела и был очень счастлив тем, что замышлялось. Итак, у меня такое впечатление, что переворот 17 ноября (так в тексте. — P.Г.) по существу — переворот военный, причем не только из-за личности адмирала и тех, кто его осуществил, но и из-за личности доверенных лиц. Если же это так, то для меня, хорошо знающего направление русских офицеров, ясно, что это — переворот, подготовляющий реставрацию». Он также повторил ранее высказанное Лази утверждение о предупреждении Болдырева Ноксом, что при его выступлении против Колчака он «не получит никакой помощи от английской стороны». Оговариваясь, что у него нет подтверждения достоверности этого разговора, он отмечал, что в целом такая информация «полностью соответствовала духу, царящему в английской миссии»²⁷. Признание Легра свидетельствует о том, что в курсе подготовки переворота могли быть не только англичане, но и французы.

²⁷ Legras J. L'agonie de la Sibirie (1918–1920) // Le Monde slave. 1928. № 2. P. 164, 166–167.

Наконец, французский посол Ж. Нуланс, находившийся во время ноябрьских событий 1918 г. в Архангельске, в воспоминаниях был убежден, что «переворот был осуществлен при пособничестве английского генерала Нокса»²⁸.

Как видно, большинство участников и очевидцев событий из числа французских военных и дипломатов сходились в ключевой роли Великобритании не только в ее участии в событиях 18 ноября, но и в целом в выдвигании кандидатуры Колчака в качестве диктатора и его дальнейшей поддержке. Насколько версия событий о британском участии в перевороте 18 ноября 1918 г. подтверждается документами? Отдельные «глухие» упоминания об участии генерала Нокса и офицеров его миссии в заговоре и продвижении Колчака к власти содержатся в ряде документов и воспоминаний русских и британских политических и военных деятелей.

Так, эсер В.И. Лебедев, в 1918 г. входивший в Военный штаб Комитета Учредительного собрания и участвовавший в Уфимском совещании, 3 апреля 1920 г. в интервью французской прессе заявлял о Колчаке: «Он был ставленником Англии и опирался практически исключительно на иностранные штыки: японские, английские, польские и т. д. [...] Изначально слепое орудие в руках английского генерала Нокса, Колчак стал марионеткой в руках казачьих атаманов, поддерживаемых японцами. Русский народ, видевший в адмирале обычного агента англичан и японцев, считал его и агентом Франции»²⁹. Эсер Н.В. Святицкий, в 1918 г. входивший в состав Комитета Учредительного собрания, а впоследствии выступавший за сотрудничество с большевиками, в 1920 г. в работе «Реакция и народовластие» писал: «...злые языки говорят о непосредственном участии в перевороте Нокса» и что «само существование Всероссийского правительства не столь улыбается союзникам, предпочитающим иметь дело с отдельными сепаратными областными правительствами, очевидно, надеясь извлечь из их существования наибольшие для себя экономические и иные выгоды»³⁰.

Непосредственный участник событий 18 ноября 1918 г. в Омске британский полковник Дж. Уорд, командовавший 25-м батальоном Мидлсекского полка, в вышедших в 1920 г. в Лондоне воспоминаниях скорее

²⁸ *Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique. Vol. II. Paris, 1933. P. 255.*

²⁹ *Une Declaration de M. Lebedeff ancien ministre du cabinet Kerensky // Excelsior: journal illustré quotidien. № 3401. 3 April 1920. P. 2.*

³⁰ *Святицкий Н.В. Реакция и народовластие (Очерк событий на востоке России). М., 1920. С. 26, 34.*

запутал, чем прояснил возможную роль англичан в событиях. Наряду со многими интересными фактами, которые он приводил, очевидно и его стремление показать важность своей роли, а также преувеличить боевую значимость находившихся под его командованием резервистов. «...В то же время, как с внешней стороны я оставался нейтральным, я постоянно делал указания и давал советы, когда он (Колчак. — Р.Г.) просил их, относительно всего, что касалось и внутренних и внешних дел». Вместе с тем вопрос о том, будут ли британцы защищать нашедших убежище в расположении батальона от выступивших против переворотчиков русских или чешских войск, по всей видимости, действительно имел 18 ноября немалое значение. В каком-либо столкновении с войсками союзников не были заинтересованы ни русские военные (вне зависимости от их позиции), ни чехословаки. Не случайно Уорд акцентировал внимание на том, что пока у членов Совета министров и Колчака «...не было полного представления о позиции Британии» в отношении возможной враждебной позиции чехословаков к перевороту, они «не могли принять окончательного решения»³¹.

Уорд довольно двусмысленно писал об отданном им в день переворота приказе об охране расположения батальона, расквартированного в соседнем с русской Ставкой здании. С одной стороны, он указывал на необходимость обеспечения безопасности своих чинов, с другой — эти меры одновременно защищали членов Совета министров, собравшихся утром 18 ноября на экстренное заседание и провозгласивших Верховным правителем адмирала Колчака. «Дела были в таком состоянии напряжения, что я для безопасности своей команды уведомил как русских, так и чешских властей, что не позволю группам войск или каким-либо гражданам приближаться или собираться вблизи моего расположения, — писал Уорд, — что всякое такое сборище или попытка приблизиться будут сочтены враждебным актом и на него будет отвечено соответствующим образом». По его определению, «...позиция чешских войск в Омске сделала невозможным для них приближение к месту, где заседали министры, без того, чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры». Все это было, как писал Уорд, «...одним из неизбежных следствий наших приготовлений к самозащите и не имело

³¹ Ward J. With the «Die-Hards» in Siberia. London, 1920. P. 155, 163; Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири, 1918–1919 гг.: Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда / С предисл. И. Майского. М.; Пг., 1923. С. 81, 89.

Иван Михайлович Майский

характера влияния на их (членов Совета министров. — Р.Г.) решения, которые всецело принадлежали им одним; но это придавало устойчивость всей обстановке». Подобная демонстрация со стороны батальона хотя и не была непосредственным участием в событиях, но в явном виде показывала симпатии британских военных в Омске³².

Советский дипломат, а в годы Гражданской войны — меньшевик и противник советской власти И.И. Майский, по приглашению Директории прибывший в Омск в октябре 1918 г., непосредственно наблюдал за переворотом 18 ноября. В предисловии к упоминавшимся воспоминаниям полковника Дж. Уорда, опубликованным в СССР в 1923 г., писал, что «очень хорошо» помнил, «что в Омске в тот период... открыто говорили о весьма активном участии английской миссии, и в частности ее главы, ген[ерала] Нокса, в перевороте 18 ноября. Рассказывали, что накануне переворота на собрании офицеров-заговорщиков, арестовавших членов Директории, присутствовал представитель ген[ерала] Нокса, который благословил заговорщиков на задуманное ими дело». «Не знаю, верны ли все эти подробности, но зато знаю очень хорошо, что сущность тогдашних омских разговоров вполне соответствовала действительности», — заключал он³³, никак не подтверждая пересказан-

³² Ward J. With the «Die-Hards» in Siberia. P. 155–156; Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири... С. 81–82.

³³ Майский И. Предисловие к русскому изданию // Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири... С. 78.

ные им слухи. В вышедших отдельной книгой в 1923 г. воспоминаниях Майский полагал, что «не подлежит сомнению» то обстоятельство, что свержение Директории «санкционировали находившиеся тогда в Сибири английский генерал Нокс и французский генерал Жанен»³⁴. Едва ли Майский имел в своем распоряжении какие-либо документальные свидетельства, скорее воспроизводил ходившие в Омске слухи, а также следовал общей оценке роли интервентов в Гражданской войне, сложившейся к тому времени в СССР.

Эсер и историк революционного движения Е.Е. Колосов, находившийся во время Гражданской войны в Сибири, в 1923 г. писал, что «...переворот 18 ноября — есть дело сибирской реакции... но появление на посту верховного правителя адмир[ала] Колчака — это дело, бывшее чрезвычайно желательным для англичан, если не прямо их рук дело». «...Позволю себе здесь утверждать, — вспоминал Колосов, — что еще в октябре 1918 г. ген[ерал] Нокс при поездках по Сибири усиленно зондировал почву в разных городах на предмет возможных перемен в организации власти, причем то тут, то там он называл и определенные имена, в том числе и адмир[ала] Колчака. [...] Но, какую бы роль ни играл ген[ерал] Нокс до переворота 18 ноября, во всяком случае, после переворота он сделался самым энергичным и самым сильным союзником Колчака...» Заявляя в конечном счете, «...что Англия в лице своих дипломатов приложила руку к перевороту 18 ноября» и «теперь не представляет спора», Колосов также не приводил никаких документов³⁵. Единственным «доказательством» была ссылка на «генерала» Феодоровича³⁶, который после известия о перевороте 18 ноября, находясь в Красноярске, заявлял на собранном им совещании «о бесполезности каких бы то ни было протестов против» Колчака, так как «то, что произошло, было сделано с согласия и при участии союзников, в частности англичан»³⁷.

Чешский писатель, коммунист Я. Крадохвил, в годы Гражданской войны в России дослужившийся до чина майора и командовавший батальоном 5-го Чехословацкого стрелкового полка, в 1922 г. в книге «Путь революции» цитировал заявления М. Штефаника к чехосло-

³⁴ Майский И. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 334–335.

³⁵ Колосов Е. [Е.] Как это было? (Массовые убийства при Колчаке в декабре 1918 г. в Омске и гибель Н.В. Фомина) // Былое. № 21. Пг., 1923. С. 256–257.

³⁶ Вероятно, речь шла о капитане 1-го ранга М.И. Федоровиче (1872–1936), который в 1918–1919 гг. в числе прочих занимал должности начальника гарнизона и коменданта Томска и Красноярска.

³⁷ Колосов Е. [Е.] Как это было? С. 257–258.

Виктор Николаевич Пепеляев

вацким войскам в Сибири: «Не смотрите односторонне на омские события. переворот не был приготовлен только в Омске, главное решение было в Версале»³⁸. В 1923 г. эти же выдержки из выступлений М.Р. Штефаника по прибытии в Сибирь перепечатал из книги Кратохвила чешский коммунист Б. Шмераль³⁹. Военный министр Чехословакии Штефаник, столкнувшийся по приезду в Россию в ноябре 1918 г. с моральным упадком в чехословацких частях, в массе своей негативно отнесшихся к свержению Директории, вполне мог выступить с подобным заявлением с целью снизить остроту ситуации. Такой «обман во благо» также вполне мог послужить одним из оснований для ходивших в Сибири слухов.

Историк С.П. Мельгунов еще в 1930 г. писал о предоставленном ему свидетельстве (к сожалению, известном только в его пересказе) о подготовке и осуществлении переворота, написанном полковником Г.В. Щепиным. В ноябре 1918 г. в чине капитана он был помощником одного из главных участников заговора — полковника А.Д. Сыромятникова. Щепин сообщал Мельгунову о том, что заговорщики посвятили в подробности подготовки заговора британского офицера члена Британской военной миссии в Сибири полковника Дж. Нилсона⁴⁰. В сохранив-

³⁸ *Kratochvil J. Cesta revoluce (československé legie v Rusku). Praha, 1922. S. 256.*

³⁹ *Шмераль Б. Чехословаки и эсеры. М., 1923. С. 21.*

⁴⁰ *Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 461–462.*

Иван Адрианович Михайлов

пихся отрывках из дневника В.Н. Пепеляева, опубликованных в СССР, будущий председатель Российского правительства в записи от 19 ноября 1918 г. фиксировал: «Англичане довольны. Уорд заявил Колчаку, что англ[ийская] часть в Омске (25-й батальон Мидлсекского полка. — Р.Г.) в распоряжении адмирала. Французы доброжелательно нажимают на чехов в целях их нейтрализации»⁴¹.

Один из наиболее значимых введенных в научный оборот источников — письмо деятельного участника переворота 18 ноября 1918 г. полковника А.Д. Сыромятникова министру финансов Российского правительства И.А. Михайлову, написанное 14 апреля 1919 г. и содержащее подробности подготовки заговора. В дни переворота Сыромятников в чине подполковника занимал должность временно исполняющего должность 1-го генерал-квартирмейстера при начальнике Штаба Ставки генерал-лейтенанте С.Н. Розанове, имевшую большое значение для реализации заговора.

Документ, впервые проанализированный Г.З. Иоффе в 1983 г.⁴², полностью был введен в научный оборот В.И. Шишкиным в 1989 г.⁴³ Шишкин справедливо обращает внимание на высокую степень досто-

⁴¹ Дневник Пепеляева // Красные зори. № 4. Иркутск, 1923. С. 88.

⁴² Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 135, 138–140.

⁴³ Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1989. Вып. 1. С. 59–63.

Генерал Сергей Николаевич Розанов

верности документа, написанного 19 апреля 1919 г. — спустя всего пять месяцев после событий. Один участник заговора писал другому — министру финансов И.А. Михайлову — с целью обратить его внимание на незаслуженно обойденный вниманием ряд второстепенных участников переворота. В письме Сыромятников указывал, что именно на него выпала задача организовать переворот в военном отношении «...и обеспечить нейтралитет союзников при перевороте». Как одно из условий обеспечения успеха заговора Сыромятников обозначал «...ручательство за союзников в том, что они не будут предпринимать контрмер при перевороте». В результате, писал он И.А. Михайлову, это условие было достигнуто «заверением мне полковником Нельсоном (так в тексте. — Р.Г.) и капитаном Стевени и после их информации мною о перевороте, что англичане, а следовательно и французы, могут гарантировать свой нейтралитет лишь при условии бескровности переворота»⁴⁴. Как видно, стоявший в центре осуществления заговора А.Д. Сыромятников писал об информировании союзных представительств — и англичан, и французов — о предстоящем перевороте и заручательстве их нейтралитета в ходе предстоящего свержения Директории, но не об участии в подготовке и осуществлении этого события.

Одним из наиболее значимых свидетельств в пользу британского следа стали мемуары подполковника И.А. Бафталовского, написанные

⁴⁴ Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота. С. 60.

в апреле 1925 г. в Тунисе⁴⁵. В ноябре 1918 г. в чине капитана он был начальником разведывательного отделения штаба 2-го Степного Сибирского корпуса. Впервые на воспоминания Бафталовского в 1930 г. обратил внимание С.П. Мельгунов, оценивший эти мемуары, как источник, не высоко, указывая, что в них «...столь определенно чувствуются позднейшие наслоения, что подвергать их детальному критическому анализу не стоит»; в них «суммированы различные данные, слухи, разговоры в одну общую картину, которая в силу уже этого получается мало правдоподобной»⁴⁶. Более подробно, с публикацией цитат, мемуары в 1983 г. были задействованы Г.З. Иоффе⁴⁷.

Бафталовский приводит ряд интересных подробностей, большая часть которых нуждается в проверке другими источниками. Вопрос участия союзников в перевороте мемуары скорее еще более запутывают, чем проясняют. Вызывает сомнение само перечисление Бафталовским тех, кто был недоволен властью Директории: французского и британского верховных комиссаров Э. Реньо и Ч. Элиота, а также глав французской, британской и американской военных миссий⁴⁸. Между тем Жанен, чье отношение к перевороту мы знаем из его рапортов 1918 г., к тому времени еще не успел доехать до Омска, Нокс отправился в командировку во Владивосток, а Элиот давно находился в нем.

«Реальные силы Омского гарнизона составляли, — перечислял Бафталовский войска в белой столице, — Сибирская казачья дивизия — неполного состава, отряд атамана Красильникова, две кадровые бригады и тыловые части Сибирской армии. Вооруженные силы союзников выражались: английским батальоном полковника Уорда и тяжелой французской батареей». Говоря о британцах, Бафталовский неоднократно упоминает о готовности их войск поддержать заговорщиков. «Следует отметить благородный жест полковника Уорда, давшего свое согласие на поддержку выступления вверенным ему батальоном, который в любой момент был готов оказать помощь русским патриотам», — отмечал он, сообщая далее о боевой готовности батальона⁴⁹. В ночь переворота, отвечая на вопросы своего начальника подполковника Л.Д. Василенко,

⁴⁵ Бафталовский И.А. 18 ноября 1918 г. Воспоминания // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 1–16.

⁴⁶ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 432.

⁴⁷ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 138, 141, 144–145.

⁴⁸ Бафталовский И.А. 18 ноября 1918 г. Л. 3.

⁴⁹ Там же. Л. 3, 5.

Игорь Адамович Бафталовский

начальника штаба 2-го Степного Сибирского корпуса, о том, учли ли заговорщики «мировое положение» и «что скажут союзники?», Бафталовский уверенно отвечал: «Все учтено и все взвешено... батальон полковника Уорда в полной боевой готовности для отражения контрмер сторонников Директории»⁵⁰.

Воспоминания Бафталовского, с одной стороны, представляют собой один из немногих источников, в которых рассказ о событиях 18 ноября 1918 г. ведет их непосредственный участник. С другой — помимо отмеченных Мельгуновым «позднейших наслоений» в тексте, важно принимать в расчет тот факт, что сам Бафталовский был посвящен в детали заговора только утром 17 ноября — в самый последний момент, с расчетом на нейтрализацию возможных действий 2-го Степного Сибирского корпуса по освобождению арестованных членов Директории. О возможном участии британцев в подготовке переворота, как и многие другие подробности событий, Бафталовский знал только со слов посвятившего его в подробности заговора подполковника А.Д. Сыромятникова. Последний был заинтересован как можно более выгодно представить план переворота и привлечь Бафталовского в ряды заговорщиков.

Вопрос о возможной роли британцев в приходе Колчака к власти и перевороте 18 ноября 1918 г., степени их участия в этих событиях

⁵⁰ Там же. Л. 7.

к настоящему времени имеет большую историографию. В советской исторической науке тезис о роли интервентов в установлении в Сибири контрреволюционной диктатуры не требовал каких-то дополнительных доказательств, в силу чего долгое время не исследовался подробно. Считалось, что и британцы, и французы, будучи заинтересованными в ликвидации советской власти и эксплуатации России, были заинтересованы в своем ставленнике во главе контрреволюции. Еще в 1925 г. И. Субботовский без какой-либо ссылки на документы утверждал, что британский генерал Нокс «...являлся и одним из тех военных иностранцев, которым обязан Колчак своим появлением на посту верховного правителя»; англичане «всячески покровительствовали» Колчаку и видели в нем «единственного человека, который достоин занять этот ответственный пост»⁵¹. В вышедшем в 1958 г. четвертом томе «Истории гражданской войны» лаконично указывалось: «...В ночь на 18 ноября 1918 г. по директиве интервентов кадеты с помощью надежных офицеров произвели в Омске военный “переворот”»⁵².

Л.М. Спири в 1957 г. в первом появившемся в СССР подробном исследовании о Восточном фронте контрреволюции, описывая подготовку и проведение переворота 18 ноября, подразумевал участие в нем британцев. Он указывал, что в перевороте «...приняли активное участие Гайда и Уорд», а также упоминал об участии капитана Стевени в совещании заговорщиков накануне переворота 17 ноября. «Во время переворота и в первые дни после него английские войска, расквартированные в Омске, находились в полной боевой готовности, чтобы в случае надобности немедленно оказать помощь Колчаку», — писал Спири, заключая, что «...ставя Колчака у власти, империалисты Антанты хотели объединить вокруг него белогвардейские силы»⁵³.

Первым подробно изучил подготовку заговора и переворот 18 ноября в отечественной историографии Г.З. Иоффе. Основываясь, в том числе, на данных британских историков, он предположил, что Нилсон и Стевени не только были осведомлены, но и участвовали в заговоре против Директории. Иоффе привел выдержки из архивных документов, дающих дополнительные подробности о подготовке переворота.

⁵¹ *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция: Краткий обзор (Исключительно по официальным архивным документам Колчаковского правительства). Л., 1926. С. 25–26.

⁵² *История гражданской войны в СССР. Т. 4 / Ред. колл. С.Ф. Найда, Г.Д. Обичкин, А.А. Стручков и др. М., 1958. С. 562.*

⁵³ *Спири Л.М.* Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 14–16.

Наиболее важные из них — уже упоминавшиеся письмо полковника А.Д. Сыромятникова и воспоминания капитана И.А. Бафталовского⁵⁴.

Эмигрантская историография отдельно почти не касалась вопроса роли британцев в приходе Колчака к власти. Для большинства очевидцев событий и всех писавших о событиях ноября 1918 г. этот вопрос был очевиден и британского следа в приходе Колчака к власти не было.

Тем не менее вслед за французскими мемуаристами некоторые из историков повторяли тезис о роли британских военных представителей в перевороте. П.Н. Милюков в 1922 г. в работе «Россия сегодня и завтра» без каких-либо ссылок на документы писал об одобрении переворота 18 ноября генералом Ноксом⁵⁵. В вышедшем в 1927 г. втором томе книги «Россия на переломе» он указывал, что «...весьма горячим сторонником Колчака был представитель английской миссии, ген[ерал] Нокс, которому приписывали самое создание “диктатуры” Колчака», ссылаясь при этом на публикацию Жанена в «L'Écho de la Russie» и его последующую полемику с генералом Ноксом⁵⁶.

Одним из первых вопрос участия британцев в приходе Колчака к власти подробно был проанализирован историком С.П. Мельгуновым в 1930 г. в первом томе «Трагедии адмирала Колчака». Он отмечал, что генерал Жанен «с удивительной легкостью» повторял «популярную одно время у иностранцев наивную легенду» о британском следе в приходе Колчака к власти. Мельгунов указывал, что все доказательства Жанена об участии англичан в заговоре «сводятся к рассказам, которые он и его подчиненные слышали в Сибири по поводу екатеринбургского смотра 10 ноября и присутствия адъютанта ген[ерала] Нокса на каком-то заговорщическом собрании». «Доказательства не из сильных — слухами Сибирь была полна», — заключал он⁵⁷. Он пересказывал уже упоминавшееся письмо генерала Нокса, в котором тот сообщал ему, что узнал о подготовке переворота за два–три дня до его осуществления в Манчжурии и не исключал, что «некоторые члены его миссии (напр., полк[овник] Нилсон) могли быть осведомлены о готовящемся выступлении и принять участие в одном из многочисленных собраний в Омске, где обсуждался переворот». Мельгунов не ставил знак равенства между подобным признанием британского генерала и утверждением,

⁵⁴ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 138, 140.

⁵⁵ Милюков П.Н. Russia Today and Tomorrow. New York, 1922. P. 152.

⁵⁶ Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. II. Антибольшевистское движение. Париж, 1927. С. 125.

⁵⁷ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 435–437.

что Нокс «официально санкционировал переворот», а чины его миссии были «чуть ли не инициаторы этого акта»⁵⁸.

Генерал-лейтенант Н.Н. Головин, в 1937 г. написавший исследование о русской контрреволюции, в первый год Гражданской войны отмечал, что «решительные меры», предпринятые командиром находившегося в Омске 25-го батальона Мидлсекского полка полковником Дж. Уордом, на случай возможных попыток вмешательства чехословацких войск в российские дела, «послужили главным основанием для создания легенды о том, что и самый переворот был подготовлен Британской миссией». Головин указывал, что «...легенда эта усиленно поддерживается в писаниях представителей Французской военной миссии с генералом Жаненом во главе, ревниво относившихся к британскому влиянию в окружении адмирала А.В. Колчака»⁵⁹.

За рубежом осуществление переворота 18 ноября 1918 г. стало предметом повышенного внимания еще довоенной историографии. Американский журналист У.Г. Чемберлин, в 1919–1920 гг. сотрудник газеты «Нью-Йорк трибюн», в книге 1935 г. «Русская революция 1917–1921 гг.» отмечал, что вне зависимости от степени осведомленности британских представителей о предстоящем перевороте они были несомненно удовлетворены его результатом. Он указывал, что «французы, похоже, разделяли это удовлетворение, если судить по инструкциям Жанена чехам из Владивостока о сохранении строгого нейтралитета». По его мнению, такая линия действий была благоприятной для адмирала Колчака. Чемберлин также приводил в обоснование своего мнения цитату из дневника В.Н. Пепеляева за 19 ноября 1918 г., в которой говорилось о «доброжелательном» нажиме французов на чехов для их нейтрализации⁶⁰.

Вопрос возможного участия британцев в заговоре против Директории впервые подробно проанализировали британские историки П. Флеминг и Р. Ульман. Первый в вышедшей в 1963 г. книге «Судьба адмирала Колчака»⁶¹, анализируя документы, приходил к выводу об отсутствии британского следа в перевороте. Он указывал, что в пользу участия в заговоре против Директории британских офицеров, как правило, приводится факт возвращения в Омск из Екатеринбурга накануне переворота вместе с Колчаком полковника Дж. Уорда и офицеров 25-го батальона

⁵⁸ Там же. С. 440.

⁵⁹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. / Комментар. С.В. Волкова. Т. 2. М., 2011. С. 336–337.

⁶⁰ Chamberlin W.H. The Russian Revolution 1917–1921. Т. 2. London, 1935. P. 180.

⁶¹ Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak. New York, 1963. 253 p.

Мидлсекского полка, расквартированного в соседнем со Ставкой здании. Среди тех, кто прибыл в Омск накануне переворота, были также два члена британской военной миссии, часто общавшиеся с Колчаком — полковник Дж. Нилсон и капитан Л. Стевени (первая встреча с последним у Колчака состоялась еще во Владивостоке). Флеминг отмечал, что полковник Нилсон уже после совершившегося переворота оказался в Ставке в тот момент, когда Колчак уезжал из нее. Адмирал предложил подвезти Нилсона, и он принял его приглашение, «а французы (Жанен и ряд офицеров миссии. — Р.Г.) по-своему истолковали сей факт: верховный правитель впервые после *переворота* появился на публике вместе с *серым кардиналом* в хаки (т. е. Нилсоном. — Р.Г.)»⁶².

Флеминг впервые привел документы самих британцев относительно возможного участия в заговоре Нилсона. 28 ноября 1918 г. находившийся во Владивостоке генерал Нокс телеграфировал Нилсону в Омск директиву Военного министерства о недопущении английскими солдатами и офицерами какого-либо участия «в любых операциях или движениях политического характера». 1 декабря в Омск пришла телеграмма Ноксу от начальника Генерального штаба и члена Военного кабинета Г.Х. Уилсона с выговором полковнику Нилсону. «Вы должны проинформировать полковника Нилсона о том, что его недавнее участие в политических делах рассматривается Министерством иностранных дел как крайне неблагоприятное и компрометирующее правительство его величества, — говорилось в ней. — Со стороны может показаться, что правительство вмешивается в *сибирские* дела, поддерживая одну-единственную партию. Хотя мы высоко ценим рвение и энергичность Нилсона, предостерегите его от любых действий подобного рода». Нилсона обязали подготовить рапорт о его деятельности накануне переворота 18 ноября, который был представлен в Лондон в марте 1919 г. В нем он подчеркивал, что «...сознавал, что замышляется государственный переворот, и ясно дал понять, что британцы не будут принимать в нем участие». По итогам рапорта командование пришло к выводу, что «Нилсон полностью очистил себя от подозрений»⁶³.

Подробно разбирая документы, Флеминг приходил к выводу, что Нилсон и Стевени были в курсе заговора, но не участвовали в нем, так как не были близко знакомы ни с кем из многочисленных противников

⁶² Флеминг П. Судьба адмирала Колчака, 1917–1920 / [Пер. с англ. Л.А. Игоревского]. М., 2006. С. 78–79.

⁶³ Там же. С. 79–80.

Директории. Британский историк предполагал, что русские участники заговора в любом случае не доверились бы иностранным офицерам и тем более не подчинились бы им. Флеминг указывал на два факта, опровергающих возможность участия британцев в заговоре. Во-первых, еще 7 ноября — за десять дней до переворота, перед отъездом из Омска во Владивосток на встречу с генералом Жаненом, — Нокс докладывал в Лондон в Военное министерство: «Правые элементы подстрекают Колчака к совершению государственного переворота. Я сказал ему, что любая подобная попытка в данный момент была бы роковой». Во-вторых, он обращал внимание на реакцию на переворот 18 ноября в самой Великобритании. «С заговорщической точки зрения там должно было царить ликование, — писал Флеминг. — Реакция была диаметрально противоположной. “Крайне неудачное развитие событий... Похоже на настоящую катастрофу... Колоссальное препятствие нашим планам” — именно такими фразами отреагировал Лондон на новости из Омска». Главную причину такой реакции Великобритании Флеминг усматривал в том, что ее правительство 14 ноября 1918 г. приняло решение де-факто признать Директорию в качестве правительства России⁶⁴.

Другой британский историк Р. Ульман в двухтомном издании «Англо-советские отношения, 1917–1921», подробно анализирует возможное участие британских офицеров в заговоре. Он приводит высказанную Жаненом в рапорте 1920 г. и воспоминаниях версию британского следа, а также мнения еще двух французов — генерала Рукероля и посла Нуланса. Задаваясь вопросом о возможном участии Великобритании в перевороте 18 ноября, Ульман приходил к выводу, что британское правительство не принимало какого-либо участия в омских событиях, так как буквально накануне, 14 ноября 1918 г., приняло решение о признании Директории. Такой шаг, по мнению Ульмана, едва ли был бы сделан, если бы в Лондоне имели хоть какое-то представление о предстоящих событиях. В отношении Нокса историк считал, что выяснить его роль в перевороте наверняка не представляется возможным, высказывая предположение, что участие британского генерала в деле все же ограничивалось сочувствием заговорщикам⁶⁵.

⁶⁴ Там же. С. 78, 80.

⁶⁵ Ullman R.H. Anglo-soviet Relations, 1917–1921. V. I: Intervention and the War. London, 1968. P. 279–281.

Ульман писал, что приход Колчака к власти в результате переворота был встречен с горячим одобрением британскими военными представителями в Сибири. Он отмечал наличие некоторых признаков того, что офицеры британской миссии в Омске попустительствовали перевороту, и не сомневался, что чины 25-го батальона Мидлсекского полка своим присутствием препятствовали возможному вмешательству других вооруженных сил, указывая на чехословацкие части⁶⁶. Хотя еще 7 ноября в телеграмме в Военное министерство Нокс сообщал о высказанном им Колчаку предупреждении, что захват адмиралом высшей власти может быть роковым, позднее он положительно отзывался о произошедших в Омске событиях. 21 ноября из Владивостока он телеграфировал находившемуся в Сибири во главе канадских экспедиционных сил бригадному генералу Дж.Х. Элмсли: «Эта бескровная революция была необходима, поскольку социалисты-революционеры вели интриги по подрыву дисциплины в войсках». «С союзной точки зрения безразлично, — продолжал Нокс, — каков будет облик правительства, в том случае, если оно будет сильным, справедливым, готовым и способным защитить новую русскую армию от интернационалистской и прочей вредной пропаганды. Колчак честный, патриотично настроенный и способный. Он самый лучший человек для этой должности в Сибири»⁶⁷.

Ульман также приводил выдержки из архивных документов, касающихся Нилсона и его возможного участия в перевороте. В их числе была уже упоминавшаяся телеграмма начальника британского Генштаба Г.Х. Уилсона от 1 декабря 1918 г. с выговором полковнику Дж. Нилсону. Кроме того, он давал информацию о запросе 5 марта 1919 г. британским Военным министерством, обеспокоенным возможной причастностью к ноябрьским событиям в Омске чинов миссии в Сибири, подробного доклада у Нокса о действиях Нилсона. Подготовленные Нилсоном документы о своей деятельности осенью 1918 г. Ульман не приводил. При этом историк цитировал телеграмму Нокса от 9 марта 1919 г., в которой глава британской миссии сообщал в Военное министерство, что не считает, что Нилсон или капитан Стевени совершили какую-либо «глупость»⁶⁸.

Американский историк Дж. Бредли в работах 1960–1970-х гг. обращал внимание на убежденность французов в том, что вся интрига

⁶⁶ *Ullman R.H. Anglo-soviet Relations, 1917–1921. V. II: Britain and the Russian Civil War. London, 1968. P. 33–34.*

⁶⁷ *Ullman R.H. Anglo-soviet Relations. V. II. P. 34.*

⁶⁸ *Ibid.*

в Омске была подстроена британцами, извлекая из этого свою выгоду. В дальнейшем это привело к подозрениям, ссорам и упрекам между англичанами и французами. Он отмечал, что Жанен был потрясен переворотом и искренне считал, что Колчак «британская марионетка, а переворот — дело рук Британии». При этом Бредли указывал, что предполагаемая британская поддержка переворота была сугубо местной и явно несанкционированной, так как официальный Лондон готовился признать Директорию де-факто в качестве всероссийской власти и признание не было опубликовано только ввиду получения сообщения о событиях 18 ноября⁶⁹.

Британский историк М. Кеттл в своем исследовании постарался максимально использовать имеющиеся документы британских Министерства иностранных дел и Военного министерства. В 1992 г. он в выдержках опубликовал большую часть как отчета полковника Дж. Нилсона и другие его записи о событиях, связанных с переворотом 18 ноября, так и телеграммы британского МИДа, генерала А. Нокса, верховного комиссара Ч. Элиота и ряда других участников и очевидцев событий. По мнению Кеттла, когда Нокс в начале ноября отправлялся из Омска для встречи с прибывшим во Владивосток генералом Жаненом, он уже знал, что военный министр нового правительства Директории А.В. Колчак получил от правого политического крыла предложение совершить государственный переворот⁷⁰. Подобное утверждение согласуется с телеграммой, отправленной Ноксом в Военное министерство 7 ноября.

21 ноября 1918 г. в Лондон пришли две телеграммы: от полковника Дж.Ф. Нилсона и британского верховного комиссара Ч. Элиота, сообщавшие о государственном перевороте. Обе они были отправлены 19 ноября, сразу по завершении переворота в Омске. Нилсон заявлял, что это была «абсолютно честная попытка» восстановить порядок; он считал Колчака искренним человеком и заявил, что «готов это гарантировать». В свою очередь Элиот, находившийся к тому времени во Владивостоке, был настроен пессимистично. По его мнению, после того как Восточный фронт установит связь с Южной Россией, Колчак недолго останется у власти в качестве лидера всей страны. Элиот также указывал на двух врагов Колчака: японцев, выступавших против любого сильного

⁶⁹ Bradley J.F.N. *Allied Intervention in Russia, 1917–1920*. New York, 1968. P. 113, 119–120; Bradley J.F.N. *Civil war in Russia, 1917–1920*. London; Sydney, 1975. P. 74.

⁷⁰ Kettle M. *Churchill and the Archangel Fiasco, November 1918 — July 1919*. New York, 1992. P. 11.

общероссийского правительства, и чехословаков, увидевших, что все их усилия в борьбе с большевиками привели к установлению диктатуры⁷¹.

Тем временем из Владивостока пришла еще одна секретная телеграмма от верховного комиссара Элиота. «Генерал Нокс оставил в Омске полковника Нилсона не проконсультировавшись со мной, а я считал, что в его ведении были только вопросы снабжения и боевой подготовки, — заявлял британский верховный комиссар. — В то же время недавно он проявил неосторожную политическую активность. В частности, он сообщает о том, что нанес визит французскому верховному комиссару [Реньо] вместе с Колчаком и совместно с Колчаком просил его дать указания чехам произвести какие-то аресты. Если бы его телеграммы, продемонстрированные мне генералом Ноксом, были опубликованы целиком, все бы решили, что недавний государственный переворот в Омске подготовлен и произведен под руководством британского правительства». Элиот считал, что лучше было убрать Нилсона из Омска и возложить на него чисто военные обязанности где-нибудь в другом месте: «Генерал Нокс не совсем с этим согласен, но признает, что полковник Нилсон проявил бестактность. Я бы очень не хотел иметь никаких личных проблем с генералом Ноксом, но я не думаю, что есть понимание, до какой степени он навлек подозрение японцев и даже французов»⁷².

Министерство иностранных дел Великобритании рассмотрело телеграмму 26 ноября. 29 ноября МИД направил Элиоту ответ, в котором говорилось, что Военному министерству рекомендовано сделать полковнику Нилсону строгое предупреждение о необходимости воздержаться от участия в каких-либо политических акциях. По общему мнению, этого было достаточно, чтобы не спешить «...с переводом полковника Нилсона из Омска, так как он один из самых эффективных и наиболее квалифицированных офицеров, что у нас есть для работы с русскими»⁷³, — сообщалось в ответе. — Тем не менее, если у Вас будут новые доказательства того, что деятельность полковника Нилсона определено скомпрометировала правительство Его Величества и создала

⁷¹ Ibid. P. 18–19.

⁷² Ibid. P. 20.

⁷³ Нилсон, еще в чине капитана, впервые прибыл в Россию еще в декабре 1913 г. для изучения русского языка, а позднее был назначен британским офицером связи при штабе главкома армий Северо-Западного фронта генерала от кавалерии Я.Г. Жилинского. Покинул Россию Нилсон 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.), вновь вернувшись в октябре 1918 г. уже на Дальний Восток, откуда проследовал в Омск (*Тотров Ю.Х. Английская разведка в России. С. 55–56, 238, 302*).

впечатление вмешательства на стороне какой-то определенной стороны в Сибири, и в результате этого Вы сочтете необходимым, чтобы мы открыто продемонстрировали дезавуирование действий полковника Нилсона, Вам надлежит передать мне доказательства», чтобы МИД мог «рекомендовать Военному министерству дальнейшие шаги». По мнению Кеттла, из этой телеграммы следовало, что недоверию к генералу Ноксу со стороны японцев или французов не придавалось значения⁷⁴.

Тогда же из Лондона в Сибирь поступило уже упоминавшееся категорическое предупреждение не вмешиваться в политические события. 28 ноября генерал Нокс передал полковнику Нилсону в Омск резкое сообщение из Военного министерства: «Ни при каких обстоятельствах английские офицеры и солдаты не должны принимать какого-либо участия в действиях политического характера». Очевидно, что телеграмма была направлена предупредить какие-либо необдуманные шаги со стороны и Нилсона, и Уорда. Кеттл приводил ранее опубликованную Флемингом и Ульманом телеграмму Военного министерства от 30 ноября, в которой Ноксу поручалось сообщить Нилсону, что его «недавние действия в связи с вопросами, имеющими политическое значение», были расценены МИДом как «крайне бестактные», поскольку они производили «впечатление вмешательства [правительства Великобритании] на стороне какой-то определенной стороны» в Сибири. Передавая телеграмму Нилсону, Нокс добавил, что это не было результатом того, что сказал он или Элиот. «Фактически, Вы бы получили по шее, если бы Ваши донесения не были подвергнуты цензуре»⁷⁵.

Вопрос возможного участия британских офицеров в событиях 18 ноября 1918 г. в скором времени вновь рассматривался в Лондоне на самом высоком уровне. 15 января верховный комиссар Ч. Элиот направил в МИД очередную секретную телеграмму следующего содержания: «Сегодня [чешский] генерал Штефаник доверительно сообщил полковнику Робертсону [английскому военному представителю во Владивостоке], что в его распоряжении имеются всесторонние документальные подтверждения участия [англичан?] в событиях, которые привели к созданию колчаковского правительства, и что он предлагает передать данные документы своему правительству в Богемии на ответственное хранение или для уничтожения, на их усмотрение. Он ни при каких обстоя-

⁷⁴ *Kettle M. Churchill and the Archangel Fiasco...* P. 20–21.

⁷⁵ *Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak.* P. 114–115; *Ullman R.H. Anglo-soviet Relations...* V. II. P. 34; *Kettle M. Churchill and the Archangel Fiasco...* P. 21–22.

тельстввах не намерен демонстрировать их другим лицам». Британский МИД, встревоженный этой телеграммой, 21 января 1919 г. запросил свой российский департамент: «Получили ли мы эти доказательства?» Как только выяснилось, что нет, Элиоту сразу же была направлена телеграмма: «Просим установить характер упомянутых генералом Штефаником документов». 30 января Элиот отвечал секретной телеграммой о том, что, по сообщению Штефаника полковнику Робертсону, он имеет на рассмотрении документальные подтверждения участия англичан в установлении власти Колчака. «Он абсолютно дружески расположен и, похоже, склонен воздержаться от обнародования чего-либо неудобного правительству Его Величества. Он не ссылался на какой-то конкретный документ, а говорил обо “всех бумагах”», — пояснял верховный комиссар. Во время состоявшегося незадолго до отъезда разговора полковник Робертсон предложил Штефанику упомянуть об этом Элиоту, на что он ответил, «что дело было слишком деликатным, и он бы от этого воздержался», — пояснял Элиот. «Должно быть, он имел в виду [помощь?], по его мнению, предоставленную Колчаку нашими военными властями, поскольку никаких британских гражданских служащих в Омске с 28 октября по 27 декабря не было, за исключением вице-консула [Д. Джордана], вряд ли принимавшего участие в политических событиях», — заключал верховный комиссар. Элиот считал нецелесообразным наводить дополнительные справки у чехов, находившихся на Дальнем Востоке. «Из частной телеграммы, отправленной где-то в ноябре, я пришел к выводу, что эти умозаключения могли базироваться на телеграммах полковника Нилсона генералу Ноксу, которые тот мне демонстрировал», — вспоминал он⁷⁶.

В МИДе поняли, что речь идет об уже знакомом вопросе. «Очевидно, все указывает на полковника Нилсона», — говорилось в протоколе департамента России от 2 февраля. «Думаю, нам следует запросить начальника военной разведки [У. Твейтса] точно выяснить, что сделал полковник Нилсон», — заключал личный секретарь заместителя министра иностранных дел В.Х. Селби. С ним согласились первый секретарь Восточного департамента МИДа Р.Э. Грэм и министр иностранных дел лорд Д.Н. Керзон. 11 февраля вопрос был изложен начальнику военной разведки, который 5 марта ответил, что телеграфировал генералу Ноксу касательно деятельности Нилсона. 13 марта МИД получил ответ от Нокса. Последний сообщил, что он бы без промедления навел справки,

⁷⁶ Kettle M. Churchill and the Archangel Fiasco... P. 25–26.

если бы об этом попросил сам верховный комиссар Элиот. Нокс сообщал: «Оснований полагать, что подразумеваемую глупость совершили полковник Нилсон и капитан Стевени, находившиеся в то время в Омске в качестве военных представителей, у меня не больше, чем в отношении господина вице-консула Джордана. Телеграммы Нилсона не дают представления о значимости его труда, и написанием телеграмм все не ограничивается, — твердо заявлял начальник Британской военной миссии. — Я полагаю, что во время кризиса в Омске он не терял голову, и, не демонстрируя какой-либо ангажированности, проделал больше полезной работы, нежели все иностранные гражданские и военные представители вместе взятые». «В телеграммах Нилсона я не нахожу никаких свидетельств того, что он хотя бы раз писал во время кризиса, за исключением телеграфных сообщений в мой адрес, — продолжал глава Британской военной миссии. — Полагаю, что термин “документальные подтверждения” означает документ, составленный капитаном Кошкой — чешским представителем в Омске и обобщающий косвенные свидетельства нашей симпатии к Колчаку». В заключение Нокс писал: «Я поручил Нилсону подготовить отчет по данному вопросу...»⁷⁷

Написанные по горячим следам Нилсоном документы позволяют более подробно проанализировать возможное участие британцев в заговоре. Первый документ — записка, подготовленная им в Челябинске и датированная 24 января 1919 г. с неизвестным адресатом. Кеттл указывает, что остается до конца не ясным, была ли это черновая телеграмма генералу Ноксу, письмо жене или кому-то еще, или даже черновая запись для его дневника. В то же время использованный в сообщении слог явным образом схож с написанным им позднее официальным отчетом.

Второй документ — официальный отчет, подготовленный по заданию руководства и подписанный Нилсоном 22 марта 1919 г. по возвращении в Омск из командировки. «До этой кризисной ситуации (речь о перевороте. — *Р.Г.*), — писал он в отчете о своих действиях в марте 1919 г., — мне случалось часто видеть генерала Болдырева и каждый день бывать в Штабе. Вышеупомянутому лицу я передавал полученные от генерала Нокса телеграммы, а оттуда получал необходимую информацию... Лишь иногда, на официальных приемах мне доводилось видаться с министрами и гражданскими лицами, за исключением встреч с Вологодским (премьер-министром). Я не посещал политические учреждения и не имел друзей в партийных кругах». «В ходе моих посещений

⁷⁷ Ibid. P. 26.

штаба мне стало известно об общем недовольстве главнокомандующим, — продолжал британский полковник. — Как и все остальные, я осознавал, что существующее положение дел не могло сохраняться. Союзных представителей всегда принимал первый генерал-квартирмейстер [полковник А. Д. Сыромятников] (генерал-квартирмейстер Штаба. — Р. Г.), кроме тех случаев, когда дело было достаточно важным для встречи с главнокомандующим или начальником штаба (генерал-лейтенантом С. Н. Розановым. — Р. Г.). Мои взаимоотношения с вышеупомянутыми офицерами были весьма радушными, и на моем пути никогда не чинили препятствий. За время моих бесед я узнал о том, что рассматривался вооруженный захват власти. Мне неизвестно, какие еще офицеры о нем знали, поскольку я упоминал об этом только капитану Стевени. Государственный переворот, должно быть, предвидели многие из тех, кто знали русских и следили за текущими событиями»⁷⁸.

Нилсон указывал, что с того времени, как у него появились первые подозрения относительно происходящего, он основывал свои заявления и действия на следующих принципах:

«1) Ни я лично, ни британский военный представитель, ни правительство, которое я представляю, не могут принимать какое-либо участие, прямое или косвенное, в образовании новых правительств или ликвидации старых.

2) Британские войска не примут ту или иную сторону.

3) Моя задача заключается в оказании содействия действующей военной власти.

4) Государственный переворот, во время его осуществления, представляет собой незаконный акт. Когда же он станет свершившимся фактом, я продолжу оказывать содействие, как и прежде, если не получу противоположные инструкции»⁷⁹.

«Всем, кого это касалось, я четко и однозначно об этом заявил, и они прекрасно меня поняли, — продолжал Нилсон. — Когда интересовались моим мнением, я никогда не давал официального ответа, но в ходе бесед мне сложно было спорить с тем, что существующее положение дел было крайне неудовлетворительным и что адмирал Колчак был единственным, кто мог спасти страну. Тогда это было настолько устойчивым мнением и безусловной правдой, что выразить иной взгляд было бесполезно. Когда меня спросили, поддержит ли, по моему мнению, британское пра-

⁷⁸ Цит. по: *Kettle M. Churchill and the Archangel Fiasco...* P. 11.

⁷⁹ *Ibid.* P. 11–12.

вительство адмирала Колчака, когда он захватил власть, я всегда отвечал так: «Нас не интересуют конкретные лица или состав правительств, но мы хотели бы видеть и поддерживать правительство, способное восстановить порядок и продолжить войну». В ходе бесед я не мог отрицать, что, по-видимому, все было именно так, поскольку политика адмирала была именно той политикой, которую одобряло британское правительство. В ходе этих бесед я неоднократно заявлял о том, что в случае кровопролития и убийств весь мир ополчится против адмирала Колчака». «Адмирала Колчака за это время я не видел, — подчеркивал Нилсон. — Я дал понять, что англичане не будут принимать участия в государственном перевороте, и было логичным, что он выполнялся с таким расчетом, чтобы новое правительство в конечном итоге получило поддержку британского правительства, как известно, относившегося с доверием лично к адмиралу и верившего в то, что его политика будет содействовать достижению стоящих перед союзниками задач»⁸⁰. Из представленного Нилсоном в Военное министерство отчета следовало, что он был в курсе подготовки государственного переворота, но не принимал в нем участия. Ежедневные встречи с одним из организаторов переворота — полковником А. Д. Сыромятниковым — британский полковник объяснял их вхождением в его обязанности, так как последний отвечал за работу иностранных представителей в Омске.

Тем не менее накануне переворота заговорщики прямо спросили совета у Нилсона. Сообщая ему о начальной стадии подготовки переворота, они, по предположению Кеттла, вероятно, стремились выбрать людей, заслуживавших расположение британского правительства, так как адмирал Колчак должен был иметь советников. Заговорщиков интересовал вопрос, распространится ли признание Великобритании на режим, который придет на смену Директории (о том, что готовится признание Временного Всероссийского правительства, им в целом было известно). «Возможно, я навлек на себя обвинения в том, — писал Нилсон 24 января 1919 г. об этом решающем периоде в Омске, — что действовал несколько опережая весьма робкую политику, или точнее будет сказать, отсутствие политики со стороны нашего правительства. Передо мной стояла сложнейшая задача, мне некому было помочь и не было прецедентов, которые могли бы послужить мне ориентиром». «Неся полную ответственность (*sic*) за интересы Великобритании в несомненно самое непростое донныне время, я выбрал людей, поддержал их, и считаю, что

⁸⁰ Ibid. P. 12.

Зиновий Алексеевич Пешков (Залман Михайлович Свердлов)

сделал правильный выбор, — уверенно писал Нилсон. — Что они смогут дать истории, зависит только от них самих. Лично я убежден в том, что выбрал верный курс». Кеттл подчеркивает, что в этом случае есть «небольшая загадка», поскольку это заявление не согласуется с тем, что Нилсон написал в марте 1919 г. в официальном отчете о своих действиях, предшествовавших кризису, а именно: «Я никому не писал по этому поводу, в моем дневнике нет никаких заметок по теме, и я не телеграфировал о ситуации из опасений, что русские, чехи или японцы могли прочесть мою шифrogramму»⁸¹.

В официальном отчете в марте 1919 г. Нилсон писал, что после совершения переворота его обязанность заключалась в содействии в восстановлении порядка и продолжении войны, что подразумевало поддержку Колчака. Во время разговора с верховным правителем он особо отметил, что симпатии правительства Великобритании к нему охлаждаются в случае кровопролития, убийств, репрессий, а также любой попытки реакции или восстановления самодержавия. Необходимо было сделать заверения по этим вопросам в форме манифеста к русскому народу, а также индивидуальной декларацией для союзников. Манифест был отпечатан вечером (Обращение верховного правителя А.В. Колчака «К населению России», сделанное 18 ноября. — Р.Г.), однако индивидуальную декларацию французскому и британскому представителям Колчак сделал немед-

⁸¹ Ibid. P. 13–14.

ленно. Колчак, предполагая, что полковник Уорд был британским представителем, попросил Нилсона присутствовать и предложил подвезти его на своем автомобиле к составу французского верховного комиссара Э. Реньо. Нилсон согласился, и они приехали вместе. Вслед за Флемингом Кеттл делает вывод, что этот шаг стал главной публичной ошибкой Нилсона, который произвел очень плохое впечатление на французов. Нилсон попросил капитана французской миссии З.А. Пешкова, говорившего по-английски, объяснить ситуацию французскому верховному комиссару. Но было очевидно, что объяснение оказалось «неудовлетворительным или не было понято», — комментировал сам Нилсон. Кеттл заключал, что этот инцидент лег в основу французских обвинений англичан в организации переворота. Адмирал Колчак должным образом зачитал декларацию, а Нилсон остался немым свидетелем⁸².

В «Заключении» отчета Нилсон писал о мотивации своего поведения во время подготовки и проведения переворота. «Это был самый сложный период времени для солдата без дипломатической подготовки, — писал британский полковник. — Мне пришлось принимать важные решения, не имея возможности получить инструкций. Уклониться от принятия решений было невозможно, поэтому в полной мере представляя свою ответственность, я действовал так, как считал нужным, после надлежащего рассмотрения. Я знал о том, что грядет государственный переворот, и я знал, что он необходим. Я не мог ему помешать, и, возможно, мои действия, как подробно указано в данном рапорте, помогли его сдержать и предотвратить кровопролитие. Мой совет адмиралу Колчаку, после его избрания диктатором, возможно, поспособствовал выпуску им демократической декларации и прокламации. Мои действия до государственного переворота не связывали английское правительство обязанностью к какому-либо определенному образу действий, а мои неофициальные беседы не могут трактоваться как выражение политики и не обязывали правительство [Его Величества] к каким-либо действиям. Я держался в стороне, пока продолжался государственный переворот, и когда он окончился, оказал помощь адмиралу Колчаку. Как я полагал, это был самый лучший способ исполнять свой долг по содействию продолжению войны. Я не возлагал на правительство обязанности поддерживать адмирала Колчака, но было невозможно внушить русским мысль, что я лично был против него, и если сделали ставку на будущую поддержку английского правительства, это было логично, и не было ни-

⁸² Ibid. P. 16–17.

какой иной политики. Присутствие британского батальона в Омске, возможно, рассматривалось как вероятная гарантия личной безопасности адмирала, а обещание поставок припасов — ценным активом для нового правительства. Я не знаю, как русские ссылаются на мое имя или на имя полковника Уорда, но никто не имеет права заявлять о моем участии в государственном перевороте, кроме того, что указано в данном рапорте. Я пишу об этом по прошествии четырех месяцев и без всяких записей, и, вероятно, забыл некоторые детали, но выше приведен настолько полный и достоверный отчет, насколько это возможно»⁸³.

26 марта генерал Нокс направил отчет Нилсона в Военное министерство со следующим комментарием: «Считаю переданное верховным комиссаром [Элиотом] извещение о существовании “документальных подтверждений осуществления нами” колчаковского государственного переворота совершенно необоснованным. По моему мнению, в сложившихся сложных условиях полковник Нилсон действовал осмотрительно и осторожно». Начальник оперативного управления передал это мнение в Министерство иностранных дел. «Четкий и убедительный доклад», — указано в протоколе департамента России. «Мне представляется, что полковник Нилсон полностью себя оправдал», — написал резолюцию В.Х. Селби. «Согласен», — добавлял Д.Н. Керзон⁸⁴.

Вскоре после этого Нилсон покинул Омск. «Во время государственного переворота меня сделали козлом отпущения — я тогда еле выпутался, практически прошел по краю. Оставив все это позади себя, я стал весьма неуютным лицом, чтобы находиться поблизости к местопребыванию правительства», — писал он из Троицка (недалеко от Челябинска) 30 января 1919 г. в сохранившейся заметке без адресата. Кеттл отмечал, что «нельзя не сочувствовать Нилсону», и задается вопросом: не специально ли Нокс оставил его в Омске, понимая, что может произойти, и надеясь, что пробританский российский диктатор будет должным образом установлен, и все закончится к тому времени, когда его французский коллега генерал Жанен прибудет на место. Ведь в Лондоне и Париже было решено, что Жанен и Нокс предложат русским сделать Жанена главкомом всех русских и союзных войск в Западной Сибири, а сам Жанен, как известно, был дружен с генерал-лейтенантом В.Г. Болдыревым, русским главнокомандующим. Кеттл полагал, что ставка могла быть сделана на то, что адмирал Колчак, настроенный явно пробритански, не

⁸³ Ibid. P. 26–27.

⁸⁴ Ibid. P. 27.

потерпел бы передачу командования своими войсками французскому генералу. Кеттл указывал, что в Лондоне член Парламента лорд Р. Сесил и начальник Генерального штаба Г.Х. Уилсон, несомненно, испытывали удовлетворение произошедшими в Омске событиями⁸⁵.

Проанализировав комплекс документов, включая записи полковника Нилсона, Кеттл пришел к выводу отличному от большинства других британских и американских исследователей. По его мнению, с учетом имеющейся информации «не вызывает сомнения тот факт, что англичане совсем не так уж невиновны в государственном перевороте адмирала Колчака»⁸⁶. Немаловажно, что Кеттл прямо указывал на скрытый мотив британцев — в данном случае генерала Нокса — не допустить усиления в Сибири позиций Франции и вступления в главное командование генерала Жанена, имевшего хороший контакт с генералом Болдыревым.

В англоязычной историографии работы Флеминга, Ульмана и особенно Кеттла стали наиболее значимыми с точки зрения рассмотрения переворота 18 ноября 1918 г. и участия в нем британцев. В 1990-е гг. вышел еще ряд работ, в которых так или иначе затрагивалась эта тема. Канадский историк Н. Перейра в опубликованной в 1996 г. книге «Белая Сибирь» придерживался точки зрения, что при отсутствии полной ясности о событиях 18 ноября можно с уверенностью утверждать, что представители союзников не вмешивались в них. По его мнению, доказательства участия союзников или конкретно англичан в перевороте «нельзя назвать убедительными»⁸⁷.

Британский историк Дж. Смил в изданной в 1996 г. книге «Гражданская война в Сибири» анализирует возможность участия британцев в перевороте 18 ноября, указывая Дж. Нилсона и Л. Стевени, свободно говоривших по-русски и имевших давние связи с правыми, участвовавшими в борьбе с советской властью еще до восстания Чехословацкого корпуса, как возможных заговорщиков. Он обращает внимание на критику со стороны французов именно этих двух офицеров — Жанен и Рукероль писали о их присутствии на решающей встрече 17 ноября накануне переворота. Смил приходит к выводу, что при отсутствии достаточных доказательств «мы обязаны согласиться с теми западными учеными», которые при анализе возможного сотрудничества А. Нокса с заговорщиками пришли к выводу, что обви-

⁸⁵ Ibid. P. 22.

⁸⁶ Ibid. P. 27.

⁸⁷ Pereira N.G.O. White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal, 1996. P. 102, 106.

нения со стороны Французской военной миссии «вероятно, были основаны на слухах» и «французы не дают никаких веских доказательств своих обвинений». При этом историк пишет, что Нокс больше сделал для того, чтобы воодушевить силы, поддержавшие Колчака, чем сделал бы, непосредственно участвуя в заговоре. Смил указывает на многочисленные заявления британского генерала, сделанные во время его поездок, о неготовности Сибири к демократии и необходимости установления диктатуры⁸⁸.

Французская историография не уделяет большого внимания вопросу роли британцев в приходе Колчака к власти. Вероятно, это отчасти связано со своеобразной «доказанностью» этого тезиса в многочисленных воспоминаниях французских политических и военных деятелей. В 1968 г. М. Грей и Ж. Бордь обращали внимание на стремление ряда историков вслед за Жаненом «увидеть руку Англии, стоящую за переворотом», а в самом Колчаке — «британского агента». Отмечая уязвимые места в аргументации П. Флеминга, они указывали, что сделанные французами «ложные выводы» из отношения англичан к Колчаку в конечном счете имели трагические последствия⁸⁹. По мнению, высказанному французским исследователем П. Гурменом в работе 1971 г., велика вероятность того, что Колчак прибыл в Сибирь непосредственно с подачи британцев⁹⁰. Французская исследовательница А. Огенюис-Селиверстофф в 1981 г. в отношении прихода Колчака к власти писала о складывающемся впечатлении того, «что британцы не были чужими в этом деле»⁹¹.

Бийебо, автор статьи о военных аспектах событий Гражданской войны в Сибири, в 1992 г. писал, что появление Колчака в Омске стало главным яблоком раздора между союзниками. Переворот и провозглашение адмирала Верховным правителем были результатом британской политики и, в частности, действий генерала Нокса. По его мнению, британцы способствовали возвышению Колчака, который воплощал собой скорее возвращение к монархии, чем демократию в будущем. Бийебо приходит к выводу, что несмотря на трудность установления реальных фактов участия британских офицеров в перевороте 18 ноября и публич-

⁸⁸ *Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 94–95, 97–98.

⁸⁹ *Grey M., Bordier J.* Les Armées Blanches. Paris, 1968. P. 176–177.

⁹⁰ *Gourmen P.* La mission militaire française en Sibérie / P. Gourmen, J.-B. Durocelle (Directeur de thèse). Thèse, Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 1971. P. 34.

⁹¹ *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris, 1981. P. 103.

ное неодобрение Нокса, англичане с большим трудом скрывали свое удовлетворение состоявшимся переворотом⁹².

Еще один французский автор В. Голубинов полагает, что Британская военная миссия в Сибири, несмотря на приказы своего правительства, оказывала материально-техническую помощь участникам заговора, приведшего к власти Колчака⁹³. Историк Ж.-Д. Авенель в исследовании 2010 г. указывает, что Нокс, действовавший без консультаций с союзниками, поддержал адмирала Колчака во время переворота 18 ноября⁹⁴. О подозрениях французов в причастности британцев к приходу Колчака к власти в своей работе о Гражданской войне в России пишет французский исследователь А.Б. Жевахов⁹⁵.

Современная отечественная историография слабо знакома со свидетельствами, введенными в научный оборот зарубежными историками (за исключением переведенной на русский язык монографии П. Флеминга). Вопрос о «британском следе» в приходе Колчака к власти в 1990–2000-е гг. неоднократно поднимался в многочисленных биографиях адмирала А.В. Колчака.

В «повести-хронике» К.А. Богданова 1993 г. приводятся общеизвестные сведения о том, что о заговоре за два–три дня было известно Ноксу и подчиненным ему офицерам в Омске — Нилсону и Стевени, указывается на позднейшее заявление полковника А.Д. Сыромятникова о том, что он информировал о предстоящем перевороте британцев и получил от них заверения в соблюдении нейтралитета англичанами и французами⁹⁶. В.Г. Краснов в 2000 г. в художественно-публицистической биографии Колчака писал о слухах об участии британцев в перевороте 18 ноября, указывал, что «...сейчас трудно утверждать, верны ли эти подробности, но, видимо, не было дыма без огня». Основываясь на воспоминаниях полковника Уорда, он приходит к выводу, что «Нокс являлся как бы духовным патроном переворота» и «что именно ему Колчак обязан своим возведением на трон верховной власти»⁹⁷.

⁹² Billebeau J. Le général Janin dans la tourmente sibérienne 1918–1920 // Revue historique des armées. № 186 (1). 1992. P. 66, 68.

⁹³ Goloubinoff V. La mission de la section photographique et cinématographique de l'armée en Sibérie et en Russie du nord 1918–1919. Paris, 2010. P. 4.

⁹⁴ Avenel J.-D. Interventions alliées pendant la guerre civile russe (1918–1920). 2e éd. Paris, 2010. Kindle Edition.

⁹⁵ Jevakhoff A. La guerre civile russe: 1917–1922. Paris, 2017. P. 552.

⁹⁶ Богданов К.А. Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993. С. 167.

⁹⁷ Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 2. М., 2000. С. 63.

И.Ф. Плотников в 1998 г. в первой в современной России научной биографии Колчака (в 2002 г. вышло переиздание книги) отдельно высказывался «...относительно того вопроса, который издавна вновь и вновь поднимается в литературе, — была ли достигнута между А. Ноксом и А.В. Колчаком договоренность о перевороте в Сибири, о назначении его диктатором?» еще при первой встрече в августе 1918 г. в Токио. Исследователь отрицательно отвечал на этот вопрос. В качестве аргументов Плотников приводил, во-первых, стенограмму допросов Колчака в январе 1920 г., на которых адмирал «был весьма откровенным и о такой договоренности не упомянул», а во-вторых, указывал, что планирование переворота «без конкретного знания ситуации в Омске было невысказано»⁹⁸.

Автор одной из лучших биографий адмирала Колчака П.Н. Зырянов в 2006 г. писал, что англичане были осведомлены о заговоре и «поддержали Колчака с самого начала», указывая на то обстоятельство, что полковник Урд предоставил расквартированный в Омске английский батальон в его распоряжение. Приводя свидетельство об информировании заговорщиками офицеров Британской военной миссии Дж. Нилсона и Л. Стевени о предстоящем перевороте⁹⁹, Зырянов, характеризуя механизм и реализацию заговора, тем не менее не усматривал в нем какой-либо роли Нокса и его подчиненных.

В.Г. Хандорин в разных работах, посвященных А.В. Колчаку, категорически отвергает участие британцев в подготовке заговора 18 ноября, обращая внимание на отсутствие документов, подтверждающих эту версию: «Никаких следов участия англичан не найдено»¹⁰⁰. Он пишет, что «в основном эти зыбкие утверждения» о британском следе основаны «на голословных обвинениях со стороны их французских коллег», выдвинутых после поражения Белого движения. Хандорин замечает, что доказана лишь постанковка в известность офицеров Британской военной миссии о планах заговорщиков с целью получения от них гарантии невмешательства, а все «остальное — чистые домыслы». В их основании, по его мнению, лежит близость Колчака с англичанами и их последующее наиболее тесное из всех иностранных миссий сотрудничество с Верховным правителем. В конечном счете он приходит к выводу, что «скорее»

⁹⁸ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 107.

⁹⁹ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. М., 2012. С. 407, 422.

¹⁰⁰ Хандорин В.Г. Мифы и факты о Верховном правителе России. М., 2019. С. 64–65.

«не англичане его использовали, а наоборот, он их использовал»¹⁰¹, поэтому «“романтическую” версию о “незримой руке туманного Альбиона” следует отбросить»¹⁰².

А.С. Кручинин в 2010 г. в биографии адмирала А.В. Колчака пишет, что генерал Нокс «в отличие от многих иностранцев искренне сочувствовал России и страданиям русского народа» и, хотя «не упускал из виду и интересов своей страны», делать, «вслед за советскими авторами, из его слов¹⁰³ вывод о Колчаке как “английской марионетке” отнюдь не правомерно»¹⁰⁴.

В исследовании, посвященном внешней политике А.В. Колчака, историк А.В. Шмелев делает вывод, что «косвенное обвинение союзников в желании свергнуть Директорию» «...отражает интересное видение событий и союзной политики в Сибири, но оно не подтверждается фактами», «...несмотря на то, что некоторые английские военные (батальон Уорда. — Р.Г.) участвовали в поддержании порядка на улицах Омска в ночь переворота»¹⁰⁵. Омский историк М.М. Стельмак, размышляя о возможной вербовке Колчака британскими спецслужбами, пишет, что «...тезис о ведущей роли иностранных спецслужб, как правило, лежит в той же плоскости, что и рассуждения о масонских заговорах и конспирологические теории». Он обращает внимание, что «миф о помощи, оказываемой А.В. Колчаку для прихода к власти англичанами», базируется на мнениях чинов Французской военной миссии¹⁰⁶.

Автор книги о британской разведке в России Ю.Х. Тотров, упоминая о свидетельстве Жанена об участии одного из британских агентов

¹⁰¹ Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: Драма Верховного правителя. М., 2022. С. 128–130.

¹⁰² Хандорин В.Г. Адмирал Колчак. Правда и мифы. Томск, 2006. С. 75.

¹⁰³ Речь о словах, написанных Ноксом 31 августа 1918 г. и приведенных П. Флемингом: «Несомненно, он — наиболее подходящая фигура из русских для наших целей на Дальнем Востоке» (Флеминг П. Судьба адмирала Колчака... С. 52). Цитата в разных версиях перевода приводится во многих исследованиях и публицистике (см., напр.: «Нет никакого сомнения в том, что он (Колчак) является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке» (Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 37; Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. М., 2000. С. 402 и др.).

¹⁰⁴ Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 248–249.

¹⁰⁵ Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017. С. 25.

¹⁰⁶ Стельмак М.М. Взаимодействие Российского правительства А.В. Колчака с иностранными союзниками в конце 1918 г. // Скепсис. Научно-просветительский журнал. Электронный ресурс. Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_3739.html?ysclid=lr9at1z1fd177582034#_ftnref12 (дата обращения: 11.01.2024 г.)

капитана Стевени во встрече заговорщиков накануне 18 ноября, также приводит интересную информацию: за работу в России он был удостоен французами орденом Черной звезды, а чехословаками — Военным крестом¹⁰⁷.

Питерский историк А.В. Смолин в 2018 г. в своем исследовании о Колчаке обращает внимание на то, что и генерал Нокс, и полковник Уорд «...являлись сторонниками военной диктатуры и вряд ли их приезд можно считать случайностью». Он указывает, что к миссии был прикомандирован штаб-офицер для поручений штабс-капитан И.С. Ильин, также сторонник сильной власти. 21 октября Ильин получил приказ отбыть в распоряжение А.В. Колчака, одновременно оставаясь при Британской военной миссии. По его мнению, так осуществлялась связь между Ноксом и Колчаком. После отъезда генерала Нокса в командировку во Владивосток вместо него в Омске остались полковник Дж. Нилсон и капитан Л. Стевени и «функции Ильина как связующего звена с англичанами, а затем и французами остались». Смолин приходит к выводу, что вопрос содействия союзников переворота 18 ноября «не вызывает особых сомнений», «при этом более выпуклой была помощь англичан». По его мнению, участие британцев выражалось «в поддержке идеи военной диктатуры», «по существу охранной функции» батальона Уорда, а также информировании заговорщиками «английских и французских военных о подготовке переворота и заверений в их нейтральной позиции»¹⁰⁸.

Введенный в научный оборот историками разных стран комплекс документов, связанных с возможным участием Британской военной миссии в Сибири в подготовке и проведении переворота 18 ноября 1918 г., на сегодня не позволяет сделать однозначного вывода об участии в событиях генерала Нокса и подчиненных ему офицеров. Вероятнее всего, ряд чинов британской миссии, включая самого Нокса, были информированы о заговоре, но роль миссии в его реализации сводилась к обещанию нейтралитета в предстоящем перевороте и, вероятно, дальнейшей поддержке установившейся диктатуры. Подобный благожелательный нейтралитет в отношении заговорщиков сам по себе имел значение, но все же не равнялся активной роли. Косвенное участие британцев в событиях заключалось в присутствии в Омске 25-го батальона Мидлсекского полка. С одной стороны, как воинская часть, сформиро-

¹⁰⁷ Топров Ю.Х. Английская разведка в России. С. 292–293.

¹⁰⁸ Смолин А.В. Взлет и падение адмирала Колчака. СПб., 2018. С. 161, 172.

ванная из ограниченно годных к военной службе резервистов, он имел довольно сомнительную боевую ценность. С другой — возможная поддержка им заговорщиков при попытке защиты Директории войсками Чехословацкого корпуса могла бы иметь важное политическое значение. В курсе готовящегося переворота были и некоторые из французских военных, находившихся в Сибири.

Первопричиной однозначного вывода генерала Жанена и ряда других чинов Французской военной миссии в Сибири о ключевой роли британцев в перевороте 18 ноября было противостояние между представителями двух стран в Сибири, которое началось во второй половине 1918 г. и продолжалось большую часть 1919 г. Борьба за влияние в Сибири и, больше того, после ожидаемой скорой победы над советской властью — в будущей единой России приводила и к обоснованным, и необоснованным подозрениям, взаимным обидам и подковерной борьбе. Немаловажным фактором для формирования убежденности в британском участии в заговоре были антибританские настроения самого Жанена. Генерал в воспоминаниях обвинял Великобританию не только в организации в 1917 г. Февральской революции в России, но и указывал на ее роль в прошлом в революционных событиях во Франции¹⁰⁹. Вина Великобритании, вмешавшейся в развитие событий в Сибири в 1918 г. и оказавшей помощь в свержении демократической власти, для Жанена стала одним из важных элементов его концепции Гражданской войны в России.

¹⁰⁹ *Janin M. En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917: le journal inédit du général Janin. Paris, 2015. P. 136.*

REFERENCES

1. *Avenel J.-D.* Interventions alliées pendant la guerre civile russe (1918–1920). 2e éd. Paris, 2010. 248 p. Kindle Edition.
2. *Baftalovskij I.A.* 18 noyabrya 1918 g. Vospominaniya [18 November 1918. Memoirs] // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation] (GA RF). F. 5881. Op. 2. D. 242. L. 1–16.
3. *Billebeau J.* Le général Janin dans la tourmente sibérienne 1918–1920 // Revue historique des armées. № 186 (1). 1992. P. 63–76.
4. *Bogdanov K.A.* Admiral Kolchak. Biograficheskaya povest'-hronika [Biographical story-chronicle]. SPb., 1993. 304 c.
5. *Boldyrev V.G.* Direktoriya. Kolchak. Interventy. Vospominaniya (iz cikla «Shest' let» 1917–1922 gg.) [Kolchak. Interventionists. Memories (from the cycle Six Years 1917–1922)]. Novonikolaevsk, 1925. 562 s.
6. *Bradley J.F.N.* Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York, 1968. 251 p.
7. *Bradley J.F.N.* Civil war in Russia, 1917–1920. London; Sydney, 1975. 197 p.
8. *Chamberlin W.H.* The Russian Revolution. T. 2. London, 1935. 511 p.
9. «Diktatura Kolchaka»: general Moris Janin i nachalo raboty Francuzskoj voennoj missii v Sibiri v noyabre–dekabre 1918 g. [Kolchak's Dictatorship: General Maurice Jeanin and the beginning of the French Military Mission in Siberia in November–December 1918] // Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]. T. 37. M., 2021. S. 204–229.
10. Dnevnik Pepelyaeva [Pepelyaev's diary] // Krasnye zori. № 4. Irkutsk, 1923. S. 75–90.
11. *Fleming P.* Sud'ba admirala Kolchaka, 1917–1920 [The Fate of Admiral Kolchak]. M., 2006. 272 s.
12. *Fleming P.* The Fate of Admiral Kolchak. New York, 1963. 253 p.
13. *Gagkuev R.G.* Raport generala M. Janina ob itogah raboty Francuzskoj voennoj missii v Sibiri [Report of General M. Jeanin on the results of the French military mission in Siberia] // Novejshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]. 2020. T. 10. № 4. S. 1051–1070.

14. *Goloubinoff V.* La mission de la section photographique et cinématographique de l'armée en Sibérie et en Russie du nord 1918–1919. Paris, 2010. 27 p.
15. *Golovin N.N.* Rossijskaya kontrrevolyuciya v 1917–1918 gg. [Russian counter-revolution in 1917–1918]. T. 2. M., 2011. 702 s.
16. *Gourmen P.* La mission militaire française en Sibérie / P. Gourmen, J.-B. Durocelle (Directeur de thèse). Thèse, Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 1971. 200 p.
17. *Grey M., Bordier J.* Les Armées Blanches. Paris, 1968. 287 p.
18. *Grondijs L.* Vojna v Rossii i Sibiri [War in Russia and Siberia]. M., 2018. 455 s.
19. *Handorin V.G.* Admiral Kolchak. Pravda i mify [Admiral Kolchak. Truth and myths]. Tomsk, 2006. 288 s.
20. *Handorin V.G.* Admiral Kolchak: Drama Verhovnogo pravatelya [Admiral Kolchak: Drama of the Supreme Ruler]. M., 2022. 526 s.
21. *Handorin V.G.* Mify i fakty o Verhovnom pravitele Rossii [Myths and facts about the Supreme Ruler of Russia]. M., 2019. 198 s.
22. *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris, 1981. 316 p.
23. *Ioffe G.Z.* Kolchakovskaya avantjura i ee krah [Kolchak's adventure and its collapse]. M., 1983. 294 s.
24. *Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR* [History of the Civil War in the USSR]. T. 4. M., 1958. 476 s.
25. *Janin [M.]* Ma mission en Siberie. 1918–1920. Paris, 1933. 307 p.
26. *Janin M.* Otryvki iz moego Sibirskogo dnevnika [Extracts from my Siberian diary] / Predisl. i primech. V.D. Vegmana [Preface and notes by V.D. Wegman] // Sibirskie ogni. Novosibirsk, 1927. № 4. S. 133–158.
27. *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre, 1916–1917: le journal inédit du général Janin. Paris, 2015. 283 p.
28. *Janin M.* Moje učast na Československém boji za svobodu / z rukopisu přeložil Hanuš Jelínek. Praha, [1926]. 382 s.
29. *Jevakhoff A.* La guerre civile russe: 1917–1922. Paris, 2017. 687 p.
30. *Kettle M.* Churchill and the Archangel Fiasco, November 1918 – July 1919. New York, 1992. 582 p.
31. *Knox A.* Reviewed Work: Fragment de mon Journal Sibérien. Le Monde slave for December, 1924 // The Slavonic Review. Vol. 3. № 9. Mar., 1925. P. 724.

32. *Knox A.* Vmeste s russkoj armiej. Dnevnik voennogo attashe [Together with the Russian Army. Diary of a military attaché]. 1914–1917. M., 2014. 670 s.
33. *Knox A.* With the Russian army, 1914–1917: being chiefly extracts from the diary of a military attaché. Vol. 2. London, 1921. 760 p.
34. *Kolosov E.* Kak eto bylo? (Massovye ubijstva pri Kolchake v dekabre 1918 g. v Omske i gibel' N.V. Fomina) [How was it? (Mass murders under Kolchak in December 1918 in Omsk and the death of N.V. Fomin)] // *Byloe.* № 21. Pg., 1923. S. 251–297.
35. *Krasnov V.G.* Kolchak. I zhizn', i smert' za Rossiyu [Life and Death for Russia]. Kn. 1. M., 2000. 431 s.
36. *Krasnov V.G.* Kolchak. I zhizn', i smert' za Rossiyu [Life and Death for Russia]. Kn. 2. M., 2000. 351 s.
37. *Kratochvil J.* Cesta revoluce (československé legie v Rusku). Praha, 1922. 656 p.
38. *Kruchinin A.S.* Admiral Kolchak: zhizn', podvig, pamyat' [Admiral Kolchak: life, feat, memory]. M., 2010. 694 s.
39. *Lasies J.* La tragédie sibérienne, le drame d'Ekatérinbourg, la fin de l'amiral Koltchak. Paris, 1921. 260 p.
40. Le journal Siberian du général Janin // *Le Monde slave.* Paris, 1925. № 4. P. 20–24.
41. *Legras J.* L'agonie de la Sibérie (1918–1920) // *Le Monde slave.* 1928. № 2. P. 161–195.
42. *Majskiy I.* Demokraticeskaya kontrevolyuciya [Democratic counter-revolution]. M.; Pg., 1923. 359 s.
43. *Majskiy I.* Predislovie k russkomu izdaniyu [Preface to the Russian edition] // *Ward J.* Soyuznaya intervenciya v Sibiri, 1918–1919 gg.: Zapiski nachal'nika anglijskogo ekspedicionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda [Allied intervention in Siberia, 1918–1919: Notes of the head of the British expeditionary force Colonel John Ward]. M.; Pg., 1923. S. 7–23.
44. *Melgunov S.P.* Tragediya admirala Kolchaka [Tragedy of Admiral Kolchak]. Kn. 1. M., 2004. 576 s.
45. *Milyukov P.N.* Rossiya na perelome [Russia at the turning point]. T. II. Antibol'shevickoe dvizhenie [Anti-Bolshevik Movement]. Paris, 1927. 281 s.
46. *Milyukov P.N.* Russia Today and Tomorrow. New York, 1922. 392 p.
47. *Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique. Vol. II. Paris, 1933. 300 p.

48. *Pereira N.G.O.* White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal, 1996. 261 p.
49. *Pichon.* Le coup d'État de l'amiral Kolcak // *Le Monde slave.* 1925. № 2. P. 248–270.
50. *Plotnikov I.F.* Aleksandr Vasilyevich Kolchak: issledovatel', admiral, Verhovnyj pravitel' Rossii [Alexander Vasilyevich Kolchak: Researcher, Admiral, Supreme Ruler of Russia]. M., 2002. 701 s.
51. Raport generala M. Janina voennomu ministru A. Lefevru o missii v Sibiri. 20 iyunya 1920 g. [Report on General M. Janin to the Minister of War A. Lefebvre about the mission in Siberia. 20 June 1920] // *Grondijs L.H.* Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe. Leiden, 1939. P. 229–239.
52. Raport nachal'nika Francuzskoj voennoj missii v Sibiri generala M. Janina voennomu ministru J. Clemanso. 14 dekabrya 1918 g., Omsk [Report of the Head of the French Military Mission in Siberia General M. Jeanin to the Minister of War J. Clemenceau. 14 December 1918, Omsk] // SHD. 16 N. Carton 3810. D. 4. 14Décembre 1918.
53. *Rouquerol J.* La guerre des rouges et des blancs: l'aventure de l'amiral Koltchak. Paris, 1929. 189 p.
54. *Shishkin V.I.* K istorii kolchakovskogo perevorota [To the history of the Kolchak coup] // *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii* [Izvestia Sibirskogo branch of the Academy of Sciences of the USSR. Series of history, philology and philosophy]. Novosibirsk, 1989. Vyp. 1. S. 59–63.
55. *Shishkin V.I.* Kolchakovskij gosudarstvennyj perevorot v osveshchenii rossijskikh memuaristov [Kolchak coup d'état in the coverage of Russian memoirists] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. Tomsk, 2018. № 56. S. 66–78.
56. *Shmelev A.V.* Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka [Foreign policy of the government of Admiral Kolchak] (1918–1919 gg.). SPb., 2017. 266 s.
57. *Shmeral B.* Chekhoslovaki i esery [Czechoslovaks and the SRs]. M., 1923. 32 s.
58. *Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. 759 p.
59. *Smolin A.V.* Vzlet i padenie admirala Kolchaka [The rise and fall of Admiral Kolchak]. SPb., 2018. 237 s.

60. *Spirin L.M.* Razgrom armii Kolchaka [The defeat of Kolchak's army]. M., 1957. 296 s.
61. *Stelmak M.M.* Vzaimodejstvie Rossijskogo pravitel'stva A.V. Kolchaka s inostrannymi soyuznikami v konce 1918 g. [Interaction of the Russian government A.V. Kolchak with foreign allies at the end of 1918. A.V. Kolchak with foreign allies at the end of 1918] // Skepsis. Nauchno-prosvetitel'skij zhurnal [Scientific and Educational Journal. Electronic resource]. Mode of access: https://scepsis.net/library/id_3739.html?ysclid=lr9at1z1fd177582034#_ftnref12 (date of address: 11.01.2024 g.)
62. *Subbotovskij I.* Soyuzniki, russkie reakcionery i intervenciya: Kratkij obzor: (Isklyuchitel'no po oficial'nym arhivnym dokumentam Kolchakovskogo pravitel'stva) [Allies, Russian reactionaries and intervention: A brief review (Exclusively on official archival documents of the Kolchak government)]. L., 1926. 328 s.
63. *Svyatickij N.V.* Reakciya i narodovlastie: (Ocherk sobytij na vostoке Rossii) [Reaction and People's Power (Sketch of Events in the East of Russia)]. M., 1920. 32 s.
64. Telegramma nachal'nika Francuzskoj voennoj missii v Sibiri generala M. Janina ministru inostrannyh del Chekhoslovakii E. Beneshu. 22 dekabrya 1919 g. [Telegram from the Chief of the French Military Mission in Siberia, General M. Janina to the Minister of Foreign Affairs of Czechoslovakia E. Benesch. 22 December 1919] // *Grondijs L.H.* Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe. Leiden, 1939. P. 107–109.
65. Telegramma nachal'nika Francuzskoj voennoj missii v Sibiri generala M. Janina voennomu ministru J. Clemanso. 15 dekabrya 1918 g., Omsk [Telegram from the Chief of the French Military Mission in Siberia, General M. Jeanin to the Minister of War J. Clemenceau. 15 December 1918]. № 209–210 // SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 15 décembre 1918.
66. *Totrov Y.H.* Anglijskaya razvedka v Rossii [English Intelligence in Russia]. M.; SPb., 2023. 480 s.
67. *Tsvetkov V.Z.* Beloe delo v Rossii [The White Cause in Russia]: 1917–1919 gg. M., 2019. 1053 s.
68. *Ullman R.H.* Anglo-soviet Relations, 1917–1921. V. I: Intervention and the War. London, 1968. 361 p.
69. *Ullman R.H.* Anglo-soviet Relations, 1917–1921. V. II: Britain and the Russian Civil War. London, 1968. 432 p.

70. Une Declaration de M. Lebedeff aneien minister du cabinet Kerensky // Excelsior: journal illustré quotidien. № 3401. 3 avril 1920. P. 2.
71. *Ward J.* Soyuznaya intervenciya v Sibiri, 1918–1919 gg.: Zapiski nachal'nika anglijskogo ekspedicionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda [Allied intervention in Siberia, 1918-1919: Notes of the head of the British expeditionary force Colonel John Ward]. M.; Pg., 1923. 172 s.
72. *Ward J.* With the «Die-Hards» in Siberia. London, 1920. 313 p.
73. *Zyryanov P.N.* Admiral Kolchak. M., 2012. 637 s.

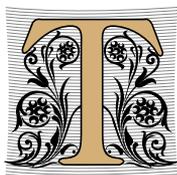

Ключевые слова:

Гражданская война в России (1917–1922 гг.), Восточный фронт Белого движения, интервенция в Россию (1918–1922 гг.), Французская военная миссия в Сибири, Российское правительство Колчака, генерал М. Жанен, адмирал А.В. Колчак, Британская военная миссия в Сибири, генерал А. Нокс.

Ruslan G. Gagkuev

THE QUESTION OF POSSIBLE PARTICIPATION OF THE BRITISH MILITARY MISSION IN SIBERIA IN CARRYING OUT OF THE COUP ON NOVEMBER 18, 1918 AND TO THE RISE OF A.V. KOLCHAK TO POWER

The question of possible participation of the British military mission in Siberia headed by General A. Knox in the preparation and carrying out of the coup on November 18, 1918 as a result of which the power of the supreme ruler of Russia A.V. Kolchak was established is analysed.

The sources introduced to date on the subject, as well as domestic and foreign historiography concerning this issue are considered. Particular attention is paid to the testimonies of officers of the French military mission in Siberia, its chief, General M. Janin in the formation of the version of the British conspiracy and the role of General Knox and his officers in the coup d'état.

Key Words: Civil War in Russia (1917–1922), the Eastern Front of the White Movement, Intervention in Russia (1918–1922), French Military Mission in Siberia, Russian Government of Kolchak, General M. Janin, Admiral A.V. Kolchak, British Military Mission in Siberia, General A. Knox.

Ruslan G. Gagkuev — D.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

 Гэгкуев Руслан Григорьевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН (Москва, Россия)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.003

И.В. Федотова

ОБРАЗ М.Н. ТУХАЧЕВСКОГО В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ 1918–1923 гг.

ичность видного военного деятеля, маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского вызывает интерес и дискуссионные оценки российских историков и публицистов¹. При этом в современном массовом сознании под влиянием различных «черных» мифов сформировался его образ, который можно охарактеризовать как упрощенный и негативный. Отметим, что в современной историографии весьма остро стоит вопрос мифологизации биографий участников Гражданской войны (в том числе на локальном уровне)². Но важно понимать, что

¹ Назаренко К.Б. Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой // Новейшая история России, 2015. № 3. С. 55–68; Синяков А.П. И снова о Тухачевском. Кто же Вы, Красный Бонапарт? // Военно-исторический архив, 2009. № 5. С. 43–71; № 6. С. 46–65; № 7. С. 77–96; № 8. С. 56–75; № 9. С. 157–168; Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, ее можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. Омск, 2019. Т. 4. № 1. С. 12–13.

² Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. Омск, 2018. № 3. С. 9–15; Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. Красноярск, 2020. Т. 4. № 4. С. 38–49.

образ полководца менялся в зависимости от событий в его биографии («опала» в конце 1920-х гг., объявление «врагом народа» в 1937 г.), а впоследствии стал сильно зависим от политической обстановки в СССР и России (реабилитация в 1957 г., активная критика советских деятелей после распада СССР). Изучение подобной трансформации образа Тухачевского в массовом сознании помогает выявить на примере судьбы отдельного военного деятеля воздействие политической конъюнктуры на историческую память, выяснив, при помощи каких средств формировался имидж того или иного деятеля.

В данном исследовании мы обратимся к тому периоду, когда М.Н. Тухачевский получил признание и известность как «революционный генерал», — ко времени Гражданской войны и первым годам после нее. Тогда происходило осмысление и активно обобщался опыт данного конфликта. За годы Гражданской войны Тухачевский — недавний подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка — высоко поднялся в советской военной иерархии. Напомним, что с апреля 1918 г. по 1923 г. он последовательно работал в военном отделе ВЦИК РСФСР, был военным комиссаром Московского района обороны, командовал 1-й, 8-й и 5-й армиями на Восточном и Южном фронтах, а также войсками Кавказского и Западного фронтов. Некоторое время руководил Военной академией РККА, потом был возвращен на Западный фронт.

Формирование образа будущего «Красного маршала» в годы Гражданской войны частично показано в историографии³. Не претендуя на полный охват вопроса, мы проанализируем источники по данной теме, исходя из того, что главным средством распространения информации и пропаганды в те годы являлась пресса. Всего для исследования было отобрано 16 центральных и региональных периодических изданий, выходивших, в том числе в городах, связанных с событиями биографии Тухачевского (Омск, Симбирск, Смоленск, Тамбов, Челябинск и др.). Также мы обратились к военной периодике тех лет, где часто публиковались и обсуждались работы Тухачевского, создавая тем самым определенный образ полководца в военно-научной среде.

Одно из первых упоминаний в прессе о будущем советском полководце произошло в период Первой мировой войны. 19 февраля (ст. ст.) 1915 г. в бою у г. Кольно подпоручик Тухачевский, который ранее за

³ Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. 640 с. Левитин М.Н. Смоленские годы Тухачевского // Край Смоленский. Смоленск, 2003. № 1–2. С. 43–59; № 5–6. С. 30–43; № 7–8. С. 93–107; № 9–10. С. 26–39.

полгода получил пять наград и представление к шестой⁴, попал в плен к немцам. В газете «Русский инвалид» его ошибочно объявили погибшим⁵. Молодому офицеру удалось вернуться на родину только в октябре 1917 г. после удачной попытки побега из плена.

В 1918 г. имя Михаила Николаевича появляется в прессе вновь, уже непосредственно в связи с событиями Гражданской войны. В июне, после плодотворной работы в военном отделе ВЦИК⁶, он был отправлен командовать 1-й Восточной армией (в будущем — 1-я армия Восточного фронта), которая сражалась с чехословаками и Народной армией КОМУЧа. По инициативе Тухачевского была объявлена мобилизация бывших офицеров в 1-ю армию за неделю до аналогичного всероссийского мероприятия (10 июля 1918 г.⁷). Но в приказе М.Н. Тухачевского и заместителя председателя Симбирского губисполкома И.М. Варейкиса о мобилизации офицеров, опубликованном в газете, фамилия Тухачевского была напечатана как «Тухатовский»⁸ (рис. 1). Тогда она была не «на слуху», и ее искажали довольно часто. В приказах командующего Восточным фронтом И.И. Вацетиса фамилия командарма-1 писалась и правильно, и как «Тухочевский»⁹. Эта тенденция сохранилась, когда полководец обрел всероссийскую известность. Например, в листовке «К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов» от 5 марта 1921 г. командарм-7 был указан как «А. Трухачевский»¹⁰.

18 июля 1918 г. уже в Пензе был опубликован «Приказ по первой Революционной армии Восточного фронта» о создании полевых трибуналов от 5 июля 1918 г., подписанный М.Н. Тухачевским, начальником

⁴ Шабанов В.М. В свой полк из плена через шесть границ // Военно-исторический журнал, 1996. № 5. С. 90–92.

⁵ От Особого отделения Главного штаба по сбору сведений о потерях в действующих армиях // Русский инвалид (Петроград), 27 февр. 1915. № 47. С. 4.

⁶ Черемных В.М. На защите завоеваний революции: Военно-организаторская деятельность ВЦИК в первые годы Советской власти. М.: Мысль, 1988. С. 111–114, 219–239.

⁷ История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 133.

⁸ Приказ по 1-й Восточной Армии // Известия Симбирского Губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов (Симбирск), 4 июля 1918. № 128. С. 1, 4.

⁹ Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (Чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. 18.VII–7.IX.1918 г. М.: Оперативный отд. Нар. комиссариата по военным делам, 1918. С. 13, 45.

¹⁰ К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов. 5 марта 1921. Г. Петроград // <https://www.litfund.ru/auction/204/189/> (Дата обращения 17.08.2023).

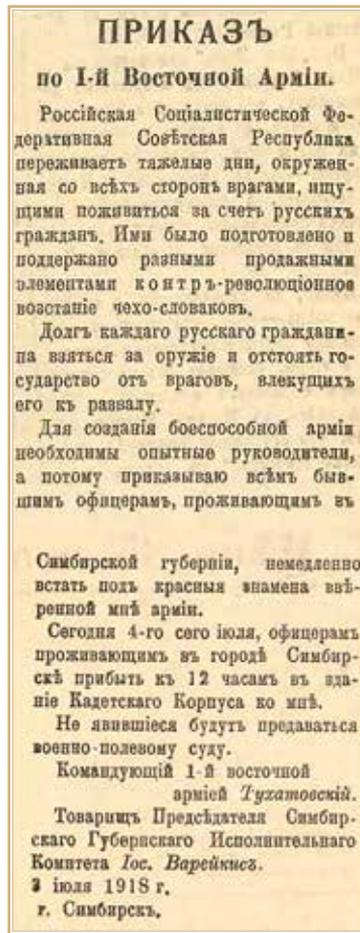

Рисунок 1. Приказ по 1-й Восточной армии, опубликованный в «Известиях Симбирского Губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов» 4 июля 1918 г. с неправильной фамилией М.Н. Тухачевского

штаба армии Р. Шимуничем и политическим комиссаром О.Ю. Калниным¹¹. Этот приказ был необходим в трудных условиях формирования армии¹². Несмотря на то, что трибуналы могли выносить весьма суровые наказания, вплоть до смертной казни, в приказе подчеркивалось, что «полевой трибунал должен руководствоваться долгом совести перед революцией и *человеческим достоинством* (курсив мой — И.Ф.), с этой точки зрения рассматривать возложенные на него обязанности». Таким образом, в 1918 г. командарм «обретал имя» в массовом сознании благо-

¹¹ Приказ по первой Революционной армии Восточного фронта № 3 // Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов (Пенза), 18 июля 1918. № 143. С. 1.

¹² См., напр.: *Наумов Е.О.* «Кадры решают всё»: комплектование 1-й армии Восточного фронта военными и гражданскими специалистами во второй половине 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований, 2022. № 2 (29). С. 25–86; *Наумов Е.О.* «Преступление и наказание»: военно-революционные трибуналы 1-й армии Восточного фронта во второй половине 1918 — начале 1919 г. // Российская история, 2019. № 5. С. 35–49.

даря распространению различных приказов, в том числе и посредством региональной прессы, а также первым интервью для газет¹³.

В начале 1919 г. имя Тухачевского появляется в военных журналах. Например, фотография представителей командования 1-й армии была опубликована в журналах «Красная звезда» в феврале 1919 г.¹⁴ и «Красный офицер» в апреле 1919 г.¹⁵ В обоих случаях в подписи к снимку были указаны только фамилии командарма М.Н. Тухачевского и начальника штаба Н.И. Корицкого (рис. 2). Так молодой полководец входил в «публичное поле», «обретая лицо» среди представителей военной элиты.

В центральной прессе имя Тухачевского стало появляться со второй половины 1919 г. в связи с победами 5-й армии Восточного фронта под его командованием. Так, 1 ноября 1919 г. «Правда» писала: «В Петропавловском районе доблестные красные войска армии тов. Тухачевского в ночь на 30 октября заняли гор. Петропавловск. На остальных участках на плечах разбитых войск Колчака вышли к реке Ишиму <...>»¹⁶. В газете «Известия» на следующий день после взятия 5-й армией Омска — «белой столицы России» — опубликовали обращение РВС армии: И.Н. Смирнова, М.Н. Тухачевского и К.И. Грюнштейна «Привет с красного фронта»¹⁷.

Председатель РВСР и нарком по военным делам РСФСР Л.Д. Троцкий в одном из выступлений (опубликованном в «Известиях», следовательно, ставшим доступным широкому кругу читателей) внес лепту в формирование положительного имиджа молодого полководца. Рассуждая о новом командном составе, появившемся в ходе Гражданской войны, он заявил: «У нас есть в качестве одного из блестящих командармов бывший молодой не то прапорщик, не то подпоручик тов. Тухачевский, который провел ряд блестящих операций в решающих действиях против Колчака (*аплодисменты*)»¹⁸. Таким образом, Лев Давидович признал заслуги молодого командарма, который не являлся его ставлен-

¹³ О взятии Сызрани и Самары (интервью с М.Н. Тухачевским) // Вооруженный народ (Петроград), 15 окт. 1918. № 76. С. 3.

¹⁴ Галерея советских работников // Красная звезда. М., 12 февр. 1919. № 8. С. 5.

¹⁵ Штаб N-ой армии // Красный офицер. М., 1919. № 3–4. С. 29.

¹⁶ Данишевский [К.Х.] Оборона советской России. Оперативная сводка от 31 октября // Правда, 1 нояб. 1919. № 245. С. 1.

¹⁷ Смирнов И.Н., Тухачевский М.Н., Грюнштейн К.И. Привет с красного фронта // Известия, 15 нояб. 1919. № 256. С. 1.

¹⁸ Речь тов. Троцкого во второй день съезда Советов // Известия, 9 дек. 1919. № 276. С. 3.

Рисунок 2. Штаб 1-й армии Восточного фронта. Четвертый справа — М.Н. Тухачевский, пятый — Н.И. Корицкий. 1918 г. Снимок был опубликован в журналах «Красный офицер» и «Красная звезда» в начале 1919 г.

ником¹⁹, вопреки сложившемуся мнению, и с кем у него были серьезные разногласия, вплоть до конфликтов²⁰.

В региональной прессе имя Тухачевского часто упоминалось в тех городах, где работал штаб 5-й армии. Например, 11 октября 1919 г. в Челябинске торжественно прошел первый выпуск курсов старших строевых и штабных начальников. К выпускникам обратились с речами командарм М.Н. Тухачевский и член РВС 5-й армии И.Н. Смирнов²¹. Во взятой «белой столице» «Известия Омского революционного комитета» сообщали, что Тухачевский выступил на торжественном митинге в городском театре 19 ноября 1919 г.²² Эта же газета опубликовала ряд его приказов и статей²³. Можно отметить, что в 1919 г. образ Тухачевского стал «оживать» и «героизироваться» в массовом сознании, несмотря на то, что основной информацией о его деятельности были, как и годом ранее, различные ведомственные приказы.

¹⁹ Войтиков С.С. Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М.: Центрполиграф, 2016. С. 567.

²⁰ Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. С. 112.

²¹ Выпуск красных командиров // Советская Сибирь (Челябинск), 14 окт. 1919. № 12. С. 4.

²² Омская хроника. Митинг в городском театре // Известия Омского революционного комитета (Омск), 22 нояб. 1919. № 5. С. 3.

²³ См. напр.: Тухачевский М.Н. Разгром // Известия Омского революционного комитета, 19 нояб. 1919. № 2. С. 1.

Следующий «блок» упоминаний Тухачевского в прессе появляется во время его командования Кавказским фронтом в феврале — апреле 1920 г. и Западным фронтом в ходе Советско-польской войны. В марте 1920 г. в «Известиях» опубликовали обращение командующего Кавказским фронтом М.Н. Тухачевского, члена РВС фронта Г.К. Орджоникидзе и начальника штаба фронта С.А. Пугачёва «Конец Деникина»²⁴. Через 3 дня появился ответ председателя ВЦИК М.И. Калинина и секретаря ВЦИК А.С. Енукидзе: «Президиум ВЦИК, заслушав сообщения членов Реввоенсовета Кавказского фронта тов. Тухачевского и Орджоникидзе о полном разгроме южной контрреволюции, шлет горячий привет всем командирам, комиссарам и красноармейцам»²⁵.

В газете «Красноармейская правда» (орган политотдела 30-й стрелковой дивизии) напечатали заметку о пленуме Московского совета, на котором сообщили о взятии красными частями Новороссийска и Грозного. «Под несмолкаемые аплодисменты пленум принимает приветствие главным победителям: командующему [Кавказским] фронтом Тухачевскому, членам реввоенсовета Смилге, Орджоникидзе»²⁶. В другой газете М.Н. Тухачевский был назван «славным победителем» армии Деникина²⁷.

В связи с этими событиями Тухачевского вспоминали в городах, ставших ранее местами его побед. В Омске 25 марта 1920 г. на параде курсантов военно-учебных заведений города представитель Сибревкома А.Г. Гойхбарг произнес: «Вам вручаются красные знамена в тот момент, когда наш враг совершенно исчез. На южном фронте банды Деникина окончательно добиты Красной армией под командованием бывшего среди нас красного офицера тов. Тухачевского...» Это было напоминанием о пребывании Тухачевского в Омске и периоде его командования 5-й армией²⁸.

Естественно, что имя Тухачевского появлялось в прессе и после его перевода на Западный фронт. В томской газете «Знамя революции» был приведен приказ войскам Западного фронта от 4 июня 1920 г., подписанный командующим фронтом М.Н. Тухачевским, членом РВС фронта И.Т. Смилгой и начальником штаба Н.Н. Шварцем, с требованием ото-

²⁴ Тухачевский М.Н., Орджоникидзе Г.К., Пугачёв С.А. Конец Деникина // Известия, 28 марта 1920. № 68. С. 1.

²⁵ Калинин М.И., Енукидзе А.С. Приветствие Кавказскому фронту // Известия, 1 апр. 1920. № 71. С. 2.

²⁶ Конец Деникина // Красноармейская правда: орган политического отдела 30-й стрелковой дивизии (б. м.), 27 марта 1920. № 49. С. 2.

²⁷ Взятие Грозного, Новороссийска и конец Деникина // Серп и молот (Бийск), 27 марта 1920. № 67. С. 2.

²⁸ Парад курсантов // Советская Сибирь (Омск), 27 марта 1920. № 68. С. 3.

мстить за сожжение г. Борисова и убийство его мирного населения отступающими польскими войсками²⁹. В другом номере той же газеты был опубликован материал (без указания источника заимствования), опровергающий от лица Народного комиссариата по военным делам «ряд ошибочных и явно злонамеренных ложных сообщений, распространяемых западно-европейскими и американскими буржуазными агентами относительно организации командования в наших армиях на польском фронте. Неоднократно сообщалось за границей, будто командование против поляков принадлежит бывшему верховному главнокомандующему А.А. Брусилову. Это сообщение совершенно ложно. Противопольский фронт разделяется на Западный и Юго-Западный. Командующим армиями Западного фронта является товарищ Тухачевский. В старой армии он имел чин поручика (подпоручика. — И.Ф.). В Красной армии он командовал 1-й армией в боях против Колчака, 8-й армией против Деникина, 5-й армией против Колчака, Юго-Восточным фронтом (правильно — Кавказским. — И.Ф.) против Деникина. Операции, руководимые тов. Тухачевским против Деникина, как и против Колчака, окончились полным разгромом последних. Тов. Тухачевскому 27 лет. С начала революции он состоит членом коммунистической партии. Командование на Юго-Западном фронте находится в руках тов. Егорова»³⁰.

«Правда» разместила репортаж о митинге рабочих в Белостоке 2 августа. На нем в числе других политических и военных деятелей выступил от лица РККА «доблестный командующий Западного фронта Тухачевский»³¹. Но такое персональное упоминание военачальника в центральной прессе было скорее исключением — как во время наступления РККА на Варшаву, так и после «Чуда на Висле».

В другой томской газете осенью 1920 г. была напечатана заметка о появившемся внимании к личности Тухачевского за рубежом: «Английские газеты интересуются новым командующим Западным фронтом тов. Тухачевским, бывшим поручиком царской армии». Газета пишет: «Он сумел за сравнительно очень короткий срок добиться самой широкой популярности. Победы над Колчаком, Деникиным, над поляками в Белоруссии <...> показали, что Тухачевский обладает редким военным талантом»³². Таким образом, в прессе в то время

²⁹ Не забывайте Борисов! Приказ войскам Западного фронта // Знамя революции (Томск), 26 июня 1920. № 129. С. 1.

³⁰ Необходимая поправка // Знамя революции, 25 июля 1920. № 154. С. 1.

³¹ РОСТА. Красная Польша организуется // Правда, 6 авг. 1920. № 172. С. 2.

³² Англичане о красных командирах // Молот (Томск), 5 окт. 1920. № 105. С. 1.

Михаила Николаевича не обвиняли в неудаче «Похода за Вислу», как десятилетие спустя.

В 1920 г. началась активная публикация работ Тухачевского, посвященных изучению опыта Гражданской войны (отметим, что его теоретические работы увидели свет уже в 1919 г.³³). Одним из первых это начал журнал «Вестник аудитории военного дела», выходявший в Омске в мае — июне 1920 г.³⁴ Начальник Сибирского управления военно-учебных заведений и редактор журнала Николай Иванович Корицкий³⁵ в предисловии к публикации работы Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» написал о своем бывшем начальнике и друге возвышенно и патетично: «Михаил Николаевич Тухачевский — не генштабист, не генерал старой армии и не профессор военных наук, а воин-революционер. Талантливость и революционный пыл — залог его успеха». Корицкий отмечал, что Тухачевский «еще в военном училище показал большие способности», а в годы Первой мировой войны «стяжал себе славу на поле брани <...>. Он первый перешел через р. Сан со взводом пехоты и участвовал во многих боях, идя впереди взвода своих первых героев. Но недолго пришлось пылкому талантливому офицеру продолжать свою любимую деятельность <...>. В плену тов. Тухачевский занимался военными и политическими науками, но его свободолюбивая воля и дух не могли примириться с положением военнопленного в концентрационном лагере: он совершал многократные попытки к бегству. Стремление освободиться особенно усилилось после известия о революции в России». Николай Иванович подчеркивал, что Тухачевский «с лихорадочным рвением начал заполнять пробел в своем военном образовании» (добавим, что в приказе РВСР о переводе М.Н. Тухачевского в Генеральный штаб акцентировалось внимание именно на его стремлении расширять теоретические познания в военном деле, как залого

³³ Тухачевский М.Н. Возникновение Гражданской войны // Гражданская война. Сборник первый. Сообщения по стратегии Гражданской войны, читанные сотрудникам штаба 5-й армии. М.: Издание Инспекции военно-учебного дела 5-й армии Восточного фронта, 1919. С. 3–17; Он же. Марш-маневр и организация транспорта в гражданской войне // Гражданская война. Сборник первый. Сообщения по стратегии Гражданской войны, читанные сотрудникам штаба 5-й армии. М.: Издание Инспекции военно-учебного дела 5-й армии Восточного фронта, 1919. С. 105–116.

³⁴ Тухачевский М.Н. Стратегия национальная и классовая // Вестник аудитории военного дела. Омск, 1920. № 2. С. 2–8; № 3. С. 1–6.

³⁵ О деятельности Н.И. Корицкого в Сибири см. подр.: Федотова И.В. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919–1920 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. Омск, 2023. Т. 8. № 1. С. 73–82.

побед³⁶). Корицкий подчеркивал и то, что после плена «<...> тов. Тухачевский в политическом отношении совершенно откололся от класса, из которого происходил, смело примкнул к октябрьскому революционному движению пролетариата и, конечно, молодому революционеру немного нужно было, чтобы сделаться вождем Красной армии, именно таким вождем, которым поручаются самые трудные места на фронте...» Заканчивая свой очерк, Корицкий стремился показать Тухачевского как «красного аристократа» и «революционного вождя»: «<...> Везде, где появлялся этот смелый, честный вождь, бесконечно уверенный в своей правоте, черные банды наемников бегут, гибнут, а лучшие элементы из них твердо встают под могучую честную руку красного аристократа — сына предводителя дворянства, а попросту честнейшего человека»³⁷.

Труд Тухачевского о двух видах стратегии продолжил публиковать «Военный журнал Сибири»³⁸, также издаваемый в Омске. Газета «Советская Сибирь» подчеркивала важность продолжения публикации данной работы Тухачевского как имеющей практическую значимость³⁹.

Кроме того, работы Тухачевского в 1920 г. стали печатать в журнале «Революция и война» — издании Инспекции военно-учебного дела Западного фронта (потом — Управления военно-учебных заведений Западного фронта), а также в журнале «Революционный фронт» (орган РВС Юго-Западного фронта и Украинского совета трудовой армии). В первом номере «Революции и войны» на работу М.Н. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» была опубликована рецензия начальника курсов при штабе Западного фронта Ф.Е. Огородникова, который указывал, «что появление этой брошюры безусловно заслуживает быть отмеченным», хотя ее автор не претендовал «на исчерпывающее решение затронутых им вопросов», а лишь в общих чертах наметил вехи для изучения «того “нового” в стратегии, которое родилось, несомненно, в колоссальной борьбе классов, свидетелями которой мы являемся»⁴⁰.

³⁶ Войтиков С.С. Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М.: Центрполиграф, 2016. С. 568.

³⁷ Корицкий Н.И. Красный стратег // Вестник аудиторрии военного дела. Омск, 1920. № 2. С. 1–2.

³⁸ Тухачевский М.Н. Стратегия национальная и классовая // Военный журнал Сибири. Омск, 1920. № 1. С. 3–5; № 2. С. 1–4; № 3. С. 1–4; № 4. С. 1–4.

³⁹ Е.Я. Военный журнал Сибири № 1 // Советская Сибирь (Омск), 22 июня 1920. № 135. С. 4. Инициалами «Е.Я.», вероятно, подписался член Сиббюро ЦК РКП(б) Е.М. Ярославский.

⁴⁰ Огородников Ф.Е. «Стратегия классовая и национальная» (По поводу брошюры М.Н. Тухачевского) // Революция и война. Минск, 1920. Сб. 1. С. 104.

В 1921 г. Тухачевский предстал в прессе как один из руководителей подавления антисоветских восстаний и как участник дискуссии о введении милиционной системы в РСФСР. Иногда эти процессы переплетались между собой. Так, в разгар кронштадтских событий М.Н. Тухачевский отправил письмо В.И. Ленину, сообщая о ненадежности рабочих Петрограда, Смоленска и Клинцов, могущих поддержать выступление матросов, и сделал вывод, что в таких условиях вводить милиционную систему даже в «рабочих районах» нельзя⁴¹, так как «рабочая милиция» может выступить против советской власти. В «Правде» в феврале и марте были помещены две статьи Тухачевского, направленные против введения милиционной системы вместо профессиональной армии. При публикации указывалось, что статьи носят дискуссионный характер⁴². Сам факт размещения статей Тухачевского в главной газете страны уже указывал на его высокий статус в сложившейся советской военной иерархии и укреплял его имидж военного теоретика. Его тезисы «О социалистической армии» оказались востребованными, о чем свидетельствовала их перепечатка в региональных изданиях⁴³ и цитирование фрагментов: «Постоянная Красная армия должна представлять из себя не мрачную и угнетающую казарму, а широкую школу коммунизма, где красноармейцы должны быть воспитаны в условиях коллективного труда. Эту программу, выставленную тов. Тухачевским в его тезисах о социалистической армии, нам обязательно нужно реализовать в ближайший период»⁴⁴.

Но даже на «своем» Западном фронте Тухачевский не всегда имел единомышленников в спорах о милиционной системе. Так, 20 февраля 1921 г. в «Известиях» сообщалось о подготовке к X съезду РКП(б) в коммунистических ячейках управлений и учреждений штаба Западного фронта. «По вопросу о реорганизации Красной армии докладчиками выступали командзап тов. Тухачевский (сторонник постоянной армии) и тов. Кади-

⁴¹ Письмо М.Н. Тухачевского В.И. Ленину об отрицательных последствиях введения милиционной системы вместо армии в связи с настроениями рабочих и строительством социализма в военной обстановке из-за постоянной внешней угрозы. 10 марта 1921 г. // Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 350–351.

⁴² Тухачевский М.Н. Война и милиционная армия // Правда, 26 фев. 1921. № 43. С. 1; Тухачевский М.Н. О социалистической армии. Тезисы // Правда, 12 марта 1921. № 55. С. 1.

⁴³ См. напр.: Тухачевский М.Н. [О социалистической армии. Тезисы] // Красный вождь: орган военно-учебных заведений Сибири. Омск, 1921 (март). № 5–6. С. 131–132.

⁴⁴ Красная армия // Дело революции (Новониколаевск), 24 апр. 1921. № 92. С. 1.

шов (постепенный переход к милиционной системе). <...> При пробном голосовании тов. Тухачевский получил небольшое большинство, но в ячейках большинство высказалось за милиционную систему»⁴⁵. Таким образом, «проигрыш» Тухачевского на голосовании в партийных ячейках не замалчивался прессой, а показывался в русле споров о милиционной системе.

Параллельно с дискуссионными материалами публиковались известия о Кронштадтском мятеже. В «Правде» объявили о новом назначении Тухачевского — командующим 7-й армией, которая должна была подавить это выступление⁴⁶. В этом же номере «Правды» и в «Известиях» поместили его интервью, данное 8 марта 1921 г. корреспонденту «Красного командира» (издания Петроградских командных курсов). Командующий 7-й армией говорил о личности А.Н. Козловского — бывшего генерал-майора (который считался руководителем мятежа), об обстановке в Кронштадте, возможности помощи мятежникам со стороны Финляндии⁴⁷. Позже был опубликован приказ председателя комитета обороны Г.Е. Зиновьева и командующего 7-й армией М.Н. Тухачевского «не причинять никаких оскорблений и насилий всем добровольно переходящим на нашу сторону, ибо для всех истинно раскаявшихся рабоче-крестьянская власть сохранит жизнь и свободу»⁴⁸. Отдельные упоминания имени Тухачевского в связи с кронштадтскими событиями появлялись как во время, так и после ликвидации мятежа⁴⁹.

В апреле 1921 г. в «Правде» была опубликована еще одна статья Тухачевского «Красный генеральный штаб», где он высоко оценил вклад во взятие Кронштадта «красных генштабистов» — нового поколения командиров, подготовленных во время Гражданской войны⁵⁰. Несколько дней ранее «Правда» и «Известия» сообщили о параде частей, принимавших участие в ликвидации мятежа в Москве 3 апреля 1921 г. На нем присутствовали и выступали Л.Д. Троцкий, М.Н. Тухачевский (названный «руководителем кронштадтских побед»), Е.М. Ярославский и др.⁵¹ В газете «Гудок» появилось опровержение разнообразным

⁴⁵ К X съезду Р.К.П. // Известия, 20 фев. 1921. № 38. С. 2.

⁴⁶ Наше командование // Правда, 9 марта 1921. № 52. С. 1.

⁴⁷ Беседа с командармом тов. Тухачевским // Правда, 9 марта 1921. № 52. С. 2; Беседа с командармом тов. Тухачевским // Известия, 9 марта 1921. № 52. С. 2.

⁴⁸ Зиновьев Г.Е., Тухачевский М.Н. Приказ войскам 7-й армии // Известия, 17 марта 1921. № 58. С. 2.

⁴⁹ Встреча героев // Известия, 29 марта 1921. № 67. С. 2.

⁵⁰ Тухачевский М.Н. Красный генеральный штаб // Правда, 9 апр. 1921. № 76. С. 2.

⁵¹ Парад героям Кронштадта // Правда, 5 апр. 1921. № 73. С. 3; Парад в честь героев Кронштадта // Известия, 5 апр. 1921. № 73. С. 3.

слухам из-за рубежа, связанное с Кронштадтским мятежом. Объектом критики стала газета П.Н. Милюкова «Последние новости», выходившая в Париже. Одним из слухов была неверная информация о командовании войсками во время подавления мятежа: «<...> рассказывается, что Троцкий, Тухачевский и Брусилов прибыли в Кронштадт, где после парада был произведен салют в 101 выстрел. На самом деле никакого салюта не было, не было парада и не было приезда Троцкого в Кронштадт. Брусилов никакого отношения к ликвидации кронштадтской авантюры не имел, несмотря на точное сообщение газеты о том, что он во время парада простудился и заболел»⁵².

Участие Тухачевского в ликвидации «антоновщины» как командующего войсками Тамбовской губернии отразилось в местных газетах. В них публиковались подписанные им приказы: о проведении смотра и парада частям войск Тамбова 18 мая 1921 г.⁵³; «Приказ участникам бандитских шаяк», в котором в числе прочих мер декларировалось решение Полномочной комиссии ВЦИК «удушливыми газами выкуривать банды из лесов»⁵⁴ (дело ограничилось тремя эпизодами обстрелов снарядами со слезоточивым газом, не приведшими к человеческим жертвам⁵⁵) или приказ № 234 Полномочной комиссии ВЦИК «о приостановлении применения исключительных мер приказа № 171, направленных против упорствующих бандитов» за подписями В.А. Антонова-Овсеенко и М.Н. Тухачевского⁵⁶. Отметим, что сам приказ Полномочной комиссии ВЦИК № 171 в газетах называли «суровым», но указывали на его одобрение крестьянами, уставшими от действий повстанцев⁵⁷.

⁵² Ложь о России // Гудок, 14 апр. 1921. № 276. С. 1.

⁵³ Приказ № 132 войскам Тамбовской губернии. 15 мая 1921 года, гор. Тамбов // Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 18 мая 1921. № 108. С. 1.

⁵⁴ Приказ участникам бандитских шаяк // Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 14 июня 1921. № 130. С. 1.

⁵⁵ Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. С. 358, 373; Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. 2011. Сетевой журнал. URL: http://scepstis.ru/library/id_2974.html (дата обращения — 18.08.2023).

⁵⁶ Полномочная комиссия ВЦИК Приказ № 236 (правильно — № 234. — И.Ф.) // Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 21 июля 1921. № 161. С. 1.

⁵⁷ Крестьяне против бандитов // Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 28 июня 1921. № 141. С. 3.

Таким образом, командующий войсками губернии снова появлялся на страницах газет, в основном в официальных документах — приказах, декларирующих различные меры по подавлению восстания. Но имелись исключения. Например, через несколько дней после появления Тухачевского на Тамбовщине⁵⁸, 18 мая в «Известиях Тамбовского губкома» вышла статья «Орел-командир», знакомящая жителей губернии с тем, кто прибыл «для окончательного подавления эсеров-бандитского восстания». Газета создает романтично-суровый образ командующего, напоминая о его боевых успехах: «<...> Кубань и Дон помнят красного вождя во главе Южного фронта, стремительными искусными ударами покончившего с отборными полками "добровольческой армии". Имя командующего Западным фронтом в борьбе с белой Польшей памятно империалистам всех стран. Ибо тов. Тухачевский был выдвинут Советской властью для выполнения величайшей из задач, когда либо возлагавшихся на плечи полководца — на Висле решалась ближайшая судьба мирового империализма.

Эта судьба определилась нашей неудачей под Варшавой. Эта неудача, вызванная крайним переутомлением наших армий, не подорвала духа ни в Красной армии, ни в ее командире. Вскоре оправилась армия, сдержала напор белополяков, заставила их сбавить спеси, заключить с нами выгодный для Советской России мир.

И когда опять прозвучала боевая тревога, когда у самых ворот республики показался враг — Кронштадт попал в руки контрреволюции, и надо было в несколько дней до ледохода покончить с этой угрозой — тов. Тухачевский был призван, и задача, представлявшаяся неразрешимой военным авторитетам, была блестяще выполнена: "неприступная морская крепость" взята с суши открытым штурмом.

Теперь тов. Тухачевский призван покончить с кулаческим восстанием в Приволжском районе, с восстанием, на которое поставлена последняя ставка врагов Советской России. Ему поручено раздавить этого гада, который жалит измученное тело трудовой республики.

Одно имя молодого орла-командарма говорит, что эта задача будет блестяще выполнена. Под его руководством Красная армия проявит и непоколебимую стойкость, и свою неотрывную преданность трудовому народу»⁵⁹.

⁵⁸ М.Н. Тухачевский был назначен командующим войсками Тамбовской губернии 27 апреля 1921 г. См.: Самошкин В.В. Антоновское восстание / Исследования новейшей русской истории. Вып. 9. М.: Русский путь, 2005. С. 100.

⁵⁹ Орел-командир // Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 18 мая 1921. № 108. С. 2.

А в декабре 1921 г. Тухачевского избрали в состав ВЦИК, что стало свидетельством вхождения его в состав советской управленческой элиты общегосударственного уровня и нашло отражение в прессе⁶⁰.

В 1921 г. вышел сборник статей М.Н. Тухачевского «Война классов» (написаны в 1919–1920 гг.), в которых он касался различных военных аспектов Гражданской войны. Сам автор оценивал данный труд скромно, отмечая в предисловии: «Настоящая книжка является собранием наскоро написанных и разбросанных по многочисленным изданиям и журналам статей. Мое желание — вызвать интерес к затронутым вопросам, указать необходимость их исследования»⁶¹. Но потребность в таком издании была высока. Молодые командиры находили в статьях Тухачевского ответы на интересующие вопросы. Начальник Главного военно-инженерного управления РККА А.Ф. Хренов вспоминал, что работа М.Н. Тухачевского «Инженерное соразмерение операций» «была воспринята как актуальнейший теоретический труд, открывавший на опыте двух войн пути, по которым будет двигаться дальше военно-инженерное искусство»⁶².

Статьи сборника, опубликованные ранее, вызывали в основном положительную реакцию в военно-научном сообществе, о чем свидетельствовала рецензия Ф.Е. Огородникова 1920 г., упомянутая выше. В 1921 г. Н.Е. Какурин добавлял: «Еще в конце 1919 года один из наших военных авторитетов, чутко откликающийся на все новые явления в области военной жизни, обратил на это (вопрос о создании классово-стратегии. — И.Ф.) внимание.

Мы разумею чрезвычайно интересную и открывающую обширные горизонты брошюру М. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая». Брошюра эта явилась единственной в своем роде первой попыткой установить и ввести ряд новых понятий в такую живую и прикладную по существу науку, каковою должна быть стратегия.

Мы вполне согласны с уважаемым и талантливым автором, что старая стратегия не отмерла, не является для нас чем-то ненужным, а про-

⁶⁰ Новый ВЦИК. Список т.т., избранных в члены ВЦИК // Известия, 29 дек. 1921. № 294. С. 2.

⁶¹ Тухачевский М.Н. Война классов: Статьи 1919–1920 гг. Отдел военной литературы при Революционном Военном Совете Республики. М.: Государственное издательство, 1921. С. 3.

⁶² Хренов А.Ф. Мосты к победе. М.: Воениздат, 1982. С. 23.

сто не имеет еще нескольких необходимых глав о гражданской войне”. Написать эти главы и является задачей момента»⁶³.

Сборник «Война классов» вызвал такой же благоприятный отклик. Начальник ГУ ВУЗ РККА Д.А. Петровский в рецензии условно разделил его статьи на две группы: военно-политическую и военную, затрагивающую практические вопросы. Отдельно выделялась работа «Красная армия и милиция», подготовленная к X съезду РКП(б). Возвращаясь к обсуждению «милиционного вопроса», Петровский заметил: «10-й съезд ограничился только тем, что он практически призвал энтузиастов милиционной системы к порядку. Я полагаю, что этот вопрос заслуживает всестороннего теоретического обсуждения, и замечания по этому поводу тов. Тухачевского заслуживают особого внимания». Петровский также отмечал, что «мысли автора в огромной степени навеяны настроениями победного марша к Варшаве. Изучая пути от Варшавы, мы должны придумать не только над вопросом о том, правильно ли мы оценили нашу военную мощь, но и поставить ребром вопрос о правильной и разумной оценке роли военного фактора в деле <...> развертывания мировой революции»⁶⁴. Таким образом, завязывалась дискуссия о причинах поражения в Советско-польской войне, в зависимости от результатов которой формировался образ Тухачевского в различные исторические периоды.

На брошюре М.Н. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая», вошедшую в сборник, сослался в новой работе Ф.Е. Огородников⁶⁵, рассуждая об особенностях «классовой» войны в контексте теории «жизненных» и «мертвящих» центров, разработанной Тухачевским. Н.Е. Какурин отмечал меткость и образность данных введенных терминов и активно использовал их при описании операций Советско-польской войны⁶⁶. Ф.Е. Огородников рассуждал о тактике действий в зависимости от характеристики того или иного центра⁶⁷. Таким образом, те-

⁶³ Какурин Н.Е. Стратегия пролетарского государства: ее задачи и методы подхода к ним (Стратегический этюд) // Революция и война. Смоленск, 1921. Сб. 11–12. С. 10.

⁶⁴ Петровский Д.А. М. Тухачевский. Война классов // Военный вестник. М., 1921. № 6. С. 22–23.

⁶⁵ Огородников Ф.Е. Единая военная доктрина и Красная армия // Революция и война. Смоленск, 1921. Сб. 9–10. С. 42.

⁶⁶ Какурин Н.Е. Стратегия пролетарского государства: ее задачи и методы подхода к ним (Стратегический этюд) // Революция и война. Смоленск, 1921. Сб. 11–12. С. 21–22.

⁶⁷ Огородников Ф.Е. «Стратегия классовая и национальная» (По поводу брошюры М.Н. Тухачевского) // Революция и война. Минск, 1920. Сб. 1. С. 111–112.

рия «центров» оказалась востребованной среди военных специалистов в теоретической и практической составляющих.

С.Т. Минаков полагает, что в журнале «Революция и война» велась масштабная пропаганда взглядов М.Н. Тухачевского⁶⁸. Но на его страницах велась активная полемика, в том числе затрагивающая командующего Западным фронтом. Например, в 1923 г. М.В. Лузгин спорил с И. Перепечко, критиковавшим М.Н. Тухачевского. Но тут же Лузгин отметил ошибку в ранних теоретических работах Тухачевского — «отсутствие необходимой отчетливости в том, где, по мнению автора, кончаются особенности в опыте нашей Гражданской войны, *вытекающие из специфически русских* (курсив М. Лузгина. — И.Ф.) объективных условий войны, и где начинаются те из них, *которые обусловлены исключительно классовым смыслом нашей войны* и, таким образом, не теряют своей силы для всех *предстоящих классовых войн*, будут в них *повторены и развиты до их предельного стратегического значения*. Об этом в большинстве случаев можно только догадываться, тем более, что тов. Тухачевский сплошь и рядом употребляет выражение "наша армия", то в смысле "русская Красная армия", так в предположении пролетарской армии вообще». При этом Лузгин делает вывод, что все-таки сборник «Война классов» «является чуть ли не единственной попыткой сделать необходимые практические выводы из опыта наших войн и при том попыткой в общем и целом безусловно удачной, мы считаем, что по отношению к ней тем более недопустимо верхоглядство, непродуманная критика, обоснованная во многих случаях не из содержания, а на случайном смысле случайно выхваченных цитат»⁶⁹.

В 1922 г. М.Н. Тухачевский упоминался в «Правде» в статье С.И. Венцова (Венцова-Кранца), подготовленной к четырехлетию РККА, как командующий 1-й армией в 1918 г.⁷⁰ Тогда же в «Известиях» вышло сообщение о двух торжественных заседаниях 18 и 21 февраля, на которых «высший и старший комсостав Красной армии праздновал ее годовщину». Первое было проведено на Высших академических курсах. На обеде после заседания выступили «встреченные долго не смолкавшими аплодисментами» «командзап Тухачевский и командвойск московского округа тов. Муралов». Второе торжественное заседание было организовано Военно-научным обществом (ВНО) при Военной академии РККА. «На заседа-

⁶⁸ Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. С. 17.

⁶⁹ Лузгин М. Критика или фраза? // Революция и война: научный военно-политический журнал. 1923. Сб. 18. С. 5, 18–19, 28–29.

⁷⁰ Венцов С. Красная армия за четыре года революции. Краткий исторический очерк // Правда, 23 фев. 1922. № 43. С. 3.

нии присутствовали главком тов. Каменев и начакадемии командзап тов. Тухачевский». Последний дал «исчерпывающую картину созидательного процесса строительства Красной армии с момента ее зарождения на развалинах старой армии и программу дальнейшей работы»⁷¹.

В следующем номере «Известий» в разделе, посвященном четырехлетию РККА, назывались ее «вожди»: Л.Д. Троцкий, С.С. Каменев, П.П. Лебедев, М.В. Фрунзе (Михайлов), М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, В.М. Гиттис, В.С. Лазаревич, С.М. Будённый, И.П. Уборевич, А.И. Корк, К.Е. Ворошилов, А.И. Геккер, М.К. Левандовский⁷². Фамилии приведены в порядке публикации; по этому перечню видно, что Тухачевский занимал одно из высших мест в военной иерархии, размещаясь в то время перед будущим наркомвоенмором Ворошиловым. При этом Тухачевский еще указывался как начальник Военной академии РККА, хотя он руководил ею до 16 января 1922 г.⁷³ Как начальник академии и командующий армиями Западного фронта Тухачевский будет фигурировать в «Известиях» 6 апреля в сообщении о его докладе «Управление армией и фронтом» на заседании ВНО⁷⁴. Вероятно, процесс передачи руководства академией от М.Н. Тухачевского А.И. Геккеру затянулся, так как в сборнике к пятилетию академии отмечалось, что Тухачевский после повторного назначения командующим Западным фронтом «в марте месяце 1922 г. освобожден от должности Начальника Военной Академии»⁷⁵.

В «Известиях» поместили критику выставки «Жизнь и быт Красной армии». Одним из недостатков выставки стало отсутствие «портретов главкома Каменева, Тухачевского, Ворошилова, Будённого, Минина и десятка других вождей, с именами которых связаны наши лучшие победы в течение четырех лет Гражданской войны»⁷⁶.

В праздничном номере «Известий» к пятилетию Октябрьской революции была опубликована «Летопись Гражданской войны». Имя Тухачевского, хотя он командовал разными армиями и фронтами, было снова упомянуто только в связи с взятием Симбирска 12 сентября 1918 г.

⁷¹ Высший комсостав празднует 4-ю годовщину // Известия, 22 фев. 1922. № 42. С. 3.

⁷² Вожди Красной армии // Известия, 23 фев. 1922. № 43. С. 1.

⁷³ Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. С. 385.

⁷⁴ В Военно-научном обществе // Известия, 6 апр. 1922. № 78. С. 3.

⁷⁵ Приложения // Военная академия за пять лет, 1918–1923: Сборник. М.: Тип. воен. акад. РККА, 1923. С. 404.

⁷⁶ Вырвич А. Факты и выводы (На выставке «Жизнь и быт Красной армии») // Известия, 28 июня 1922. № 141. С. 5.

«первой Красной армией»⁷⁷. Так, особо выделялся полководец, освободивший родной город Ленина. Добавим, Тухачевский к тому времени был уже настолько известен, что его фамилию публиковали без указания должности (в то время он продолжал командовать войсками Западного фронта), как и фамилию Троцкого⁷⁸. Признание Тухачевского как видного военно-политического деятеля было зафиксировано его избранием в ЦИК СССР первого созыва⁷⁹.

В 1923 г. масштабно отмечалось пятилетие РККА, что вызвало осмысление опыта первых лет советского военного строительства. В праздничном номере газеты «Гудок» опубликовали очерк М.Н. Тухачевского, посвященный характерным чертам РККА⁸⁰. Очерк сопровождался графическим портретом автора, который при публикации получился крупнее, чем портрет Троцкого, опубликованный ниже (рис. 3).

Как бы «в противовес» неудачной выставке об РККА 1922 г., «Известия» хвалили открывшуюся юбилейную выставку «Красная армия»: «Здесь мы находим ряд портретов тов. Троцкого, Каменева, Будённого, Ворошилова, Егорова, Тухачевского, Фрунзе»⁸¹. На выставке экспонировался портрет М.Н. Тухачевского работы Н.И. Шестопалова⁸², бывшего участника объединения «Мир искусства».

В газете «Рабочий путь» Смоленска за 23 февраля 1923 г. М.Н. Тухачевский был назван в ряду создателей и полководцев РККА — вместе с Л.Д. Троцким, Э.М. Склянским, Н.В. Крыленко, В.И. Невским, Н.И. Подвойским, В.А. Антоновым-Овсеенко, С.С. Каменевым, П.П. Лебедевым, М.В. Фрунзе, С.М. Будённым и К.Е. Ворошиловым. Приводились краткие биографии указанных лиц (Тухачевского ошибочно назвали «поручиком» старой армии) и размещались портреты некоторых из них (Троцкого, Крыленко, Невского, Тухачевского, Каменева, Будённого)⁸³. Имя Тухачевского в первые годы после Гражданской войны особенно часто

⁷⁷ Летопись Гражданской войны. Известия, 7 нояб. 1922. № 252. С. 9.

⁷⁸ Тов. Троцкий и Тухачевский в Витебске // Красный стрелок (Иркутск), 24 марта 1922. № 67. С. 1; Тов. Троцкий в Витебске // Гудок, 21 марта 1922. № 557. С. 1.

⁷⁹ Список членов ЦИК СССР первого созыва // Известия, 1922. 31.12.2023 — 01.01.1924 № 298 — 1. С. 2.

⁸⁰ Тухачевский М.Н. Первое пятилетие // Гудок, 23 февр. 1923. № 833. С. 1.

⁸¹ Ю.С. Жизнь Красных армии и флота. Художественная выставка «Красная армия» // Известия, 23 марта 1923. № 64. С. 5.

⁸² Каталог художественной выставки «Красная армия. 1918–1923». Петроград, 1923. С. 14.

⁸³ Кто создал. Кто вел. С кем побеждали // Рабочий путь (Смоленск), 23 фев. 1923. № 42. С. 3.

хачевский принимал парад авиачастей⁸⁷. Анонсировалось выступление комфронта на тему «Воздушный флот и оборона Республики» 1 августа на общем собрании членов Общества друзей Воздушного флота СССР⁸⁸. Сообщалось, что 5 августа, в день празднования годовщины Воздушного флота, состоится «чествование героев-летчиков и митинг с докладом тов. Тухачевского на тему «Значение Воздушного флота»»⁸⁹. Таким образом, Тухачевский принимал деятельное участие в популяризации новых сил РККА — Воздушного флота — среди смоленского населения.

Несмотря на работу в Смоленске, Тухачевский участвовал в научных мероприятиях столицы. 15 февраля 1923 г. он прочел доклад «Бой пехоты» на заседании ВНО при Военной академии⁹⁰. 26–30 апреля в Москве прошло тактическо-стрелковое совещание высшего состава РККА под председательством С.С. Каменева. На нем присутствовало 200 представителей высшего командного состава РККА, среди которых был Тухачевский⁹¹. Так, в региональных и центральных изданиях показывалась его разнообразная деятельность, и его фамилия оставалась «на слуху».

В 1923 г. продолжилась публикационная деятельность Тухачевского в журнале «Революция и война» (в то время — под общей редакцией Ф.Е. Огородникова, М.В. Лузгина и М.Н. Тухачевского, журнал был печатным органом РВС и военно-научного клуба Запфронта)⁹². Там же рекламировалась новая брошюра Тухачевского «Бой пехоты». Он упоминался в публикациях. Например, польский коммунист Томаш Домбаль посвятил статью как «доказательство нашей сердечной дружбы дорогому товарищу МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ТУХАЧЕВСКОМУ»⁹³. В журнале «Революция и война» в 1923 г. был опубликован примечательный шарж «Кружки клубятся» с комментарием: «что в переводе на повседневный язык значит “члены военно-научного общества фронта приступили к работе по кружкам в клубе”». Иллюстрация была подписана как «шарж Старика»⁹⁴.

⁸⁷ Неделя воздушного флота. Первый день // Рабочий путь, 17 июля 1923. № 158. С. 2.

⁸⁸ Собрание ОДВФ // Рабочий путь, 28 июля 1923. № 168. С. 1.

⁸⁹ Парад Воздухфлоту // Рабочий путь, 5 авг. 1923. № 175. С. 1.

⁹⁰ Съезды и конференции // Известия, 15 фев. 1923. № 34. С. 5.

⁹¹ Артеменко К. Тактическо-стрелковое совещание // Известия, 11 мая 1923. № 103. С. 4.

⁹² Тухачевский М.Н. Модные заблуждения // Революция и война. Смоленск, 1923. № 21. С. 66–76; Тухачевский М.Н. Война клопов // Революция и война. Смоленск, 1923. № 22. С. 187–189.

⁹³ Домбаль Т. Военная политика Польши // Революция и война, 1923. № 21. С. 5–18.

⁹⁴ Военное дело в карикатурах. Приложение // Революция и война. Смоленск, 1923. № 21. Б. указ. стр.

Рисунок 4. Дружеский шарж на М.Н. Тухачевского и членов ВНО Западного фронта, опубликованный в журнале «Революция и война». 1923 г.

На шарже изображены председатель ВНО фронта Тухачевский и стоящие перед ним руководители разнообразных кружков: военно-экономического, военно-инженерного дела, снабжения, артиллерии, военных сообщений, воздухфлота, иностранных языков и др. Несмотря на некоторую карикатурность, Михаил Николаевич вполне узнаваем, подчеркнуты особенности его внешности: прическа, выправка, профиль (рис. 4).

Это «шаржевое» изображение Тухачевского имеет сходство с его портретом работы Ю.П. Анненкова, также созданным в 1923 г. и содержащим неявные черты шаржа, но мы согласимся с мнением С.Т. Минакова, что дружеский шарж выступает доброжелательной карикатурой, не разоблачающей и не унижающей выдающуюся, прославленную личность. Дружеский шарж — шутовское изображение, предполагающее гротеск, но не оскорбление, и выступает как одна из форм прославления и возвеличивания данной личности⁹⁵. Эти особенности мы видим и в упомянутом шарже из «Революции и войны».

Мы проследили формирование образа Тухачевского в годы Гражданской войны и в первое время после нее, когда складывался «пантеон» ее героев. На этот процесс влияли как реальные военные успехи,

⁹⁵ Минаков С.Т. Изобразительные источники как информационный ресурс для изучения советской военной элиты 1920–1930-х гг. // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сборник статей. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 691–692.

так и благосклонность руководства страны. В 1918–1919 гг. Тухачевский «обрел имя», узнаваемость в массах как «победитель Колчака и Деникина», а в 1920 г. стал ярким символом «революционной наступательной войны»⁹⁶. Особенностью этого исторического этапа было то, что в периодике, в отличие от следующего десятилетия, не искали «виновного» за поражение в Советско-польской войне с возложением всей вины на Тухачевского, хотя и обсуждали причины поражения РККА. В 1921 г. его имя стало знаком побед над антисоветскими выступлениями. В 1923 г. Тухачевский был настолько популярен, что в честь его хотели переименовать город Миасс⁹⁷. Параллельно с ним обретали известность и другие представители элиты РККА (С.С. Каменев, М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов, С.М. Будённый и др.), но их иерархия в то время довольно быстро менялась в отличие от 1930-х гг.

С 1920 г. Тухачевский обрел признание и как военный теоретик. Его работы обсуждались, критиковались, но всегда вызывали интерес. Добавим, что тогда в прессе подчеркивалась принадлежность Фрунзе, Тухачевского, Егорова и Уборевича к Генштабу, куда их перевели без окончания Военной академии. Для военной среды в то время это было особым маркером профессионализма.

Можно сказать, что в указанный период в Советской России и за рубежом формировался образ Тухачевского, который стал своеобразной «базой» для последующих образов в более позднее время. В его создании основную роль играла пресса. Ее особенностью в те годы была большая степень свободы в подаче материалов: допускались дискуссии по различным вопросам военного строительства, обсуждение операций Гражданской войны, критика военных деятелей, их шаржированные изображения вместе с традиционными парадными. В последующее десятилетие все эти тенденции сменились жесткой официальной пропагандой.

⁹⁶ Там же. С. 692.

⁹⁷ Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. С. 17.

REFERENCES

1. 1-oye maya v Smolenske // Rabochiy put' (Smolensk). 1923. May 3. P. 2.
2. Anglichane o krasnykh komandirakh // Molot (Tomsk). 1920. Oct 5. P. 1.
3. *Artemenko K.* Takticheskoye-strelkovoye soveshchaniye // Izvestiya. 1923. May 11. P. 4.
4. Beseda s komandarmom t. Tukhachevskim // Izvestiya. 1921. March 9. P. 2.
5. Beseda s komandarmom tov. Tukhachevskim // Pravda. 1921. March 9. P. 2.
6. *Bobkov A.S.* K voprosu ob ispol'zovanii udushayushchikh gazov pri podavlenii Tambovskogo vosstaniya // Skepsis. 2011. Setevoy zhurnal. URL: http://scepsis.ru/library/id_2974.html (data obrashcheniya – 18.08.2023).
7. *Cheremnykh V.M.* Na zashchite zavoyevaniy revolyutsii: Voenno-organizatorskaya deyatel'nost' VTSIK v pervyye gody Sovetskoy vlasti. M.: Mysl', 1988. 238 p.
8. *Danishevskiy [K.Kh.]* Oborona sovetskoy Rossii. Operativnaya svodka ot 31 oktyabrya // Pravda. 1919. Nov. 1. P. 1.
9. *Dombal' T.* Voenno-politika Pol'shi // Revolyutsiya i voyna. Smolensk, 1923. No 21. P. 5–18.
10. Galereya sovetskikh rabotnikov // Krasnaya Zvezda. Moskva, 1919. Febr. 12. No 8. P. 5.
11. *Ganin A.V.* Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom. M.: Kuchkovo pole, 2016. 680 p.
12. Istoriya voennoy strategii Rossii / pod red. V.A. Zolotareva. M.: Kuchkovo pole, Poligrafresursy, 2000. 592 p.
13. K X s"yezdu R.K.P. // Izvestiya. 1921. Febr. 20. P. 2.
14. K garnizonu i naseleniyu Kronshtadta i myatezhnykh fortov. 5 marta 1921. G. Petrograd // <https://www.litfund.ru/auction/204/189/> (Data obrashcheniya 17.08.2023).
15. *Kakurin N.Ye.* Strategiya proletarskogo gosudarstva: yeye zadachi i metody dostizheniya k nim (Strategicheskiy etyud) // Revolyutsiya i voyna. Smolensk, 1921. No 11–12. P. 5–33.
16. *Kalinin M.I., Yenukidze A.S.* Privetstviye Kavkazskomu frontu // Izvestiya. 1920. Apr. 1. P. 2.

17. Kantor Yu.Z. «Istoriyu nevozmozhno perepisat', yeyo mozhno dopisat'...» // Omskiy nauchnyy vestnik. Seria Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk, 2019. Vol. 4. No 1. P. 9–15.
18. Katalog khudozhestvennoy vystavki «Krasnaya armiya. 1918–1923». Petrograd, 1923. 18 p.
19. *Khrenov A.F.* Mosty k pobede. M.: Voenizdat, 1982. 352 p.
20. Konets Denikina // Krasnoarmeyskaya pravda: organ politicheskogo otdela 30-y strelkovoy divizii. 1920. March 27. P. 2.
21. Konferentsiya voyennykh zhurnalistov Zapfronta // Rabochiy put' (Smolensk). 1923. May 6. P. 2.
22. *Koritskiy N.I.* Krasnyy strateg // Vestnik Auditorii Voen'nogo Dela. Omsk, 1920. No. 2. P. 1–2.
23. Krasnaya armiya // Delo revolyutsii (Novonikolayevsk). 1921. Apr. 24. P. 1.
24. Krest'yane protiv banditov // Izvestiya Tambovskogo gubernskogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov (Tambov). 1921. June 28. P. 3.
25. Kto sozdal. Kto vel. S kem pobedili // Rabochiy put' (Smolensk). 1923. Febr. 23. P. 3.
26. Letopis' Grazhdanskoy voyny. Izvestiya. 1922. Nov. 7. P. 9.
27. *Levitin M.N.* Smolenskiye gody Tukhachevskogo // Kray Smolenskiy. Smolensk, 2003. No. 1–2. P. 43–59; No. 5–6. P. 30–43; No. 7–8. P. 93–107; No. 9–10. P. 26–39.
28. Lozh' o Rossii // Gudok. 1921. Apr. 14. P. 1.
29. *Luzgin M.* Kritika ili fraza? // Revolyutsiya i voyna. Smolensk, 1923. No 18. P. 5–29.
30. *Minakov S.T.* Stalin i yego marshal. M.: Yauza, EKSMO, 2004. 640 p.
31. *Minakov S.T.* Izobrazitel'nyye istochniki kak informatsionnyy resurs dlya izucheniya sovetskoy voyennoy elity 1920–1930-kh godov // Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: Sbornik statey. M.: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2019. P. 688–703.
32. Nashe komandovaniye // Pravda. 1921. March 9. P. 1.
33. *Nazarenko K.B.* Mikhail Nikolayevich Tukhachevskiy: mezhdumifami i istoricheskoy naukoj // Noveyshaya istoriya Rossii. 2015. No. 3. P. 55–68.
34. *Naumov Ye.O.* «Kadry reshayut vso»: komplektovaniye 1-y armii Vostochnogo fronta voyennymi i grazhdanskimi spetsialistami vo vtoroy polovine 1918 g. // Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy. 2022. No. 2 (29). P. 25–86.

35. Naumov Ye.O. «Prestupleniye i nakazaniye»: voyenno-revolyutsionnyye tribunaly 1-y armii Vostochnogo fronta vo vtoroy polovine 1918 – nachale 1919 g. // Rossiyskaya istoriya. 2019. No. 5. P. 35–49.
36. Nedelya vozdushnogo flota. Pervyy den' // Rabochiy put'. 1923. July 17. P. 2.
37. Neobkhodimaya popravka // Znamya revolyutsii (Tomsk). 1920. July 25. P. 1.
38. Ne zabyvayte Borisov! Prikaz voyskam Zapadnogo fronta // Znamya revolyutsii (Tomsk). 1920. June 26. P. 1.
39. Ogorodnikov F.Ye. Yedinaya voyennaya doktrina i Krasnaya armiya // Revolyutsiya i voyna. Smolensk, 1921. No. 9–10. P. 32–43.
40. Ogorodnikov F.Ye. «Strategiya klassovaya i natsional'naya» (Po povodu broshyury M. N. Tukhachevskogo) // Revolyutsiya i voyna. Minsk, 1920. No 1. P. 104–112.
41. Omskaya khronika. Miting v gorodskom teatre // Izvestiya Omskogo revolyutsionnogo komiteta (Omsk). 1919. Nov. 22. P. 3.
42. Orel- komandir // Izvestiya Tambovskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov (Tambov). 1921. May 18. P. 2.
43. Ot Osobogo otdeleniya Glavnogo shtaba po sboru svedeniy o poteryakh v deystvuyushchikh armiyakh // Russkiy invalid (Petrograd). 1915. Febr. 27. P. 4.
44. O vzyatii Syzrani i Samary (interv'yu s M.N. Tukhachevskim) // Vooruzhenny narod (Petrograd). 1918. Oct. 15. No. 76. P. 3.
45. Parad geroyam Kronshtadta // Pravda. 1921. Apr. 5. P. 3.
46. Parad kursantov // Sovetskaya Sibir' (Omsk). 1920. March 27. P. 3.
47. Parad Vozdukhflotu // Rabochiy put' (Smolensk). 1923. Aug. 5. P. 1.
48. Parad v chest' geroyev Kronshtadta // Izvestiya. 1921. Apr. 5. P. 3.
49. Petin D.I. Mify v lokal'noy istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske // Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal. Krasnoyarsk, 2020. Vol. 4. No 4. P. 38–49.
50. Petin D.I., Stel'mak M.M. Pedagogika v arkhive na sluzhbe preodoleniya sovremennykh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoy voyne v Rossii // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk, 2018. No 3. P. 9–15.
51. Petrovskiy D.A.M. Tukhachevskiy. Voyna klassov // Voyennyy vestnik. M., 1921. No. 6. P. 22–23.
52. Pis'mo M.N. Tukhachevskogo V.I. Leninu ob otritsatel'nykh posledstviyakh vvedeniya militsionnoy sistemy vmesto armii v svyazi

- s nastroyeniyami rabochikh i stroitel'stvom sotsializma v voyennoy obstanovke iz-za postoyannoy vneshney ugrozy. 10 marta 1921 g. // Kronshtadtskaya tragediya 1921 g. Dokumenty. Kn. 1. M.: ROSSPEN, 1999. P. 350–351.
53. Polnomochnaya komissiya V.Ts.I.K. Prikaz № 236 // Izvestiya Tambovskogo gubernskogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov (Tambov). 1921. July 21. P. 1.
 54. Prikaz № 132 voyskam Tambovskoy gubernii. 15 maya 1921 goda, gor. Tambov // Izvestiya Tambovskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov (Tambov). 1921. May 18. P. 1.
 55. Prikaz po 1-y Vostochnoy Armii // Izvestiya Simbirskogo Gubernskogo Soveta rabochikh i krest'yanskikh deputatov (Simbirsk). 1918. July 4. P. 1, 4.
 56. Prikaz po pervoy Revolyutsionnoy armii Vostochnogo fronta № 3 // Izvestiya Penzenskogo Soveta rabochikh i krest'yanskikh deputatov (Penza). 1918. July 18. P. 1.
 57. Prikaz uchastnikam banditskikh shayek // Izvestiya Tambovskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov (Tambov). 1921. June 14. P. 1.
 58. Prilozheniya // Voyennaya akademiya za pyat' let, 1918–1923: Sbornik. M.: Tip. voyen. akad. RKKA, 1923. P. 403–411.
 59. Rech' tov. Trotskogo vo vtoroy den' s'yezda Sovetov // Izvestiya. 1919. Dec. 9. P. 2–3.
 60. ROSTA. Krasnaya Pol'sha organizuyetsya // Pravda. 1920. Aug. 6. P. 2.
 61. *Samoshkin V.V.* Antonovskoye vosstaniye / Issledovaniya noveyshey russkoy istorii. Vol. 9. M.: Russkiy put', 2005. 360 p.
 62. *Sinyakov A.P.* I snova o Tukhachevskom. Kto zhe Vy, Krasnyy Bonapart? // Voyenno-istoricheskiy arkhiv. 2009. No. 5. P. 43–71; No. 6. P. 46–65; No. 7. P. 77–96; No. 8. P. 56–75; No. 9. P. 157–168.
 63. *Shabanov V.M.* V svoypol'k iz plena cherez shest' granits // Voyenno-istoricheskiy zhurnal. 1996. No. 5. P. 90–92.
 64. *Shilo N.I., Glushko A.V.* Marshal Tukhachevskiy. Mozaika razbitogo zerkala. M.: Tsentrpoligraf, 2014. 716 p.
 65. Shtab N-oy armii // Krasnyy ofitser. Moskva, 1919. No. 3–4. P. 29.
 66. *Smirnov I.N., Tukhachevskiy M.N., Gryunshbeyn K.I.* Privet s krasnogo fronta // Izvestiya. 1919. Nov. 15. P. 1.
 67. Sobraniye O.D.V.F. // Rabochiy put' (Smolensk). 1923. July 28. P. 1.
 68. Sobraniye operativnykh telegramm, prikazov i rasporyazheniy glavnokomanduyushchego Vostochnym (Chekhoslovatskim) frontom

- tov. Vatsetisa. 18.VII–7.IX.1918 goda. M.: Operativnyy otd. Nar. komissariata po voyennym delam, 1918. 270 p.
69. Spisok chlenov TSIK SSSR pervogo sozyva // Izvestiya. 1922. Dec. 31. – 1923. Jan. 1. P. 2.
 70. S"yezdy i konferentsii // Izvestiya. 1923. Febr. 15. P. 5.
 71. Tov. Trotskiy i Tukhachevskiy v Vitebske // Krasnyy strelok (Irkutsk). 1922. March 24. P. 1.
 72. Tov. Trotskiy v Vitebske // Gudok. 1922. March 21. P. 1.
 73. *Tukhachevskiy M.N.* Krasnyy General'nyy Shtab // Pravda. 1921. Apr. 9. P. 2.
 74. *Tukhachevskiy M.N.* Marsh-manovr i organizatsiya transporta v grazhdanskoy voyne // Grazhdanskaya voyna. Sbornik pervyy. Soobshcheniya po strategii grazhdanskoy voyny, chitannyye sotrudnikam shtaba 5 armii. M.: Izdaniye Inspektsii voyenno-uchebnogo dela 5-y armii Vostochnogo fronta. 1919. P. 105–116.
 75. *Tukhachevskiy M.N.* Modnyye zabluzhdeniya // Revolyutsiya i voyna. Smolensk, 1923. No. 21. P. 66–76.
 76. *Tukhachevskiy M.N.* [O sotsialisticheskoy armii. Tezisy] // Krasnyy vozhd': organ voyenno-uchebnykh zavedeniy Sibiri. Omsk, 1921. No. 5–6. P. 131–132.
 77. *Tukhachevskiy M.N.* O sotsialisticheskoy armii. Tezisy // Pravda. 1921. March 12. P. 1.
 78. *Tukhachevskiy M.N.* Pervoye pyatiletiye // Gudok. 1923. Febr. 23. P. 1.
 79. *Tukhachevskiy M.N.* Razgrom // Izvestiya Omskogo revolyutsionnogo komiteta (Omsk). 1919. Nov. 19. P. 1.
 80. *Tukhachevskiy M.N.* Strategiya natsional'naya i klassovaya // Vestnik Auditorii voyennogo dela. Omsk, 1920. No. 2. P. 2–8; No. 3. P. 1–6.
 81. *Tukhachevskiy M.N.* Strategiya natsional'naya i klassovaya // Voyennyy zhurnal Sibiri. Omsk, 1920. No. 1. P. 3–5; No. 2. P. 1–4; No. 3. P. 1–4; No. 4. P. 1–4.
 82. *Tukhachevskiy M.N.* Voyna i militsionnaya armiya // Pravda. 1921. Febr. 26. P. 1.
 83. *Tukhachevskiy M.N.* Voyna klassov: Stat'i 1919–1920 gg. Otdel voyennoy literatury pri Revolyutsionnom Voyennom Sovete Respubliki. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1921. 137 p.
 84. *Tukhachevskiy M.N.* Voyna klopov // Revolyutsiya i voyna. Smolensk, 1923. No. 22. P. 187–189.
 85. *Tukhachevskiy M.N.* Vozniknoveniye grazhdanskoy voyny // Grazhdanskaya voyna. Sbornik pervyy. Soobshcheniya po strategii grazhdanskoy voyny, chitannyye sotrudnikam shtaba 5 armii. M.:

- Izdaniye Inspektsii voyenno-uchebnogo dela 5-y armii Vostochnogo fronta. 1919. P. 3–17.
86. *Tukhachevskiy M.N., Ordzhonikidze G.K., Pugachov S.A.* Konets Denikina // *Izvestiya*. 1920. March 28. P. 1.
 87. *Fedotova I.V.* Trudnosti i dostizheniya: stanovleniye Sibirskogo upravleniya voyennykh uchebnykh zavedeniy RKKA (1919–1920 gg.) // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Omsk, 2023. Vol. 8. No. 1. P. 73–82.
 88. *Ye. Ya.* Voyennyy zhurnal Sibiri № 1 // *Sovetskaya Sibir' (Omsk)*. 1920. June 22. P. 4.
 89. *Yu. S.* Zhizn' Krasnykh Armii i Flota. Khudozhestvennaya vystavka «Krasnaya armiya» // *Izvestiya*. 1923. March 23. P. 5.
 90. V voyenno-nauchnom obshchestve // *Izvestiya*. 1922. Apr. 6. P. 3.
 91. *Ventsov S.* Krasnaya armiya za chetyre goda revolyutsii. Kratkiy istoricheskiy ocherk // *Pravda*. 1922. Febr. 23. P. 2–3.
 92. *Voyennoye delo v karikaturakh* // *Revolyutsiya i voyna*. Smolensk, 1923. No. 21. Without p.
 93. *Vozhdi Krasnoy Armii* // *Izvestiya*. 1922. Febr. 23. P. 1.
 94. *Voytikov S.S.* Armiya i vlast'. Kornilov, Vatsetis, Tukhachevskiy. 1905–1937. M.: Tsentrpoligraf, 2016. 784 p.
 95. *Vstrecha geroyev* // *Izvestiya*. 1921. March, 29. P. 2.
 96. *Vypusk krasnykh komandirov* // *Sovetskaya Sibir' (Chelyabinsk)*. 1919. Oct. 14. P. 4.
 97. *Vyrvich A.* Fakty i vyvody (Na vystavke «Zhizn' i byt Krasnoy armii») // *Izvestiya*. 1922. June 28. P. 5.
 98. *Vysshiy komsostav otmechayet 4-letniye godovshchiny* // *Izvestiya*. 1922. Febr. 22. P. 3.
 99. *Vztyatiye Groznogo, Novorossiyska i konets Denikina* // *Serp i molot (Biysk)*. 1920. March 27. P. 2.
 100. *Zinov'yev G.Ye., Tukhachevskiy M.N.* Prikaz voyskam 7-y armii // *Izvestiya*. 1921. March 17. P. 2.

Ключевые слова:

историческая имагология, историческая антропология, исторический образ, Гражданская война, РККА, советская пресса, советское общество, военспецы, М.Н. Тухачевский.

Irina V. Fedotova

IMAGE OF M.N. TUKHACHEVSKY IN THE SOVIET PRESS 1918–1923

The article analyzes the image of the Soviet commander M.N. Tukhachevsky, which developed during the Civil War. The information basis for the study was a set of publications in the Soviet press in 1918–1923. For the work, materials were selected from the country's central newspapers (Pravda, Izvestia), and regional publications, as well as articles in military magazines aimed at specialists. The methodological basis for writing the work was a combination of anthropological and systemic approaches, the principle of historicism, source study and comparative historical methods. This theoretical set made it possible to track the transformation of Tukhachevsky's image during the Civil War from a little-known person in the public space to one of the main commanders of the Red Army and statesmen, a symbol of the «revolutionary war» and a military theorist. In conclusion, it is noted that the formation of such an image was not an exception, but a general phenomenon in the «pantheon» of revolutionary heroes of the all-Union scale. The factors that influenced the formation of Tukhachevsky's public image (military successes and the favor of the Soviet leadership) are noted.

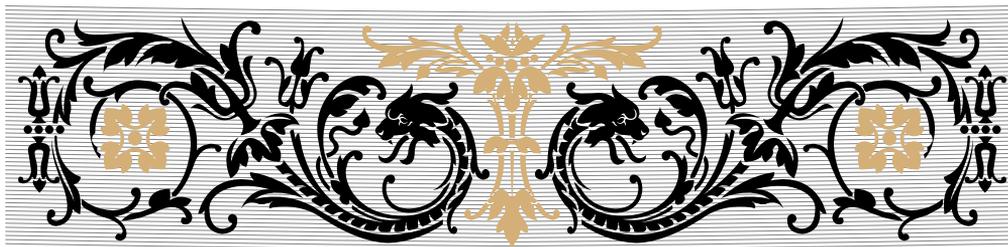
The article is addressed to specialists in historical imagology, researchers of early Soviet society, the official Soviet press, Soviet military history, and the Russian Civil War.

Key Words: Historical Imagology, Historical Anthropology, Historical Image, Civil War, Red Army, Soviet Press, Soviet Society, Military Experts, M.N. Tukhachevsky.

Irina V. Fedotova – Leading archivist, Center for the Study of the History of the Civil War, Historical Archive of the Omsk Region (Omsk, Russia).

 Федотова Ирина Владимировна

ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны
Исторического архива Омской области (Омск, Россия)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.004

А.В. Сушко

ФЕНОМЕН СИБИРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРИОДИКИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Постановка проблемы

Одним из важнейших аспектов Гражданской войны в России являлось информационное противоборство. В ходе него борющиеся стороны привлекали сторонников и его успешность являлась одним из ключевых факторов победы. Инструментом противостояния в данном ключе в то время была периодическая печать. Газеты и журналы являлись тогда основным средством массовой информации. Особенностью прессы была двоякая роль в тех событиях. С одной стороны, она являлась основным средством массовой информации. С другой стороны, периодика выступала значимым субъектом политики, влияя печатным словом на политические воззрения масс.

Сибирскую периодику — важнейший исторический источник по истории Гражданской войны — изучали советские и российские историки. Парадигмы ее исследования изменялись в зависимости от развития общества и исторической науки. В советской историографии господствовал классовый подход, сквозь призму которого газеты и журналы классифицировались как буржуазные, мелкобуржуазные и пролетарские издания, подчиненные целям противоборствовавших сил. В целом эта традиция

классификации сибирской периодики имеет право на существование, так как острую классовую борьбу в России в тот период невозможно отрицать. По сути, советская классификация продолжилась и в российской историографии в 1990-е гг. В частности, исследователь Е.Н. Косых, выделяя сложившиеся пропагандистские системы, писал, что «уже в ходе Февральской революции началась быстрая классово-партийная дифференциация периодической печати, поскольку Россия в тот момент представляла собой страну с антагонистическим классовым обществом, а в таком обществе неизбежно идейно-политическое противоборство классов, партий и индивидов. В силу этого газеты и журналы Сибири являлись фактическим стержнем трех пропагандистских систем: пролетарско-большевистской, буржуазно-кадетской и социалистической мелкобуржуазной»¹.

С 1990-х гг. интерес исследователей сместился преимущественно на антибольшевистскую периодику. В постсоветской исторической науке, как отмечает в специальной историографической работе Д.Л. Шереметьева, «в центре внимания находятся государственные институты контрреволюции как ключевые акторы исторических процессов. Поэтому предпочтение в области изучения прессы отдается таким темам, как политика правительств в отношении свободы слова, функционирование военной и административной цензуры, деятельность государственных информационных структур, официальная периодическая печать и пропаганда»². В заключении исследователь делает обоснованный вывод о том, что «изучение антибольшевистской периодической печати востока России относится к числу актуальных направлений современной отечественной историографии Гражданской войны. Наблюдается высокий интерес прежде всего к газетам как к историческому источнику и самостоятельному предмету изучения. Исследователи создали значительный задел в изучении истории прессы. Он выражается в постановке ключевой научной проблемы о значении периодической печати в политических процессах Гражданской войны, в большом объеме введенных в научный оборот фактов и в высказывании различных оценок функционирования прессы»³.

¹ Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 — май 1918 г.). Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994. С. 175.

² Шереметьева Д.Л. Антибольшевистская периодическая печать на востоке России как научная проблема: история и перспективы исследования // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Сборник научных трудов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2022. С. 93.

³ Там же. С. 95.

В существовавшие до настоящего времени парадигмы исследования периодики не вписывается печать Русской православной церкви (РПЦ). За отдельным исключением (о нем мы скажем ниже особо) церковную периодику нельзя отнести к пролетарско-большевистской, буржуазно-кадетской или социалистической мелкобуржуазной. Также она в большинстве своем не может быть отнесена к официальным изданиям антибольшевистских правительств. В общем, церковные издания, выходившие в Сибири в годы Гражданской войны, представляют собой пусть небольшую, но особую группу журналов и газет, которая в таком качестве нуждается в самостоятельном изучении.

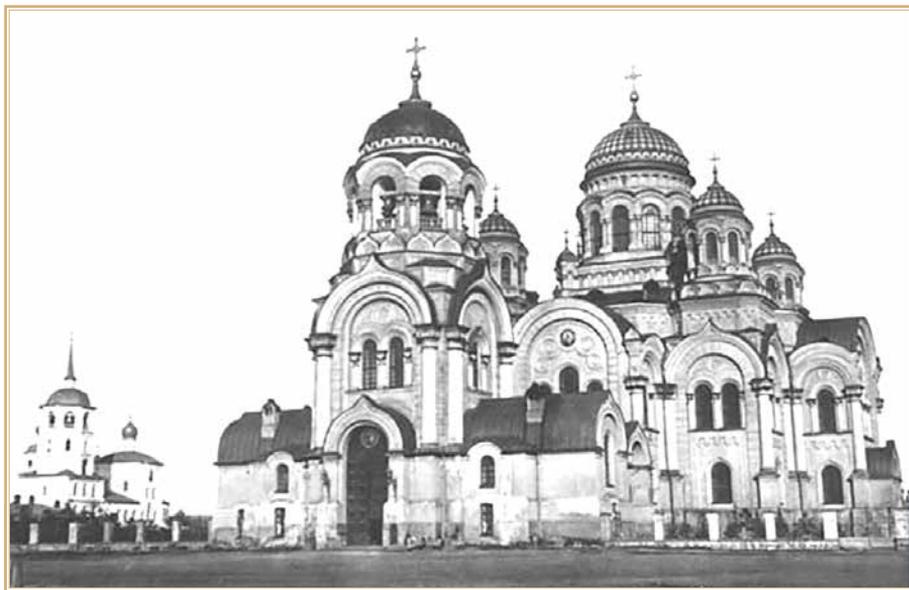
Справочная статья Н.К. Чернышовой является специальной публикацией, посвященной православной периодике в Сибири. В ней есть информация и о православной периодике в годы Гражданской войны. Автор пишет: «Православная периодика, выходившая в Сибири в годы Гражданской войны, насчитывала сравнительно небольшое число изданий. Известны издававшийся с 1 марта 1919 г. Высшим временным церковным управлением при А.В. Колчаке журнал “Сибирский благовестник”, омский журнал Управления главного священника армии и флота “За Русь святую”, новониколаевский “Русский богатырь” (1919), барнаульский “К свету”, иркутский “Голос церкви”. В Красноярске существовал орган общественно-христианской мысли газета “Общее дело”»⁴. Данные сведения неполны и не отражают динамики развития сибирской православной периодики в годы Гражданской войны.

Цель данной работы — охарактеризовать феномен православной периодики, издававшейся в годы Гражданской войны на территории Сибири.

Общая характеристика церковной периодики в Сибири

В 1917 г., к началу Русской революции и Гражданской войны в России, на огромной и при этом малозаселенной территории Сибири (рассматриваемой без Дальнего Востока и Забайкалья) было 5 епархий РПЦ: Тобольская и Сибирская, Омская и Павлодарская, Томская и Алтайская, Енисейская и Красноярская, Иркутская и Верхоленская. Сибирские епархии стандартно управлялись архиереями, опиравшимися на аппа-

⁴ Чернышова Н.К. Православные периодические издания // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. С. 678.

Иркутск. Казанский кафедральный собор. Фотография нач. XX в.

рат духовных консисторий. Все они имели свои периодические издания (журналы): «Тобольские епархиальные ведомости», «Омские епархиальные ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Енисейские епархиальные ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости». Принимая во внимание существовавшие до Русской революции церковно-государственные отношения в Российской империи, когда РПЦ управлялась Синодом и, по сути, являлась частью государственного аппарата, издававшиеся тогда епархиальные ведомости можно определить в качестве официальных церковно-государственных изданий.

Падение монархии в России разрушило существовавшую систему государственного управления и при этом активизировало общественно-политическую деятельность на всей территории бывшей империи. РПЦ оказалась в неоднозначной ситуации, которую современные историки характеризуют, как «чрезвычайно сложное и противоречивое положение православной церкви, оказавшейся, с одной стороны, лишенной защиты со стороны уничтоженного монархического государства, с другой — наконец вырвавшейся из-под его диктата»⁵. В феврале 1917 г. церковь приняла и поддержала на тот момент либеральную революцию. С первых дней с церковных амвонов священники призывали верующих подчиниться

⁵ Марченко А.М., Нечаев М.Г. Отношение высшей церковной иерархии к Февральской революции на примере Пермской епархии // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. №1. С. 91.

новой революционной власти, место императора в молитвах заняло Временное правительство. «Иркутские епархиальные ведомости» сообщали, как «все Сибирские “Епархиальные Ведомости”, вышедшие в марте, откликнулись на злобу дня. В официальной части “Ведомостей” помещены распоряжения Центрального Временного Правительства и местных Исполнительных Комитетов, а также соответствующие распоряжения епархиальной власти. В некоторых помещены Высочайший манифест об отречении от престола Государя Императора и акт об отказе Великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти. В прибавлениях всеми редакциями помещены статьи разных авторов также на темы момента»⁶. Как и в целом по стране, это свидетельствовало о признании Церковью в Сибири свершившегося в столице государственного переворота и новой революционной власти Временного правительства.

Революционные реалии обусловили перерождение официальной церковно-государственной периодики, являвшейся проводником политики самодержавия, в самостоятельную группу изданий, проводивших политику руководства епархий, групп духовенства и представителей православной общественности, включившихся в общественно-политическую жизнь. Плохая сохранность церковной периодики вызывает сожаление из-за утери части газет и журналов, фрагментарности сохранившихся подшивок церковных изданий. Несмотря на неполную сохранность, церковная периодика является важнейшим источником по истории РПЦ на территории Сибири в годы Гражданской войны в России, так как большая часть церковной делопроизводственной документации той эпохи, а также документы антибольшевистских правительств в отношении РПЦ сгорели в огне Гражданской войны.

В большинстве своем церковные органы печати были самостоятельной группой сибирской периодики, выражавшие внепартийный взгляд РПЦ. При оценке феномена церковной периодики в Сибири в первую очередь следует принимать во внимание его религиозную специфику. В церковной периодике значительная часть материалов была посвящена неполитическим религиозным вопросам. При этом газеты и журналы, издаваемые религиозными организациями, имели значимую политическую составляющую, которой в условиях Гражданской войны церковным изданиям было просто невозможно избежать. Но даже в материалах на политические темы сибирские печатные церковные органы

⁶ П.П. Сибирские «Епархиальные Ведомости» и момент // Иркутские епархиальные ведомости. 1917. № 9–10. 1 мая — 15 мая. С. 325.

Омск. Успенский кафедральный собор. Фотография нач. XX в.

в основном старались осветить их во взаимосвязи с православным вероучением. Поэтому епархиальные православные органы печати не могут быть отнесены к какой-то из существовавших в то время пропагандистских систем, основанных на светских политических идеологиях.

Данные о выходивших в этот период в Сибири церковных периодических изданиях обобщены в таблице. Она составлена на основе сведений из двух указателей, подготовленных Е.Н. Косых⁷. В данное время это самые полные справочные издания по сибирской периодике. Для составления таблицы также использована вышеупомянутая энциклопедическая статья Н.К. Чернышовой, где есть указания об органах печати, не включенных в указатели Е.Н. Косых. Кроме того, информация об издании с 19 августа 1918 г. в Кургане группой церковных деятелей, объединившихся в «Христианский церковный союз», еженедельной церковно-общественной газеты «Доброе слово» обнаружена в публикации на страницах журнала «Тобольские епархиальные ведомости»⁸.

⁷ Периодическая печать Сибири (март 1917 — май 1918 г.). Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых. 2-е изд., доп. и испр. Томск: ТГУ, 1990. 85 с. Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 — декабрь 1919 г.). Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых, С.Ф. Фоминых. Томск: ТГУ, 1990. 54 с.

⁸ Новый путь служения Церкви // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 23, 24, 25; 10 (23) сентября — 1 (14) октября. С. 199.

Таблица
Сибирские церковные издания в годы Гражданской войны
в России

Епархия	1917 г.	1918 г.	1919 г.
Тобольская и Сибирская	«Тобольские епархиальные ведомости» (Тобольск, журнал)	«Тобольские епархиальные ведомости» (Тобольск, журнал), «Доброе слово» (Курган, газета)	«Тобольские епархиальные ведомости» (Тобольск, журнал)
Омская и Павлодарская	«Омские епархиальные ведомости» (Омск, журнал), «Новая жизнь» (Омск, первоначально газета, позднее преобразованная в журнал)	«Официальные известия по Омской епархии» (Омск, журнал)	«Вестник омской церкви» (Омск, журнал), «Сибирский благовестник» (Омск, журнал), «За Русь святую» (Омск, журнал)
Томская и Алтайская	«Томские епархиальные ведомости» (Томск, журнал), «К свету» (Барнаул, газета)	Томский церковно- общественный вестник (Томск, газета)	«Томские епархиальные ведомости» (Томск, журнал), «Русский богатырь» (Новониколаевск, журнал)
Енисейская и Красноярская	«Енисейские епархиальные ведомости» (Красноярск, журнал), «Енисейская церковная нива» (Красноярск, журнал)	«Енисейские епархиальные ведомости» (Красноярск, журнал)	«Енисейские епархиальные ведомости» (Красноярск, журнал), «Общее дело» (Красноярск, газета)
Иркутская и Верхоленская	«Иркутские епархиальные ведомости» (Иркутск, журнал)	«Иркутские епархиальные ведомости» (Иркутск, журнал)	«Иркутские епархиальные ведомости» (Иркутск, журнал), «Голос церкви» (Иркутск, журнал)

Применительно к цели данного исследования сведенные в таблицу сведения позволяют сделать ряд общих суждений.

Во-первых, в отношении издания церковной периодики Сибирь существенно отличалась от Европейской части России, где, как отмечает К.Е. Нетужилов, «большинство епархиальных газет просуществовало до конца 1917 г., отразив на своих страницах все то, что происходило тогда в России. Епархиальная печать умерла, разом лишившись финансирования после закрытия церковных банковских счетов, национализации типографий. Некоторые издания, потеряв, правда, строгую периодичность, дотянули даже до 1918 года и были закрыты указами и декретами местных советских властей, начавших осуществление антирелигиозной политики»⁹. В годы Гражданской войны в России на территории Сибири отмечался рост количества изданий церковной периодики. Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что за период с 1917 по 1919 г. в крае издавалось 16 церковных периодических изданий. Только 5 из них являлись продолжающимися епархиальными ведомостями, имея дореволюционную историю. Отличительной особенностью церковной периодики Сибири в годы Гражданской войны был определенный издательский консерватизм. Он выражался в том, что вопреки общей тенденции значительного количественного роста общественно-политической газетной периодики церковные органы печати, как и до революции, издавались преимущественно в форме журналов. За все время Гражданской войны в крае издавалось 11 православных журналов. Вместе с тем в годы Гражданской войны в России в регионе появилось новое явление — печатались 5 православных газет.

Во-вторых, абсолютное большинство церковных газет и журналов было рассчитано на распространение в границах своих епархий. В то же время частые перепечатки одними епархиальными изданиями материалов из других, а также обращение к событиям церковной жизни в других сибирских епархиях свидетельствуют о том, что распространение церковных изданий все же выходило за епархиальные границы и православные сибиряки интересовались происходящим в соседних епархиях. Сказанное подтверждает пример обращения «Томского церковно-общественного вестника» и «Тобольских епархиальных ведомо-

⁹ Нетужилов К.Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21-1. С. 174–182.

стей» к событиям «поповского мятежа» в Омске¹⁰. Они стали широко известны именно благодаря освещению в церковной периодике.

В-третьих, во всех пяти сибирских епархиях духовенство предпринимало попытки издавать общественно-политические церковные органы печати под другими названиями и в отличном от ведомостей формате. Об этом свидетельствуют омские издания «Новая жизнь» и «Вестник омской церкви», красноярские «Енисейская церковная нива» и «Общее дело», издававшиеся в епархиальном центре «Томский церковно-общественный вестник» и в периферийном тогда Барнауле газета «К свету», курганская газета «Доброе слово», иркутский «Голос церкви». Политический спектр этих органов печати был максимально широк: от обновленческой, социалистической газеты «Новая жизнь» до националистических церковных органов печати журналов «Русский богатырь», «За Русь святую». Сам по себе этот факт свидетельствовал об общественно-политическом расколе среди сибирского духовенства и даже активном участии части его представителей в политической борьбе. Более того, политические материалы в церковной периодике делали печатавшие их издания субъектами политики, «печатным словом» участвовавшими в братоубийственном противостоянии и, соответственно, несущими в истории свою долю ответственности за это.

Петербургский историк Н.Н. Смирнов в своем интервью совершенно верно подчеркнул, что «нельзя отделять церковь от гражданской истории. Любая конфессия связана с обществом, в котором функционирует»¹¹. Разделяя этот взгляд на историю РПЦ, считаем целесообразным охарактеризовать историю церковной периодики во взаимосвязи как с общероссийскими политическими процессами, так и с региональными, протекавшими в сибирском крае.

В этой связи определимся с хронологией и этапами Гражданской войны в России. Академик Ю.А. Поляков выделял ее следующие фазы: «Насильственное свержение самодержавия, когда возник открытый раскол общества, главным образом по социальному принципу, когда выковывалось первое звено в цепи насилия, выковывалось из материала, накопленного в старой России (февраль — март 1917 г.); усиление социально-политического противостояния в обществе, неудача российской демократии в ее порыве установить гражданский мир, эскалация

¹⁰ См. подробнее: Сушко А.В. «Поповский мятеж»: к вопросу об антибольшевистских волнениях в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 4. С. 62–70.

¹¹ Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 61.

насилия (март — октябрь 1917 г.); насильственное свержение Временного правительства, установление Советской власти, новый раскол общества, распространение вооруженной борьбы (октябрь 1917 — март 1918 г.); дальнейшая эскалация насилия, террор с обеих сторон, локальные военные действия, формирование белых и красных вооруженных сил (март — июнь 1918 г.); время ожесточенных сражений между массовыми регулярными войсками, в том числе иностранными, партизанская борьба в тылах, милитаризация экономики, время войны в полном смысле этого слова (лето 1918 — конец 1920 г.); постепенное (после завершения крупномасштабных военных операций) затухание гражданской войны, ее локализация и полное окончание (1921–1922 гг.)»¹².

В соотношении с общероссийскими событиями развитие политических процессов в Сибири в годы Гражданской войны можно подразделить на следующие периоды:

от февраля 1917 г. к октябрю 1917 г. — время начала Русской революции и Гражданской войны в России, когда в Сибири было относительно спокойно и еще не проливалась кровь сибиряков в гражданском противостоянии. Местные общественные организации и органы власти признавали легитимной власть Временного правительства, создавшего в регионе свои институты;

с октября 1917 г. по май — июнь 1918 г. для Западной Сибири и июль — август 1918 г. для Восточной Сибири — период «многовластия», когда в крае существовало множество конкурирующих органов власти, но постепенно, примерно к концу апреля в основном утвердилось власть большевиков. В это время в обществе обострилась политическая конфронтация и проливалась первая кровь;

с мая — июня 1918 г. (для Западной Сибири) и июля — августа 1918 г. (для Восточной Сибири) по ноябрь 1918 г. — в крае была свергнута первая советская власть, которую сменили правительства «демократической контрреволюции». В ноябре 1918 г. они потеряли власть в результате военного переворота, установившего в белой Сибири колчаковскую диктатуру. Как и в Европейской России, для Сибири это время эскалации полномасштабной Гражданской войны;

с ноября 1918 г. по ноябрь — декабрь 1919 г. — время военной диктатуры адмирала А.В. Колчака, когда вооруженная борьба между белыми и красными достигла своего апогея;

¹² Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 41.

с ноября 1919 г. — января 1920 г. по 1922 г. — поражение белых, локализация и завершение Гражданской войны на территории региона. Основными противниками большевиков в это время станут «зеленые» (преимущественно местные крестьяне). Боевые действия красных против зеленых велись не только в сельской местности, но и затрагивали небольшие города.

Специфика политических процессов в Сибири в выделенные периоды существенно влияла на роль и место РПЦ и ее периодики в общественно-политической жизни края. На заключительном этапе Гражданской войны побеждавшие большевики положили конец изданию церковной периодики, поэтому хронологическими рамками нашего исследования стали 1917–1919 гг.

Охарактеризуем развитие феномена церковной периодики в контексте обозначенных выше этапов развития политических процессов в Сибири.

Развитие церковной периодики от Февраля к Октябрю

К свержению самодержавия сибирское духовенство оказалось неготовым. На страницах «Томских епархиальных ведомостей» священник Дмитриевский это выразил так: «К сожалению, мы совершенно не подготовлены к принятию новых укладов жизни, мы находимся в состоянии полнейшей дезорганизации»¹³. Революция потребовала от духовенства самоорганизации, и она началась.

Весной — летом 1917 г. проходили епархиальные съезды, на которых обозначилась сохранявшаяся на всем протяжении Гражданской войны неудовлетворенность общественно активной части духовенства сибирских епархий епархиальными ведомостями ввиду их несоответствия революционным условиям. На съездах проявилась потребность духовенства иметь свой епархиальный печатный орган, по формату подходящий для обсуждения актуальных проблем церковной жизни и происходивших в стране событий. На епархиальном съезде в Омске 5 июня 1917 г. рассматривался вопрос о поддержке епархией издания газеты «Новая жизнь». Большинство голосов (48 против 3) съезд отклонил субсидирование газеты, издаваемой группой сторонников церковного обновления. Съезд постановил издавать свой печатный орган, который должен был заменить епархиальные vedo-

¹³ Дмитриевский, свяц. К моменту // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 6–7. 15 марта — 1 апреля. С. 157–160.

Томск. Троицкий кафедральный собор. Фотография нач. XX в.

мости. Для реализации этого присутствующие решили создать редакционный комитет в составе трех человек. Ему было решено поручить ведение переговоров о приобретении для епархии собственной типографии¹⁴. В связи с таким решением епархиального съезда в своем последнем номере за 1917 г. журнал «Омские епархиальные ведомости» сообщал своим читателям о прекращении своего выхода и о том, что «с 1 июля должен выйти первый номер нового церковного журнала Омской епархии»¹⁵.

Проводившийся в июле 1917 г. в Томске епархиальный съезд духовенства и мирян обсуждал вопрос «об издании свободного печатного епархиального органа». Вследствие затруднений в поиске редактора окончание разработки этого вопроса было поручено Томскому городскому духовенству¹⁶. Несмотря на задержку с воплощением решения съезда в жизнь, было очевидно, что в представлении большинства его участников дореволюционный формат епархиальных ведомостей был непригоден для епархиального органа печати в современных условиях падения монархии и установившегося нового политического режима. Духовенство Томской

¹⁴ Протокол общего собрания Чрезвычайного Съезда духовенства и мирян Омской епархии от 5 июня 1917 года. № 20 // Бюллетень Съезда духовенства и мирян Омской епархии. № 8. С. 28–29 (бюллетень печатался продолжением «Омских епархиальных ведомостей». См.: Омские епархиальные ведомости. 1917. № 26. 25 июня).

¹⁵ От редактора Омских Епархиальных Ведомостей // Омские епархиальные ведомости. 1917. № 26. 25 июня. С. 16.

¹⁶ Духовенству Томской Епархии. Объявление об издании газеты «Томский церковно-общественный вестник» (орган духовенства и прихожан Томской епархии) // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 24. 15 декабря. С. 429.

Дмитрий Яковлевич Попов

и Алтайской епархии активизировалось в обсуждении вопросов церковной жизни, включившись в развивавшиеся политические процессы.

Омская газета «Новая жизнь» была первой по времени возникновения альтернативным епархиальным ведомостям церковным периодическим изданием. Для феномена церковной печати в Сибири она стала особым политическим явлением. Весной 1917 г. в Омске происходила быстрая политизация группы местного духовенства, настроенной радикально социалистически. После ряда общих собраний городского духовенства, посвященных обсуждению текущих событий и способов общепархиального объединения, духовенством была избрана особая исполнительная комиссия из 12 человек под председательством священника П. Папшева. Тогда же был поставлен на обсуждение вопрос об издании своей газеты, так как формат официальных епархиальных ведомостей не устраивал местный актив. На собрании 21 марта 1917 г. вопрос был окончательно решен. В результате была начата подготовка к изданию «духовной церковно-общественной газеты “Новая жизнь”»¹⁷.

Уже 30 апреля 1917 г. под лозунгом «Братство, Равенство, Любовь и Свобода» вышел первый номер «Новой жизни». Периодическое издание самоопределилось в качестве «органа церковно-общественного обновления». Омские священники, группировавшиеся вокруг газеты «Новая жизнь», встали на платформу «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян». Союз возглавлял член Го-

¹⁷ От исполнительной комиссии Омского городского духовенства // Омские епархиальные ведомости. 1917. № 13. 26 марта. С. 29–30.

Александр Иванович Введенский

сударственной думы священник Д.Я. Попов, а секретарем был будущий лидер обновленчества священник А.И. Введенский. Наиболее точно из современных историков деятельность «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян» и подобного ему «Союза прогрессивного духовенства» оценил М.В. Шкаровский, характеризующий их как обновленческие организации. Обновленчество появилось задолго до Октября 1917 г. и после свержения монархии, как справедливо отмечал упомянутый исследователь, «в обновленческом движении выкристаллизовалась идея справедливости социалистической революции»¹⁸.

Печатный орган омских обновленцев поддержал Русскую революцию и связывал с ней надежды на обновление церкви. Характеризуя социальную ориентацию газеты «Новая жизнь», следует отметить, что с первых номеров на ее страницах проповедовалась классовая вражда, присущая в то время социалистам. Так, в статье, написанной священником П. Папшевым, говорилось следующее: «Мы плоть от плоти нашего народа, такая же “черная, мужицкая” кость, как и он. Нет, не было и не будет у нас общих интересов с буржуазией»¹⁹. Классовый подход, проповедовавшийся со страниц издания омских обновленцев, противоречил учению Христа и провоцировал эскалацию Гражданской войны в России.

Из-за финансовых затруднений в июле 1917 г. орган печати омских обновленцев перешел в епархиальную собственность. Об этом 10 июля 1917 г. Омский епархиальный церковный совет извещал Комисса-

¹⁸ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010. С. 67.

¹⁹ Папшев П., свящ. С кем мы пойдём? // Новая жизнь. 1917. № 2. 7 мая. С. 1.

Василий Феофанович Инфантьев

ра Временного правительства Акмолинской области. Новые владельцы изменили формат издания с газетного на журнальный. Священник П. Папшев получил пост ответственного распорядителя редакционного комитета, в который был введен законоучитель Омского сельскохозяйственного училища В.Ф. Инфантьев²⁰. Детально проследить эволюцию содержания материалов журнала «Новая жизнь» после его перехода в собственность Омской епархии и преобразования в формат журнала из-за недоступности его номеров пока не представилось возможным.

В целом в период между Февралем и Октябрем 1917 г. сибирское духовенство, поддержав свержение монархии в России, начало поиск форм своего существования в революционном социуме. В рамках этого процесса в некоторых епархиях был поставлен вопрос о непригодности дореволюционной формы издания епархиальных ведомостей и начала зарождаться новая, политически активная церковная периодика.

Период «многовластия» и постепенного утверждения власти большевиков

Новосибирский историк М.В. Шиловский убедительно доказал, что с «точки зрения содержания и сроков» в Сибири не было «триумфального шествия советской власти». Он отметил, что «в целом в регионе с ноября 1917 по март — апрель 1918 г. существовало многовластие, определяемое конкретным соотношением политических сил в пределах администра-

²⁰ Исторический архив Омской области. Ф. Р-1028. Оп. 1. Д. 112. Л. 28.

тивно-территориальных образований»²¹. На протяжении всего этого времени церковные периодические издания продолжали печататься на территории края. Их деятельность зависела от прочности власти и политики местных большевиков в городе, где издавался орган печати.

В этом отношении показательны примеры Тобольска и Томска, где «Тобольские епархиальные ведомости» и «Томский церковно-общественный вестник», несмотря на явную оппозиционность по отношению к действующей власти, свободно печатались и распространялись среди православных сибиряков. Своими публикациями эти издания содействовали росту антибольшевистских настроений среди своих читателей. В церковных изданиях печатались не только обличающие большевиков обращения патриарха Тихона и Священного Собора Православной Российской Церкви²², но и антибольшевистские материалы местных авторов.

В январе 1918 г. вместо устаревшего по форме, на взгляд епархиального духовенства, журнала «Томские епархиальные ведомости» стала издаваться газета «Томский церковно-общественный вестник». Объявляя о новом издании и характеризуя мотивы его появления, прекращающие печататься «Томские епархиальные ведомости», прощаясь со своими читателями, писали: «В наше время всевозможных свобод духовенство лишено пока возможности делиться мыслями на страницах печати. Светские издания охотно печатают нападки на духовенство, всевозможные пасквилы и оскорбления по его адресу, а для желающих высказаться в защиту духовенства, даже для законных опровержений клеветы — они закрыты пред нами. Между тем пред духовенством стоят не одни только личные, сословные интересы. Жизнь наших дней несет бурным потоком, смывающим на пути все слабое, несплоченное. В этом бурном потоке жизни захвачены наши прихожане, наша вера, наши церковные порядки — одним словом, окормляемый нами корабль крутится в водовороте государственной неурядицы. Нам, кормчим, необходимо сплотиться на защиту веры, устройство церковных порядков, на просвещение и защиту паствы, на ограждение и улучшение своего служебно-правового положения. С этой целью необходимо гласное обсуждение церковно-общественных, епархиальных и чисто сословных

²¹ Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 420.

²² См., напр.: Воззвание патриарха // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 5. 10 февраля. С. 75–77; Воззвание Священного Собора Православной Российской Церкви // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 9–10. 22 (4) марта — 1 (14) апреля. С. 127–129; и др.

вопросов, необходима широкая осведомленность в течениях мысли, настроениях общества, необходим постоянный свободный обмен мыслями духовенства друг с другом. Вот задача, служить которой призывается новый орган печати»²³.

Отстаивая интересы церкви, томское периодическое издание регулярно печатало материалы, направленные против антирелигиозной политики большевиков. Так, не опасаясь последствий, автор одного из материалов, критически характеризуя большевиков, писал, что «противогосударственная и противообщественная идея большевизма с поразительной быстротой впитываются народной массой. Развращенная ими толпа проявляет все зверские инстинкты, кроющиеся в человеческой природе. Погромы, грабежи, кощунства совершаются теми самыми крестьянами, которые в недавно-прошедшее время были религиозными, и добродушными, и честными гражданами»²⁴. В марте 1918 г. епархиальный журнал напечатал обращение к духовенству епископа Анатолия (Каменского). В нем владыка утверждал, что «Живое слово церковной проповеди является единственным орудием борьбы с надвигающимися со всех сторон на православную церковь врагами. Церковь гонится, ее служители поносятся, унижаются, преследуются со всякой злобой и обрекаются на всякие бедствия и утеснения во имя свободы. Все постановления Собора, послания, воззвания, наставления, всякое слово Собора не только должно быть немедленно возвещено православной пастве, но и разъяснено, растолковано и облечено в форму понятную каждому члену церкви Христовой»²⁵.

В отношении публикации материалов в защиту церкви от томского журнала не отставал тобольский. В феврале 1918 г. в «Тобольских епархиальных ведомостях» было опубликовано обращение Тобольского епархиального Комитета Съездов духовенства и мирян, в котором обращалось внимание верующих на то, что «самый драгоценный сосуд веры, бережно хранимый русским народом доселе, разбивается, святая святых русского народа кощунственно попирается, храмы отбираются, молитвенные собрания запрещаются, — а это уже самый последний

²³ Духовенству Томской Епархии. Объявление об издании газеты «Томский церковно-общественный вестник» (орган духовенства и прихожан Томской епархии) // Томские епархиальные ведомости. 1917. № 24. 15 декабря. С. 430–431.

²⁴ Обзорение иноепархиальной жизни // Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 4. 25 января. С. 3–4.

²⁵ *Анатолий, еп.* К пастырям Томско-Алтайской паствы // Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 10. 21(8) марта. С. 1.

Епископ Томский и Алтайский Анатолий

решительный и сильный удар в самое сердце России, в святилище души богоносного доселе русского народа»²⁶.

В период «многовластия» и постепенного утверждения власти большевиков в Сибири такие явно оппозиционные материалы не становились поводом для закрытия церковных органов печати, так как сибирские большевики не были полностью уверены в своих силах и широкой общественной поддержке. Они сосредоточились на борьбе с оппозиционными политическими партиями и организациями, закрывая их органы печати. В это время церковная печать, отстаивая интересы РПЦ, достаточно свободно настраивала верующих против власти большевиков.

Период «демократической контрреволюции»

В период «демократической контрреволюции» антибольшевистские власти рассматривали РПЦ и издаваемые ею органы печати в качестве активных участников антибольшевистского движения. Это соответствовало действительности. В это время церковная периодика издавалась свободно, играя двоякую роль. Во-первых, на ее страницах активно обсуждались вопросы организации церковной жизни в военно-революционных условиях. Во-вторых, своим печатным словом она продол-

²⁶ От Тобольского епархиального Комитета Съездов духовенства и мирян. Обращение к приходским пастырям // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 6. 22 февраля. С. 100.

жала участвовать в военно-политической борьбе с большевизмом, тем самым повышая градус противостояния в обществе.

После свержения власти большевиков в Сибири политизация церковной периодики закономерно усилилась. Летом 1918 г. в «Томском церковно-общественном вестнике» активно проводилась идея об участии церкви в политике. Как писал на страницах периодического издания неизвестный автор, «принцип невмешательства церкви в дела государственные и общественные ничего кроме вреда церкви и ее представителям не принес: он надолго подорвал доверие к духовенству и его авторитет. Принять самое деятельное участие в строительстве общественной жизни обязывает пастырей и их положение, как сознательных граждан своего общества. В силу этого, они обязаны содействовать по мере сил и разума общей работе государственного строительства»²⁷. Подчеркнем, что в тех условиях это было государственное строительство белой Сибири. Участвуя в нем, сибирские епархии и их органы печати втягивались в Гражданскую войну на стороне антибольшевистского движения.

Во второй половине 1918 г. Томск стал местом организации соборного начала в Сибири. Летом 1918 г. священник Тобольской епархии И. Фокин написал статью с обоснованием необходимости созыва в Томске Всесибирского Церковного Съезда, который, по его мнению, необходим ввиду того, что «в Сибири провозглашена автономия. Сибирь имеет свое правительство, приступившее к разработке ряда законопроектов, касающихся разных сторон местной жизни. Намечена таможенная граница Сибири, отделяющая ее от России. <...> На очереди Сибирское Учредительное Собрание, не минуемо, так или иначе, долженствующее коснуться вопроса о внешнем правовом положении Сибирской церкви»²⁸. Развивая эту аргументацию, автор писал: «Постановка данного вопроса во всей его широте и глубине повелительно выдвигает на сцену *организацию съезда* или собрания *делегатов* всех сибирских (или, по меньшей мере, Западно-Сибирских) *епархий*. Всесибирский Церковный Съезд клира и мирян, с благословения св. Патриарха, если таковое можно получить из оторванной от нас Москвы, должен, по нашему мнению, предварить Сибирское Учредительное Собрание и определенно — ясно выявить волю православного населения Сибири в вопросах веры и церкви. С этим голосом должно будет считаться не только Правительство, но и Учредительное Собрание, реше-

²⁷ Н. Отношение духовенства к общественной деятельности // Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 26. 18 (5) июля. С. 1–2.

²⁸ Фокин И., священник. Всесибирский Церковный Съезд // Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 32. 5 сентября (23 августа). С. 1–2.

Епископ Гермоген (Долганев / Долганов)

ния съезда, продиктованные верующим сознанием, согласованные во всем с духом Всероссийского Церковного Собора, отображающие чаяния широкой православной массы, быть может, лягут в основу определений о церкви Учред.[ительного] Собрания, которое едва ли решится их вполне и грубо игнорировать»²⁹. Эта статья была порождена ситуацией в постимперской России, распавшейся на множество государственных образований, где шла Гражданская война. Постановка вопроса о Всесибирском Церковном Съезде на страницах православного периодического издания предвляла созыв Сибирского соборного совещания в ноябре 1918 г. в Томске.

Сразу после свержения советской власти оружием антибольшевистской пропаганды для церковной периодики стали многочисленные материалы о расправах большевиков с представителями духовенства. Из Тобольской епархии всероссийскую известность приобретет епископ Гермоген (Долганев / Долганов). О его жизни и мученической кончине в этот период выходили многочисленные материалы в епархиальном журнале³⁰, подробности о зверском убийстве епископа Гермогена рассказывались на страницах и других сибирских церковных изданий³¹.

Важной особенностью некоторых материалов о жертвах большевистского террора со стороны церкви была идея о их почитании в качестве новомучеников. Практически в каждой епархии были свои жерт-

²⁹ Там же.

³⁰ Архипастырь-мученик // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. №18,19,20. 22 июля–10 августа. С. 138–139; Акт // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 21–22; 22 августа (4 сентября) – 1 (14) сентября. С. 159–165.

³¹ См., напр.: Подробности убийства епископа Гермогена // Известия по Омской епархии. 1918. № 3. 15 августа. С. 4–5.

вы красного террора, о которых стали рассказывать своим читателям церковные издания. Например, Томский владыка Анатолий после свержения советской власти указал верующим поминать жертв с церковной стороны событий «поповского восстания», случившегося в Томске 24 мая 1918 г. Владыка указал «во всех церквях епархии, при первом многолюдном собрании молящихся, вознести молитвы о рабах Божьих: Савве, Луке, Евдокии, Дарии, отр. Алексее и воинах: Сергее, Симеоне, Иоане и поминать их на службах, когда положено молиться об усопших по церковному уставу, присоединяя эти имена в синодике к тем именам новых священномучеников, поминовение которых указано совершать Святейшим Патриархом Московским и всея России»³².

В период «демократической контрреволюции» в сибирских епархиях среди общественно активных представителей духовенства усилились стремления к изданию церковных органов печати. На страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» оно было названо «новым путем служения Церкви». Данный материал интересен для нас в трех аспектах. Во-первых, безымянный автор этой публикации, описывая общественно-политическую ситуацию в Сибири, выступал со следующим призывом к церковной общественности: «Надо и нам заводить свои газеты и через них влиять на массы, на общество, на жизнь, проводить известные взгляды, отстаивать и защищать свои позиции, бросать на свежевспаханную ниву семена Христова учения. Тогда нас будут слушать не по воскресеньям и праздничным дням, а ежедневно»³³.

Во-вторых, в материале делался акцент на актуальности создания общесибирского церковного органа печати. Автор писал: «...Почему бы нашей Сибири, в лице ее православно верующих церковно-общественных кругов, объединившись в одном намерении, не приступить к изданию своего сибирского ежедневного печатного органа?»³⁴ Такое издание могло появиться только в случае создания краевого органа управления церковью. Иными словами, публикация готовила церковное общественное мнение к консолидации сибирских епархий, что в итоге и произойдет на Сибирском церковном соборе в Томске в ноябре 1918 г.³⁵

³² *Анатолий, еп.*, К верным чадам Томско-Алтайской Православной церкви // Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 21. 31 мая (13 июня). С. 84.

³³ Новый путь служения Церкви // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 23, 24, 25; 10 (23) сентября — 1(14) октября. С. 198.

³⁴ Там же.

³⁵ См. подробнее: Сибирское Соборное Совещание 1918 года: материалы / Отв. ред. Д. В. Олихов. М., 2020.

В-третьих, как уже говорилось выше, эта публикация сообщала об издании в Кургане церковно-общественной газеты «Доброе слово». В материале полностью приводилась передовая статья издания из № 1 за 19 августа 1918 г., позволяющая судить о политической направленности курганской газеты, которая «ставила своею целью говорить с русским человеком обо всем его родным языком, освещать по мере сил все вопросы с точки зрения русского православного христианина — вне всяких партий, повинаясь голосу совести и здравого смысла»³⁶. Из сказанного можно заключить, что новое издание готовило идейную почву для идеологии колчаковского режима, который с ноября 1918 г. будет с опорой на православие проповедовать в интерпретации его пропагандистов объединяющий народ национализм взамен широко распространенной в военно-революционное время партийной розни.

В 1918 г. в Омской епархии появился новый орган печати — журнал «Известия по Омской епархии». Этот факт выражал политическое «правление» епархиального архиерея архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и подчиненного ему духовенства, отказавшихся от революционного формата некогда издававшейся в епархии «Новой жизни» в пользу консервативной идеи, созвучной епархиальным ведомостям. «Известия по Омской епархии» в августе 1918 г. опубликовали извлечения из лекции, прочитанной еще весной 1918 г. на Пасхальной неделе профессором А. Аносовым. Лектор утверждал следующее: «Если мы теперь погубим Церковь, погибнет окончательно весь русский народ. Собраться можно только вокруг Церкви, потому что, пока жива душа, живо и тело, хотя бы измученное. Церковь — душа нашей страны, потому что только она возвышается над насущными заботами, над злобами и невзгодами дня, потому что она говорит о любви и братстве, а без любви нет объединения»³⁷. Этот материал был созвучен выше проанализированной статье из «Тобольских епархиальных ведомостей». Они прокладывали в сибирском обществе дорогу идеологии колчаковского режима.

Таким образом, постепенный переход большинства политически активных представителей церкви на крайне правый фланг антибольшевистского движения в Сибири станет региональным процессом, отразившимся на сибирской церковной периодике. Уже в период «демократической контрреволюции» центральной общественно-политической идеей в пуб-

³⁶ Новый путь служения Церкви // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 23, 24, 25; 10 (23) сентября — 1(14) октября. С. 198.

³⁷ Церковь спасет Россию // Известия по Омской епархии. 1918. 15 августа. № 3. С. 4.

ликациях церковной периодики стал тезис о решающей роли церкви в спасении России. Своими общественно-политическими публикациями, проводящими идеи русского национализма, основанного на православии, и критикой межпартийного разделения народа церковная периодика внесла свой вклад в подготовку общественного мнения к наступлению колчаковской диктатуры, водрузившей на свои знамена эти идеи.

Период колчаковской диктатуры

Колчаковцы, связывавшие идеологию своего режима с православием, поддерживали церковные органы печати, ставшие благодаря установившимся церковно-государственным отношениям частью пропагандистской системы белогвардейцев.

В белой Сибири помимо епархиальных церковных изданий появились новые церковно-государственные органы печати: журналы, позиционировавшие себя в качестве церковных органов печати, которые при этом издавались за счет средств государства с целью идейной борьбы с большевиками. Это два столичных издания, печатавшихся в Омске, журналы «Сибирский благовестник» (орган ВВЦУ Сибири) и «За Русь святую» (издание Управления главного священника армии и флота); новониколаевский журнал «Русский богатырь», выходивший при участии Русского бюро печати. Определяя цели издания, редакция журнала «За Русь святую» в № 1 указывала, что главным мотивом издания журнала является стремление дать современному читателю религиозное печатное слово, недостаток которого в настоящее время национального и религиозного подъема весьма ощущается. Помимо этого, цель журнала — быть «проводником идей национальных и патриотических на религиозной основе»³⁸. Возникшие церковно-государственные периодические издания были частью государственной пропагандистской системы колчаковцев.

Помимо возникновения церковно-государственных органов печати в колчаковской Сибири возникло и новое церковно-общественное издание — газета «Общее дело», издаваемая Советом Кафедрального собора в Красноярске. Ее первый номер вышел в свет 15 февраля 1919 г. Газета выходила еженедельно, по воскресным дням, по следующей программе: 1) Передовая статья по разным вопросам общественной и государственной жизни; 2) Обзор за неделю военных и политических событий; 3) Статьи по ко-

³⁸ Новый журнал // Единая Россия. 1919. № 4. С. 15.

операции, земской работе, школьному и внешкольному образованию и т.п.; 4) Апологетический отдел; 5) Литературный отдел; 6) Хроника епархиальной и гражданской жизни; 7) Справочный отдел³⁹. Сама структура нового издания свидетельствовала о политизации церковной периодики в тот период: на первое место ставились не вопросы церковной жизни, а передовая статья по разным вопросам общественной и государственной жизни.

В тяжелых социально-экономических условиях Гражданской войны в белой Сибири наблюдалась политическая апатия значительной части епархиального духовенства. Его представители в массе своей были озабочены не проповедью православного вероучения в массы и общественно-политическими проблемами, а бытовым выживанием в условиях социальных катаклизмов. Лучшие в тот период из сибирских епархиальных ведомостей — тобольские, со слов очевидца, характеризовали настроения томского духовенства следующим образом: «Жизнь церковно-общественная, под влиянием общих и местных неблагоприятных условий, протекает в Томске тихо. Не видно ни среди духовенства, ни среди мирян надлежащего общественно-делового подъема. Растущая дороговизна жизни отвлекает внимание большинства от общих дел и заставляет погрузиться в мелкие обыденные дела по добыванию насущного»⁴⁰.

Описанная обстановка для белогвардейского тыла была типична и поэтому, в отличие от созданных при поддержке власти церковно-государственных изданий, епархиальная печать в период колчаковской диктатуры переживала общий упадок. Он был вызван условиями эскалации Гражданской войны в регионе и общей экономической разрухой. Подчеркнем особо: в то время бумага являлась остродефицитным товаром. Нехватка писчей бумаги повсеместно ощущалась в государственных структурах; не хватало бумаги в белой Сибири для стратегической нужды — печатания денег⁴¹. В связи с этим издание периодики было изначально очень затратным и хлопотным делом.

³⁹ Газета // Енисейские епархиальные ведомости. 1919. № 1–2. Январь–февраль. С. 13.

⁴⁰ Иванов П.А., священник. Вести из Томска // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 5. 10(23) февраля. С. 82.

⁴¹ См. подробнее: Бородина Г.Ю. «Выработка бумаги находится в критическом положении»: к вопросу о бумажном кризисе в белом Омске в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.). Омск: ОмГТУ, 2017. С. 39–44; Петин Д.И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...»: Положение Экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 года // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 258.

Подтвердим сказанное примером. «Тобольские епархиальные ведомости» перепечатали материал из журнала «Вестник омской церкви». В силу важности для тематики данного исследования приведем из него достаточно объемную выдержку. В статье «Печальное положение сибирской епархиальной печати» о состоянии церковной периодики в колчаковской Сибири рассказывалось следующее: «В настоящее время, когда епархиальная печать получила известную свободу, значение ее должно бы быть огромным, но, к величайшему сожалению, разруха всей нашей экономической жизни очень тяжело отражается на епархиальной печати.

В виду неприемлемых требований, предъявляемых со стороны рабочих об увеличении заработной платы, в течение полугода не работала Томская Епархиальная Типография, по сему и епархиальный орган — Томск.[ий] Церк.[овно] Общ.[ественный] Вест.[ник] должен был на время прекратить свое существование, а равно и не могло быть осуществлено желание Томского духовенства об издании Союзом духовенства этой епархии своего печатного органа независимой мысли... После значительного перерыва снова выходят Томские Епархиальные Ведомости. Издаются они Томским Епархиальным Советом, и выходят только с одной официальной частью. Иркутские епархиальные ведомости, когда-то считавшиеся одними из лучших не только в Сибири, но и в России, издавались в минувшем году с одной только официальной частью и то очень не полною, а с января, видимо, и совсем прекратились. Лучшими из сибирских Епархиалов оказываются «Тобольские Ведомости», верные старым традициям времен прот. Головина и А.А. Городкова, с увеличением в сторону улучшения. Как видно из программы очередного епархиального собрания Тобольской епархии сессии 1919 г., там выражено желание издавать неофициальную часть в виде отдельного приложения и при том под другим названием. Духовенство, видимо, всюду сознает, что теперь ему более чем когда-либо необходимо иметь свой собственный, отдельный самостоятельный орган, на страницах которого можно было бы свободно обсуждать все волнующие церковное общество вопросы. Откровенно говоря, и наш Вестник находится в положении далеко не блестящем, в особенности со стороны финансовой»⁴².

Подчеркнем, что о тяжелом материальном положении в колчаковской Сибири заявляло омское столичное церковное издание, орган печати епархии, где размещались правительственные учреждения, органы военного управления и обращались основные капиталы белой России. Таким

⁴² Печальное положение сибирской епархиальной печати // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 21. 22 июля (4 августа). С. 309.

образом, в колчаковской Сибири возможности для реализации потребности духовенства в собственных печатных органах для обсуждения актуальных проблем развития страны и церкви значительно уменьшились.

Несмотря на бедственное состояние большинства епархиальных органов печати, эти издания в колчаковской Сибири были субъектами военно-политического противостояния, активно публикуя на своих страницах антибольшевистские агитационные материалы. Эта деятельность обеспечивалась властью ВВЦУ Сибири — органа высшей церковной власти в крае. По оценке церковного историка Д.В. Олихова, «антибольшевистская деятельность ВВЦУ Сибири имела для его членов самое приоритетное значение. Они отдавали себе отчет в неизбежности гонений на церковь в случае поражения колчаковской армии <...> ВВЦУ Сибири определилось со своей позицией по отношению к ведущейся борьбе, назвав войну “священной”. Собор духовенства Сибири, проходивший в Омске в апреле 1919 года, предал анафеме руководителей большевистской партии и постановил в каждом богослужении поминать А.В. Колчака как “Верховного правителя”⁴³».

Градус антибольшевистской риторики, исходившей от ВВЦУ Сибири, нагляден из его воззваний, публиковавшихся в епархиальной печати. В одном из них борьба с большевиками определялась в качестве священной религиозной войны. В воззвании говорилось следующее: «Настал час решить судьбу Отечества. Одушевляемое верою в Бога, с оружием в руках, двинулось христолюбивое воинство наше против богохульников, убийц и предателей Родины, именуемых большевиками. Высшее церковное Управление в этот ответственный момент обращается к вам с пастырским словом, которое внушает ему гражданский и церковный долг. Знайте, люди православные, что это есть священная война, ибо она ведется за возможность всем нам свободно исповедовать христианскую веру в Бога и за возможность нам жить по христианскому укладу честным трудом. Да будет вам известно, что у большевиков против христианской веры и Православной Церкви составляет самую сердцевину их дела»⁴⁴.

По сути, церковные издания стали частью пропагандистской системы колчаковцев и поэтому прекращение их издания после победы Красной армии над белогвардейцами закономерно вытекало из логики

⁴³ Олихов Д.В., *свящ.* Создание и деятельность Временного Высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 82.

⁴⁴ Воззвание Высшего Временного Церковного Управления // Енисейские епархиальные ведомости. 1919. № 9–10. Сентябрь–октябрь. С. 42.

Гражданской войны, когда победители утверждали свой режим, лишая печатного слова побежденных врагов.

Заключение

Существование и развитие феномена сибирской церковной периодики в годы Гражданской войны в России свидетельствует о наличии региональной специфики проявления религиозного фактора и, соответственно, перспективах ее углубленного изучения в военно-революционный период в отдельных регионах России.

После свержения самодержавия формат церковных ведомостей не устраивал политически активную часть представителей духовенства, поэтому во всех сибирских епархиях на протяжении Гражданской войны время от времени создавались церковные органы печати различной общественно-политической направленности (от крайне левой обновленческой до крайне правой националистической). Весной 1917 г. в Омске даже был прецедент появления газеты радикальных сторонников церковного обновления, по политическим вопросам ориентировавшихся на идею социалистической революции, и, напротив, возникшая в колчаковской Сибири церковно-государственная печать с крайне правых позиций пропагандировала русский национализм, основанный в интерпретациях его идеологов на православном вероучении.

Наличие феномена церковной периодики в Сибири обуславливалось спецификой Гражданской войны в России. Если в Европейской части России, контролируемой большевиками в 1918 г., церковная периодика затухала, то в антибольшевистской Сибири не подавленная — она сохранялась и даже развивалась. Пик ее развития пришелся на время колчаковской диктатуры, использовавшей церковь в качестве института, обеспечивавшего идеологию режима. В этой связи в феномене церковной печати появилось «новое», казалось, уже ушедшее в прошлое явление — церковно-государственная печать. Она существовала на средства государства, и ее главной целью была пропаганда идеологии колчаковского режима. При этом в белой Сибири оставались старые и даже появлялись новые епархиальные издания, достаточно много внимания продолжавшие уделять религиозным вопросам, но вместе с тем активно проводившие антибольшевистскую пропаганду.

Важнейшей исследовательской задачей в отношении сибирской церковной периодики являются выявление, учет и описание органов

печати, как не входящих в существующие указатели и не известных исследователям, так и давно введенных в научный оборот, но доступных в неполных подшивках. В последнем случае актуален поиск утерянных и, соответственно, не входящих в доступные подшивки отдельных номеров газет и журналов. Здесь важно сказать, что текущая цифровая трансформация деятельности государственных библиотек открывает перспективы в изучении сибирской периодики Гражданской войны⁴⁵.

Кроме того, любое историческое исследование становится более полновесным, когда в нем появляется «человеческое видение». Это суждение абсолютно справедливо для истории религии военно-революционного периода в России⁴⁶. В связи с этим при изучении церковной периодики будут, несомненно, представлять интерес личности учредителей, редакторов и авторского коллектива изданий. Причем рассмотрение их актуально как в персонифицированном формате, так и через призму некоего коллективного портрета.

Высказанные суждения позволяют утверждать о том, что, в целом, исследованию сибирской церковной периодики в годы Гражданской войны в России уместно было бы посвятить кандидатскую диссертацию. При этом использование различных методологических установок позволит не только проанализировать проблему, но выйти к осмыслению смежных сюжетов, связанных с политической, социальной, экономической и повседневной историей братоубийственного противостояния.

⁴⁵ Конев К.А. Источники по истории Революции 1917 г. и Гражданской войны в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы V Международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 192–198; Корниенко С.И., Ехлакова А.Р. Информационное противоборство красных и белых на восточном фронте Гражданской войны: подходы к анализу источников (кейс Пермской газетной периодики) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы V Международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 199–206.

⁴⁶ Петров И.В., Пученков А.С. Темная личность на фоне темной эпохи? (К вопросу о служении архиепископа Варнавы на Тобольской кафедре в 1914–1917 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 3. С. 73–78; Петин Д.И. Слово об офицере церкви (обзор монографии А.В. Сушко «Жизнь, служение и подвиг священника Василия Феофановича Инфантьева») // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. № 3. С. 54–63.

REFERENCES

1. *Borodina G.Y.* «Vyrabotka bumagi nakhoditsya v kriticheskom polozhenii»: k voprosu o bumazhnom krizise v belom Omske v 1919 g. [«Paper production crisis»: paper shortage in white Omsk in 1919] // *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе. Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Civil war in the east of Russia: an objective view through the documentary heritage: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Omsk, 2017. P. 39–44.
2. *Chernyshova N.K.* Pravoslavnyye periodicheskiye izdaniya // *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Orthodox periodicals // Historical encyclopaedia of Siberia]. Vol. II. Novosibirsk, 2009. P. 678.
3. *Konev K.A.* Istochniki po istorii Revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoy voyny v fonde Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Sources on the Revokutilon of 1917 and the Civil War stored at the Science Library of Tomsk State Univercity] // *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Civil war in the east of Russia: an objective view through the documentary heritage: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Omsk, 2023. P. 192–198.
4. *Korniyenko S.I., Yekhlakova A.R.* Informatsionnoye protivoborstvo krasnykh i belykh na vostochnom fronte Grazhdanskoy voyny: podkhody k analizu istochnikov (keys Permskoy gazetnoy periodiki) [Informational confrontation of the white and the red on the Eastern front of the Civil War (Perm periodicals)] // *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Civil war in the east of Russia: an objective view through the documentary heritage: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Omsk, 2023. P. 199–206.
5. *Kosykh Ye.N.* Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 — may 1918 g.). Iz istorii ideyno-politicheskoy bor'by [Siberian periodicals (March 1917 —

- May 1918) in the history of political and ideological confrontation]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1994. 248 p.
6. *Marchenko A.M., Nechayev M.G.* Otnosheniye vysshey tserkovnoy iyerarkhii k Fevral'skoy revolyutsii na primere Permskoy yeparkhii [Attitude of a higher church hierarchy] // Vestnik PNIPIU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo. 2018. No. 1. P. 90–98.
 7. *Netuzhilov K.Ye.* Yeparkhial'naya periodicheskaya pechat' v dorevolyutsionnoy Rossii [Church periodicals printing in pre-Revolution Russia] // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Izvestiya of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. 2006. Vol. 7. No. 21–1. S. 174–182.
 8. *Olikhov D.V., svyashch [priest].* Sozdaniye i deyatel'nost' Vremennogo Vysshego tserkovnogo upravleniya Sibiri (1918–1920 gg.) [Creation and Performance of the Temporary Highest Church Authority in Siberia (1918–1920)] // Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii [Reporter of the Omsk Orthodox Seminary]. 2016. No. 1. P. 72–86.
 9. *Petin D.I.* «Tol'ko zhivoye slovo na meste sposobno skoreye sdvinut' etot vopros s mertvoy tochki...»: Polozheniye Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag v Irkutske v nachale 1920 goda [«Only a word spoken alive could break the deadlock...»: the State of the State Documentation Committee in Irkutsk at the beginning of 1920] // Noveyshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]. 2017. No. 3. P. 256–270.
 10. *Petin D.I.* Slovo ob ofitsere tserkvi (obzor monografii A.V. Sushko «Zhizn', sluzheniye i podvig svyashchennika Vasiliya Feofanovicha Infant'yeva») [A word to an officer of the Church (a review of a monograph by A.V. Sushko «Life, Service and Struggle of a priest Vasiliiy Feofanovich Infanteev)] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. 2021. Vol. 5. No. 3. P. 54–63.
 11. *Petrov I.V., Puchenkov A.S.* Temnaya lichnost' na fone temnoy epokhi? (K voprosu o sluzhenii arkhiepiskopa Varnavy na Tobol'skoy kafedre v 1914–1917 gg.) [A dark personality during dark times? (To the question of Archiepiskop Varnava and his service at Tobol'skaya altar-stand)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin]. 2019. Vol. 4. No. 3. S. 73–78.
 12. *Polyakov Yu.A.* Grazhdanskaya voyna v Rossii: vzniknoveniye i eskalatsiya [Civil War in Russia: Causes and Escalation] // Otechestvennaya istoriya [Russian History]. 1992. No. 6. P. 32–41.
 13. *Sheremet'yeva D.L.* Antibol'shevistskaya periodicheskaya pechat' na vostoke Rossii kak nauchnaya problema: istoriya i perspektivy

- issledovaniya [Antibolshevik periodicals on the East of Russia as a scientific problem: history and prospects of research] // *Grazhdanskaya vojna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskiye posledstviya, uroki dlya sovremennosti* [Civil War in Russia: resolving issues, historical consequences, lessons to learn]. Novosibirsk, 2022. P. 85–102.
14. *Shilovskiy M.V.* Politicheskiye protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg [Political revolts in Siberia during the social cataclysm of 1917–1920]. Novosibirsk, 2003. 427 p.
 15. *Shkarovskiy M.V.* Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the 20th Century]. M., 2010. 480 p.
 16. *Smirnov N.N.* «Nel'zya otdelyat' tserkov' ot grazhdanskoy istorii...» [One shouldn't separate Church from Social History...] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin]. 2022. Vol. 7. No. 2. P. 57–64.
 17. *Sushko A.V.* «Popovskiy myatezh»: k voprosu ob antibol'shevistskikh volneniyakh v Omske [«Pope Revolt»: to the question of antibolshevik riots in Omsk] // *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2021. Vol. 6. No. 4. P. 62–70.

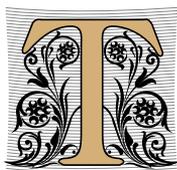

Ключевые слова:

периодическая печать, пропаганда, Русская православная церковь,
Русская революция, Гражданская война в России, Сибирь.

Aleksey V. Sushko

THE PHENOMENON OF SIBERIAN ORTHODOX PERIODICALS DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA

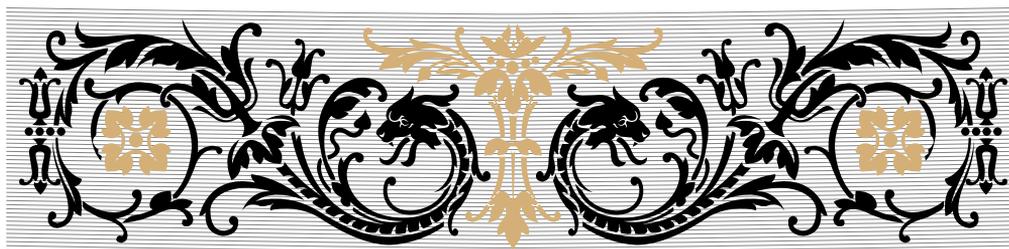
The article aims to characterize the phenomenon of church periodicals published during the Civil War in Siberia. Using the example of Siberia, the work poses the problem of studying the phenomenon of Orthodox periodicals of the Civil War in Russia. The work summarizes information about published church newspapers and magazines and characterizes individual periodicals. The history of church periodicals is studied in connection with both all-Russian and regional political processes that took place in the Siberian region. In this context, the development of the phenomenon of Orthodox periodicals in Siberia is traced. The dissatisfaction of the clergy with the form of publication of pre-revolutionary diocesan statements is shown. There are two groups of Orthodox press organs that emerged during the Civil War in Russia: new diocesan and church-state periodicals. In conclusion, the author discusses the prospects of continuing the study of this topic, considering that it would be appropriate to devote a dissertation to the study of Siberian Orthodox periodicals during the Civil War in Russia. The publication is of interest to a wide range of specialists in the Russian Civil War.

Key words: Periodicals, Propaganda, Russian Orthodox Church, Russian Revolution, Civil War in Russia, Siberia.

Aleksey V. Sushko – D.Sc. (History), Professor (НАС of the Russian Federation), Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications of Omsk State Technical University (Omsk, Russia).

 Сушко Алексей Владимирович

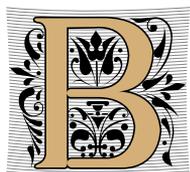
доктор исторических наук, профессор кафедры
«История, философия и социальные коммуникации»
Омского государственного технического университета (Россия, Омск)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.005

В.В. Назырова, Д.И. Петин

«В СЛАВНЫЕ ДНИ НАШЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ»: ОСВЕЩЕНИЕ ГОДОВЩИНЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ПРЕССЕ БЕЛОЙ СИБИРИ

текущее пятилетие одним из дискуссионных и активно разрабатываемых в отечественной историографии аспектов изучения Гражданской войны в России стал образ иностранных союзников Белого движения, формировавшийся в антибольшевистской прессе. Историки нередко рассматривают обозначенный вопрос сквозь призму «информационной войны» в силу того, что периодика дает подчас колоритные характеристики экономической, культурной и общественно-политической жизни. Особое место в работах занимает военно-политическая ситуация, имевшая место на востоке России, где ключевым административным центром белой России с начала лета 1918 г. до середины осени 1919 г. являлся Омск¹.

¹ См., напр.: Шевелев Д.Н. «Наши братья по крови»: чехословацкие легионеры в информационном пространстве востока России (весна–осень 1918 г.) // Русин. 2018. № 4. С. 189–210; Конев К.А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на Востоке России (май 1918 — январь 1920 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 288 с.; Васильченко М.А. Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май — ноябрь 1918 года). Саратов: Техно-Декор, 2021. 172 с.; Шилова О.С. Информационная политика противоборствующих сил во время Гражданской войны в Сибири (на материалах Иркутской

Обстоятельства появления и развития, а также информационные потенциалы сибирской антибольшевистской прессы также не раз привлекали внимание исследователей². Отмечая актуальность и новизну данных наработок, исследователи указывают возможные пути дальнейшего изучения взаимодействия Белого движения с иностранными союзниками, с использованием, в частности, и периодики³. Историк Н.А. Шабельникова, рассуждая о современной историографии Гражданской войны и иностранной интервенции на востоке России, указывает на востребованную необходи-

губернии 1918–1920 гг.). Иркутск: ИГУ, 2021. 167 с.; *Стельмак М.М.* Иностранная интервенция в Сибири в работах первых советских исследователей — участников событий Гражданской войны // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 2. С. 125–137; *Стельмак М.М.* Иностранцы союзники антибольшевистского движения в работе Е.Е. Колосова // Сибирский антропологический журнал. 2022. № 2. С. 171–178; *Конев К.А.* Иностранцы интервенты как «значимый Другой» для участников Гражданской войны в России // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 246–256; *Васильченко М.А.* Чехословацкий корпус в современном общественно-политическом дискурсе России // Общество: философия, история, культура. 2023. № 2. С. 70–73; *Стельмак М.М.* Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 — декабрь 1919 г.). Омск: Амфора, 2023. 420 с.

- ² См., напр.: *Обухов Л.А.* Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны (на примере газет г. Перми периода колчаковщины) // Власть. 2012. № 4. С. 131–133; *Шереметьева Д.А.* Омская газета «Заря» и государственная власть в ноябре 1917 — июне 1919 г.: проблемы политической адаптации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. № 1. С. 134–141; *Симонов Д.Г.* Газеты как источник по изучению антибольшевистских вооруженных сил востока России (1918–1919 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15. № 6. С. 31–40; *Шереметьева Д.А.* Официальная периодическая печать Российского правительства (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.): сб. материалов Всерос. конф. с междунар. участ. (Новосибирск, 18–20 ноября 2019 г.). Новосибирск: СО РАН, 2019. С. 366–375; *Шереметьева Д.А.* Антибольшевистская периодическая печать на востоке России как научная проблема: история и перспективы исследования // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 85–102; *Конев К.А.* Образ иностранных союзников антибольшевистского движения на страницах журнала «Томский кооператор» (1918–1919 гг.) // Двенадцатые Макушинские чтения. Материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2021. С. 113–121.
- ³ См. подробнее: *Посадский А.В.* Васильченко М.А. Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май — ноябрь 1918 г.). Саратов: Техно-Декор, 2021. 172 с. // Русин. 2022. № 69. С. 321–325; *Шебалков С.В.* Год 1918-й между Пензой и Уралом [Рец. на кн.: *Васильченко М.А.* Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май — ноябрь 1918 г.). Саратов, 2021] // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 2. С. 500–507; *Сушко А.В.* *Стельмак М.М.* Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 — декабрь 1919 г.): монография // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 110–114.

Генерал Морис Жанен

мость академического изучения данной проблематики именно с краеведческих позиций⁴. Отсюда актуальность нашего исследования связывается с перечисленными тезисами, а также с тем, что в историографии не нашел отражения сюжет, связанный с освещением в прессе белой Сибири на рубеже мая–июня 1919 г. годовщины выступления Чехословацкого корпуса.

Об этом памятном событии в исследованиях есть лишь фрагментарные упоминания в контексте анализа образа чехословацких легионеров. Между тем чехословацкий мятеж сыграл ключевое значение в первичном становлении и укреплении антибольшевистской государственности на востоке России. Это подчеркивал один из ключевых руководителей иностранной интервенции французский генерал М. Жанен, давая оценку политической ситуации в белой Сибири⁵. В связи с этим предлагаемая работа важна для изучения формирования в белой Сибири политической культуры, официальной идеологии и практик коммеморации. Подчеркнем, что в исследовательской среде наблюдается интерес к культурной антропологии и роли государственного праздника в ан-

⁴ Шабельникова Н.А. «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 2. С. 75–76.

⁵ См. подробнее: Гагкуев Р.Г. «Адмирал становится для нас опасным подопечным». Оценка французским генералом М. Жаненом ситуации на белом Восточном фронте в декабре 1918 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 10–17.

тибольшевистской Сибири⁶. Эти дискуссии, в свою очередь, отсылают к осмыслению исторического значения феномена белого Омска. С позиций значимости это многогранное явление политической культуры видится как претендующее на всероссийский уровень⁷.

Цель исследования — проанализировать публикации в газетах Сибири, посвященные годовщине выступления Чехословацкого корпуса, выделив содержательные особенности этих материалов, их влияние на формирование образа интервентов. В качестве источниковой базы исследования использованы 8 газет (см. табл.), в них внимание отведено номерам, вышедшим за период с 25 мая по 7 июня 1919 г.

**Таблица. Периодические издания,
использованные в исследовании**

Название газеты, город издания	Количество	
	изученных номеров	публикаций по теме исследования
«Заря» (Омск)	16	3
«Наша Заря» (Омск)	17	7
«Сибирская речь» (Омск)	24	8
«Правительственный вестник» (Омск)	25	5
«Освобождение России» (Пермь)	24	3
«Сибирская жизнь» (Томск)	22	8
«Военные ведомости» (Новониколаевск)	24	9
«Свободная Сибирь» (Красноярск)	26	7
ИТОГО	178	50

⁶ См. подробнее: Сушко А.В. К вопросу о праздновании Дня георгиевских кавалеров и восстановлении георгиевских наград в Белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 6. С. 295–299; Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 — ноябрь 1919 гг.). Омск: СиБАДИ, 2018. С. 178–183.

⁷ См., напр.: Сорокин А.П., Лосунов А.М. Мифологема «столичности» города Омска: исторические основания и современный контекст // Культурологический журнал. 2012. № 3. С. 3–9; Базанов П.Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188; Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

Газета «Заря» являлась одним из широко распространенных в белой Сибири изданий, превосходя по своему тиражу в 1918–1919 гг. даже такие газеты, как «Правительственный вестник» и «Сибирская жизнь». В 1919 г. она транслировала настроения лидеров сибирской кооперации с опорой на демократические лозунги. Но меньше всего заметок выявлено и проанализировано из числа вышедших на полосах данной газеты. Это связано с отсутствием в доступе номеров за 25–26 мая 1919 г., когда печаталась основная масса публикаций к годовщине выступления Чехословацкого корпуса.

Газета «Наша Заря» печаталась с 1919 г., позиционируясь как «орган демократической государственной мысли». Издание с патетическим названием «Освобождение России» выпускалось с января по июнь 1919 г. — в период, когда Пермь была под властью белых. Включение этого издания мы посчитали необходимым шагом для отражения тенденции в самой западной на тот момент части колчаковской России. «Военные ведомости» позиционировались как «беспартийная газета». «Свободная Сибирь» — «газета политическая, экономическая и литературная» — выходила в Красноярске в 1917–1919 гг. На ее страницах публиковались телеграммы, российские и местные новости, очерки и т.п. «Сибирская речь» выходила с 1917 г., будучи печатным органом кадетской партии. Общественная значимость этого издания определяется тем, что кадетские круги тогда олицетворяли в целом политическую атмосферу верховной власти белого Омска⁸.

Все анализируемые издания выходили ежедневно, кроме дней, следующих после праздников. Общая полнота и сохранность номеров удовлетворительная. Данные издания являлись ключевыми рупорами официальной пропаганды в указанных крупных административных центрах. Анализ выявленных по ним публикаций позволяет установить ключевые тенденции. Перечисленные факторы позволяют считать выборку изданий репрезентативной с учетом того, что публикации омских газет значимы особо, учитывая их «столичный статус».

Начало освещению годовщины установления в Сибири антибольшевистской власти положили официальные приветственные телеграммы на имя генерала Р. Гайды и ответные поздравления. Они печатались в белой периодической печати весь период проведения торжеств:

⁸ См. подробнее: Сушко А.В., Безродный К.Э. В.А. Жардецкий и сибирское областничество // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 1. С. 30–36.

Вступление Чехословацкого корпуса в Иркутск, 1918 г. Фотография Э.К. Гетке

в конце мая — в начале июня 1919 г.⁹ В газете «Заря» можно найти общую информацию о праздновании данного события в Красноярске, Екатеринбурге, Томске. В храмах служили торжественные молебны, а также панихиды по погибшим. Местные гарнизоны проводили парады. Улицы городов украшались русскими и чехословацкими флагами. Организовывались гулянья, сбор от которых шел на благотворительные нужды¹⁰. В дальнейшем издания продолжали знакомить читателей с празднованием события, публикуя информацию из разных местностей востока России: от Перми до Иркутска¹¹. Схожие обзоры мы находим на полосах газет «Заря», «Сибирская речь», «Правительственный вестник», «Сибирская жизнь». Нередко публикации дублировали друг друга. Причиной тому было то, что они печатались на основании бюллетеней Российского телеграфного агентства.

Изучая такие заметки, в отдельных случаях мы можем представить себе атмосферу, имевшую место на праздничных мероприятиях

⁹ День освобождения // Наша Заря (Омск). 1919. № 115. 1 июня; Приветствие чехословацкого представителя // Наша Заря (Омск). 1919. № 116. 2 июня.

¹⁰ К годовщине чехословацкого выступления против большевиков // Заря (Омск). № 110. 27 мая.

¹¹ В день годовщины освобождения Сибири от большевиков // Заря (Омск). № 112. 29 мая; К годовщине освобождения Сибири // Сибирская речь (Омск). 1919. № 112. 28 мая; Телеграммы // Правительственный вестник (Омск). 1919. № 146. 28 мая.

Генерал Алексей Филиппович (Фелицианович) Матковский на параде в Омске, 14 апреля 1919 г.

в разных городах. Так, в Новониколаевске 25 мая 1919 г. «в 12 часов со всех церквей, храмов и молитвенных домов разных вероисповеданий вышли крестные ходы на городскую площадь, где было совершено молебствие у четырех алтарей: православного, старообрядческого, католического и магометанского. После <...> состоялся парад русских, польских и чешских частей. После обеда устроен был чехословацким гарнизоном концерт»¹². Газета «Наша Заря» опубликовала приветственную телеграмму на имя командующего войсками Омского военного округа генерал-майора А.Ф. Матковского от председателя общественных организаций Новониколаевска: «День 25 мая город Новониколаевск празднует первый день, первую зарю освобождения от террора и тирании социалистов-большевиков. На это дело спасения отечества Вы положили великие труды и все свои дарования. Наш город шлет Вам низкий поклон и привет, да дарует Бог Вам крепость и силу на избавление горячо любимой нашей матери России»¹³. Далее в публикации по традиции была представлена ответная телеграмма.

В издании «Военные ведомости» за 25 мая 1919 г. подчеркивалось, что «настоящий номер газеты посвящается памяти годовщины в борь-

¹² Годовщина выступления чехословацких войск в Сибири // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 106. 27 мая.

¹³ Приветствие командующему войсками // Наша Заря (Омск). 1919. № 116. 3 июня.

бе за родину с большевистским разрушением». Готовя его, отдельное внимание редакция уделила воспоминаниям о событиях, произошедших в мае 1918 г. С должной патетикой по этому поводу отмечалось: «Ровно год тому назад эшелоны чешских войск с небольшим количеством русских добровольцев вступили в открытую вооруженную борьбу с советами и тем положили начало раскрепощения всей Руси. Горсточка людей, беззаветно любящих свой народ, объединенная глубоким национальным чувством, распыленная от Пензы до Владивостока по линии Сибирской магистрали, подняла знамя восстания против российских большевиков»¹⁴.

О памятных мероприятиях в Красноярске читаем: «Сегодня, 25 мая, в день первого выступления чехословаков против большевиков, состоится празднество. В Кафедральном соборе будет происходить торжественное богослужение с молебствием. Город будет украшен русскими и чешскими национальными флагами. После молебствия состоится парад чешским войскам. На могилы павших чехов-героев возложат венки. В кинематографе “Арс” для чехословацких солдат устраивается бесплатный сеанс. Вечером в городском саду — гуляние»¹⁵. В Томске в тот же день прошел парад русских и чешских войск, а затем — торжественный завтрак в гостинице «Европа» для представителей военного командования и иностранных миссий¹⁶.

В газете «Сибирская речь» читаем о вечере, посвященном годовщине освобождения Сибири от большевиков и организованном в здании городского театра. Кроме того, отмечалось, что издание планирует «более или менее подробное развитие этой темы <...> в связи с празднованием годовщины освобождения Омска»¹⁷. Отголоски реакции на события годовщины мы встречаем в прессе и спустя практически две недели. В частности, публиковались сведения о заседаниях, проходивших в сибирских общественных учреждениях. На этих мероприятиях говорились слова благодарности, звучали воспоминания о событиях мая 1918 г.¹⁸ Продолжали печататься поздравительные телеграммы,

¹⁴ Новониколаевск, 25 мая // Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. № 139. 25 мая.

¹⁵ Годовщина первого выступления чехословаков в Сибири // Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. № 111. 25 мая.

¹⁶ Знаменательная годовщина // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 106. 27 мая.

¹⁷ Чехословацкий вечер // Сибирская речь (Омск). 1919. № 115. 1 июня.

¹⁸ Печать // Наша Заря (Омск). 1919. № 120. 7 июня.

Адмирал А.В. Колчак в своем кабинете в Омске

подводились итоги и обобщения: «один год нашего существования вне советской власти срок небольшой <...>, но качественно он велик и огромен»¹⁹.

Стоит сказать, что по инициативе общественности в Омске в те дни были отпразднованы две взаимосвязанные даты. В белой столице по инициативе близких к власти общественных кругов вторым официальным днем торжеств объявили 7 июня 1919 г. — годовщину вступления в город белочешских отрядов. День позиционировался как «начало возрождения России». С одной стороны, омские празднества хотя и проходили по образу и подобию аналогичных мероприятий в других крупных сибирских городах, но на общем фоне благодаря «столичному» статусу получили официальную поддержку со стороны Российского правительства. На празднества 7 июня 1919 г. коллегиальным решением были делегированы высшие должностные лица белой Сибири²⁰. Так, Верховный правитель А.В. Колчак посетил молебен и 40-минутный парад на площади близ Успенского кафедрального собора. На торжественном заседании городской думы в здании гарнизонного собрания

¹⁹ Омск, 7 июня 1919 // Сибирская речь (Омск). 1919. № 120. 7 июня.

²⁰ Совет министров Российского правительства: журналы заседаний, 18 ноября 1918 — 3 января 1920 г. / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 707.

Георгий Густавович Тельберг

присутствовал управляющий делами Верховного правителя и Совета министров, министр юстиции сенатор Г.Г. Тельберг²¹.

Омская городская управа, готовя мероприятие, формировала списки почетных гостей, куда вошли представители русских и чешских военных властей, а также отдельные лица, принявшие деятельное участие в политических событиях и боевых действиях против большевиков годом ранее. Депутатам правительственных и общественных организаций предлагалось «в речах и резолюциях высказать свое отношение к событию 7 июня»²².

Серия публикаций, посвященная годовщине освобождения Сибири от большевиков, также сопровождалась статьями по истории создания и деятельности Чехословацкого корпуса и чехословацкого движения в России²³. В частности, подобную информацию встречаем в статьях, подготовленных А. Андогским. В обзорах особо отмечалось, что «при помощи чехословацких войск Сибирь сбросила иго советской

²¹ Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 — ноябрь 1919 г.). Омск: СибАДИ, 2018. С. 181–182.

²² Годовщина освобождения // Наша Заря (Омск). 1919. № 117. 3 июня.

²³ Из истории чешско-словацкого движения в России // Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. № 139. 25 мая.

власти и вступила в новую, свободную, демократическую жизнь»²⁴. Также печатались очерки, последовательно и обстоятельно освещавшие ход сибирских событий, имевших место год назад²⁵. Эти материалы для антибольшевистских властей имели очевидную пропагандистскую направленность, поскольку позиционировали все произошедшее на рубеже мая–июня 1918 г. как первый и важный шаг воссоздания государственной и национальной мощи новой России. Отсюда «ясным представляется и историческое значение их, и необходимость полного и детального освещения», — резюмировал по этому поводу один из авторов тех статей Н. Палов²⁶.

Кроме того, в целях аргументации и репрезентации политической позиции по данному вопросу по инициативе антибольшевистских властей публиковались тенденциозные подборки документов о причинах и обстоятельствах начала вооруженного выступления Чехословацкого корпуса²⁷.

В целом общее содержание публикаций было проникнуто героическим началом, патетической восторженностью по отношению к событию, важностью его для будущего антибольшевистской России, а также критическими упреками в адрес деятельности в регионе советской власти: «Сибирь первую сбросила иго большевиков, грозивших разлить свой яд по всему миру и отравить им другие страны. Сибирь первую взяла на себя задачу освободить территорию России от этого человеческого гнойника, оживить омертвевшие ее части, воссоединить их и вернуть ей былое могущество единого и нераздельного государства российского»²⁸.

В отдельных изданиях можно встретить примеры того, когда памятная дата преподносилась оригинально в творческой форме; традиционно это были небольшие по объему стихотворения, посвященные чехословацким легионерам или ситуации в России, например такое:

²⁴ *Андогский А.* Ко дню годовщины свержения советской власти чехословаками в Сибири // *Сибирская жизнь* (Томск). 1919. № 107. 28 мая; Там же. № 108. 29 мая.

²⁵ *Бурлинский П.* Освобождение Омска // *Наша Заря* (Омск). 1919. № 120. 7 июня.

²⁶ *Палов Н.* Дни освобождения в Сибири (К истории освободительной борьбы) // *Военные ведомости* (Новониколаевск). 1919. № 147. 5 июня; Там же. № 151. 11 июня; Там же. № 154. 14 июня.

²⁷ *Документы двуличной политики Совнаркома (Сообщение чехословацкого телеграфного агентства о причинах выступления чехословаков)* // *Сибирская речь* (Омск). 1919. № 120. 7 июня.

²⁸ *Годовщина освобождения* // *Сибирская жизнь* (Томск). 1919. № 109. 31 мая.

Генерал Радола Гайда

Полна вражды и злобы дикой
Насилья грубого полна
Была ты некогда Великой,
Моя любимая страна.
Междуусобный бой жестокий
Кипит в тебе почти уж год
Конца трагедии глубокой
Ждет исстрадавшийся народ²⁹.

Другие аналогичные по теме стихотворные строки содержат отсылки к идеям панславизма и религиозно-политического единения русских и чехов, что характерно проявилось еще в годы Первой мировой войны³⁰:

<...> И в Русь Великую, во дни ее ужасных мук
Пред ней как братья, долг славянский выполняя честно
Вы принесли святой огонь. И братской речи звук
Проник в сердца истерзанных от пыток муки крестной. <...>³¹

²⁹ Голубев А. России // Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. № 111. 25 мая.

³⁰ См. подробнее: Сушко А.В., Петин Д.И. Обращение чехов в православие в Омске: духовность, идеология, быт. 1916–1919 гг. // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 597–610.

³¹ Язвницкий В. Чехословакам (К освобождению Сибири) // Наша Заря (Омск). 1919. № 120. 7 июня.

Через ретроспективный взгляд авторами статей в изданиях белой Сибири предпринималась попытка подведения предварительных итогов, достигнутых за год антибольшевистской властью в регионе. «Прошел год — долгий, тяжелый год борьбы. Поднятое капитаном Гайда движение разрослось и мощным потоком разливается по медленно, но неуклонно освобождающейся России. И капитан Гайда стоит теперь не во главе полусотни храбрецов, нет — он уже генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией. К его словам прислушивается вся освобожденная Россия, за действиями его, за продвижением его армии следит весь мир»³².

В газете «Освобождение России» основные публикации номера за 25 мая 1919 г. были посвящены «братскому народу Чехословакии и его вождям»³³. Здесь любопытен один из ключевых посылов материала, где в политическом нарративе эпохи благодаря колчаковской пропаганде чехи и словаки — формально разные народы — сливались воедино в массовом сознании. В подобных публикациях стремились восстановить хронику основных событий, связанных с освобождением городов от власти большевиков при участии чехословацких легионеров: «Год тому назад начальник чехословацкого эшелона капитан Гайда в г. Новониколаевске поднял знамя восстания; при участии офицерской организации под командой поручика Лукина был совершен переворот. Вот начало истока рассматриваемого нами могучего народного движения, совершающегося на наших глазах. 26-го же мая было приступлено к формированию добровольческих отрядов для беспощадной борьбы с узурпаторами-большевиками»³⁴.

Та же тенденция в репрезентации событий прослеживается в одной из публикаций в газете «Сибирская жизнь»: «Год тому назад Томск избавился от советской власти. <...> Поход чехословацких войск сопровождался необычайным успехом и встречался энтузиазмом населения. Сразу же вышли наружу таившиеся в народе противобольшевистские силы, стала собираться добровольческая армия. В Омске стал формироваться правительственный центр, который сумел собрать около себя значительные общественные группы и выдержать немало атак <...>»³⁵.

³² Генералу Гайда // Освобождение России (Пермь). 1919. № 109. 21 мая.

³³ В годовщину // Освобождение России (Пермь). 1919. № 112. 25 мая.

³⁴ К годовщине борьбы с большевиками. Чехословацкое движение // Освобождение России (Пермь). 1919. № 112. 25 мая; Н.С. К годовщине // Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. № 139. 25 мая.

³⁵ Итоги и перспективы // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 107. 28 мая.

Мария Александровна Гришина-Алмазова

Любопытно, что вслед за выходом в свет публикаций отмечались и своего рода попытки проанализировать отражение в прессе годовщины выступления Чехословацкого корпуса: «<...> годовщина освобождения Сибири от советской власти <...> отмечена значительной частью печати, как уральской, так и сибирской». В результате чего был «опубликован большой и интересный материал, чрезвычайно ценный для будущего историка», демонстрирующий «грандиозную картину подъема государственности в широких кругах населения»³⁶.

В основном публикации, посвященные событиям 25 мая 1918 г., публиковались 24–25 мая, а также в дни освобождения того или иного города от власти большевиков, встречаются перепечатки из разных изданий, что в связи с неполной сохранностью номеров позволяет получить более развернутое представление об освещении интересующего нас вопроса в региональной прессе. Такие издания, как «Наша Заря», «Освобождение России», «Сибирская жизнь», «Военные ведомости», уделили довольно много внимания годовщине выступления Чехословацкого корпуса, представив не только информацию о праздничных мероприятиях, но и опубликовав воспоминания, аналитические заметки, обширные очерки с продолжениями. В «Правительственном вестнике» освещение событий годовщины носит фрагментарный ха-

³⁶ Отклики печати. Годовщина освобождения // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 113. 6 июня.

рактически, будучи представлено анонсом мероприятий и их кратким содержанием.

В рассматриваемых публикациях, воспевавших тех лидеров, кто на востоке России летом 1918 г. стоял у истоков антибольшевистской вооруженной борьбы, имеются любопытные политизированные детали. Так, печать активно создавала героический ореол вокруг образа чехословацких легионеров и их военных руководителей. На рубеже мая–июня 1919 г. количество упоминаний о них явно больше, чем о других союзниках Белого движения. Логично, что приоритетного внимания удостоился Р. Гайда, чья карьера в колчаковской армии на тот момент достигла зенита славы, который уже вскоре сменился на опалу³⁷.

В то же время пресса практически полностью игнорировала персону первого командующего Сибирской армией, бывшего военного министра Временного Сибирского правительства А.Н. Гришина-Алмазова. После скандальной отставки и убытия на юг России в сентябре 1918 г. он стал «нежелательной» фигурой в белой Сибири. К моменту годовщины выступления Чехословацкого корпуса Гришин-Алмазов уже погиб. Однако в Омске об этом еще не было официальных подтверждений. В городе усердно муссировались слухи не то разгульной жизни генерала, не то о его трагической гибели и даже о его переходе на сторону большевиков. Супруга Алексея Николаевича — Мария Александровна, светская дама — умышленно оставленная им в Омске, как «агент влияния», не справилась с этой миссией, будучи больше озабочена собственным политическим имиджем и обустройством личного счастья³⁸. Неоднозначная политическая репутация этого деятеля здесь сыграла фатальную роль. Будучи одним из главных участников установления антибольшевистской власти летом 1918 г., спустя год он — как персона *non grata* — не был удостоен официальных упоминаний и слов благодарности.

Пресса дает понимание того, что, как и всякий государственный праздник, массовые мероприятия в городах белой Сибири, приуроченные к годовщине свержения советской власти, проводились по

³⁷ См. подробнее: Новиков С.В. Гайда Радола и чехи. Из истории контрреволюции и Гражданской войны в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 15–20.

³⁸ См. подробнее: Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 1058–1073.

«классическим» регламентам и подходам, установившимся еще в до-революционный период. В колчаковской Сибири, где верховная власть так или иначе во внешнем смысле апеллировала к имперским официальным ритуалам, это касалось всех государственных церемоний. Свой отпечаток накладывали и текущая военно-политическая обстановка, и тематические истоки памятной даты: празднование обязательно содержало элементы военной культуры и, как правило, его гостями становились представители иностранных военных и дипломатических миссий. Все это опять же было приметам эпохи. Шла вооруженная политическая борьба: власть и общество продолжали быть милитаризованными.

Оставаясь по формальной принадлежности сугубо светским, каждое из празднований годовщины установления в Сибири антибольшевистской власти тем не менее проходило при участии местных церковных иерархов. Это совокупно объясняется традиционной российской политической культурой и участием церкви в антибольшевистском движении, а также активной ролью религиозного фактора в годы Гражданской войны³⁹.

Условно, исходя из анализа газет, в структуре мероприятий можно легко выделить официальную и неофициальную составляющие. В первую входили армейские парады, церковные молебны, возложения венков в местах братских захоронений павших участников Белого движения; во вторую — различные увеселительные действия (концерты, гулянья и т.п.), нередко сопровождаемые благотворительными акциями. Вполне очевидно, что на складывание и закрепление такой структуры государственного праздника оказала влияние Первая мировая война.

В этом смысле дискуссионным остается вопрос о том, насколько новый политический нарратив, основанный на прежних имперских традициях, мог сыграть в белой Сибири мобилизующую роль в войне с большевизмом. Ведь наряду с чествованием живых борцов и отдаванием памяти павшим цель масштабных празднований заключалась в дополнительной политической активизации общества. Положение дел на фронте тогда складывалось далеко не в пользу сил А.В. Колчака. В дни годовщины установления в Сибири антибольшевистской власти

³⁹ См., напр.: Сушко А.В. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. № 2. С. 34–42.

части РККА успешно развивали наступление в Предуралье, что в итоге привело белую армию к фатальному краху. И если судить по тому, что происходило летом–осенью 1919 г., желаемого политического эффекта от государственных празднований колчаковской власти достичь не удалось.

Дополнительную дискуссию в изучение вопроса вносят особенности характера использованной периодики: все эти издания печатали только официозные обзоры, поскольку на тот момент в белой Сибири газет, которые можно было бы отнести к категории некоей «оппозиционной прессы», уже не существовало. Политизированный субъективизм периодики в этом смысле ограничивает возможности изучения проблематики государственных праздников, организованных властями антибольшевистского востока России. Исследование вопроса может быть, несомненно, продолжено, но уже посредством привлечения источников иного типа (например, материалов делопроизводства и эго-документов).

REFERENCES

1. *Bazanov P.N.* Mestnaya ili vserossiyskaya kul'tura? [Local or national culture?] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2022. No. 3. P. 186–188.
2. *Gagkuyev R.G.* «Admiral stanovitsya dlya nas opasnym podopechnym». Otsenka frantsuzskim generalom M. Zhanenom situatsii na Belom Vostochnom fronte v dekabre 1918 g. [«The Admiral is becoming a dangerous ward for us» French General M. Janen's assessment of situation on the White Eastern Front in December 1918] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost`*. 2022. Vol. 7. No. 2. P. 10–17.
3. *Konev K.A.* «Soyuzniki» v politicheskikh narrativakh i simvolicheskikh praktikakh antibol'shevistskogo dvizheniya na Vostoke Rossii (may 1918 – yanvar' 1920 g.) [«Allies» in political narratives and symbolic practices of the anti-Bolshevik movement in the East of Russia (May 1918 – January 1920)]. Cand. diss. Tomsk, 2018. 288 p.
4. *Konev K.A.* Inostrannyye interventy kak «znachimyy Drugoy» dlya uchastnikov Grazhdanskoy voyny v Rossii [Foreign Interventionists as a «Significant Other» for the Participants of the Civil War in Russia] // *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskiye posledstviya, uroki dlya sovremennosti*. Novosibirsk, 2022. P. 246–256.
5. *Konev K.A.* Obraz antibol'shevistskogo dvizheniya inostrannykh soyuznikov na stranitsakh zhurnala «Tomskiy kooperator» (1918–1919 gg.) [The image of the anti-Bolshevik movement foreign allies on «Tomsk Cooperator» magazine pages (1918–1919)] // *Dvenadtsatyey Makushinskiye chteniya*. Novosibirsk, 2021. P. 113–121.
6. *Novikov S.V.* Gayda Radola i chekhi. Iz istorii kontrrevolyutsii i Grazhdanskoy voyny v Rossii [Gaida Radola and the Czechs. From the history of counterrevolution and the Civil War in Russia] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost`*. 2018. No. 4. P. 15–20.

7. *Obukhov L.A.* Periodicheskaya pechat' kak istochnik po istorii Grazhdanskoj vojny (na primere gazet g. Permi perioda kolchakovshchiny) [Periodicals as a source on the history of the Civil War (on the example of the newspapers of the city of Perm during the Kolchak period)] // *Vlast'*. 2012. No. 4. P. 131–133.
8. *Posadskiy A.V.* Vasil'chenko M.A. Chekhoslovatskiy korpus v bor'be za Povolzh'ye (may – noyabr' 1918 goda). Saratov: Tekhno-Dekor, 2021. 172 s. [*Vasilchenko M.A.* The Czechoslovak corps in the struggle for the Volga region (May – November 1918). Saratov: Techno-Decor, 2021. 172 p.] // *Rusin*. 2022. No. 69. P. 321–325.
9. *Puchenkov A.S.* Omskiye Forsayty i «Dom Kolchaka» [Omsk Foresights and the House of Kolchak] // *Rossiyskaya istoriya*. 2023. No. 2. P. 205–208.
10. *Puchenkov A.S., Sushko A.V., Petin D.I.* «Vsem govornite, chto moye puteshestviye ochen' opasnoye...»: pis'ma generala A.N. Grishina-Almazova yego supruge (osen' 1918 g.) [«Say Everyone That My Journey is Very Dangerous...»: Letters of General A.N. Grishin-Almazov to his Wife (Autumn 1918)] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 1058–1073.
11. *Shebalkov S.V.* God 1918-y mezhdou Penzoy i Uralom [Rets. na kn.: *Vasilchenko M.A.* Chekhoslovatskiy korpus v regione Povolzh'ya (may – noyabr' 1918 goda). Saratov, 2021] [1918 between Penza and the Urals [Rev. on: *Vasilchenko M.A.* Czechoslovak Corps in the Struggle for the Volga Region (May – November 1918). Saratov, 2021]] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 500–507.
12. *Sheremet'yeva D.L.* Antibol'shevistskaya periodicheskaya pechat' na vostokey Rossii kak nauchnaya problema: istoriya i perspektivy issledovaniya [Anti-Bolshevik Periodicals in the East of Russia as a Scientific Problem: History and Research Perspectives] // *Grazhdanskaya vojna v Rossii: problemy iskhoda, istoricheskiye posledstviya, uroki dlya sovremennosti*. Novosibirsk, 2022. P. 85–102.
13. *Sheremet'eva D.L.* Ofitsial'naya periodicheskaya pechat' Rossiyskogo pravitel'stva (18 noyabrya 1918 – 3 yanvary 1920 g.) [Official periodical of the Russian government (November 18, 1918 – January 3, 1920)] // *Grazhdanskaya vojna na vostokey Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.)*. Novosibirsk, 2019. P. 366–375.

14. *Sheremet'eva D.L.* Omskaya gazeta «Zarya» i gosudarstvennaya vlast' v noyabre 1917 – iyune 1919 goda: problemy politicheskoy adaptatsii [Omsk newspaper «Zarya» and the governmental authorities in November 1917 – June 1919: problems of political adaptation] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2015. Vol. 14. No 1. P. 134–141.
15. *Shevelev D.N.* «Nashi brat'ya po krovi»: chekhoslovatskiye legionery v informatsionnom prostranstve vostoka Rossii (vesna–osen' 1918 g.) [«Our brothers in blood»: Czechoslovakian legionnaires in the information space of the East of Russia (spring–autumn 1918)] // Rusin. 2018. No. 4. P. 189–210.
16. *Shilova O.S.* Informatsionnaya politika protivoborstvuyushchikh sil vo vremya Grazhdanskoy voyny v Sibiri (na materialakh Irkutskoy gubernii 1918–1920 gg.) [Information policy of the opposing forces during the Civil War in Siberia (based on materials from the Irkutsk province 1918–1920)]. Irkutsk, 2021. 167 p.
17. *Simonov D.G.* Gazety kak istochnik po izucheniyu antibol'shevistskikh vooruzhennykh sil vostoka Rossii (1918–1919 gody) [Newspaper as a source of study anti-Bolshevik armed forces East of Russia (1918–1919)] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2016. Vol. 15. No 6. P. 31–40.
18. *Sizov S.G.* Belaya stolitsa Rossii: povsednevnyaya zhizn' Omska (iyun' 1918 – noyabr' 1919 g.) [The White Capital of Russia: the daily life of Omsk (June 1918 – November 1919)]. Omsk, 2018. 240 p.
19. *Sorokin A.P., Losunov A.M.* Mifologema «stolichnosti» goroda Omska: istoricheskoye zarozhdeniye i sovremennyy kontekst [The mythology of the «capital» of the city of Omsk: historical foundations and modern context] // Kul'turologicheskiy zhurnal. 2012. No. 3. P. 3–9.
20. Sovet ministrov pravitel'stva Rossii: zhurnaly zasedanii, 18 noyabrya 1918 g. – 3 yanvarya 1920 g. [Council of Ministers of the Russian Government: journals of meetings, November 18, 1918 – January 3, 1920] / Comp. & Scie. Ed by V.I. Shishkin. Vol. 1. Novosibirsk, 2016. 748 p.
21. *Stel'mak M.M.* Inostrannaya interventsiya v Sibiri v rabotakh pervykh sovetskikh issledovatelye – uchastnikov sobytij Grazhdanskoy voyny

- [Foreign Intervention in Siberia in the Works of the First Soviet Researchers Who Participated in the Events of the Civil War] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». 2022. Vol. 9. No. 2. P. 125–137.
22. *Stel'mak M.M.* Inostrannyye soyuzniki antibol'shevistskogo dvizheniya v rabote Ye.Ye. Kolosova [Foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the work of E.E. Kolosov] // Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal. 2022. No. 2. P. 171–178.
 23. *Stel'mak M.M.* Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 g.) [The Image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. Omsk, 2023. 420 p.
 24. *Sushko A.V.* K voprosu o prazdnovanii Dnya georgiyevskikh kavalerov i vosstanovlenii georgiyevskikh nagrad v Beloy Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny [On the issue of celebrating the Day of Holders of St. George's Cross and renewal of St. George's orders in White Siberia during the Civil war] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No. 2. T. 6. P. 295–299.
 25. *Sushko A.V.* Religioznyy faktor v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii (po printsipu protsessov v Omskoy i Pavlodarskoy yeparkhii) [The role of Religion during the Civil War in Russia (on the example of processes in the Omsk and Pavlodar Diocese)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2022. No. 2. P. 34–42.
 26. *Sushko A.V.* *Stel'mak M.M.* Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 g.): monografiya [*Stel'mak M.M.* The Image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919): monography] // Otechestvennyye arkhivy. 2023. No. 4. P. 110–114.
 27. *Sushko A.V., Bezrodnyy K.E. V.A.* Zhardetskiy i sibirskoye oblastnichestvo [Zhardetsky and Siberian regionalism] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2021. Vol. 6., No 1. P. 30–36.
 28. *Sushko A.V., Petin D.I.* Obrashcheniye chekhov v pravoslaviye v Omske: dukhovnost', ideologiya, byt. 1916–1919 gg. [Conversion of the Czechs

- to Orthodoxy in Omsk: Spirituality, Ideology, Everyday Life: 1916–1919] // Vestnik arkhivista. 2022. No. 2. P. 597–610.
29. *Vasil'chenko M.A.* Chekhoslovatskiy korpus v bor'be za Povolzh'ye (may – noyabr' 1918 goda) [The Czechoslovak corps in the struggle for the Volga region (May – November 1918)]. Saratov, 2021. 172 p.
30. *Vasil'chenko M.A.* Chekhoslovatskiy korpus v sovremennom obshchestvenno-politicheskom diskurse Rossii [The Czechoslovak Corps in the Modern Socio-Political Discourse of Russia] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. No. 2. P. 70–73.

Ключевые слова:

историческая имагология, культурная антропология, пропаганда, периодическая печать, Гражданская война, Чехословацкий корпус, Чехословацкий мятеж, Белое движение, повседневность, белый Омск.

Viktoriya V. Nazyrova, Dmitry I. Petin

«IN THE GLORIOUS DAYS OF OUR LIBERATION»: COVERAGE OF THE ANNIVERSARY OF THE PERFORMANCE OF THE CZECHOSLOVAK CORPS IN THE PRESS OF WHITE SIBERIA

Cultural-anthropological research in recent years has become one of the most popular research topics among Russian historians. Such a formula for understanding the past is relevant, including in relation to the period of the Civil War. The proposed plot describes the practices of state commemoration in white Siberia, correlating them with the image of the Czechoslovak legionnaires, actively formed at the turn of the spring-summer of 1919 in the official anti-Bolshevik periodicals. The theoretical basis of the study is a combination of historical, culturological and anthropological approaches of historical-genetic, comparative-historical and problematic methods. This methodological set made it possible to interpret the sources by linking their content with the military-political situation and specific personalities. The publication may be of interest to a wide range of readers - specialists in historical imagology, cultural anthropology, the history of the Civil War in Russia, the political and everyday life of anti-Bolshevik Siberia.

Keywords: Historical Imagology, Cultural Anthropology, Propaganda, Periodicals, Civil War, Czechoslovak Corps, Czechoslovak Revolt, White Movement, Everyday Life, White Omsk.

Viktoriya V. Nazyrova – Ph.D. in History, Associate Professor (НАС of the Russian Federation), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University (Omsk, Russia).

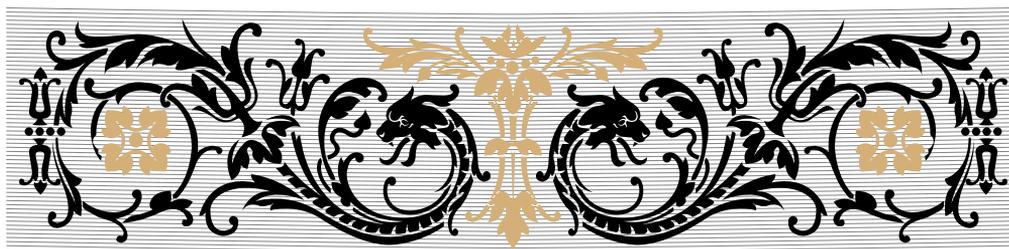
Dmitry I. Petin – Ph.D. in History, Associate Professor (НАС of the Russian Federation), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University (Omsk, Russia).

 Назырова Виктория Викторовна

кандидат исторических наук, доцент (ВАК, Россия),
доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации»
Омского государственного технического университета

 Петин Дмитрий Игоревич

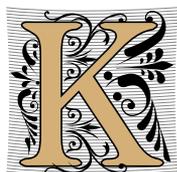
кандидат исторических наук, доцент (ВАК, Россия),
доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации»
Омского государственного технического университета

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.006

Ю.С. Пыльцын

КЛЯНУТСЯ ЛОЖНО, ЗАКЛЮЧАЮТ СОЮЗЫ (ОС. 10:4). СЪЕЗДЫ НАРОДОВ ТЕРЕКА И ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

к началу 1918 г. Терская область представляла из себя страшное зрелище. Опоясанные окопами станицы и аулы, беспрестанные набеги и столкновения на границах казачьих и горских земель¹. Город Грозный был окружен колючей проволокой с пущенным по ней электрическим током², а пламя подожженных нефтепромыслов, вырывавшееся как будто из-под земли, ярко светило и днем и ночью³. Пятая часть некогда оживленной столицы области — Владикавказа — была разрушена⁴. По вечерам жители запирались в своих домах и в страхе ждали ночи. Ночью с гор спускались грабители, увозя из города все, что понравится — от

¹ *Такоев С.* К истории революционного движения на Тереке. (По личным воспоминаниям) // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. 1925. С. 345–346.

² *Бурда Э.В.* Терское казачье восстание. 1918 год. Нальчик, 2016. С. 148.

³ *Матвеев В.А.* Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях 1917–1921 гг. Ростов-на-Дону, 2016. С. 174.

⁴ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГИСИ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–9.

церковных риз⁵ до молодых девушек⁶. Каждый населенный пункт жил самостоятельно, не признавая ничьей власти.

Естественно, так долго продолжаться не могло. Хотя бы из инстинкта самосохранения люди должны были попытаться установить нормы общежития. Так зародилась идея созвать съезды всех народностей Терской области.

Нельзя сказать, чтобы съезды народов Терека мало или поверхностно рассматривались в историографии. Напротив, для советской историографии съезды — это ступени к советизации региона. Советизация рассматривалась как неизбежный процесс, отсюда съезды представлялись как движение от успеха к успеху, показатель развития большевистской партии, завоевание ею симпатий трудящихся масс и первый этап социалистического строительства. Съездов так или иначе касалась каждая работа о Гражданской войне на Северном Кавказе⁷. Причем подчеркивалось, что инициатива созыва съезда принадлежала большевикам⁸. В 1977–1978 гг. были изданы протоколы этих съездов⁹.

Современные историки¹⁰ представляют съезды не как ступени к заранее известной цели — провозглашению власти Советов, а как точку

⁵ Родная речь (г. Ставрополь). №16. 23 июля 1919 г.

⁶ Научный архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (НА ДРЗ). Ф. 1. Оп. 1. Д. М–37. Л. 1.

⁷ Из наиболее заметных см.: Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1930; Гиоев М.И. и др. Победа Советов на Терекке — торжество ленинского интернационализма. Орджоникидзе, 1983; Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терекке за Советскую власть. Нальчик, 1975; Гугов Р.Х., Улигов У.А. С.М. Киров на Терекке. Нальчик, 1986; Ратгаузер Я.А. К истории Гражданской войны на Терекке. Баку, 1928; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927 и др.

⁸ Кучиев В. Введение // Съезды народов Терекке. Сборник документов и материалов. Т. 1. Орджоникидзе, 1977. С. 12.

⁹ Съезды народов Терекке: сборник документов и материалов в 2-х т. Орджоникидзе: Ир. 1977–1978.

¹⁰ Алиев Р.З. Пятый съезд народов Терекке // Вестник современной науки. 2016. №12 (24). С. 7–16; Гагуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012; Лобанов В.Б., Николаев А.В. Большевизм на Северном Кавказе: Терская Советская Республика (март 1918 — февраль 1919 гг. // Современная научная мысль. 2022. №1. С. 12–15; Лобанов В.Б. Пятигорско-Владикавказский съезд народов Терекке, 16 февраля — 15 марта 1918 г. // Вестник СПбГИК. 2015. №2 (23). С. 19–23; Матиев Т.Х. Роль Моздокского съезда народов Терекке в налаживании политического союза между Ингушетией и большевиками // Известия Саратовского университета. 2018. №2. С. 250–253; Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). М., 2016.

бифуркации, как политическую борьбу в условиях борьбы военной, как борьбу за различные сценарии развития ситуации на Тереке, из которых советизация была лишь одной из нескольких.

Мы же в данной статье постараемся рассмотреть съезды народов Терека применительно к одной из заметных групп населения в области — к терскому казачеству. Как казаки относились к съездам? Менялось ли это отношение? Какие цели казаки надеялись решить? Менялись ли эти цели? Как решения съездов влияли на казачью жизнь?

Отметим также, что зачастую в работах о Гражданской войне на Северном Кавказе уделялось внимание главным образом первым трем съездам, о IV и V съездах говорилось вскользь. Данная работа так же постарается исправить этот пробел.

Терская область представляла собой сложную мозаику национальных, религиозных, классовых и сословных различий. Не всегда эти различия принимали форму конфликтов, но в кризисных условиях (война, политическая нестабильность) противоречия прорывались наружу, приводя к столкновениям. Область делилась на четыре казачьих отдела: Пятигорский (станции Волгского казачьего полка), Моздокский (станции Горско-Моздокского казачьего полка), Кизлярский (станции Кизлярско-Гребенского казачьего полка), Сунженский (станции Сунженско-Владикавказского полка)¹¹ и горские округа: Владикавказский, Хасавюртовский, Нальчикский, Грозненский, Веденский и Назрановский. При этом терские казаки в области отнюдь не были большинством. Всего к 1915 г. в Терской области проживало 1 272 300 человек, включая казаков, иногородних и горцев (из них (к 1914 г.) около 260 тыс. были казаками)¹². Невойсковое население в Терском войске было 80,4% от всех жителей¹³.

К началу 1918 г. Терская область пребывала в состоянии анархии. По словам одного из лидеров Горской республики, кабардинца Пшемахо Коцева, все лето и зима 1917/18 г. прошли в перманентной войне и беспочвенном мире¹⁴. Опасение нападений как со стороны соседей и разбойничьих шаяк, так и солдатских эшелонов заставили станицы

¹¹ Агафонов О. На службе России // Родина. 2004. №5. С. 17.

¹² История Северной Осетии: XX век / Ред. кол. А.С. Дзасохов, Ш.Ф. Джикаев, А.Г. Кусраев и др. М., 2003. С. 14.

¹³ Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 72.

¹⁴ Цит. по: Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920. М., 2018. С. 42.

Терские казаки

и селения собираться и на ночь выставлять охранение. Казачьи станицы организовали самооборону, в которую вошло все мужское население, начиная от 17 лет. Самооборону завели и города. В станицах почти все мужское население собиралось по тревоге, причем часто тревога была ложная — тревога для станичных атаманов была единственным способом собрать круг¹⁵.

Казаки-фронтовики, не найдя спокойной жизни у себя в станице (из окопов попали в окопы), решили покончить с обстановкой межнациональной войны. Фронтовики были за установление национального мира, пусть и ценой компромисса, а старики по «дедовским заветам» за физическое уничтожение горцев. Этот разлад между фронтовиками и стариками в некоторых станицах доходил до открытого столкновения. Казачье правительство, конечно, было на стороне стариков¹⁶. В казачьих отделах управление перешло к отдельским исполнительным комитетам, избранным отдельскими съездами. С приходом в войско строевых частей в комитеты влились фронтовики, и там образовались «военные секции»¹⁷.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 30–31 (об.).

¹⁶ Такоев С. Указ. соч. С. 345–346.

¹⁷ Писаренко Д.С. Терское казачество. Три года революции и борьбы. 1917–1920. Материалы и воспоминания. М., 2016. С. 159–160.

Вместе с тем была надежда, что казакам поможет новая центральная власть в Петрограде. Член Войскового правительства Д. С. Писаренко упоминал всякого рода пропагандистов «революционных идей и революционного действия». Именно они ходили по аулам и настраивали горцев против казаков, а в станицах внушали казакам необходимость вооруженного похода против горцев и обещали вооруженную помощь¹⁸.

Среди казаков начали укрепляться просоветские настроения. В данном случае надежда на советскую власть и красную армию была надеждой на сильного союзника в обострившейся после февраля 1917 г. межнациональной борьбе. Казаки искали спасения, не считаясь с тем, откуда и как оно придет. Их прельщали то мнимое спокойствие и тишина, которые грезились им за обещаниями большевиков¹⁹.

На этой почве сложился и специфический большевизм — казачий. Тифлисская газета «Борьба» определяла «казачий большевизм» как попытку получить вооруженную помощь от советской власти для уничтожения чеченцев. Признание власти СНК понималось казаками как лучший путь к победе над чеченцами²⁰. Следует отметить, что «стратегическое приспособление к большевизму» казачьей массы поддерживала и распространяла и часть казачьего офицерства. Примкнувшие, а кое-где и сами создавшие станичные и отдельские военно-революционные комитеты казачьи офицеры были твердо убеждены, что призыв к войне против Чечни и Ингушетии не только вновь сплотит все казачество вокруг своих командиров, но будет горячо поддержан и иногородним населением²¹.

В самом конце декабря 1917 г. был создан Моздокский военно-революционный комитет (ВРК). Его возглавил казачий полковник и атаман станицы Терской²² Т. М. Рымарь. Его цели были сформулированы так: «Наше дело организовать вооруженные отряды из казаков, оружие у нас имеется. Мы не должны допустить на свою территорию ни одного горца и большевика». Впрочем, это не мешало Моздокскому ревкому сотрудничать с грозненскими большевиками. Моздокский совет постепенно взял в свои руки не только самооборону, но и всю

¹⁸ Там же. С. 100–101.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 5. Л. 23 (об.).

²⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф. 852. Оп. 1. Д. 108а. Л. 16.

²¹ Бурда Э. В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 169.

²² Бурда Э. В. Терское казачество и Российское государство XVI–XXI вв. История взаимоотношений. М., 2015. С. 243.

власть²³. При ревкоме тут же был создан специальный штаб, в задачу которого входила разработка детального плана нападения на Ингушетию. На состоявшемся в Моздоке отдельском съезде руководители ВРК пытались выяснить, поддержат ли их грозненские большевики в военном походе на Ингушетию и Чечню. М. Блок, прибывший в Моздок по поручению Георгиевского совдепа, дал понять казачьему руководству, что для объявления войны нужно решение областного съезда²⁴.

Тогда полковник Рымарь выступил от имени 28 представителей Моздокского ВРК с предложением созвать специальный съезд народов Терека. По мысли организаторов он должен был разрешить затянувшийся межнациональный и политический кризис в крае. Кроме того, они надеялись на объединение казаков и большинства горских народов Северного Кавказа против чеченцев и ингушей, на которых возлагалась основная вина за многочисленные вооруженные нападения на мирные селения, грабежи и разбои в области. Полковник предлагал созвать съезд 25 января 1918 г.²⁵

Организационное бюро по созыву съезда так описало ситуацию в области к тому времени: «Кровавый вихрь пронесся по Сунже, он уничтожил на своем пути целые станицы, села, хутора, он пахнул своим разрушительным дыханием на города. Грозный разгромлен, промыслы, имеющие государственное значение, сожжены. Владикавказ горит, многие частью разрушены. Ужас, кровь и огонь царят во всем крае...»²⁶

На съезде присутствовали делегаты от казаков, иногородних осетин, балкарцев, карачаевцев. Из Сунженского отдела было 37 делегатов, из Моздокского — 63, из Кизлярского — 28, из Пятигорского — 33 (однако в документе подчеркивалось, что делегаты «все время прибывают»²⁷). Гугов и Улигов называют несколько иные цифры делегатов: от Сунженского отдела — 43 человека, от Пятигорского отдела — 32, что расходится с документом²⁸.

В целом казаки представляли самую многочисленную группу делегатов. Почти все станицы, за исключением четырех, послали в Моз-

²³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 31 (об.).

²⁴ Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 150, 153.

²⁵ Бурда Э. В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 170; Трут В. П. Указ. соч. С. 381.

²⁶ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 27.

²⁷ Там же. С. 30.

²⁸ Гугов Р. Х., Улигов У. А. Указ. соч. С. 91.

Сергей Миронович Киров

док своих представителей²⁹. Ингуши и чеченцы своих представителей не прислали³⁰. В работе съезда приняли участие и деятели многих политических партий и организаций, включая большевиков (которых на съезде было не более 20 человек)³¹.

Съезд занял откровенно оппозиционную линию поведения по отношению к Войсковому правительству. Одним из секретарей съезда был избран казак Белячков, представитель Сунженской линии, который в своей речи на открытии приветствовал народ, «освободившийся от влияния Войскового правительства и других ложных руководителей»³².

Несмотря на то, что съезд был созван для казачества, на съезде под руководством С. Кирова и Н. Буачидзе был создан «социалистический блок», который объединил большинство участников. «Социалистический блок» был образован на следующих условиях: меньшевики и эсеры отказывались от агитации в пользу Всероссийского Учредительного собрания и от попыток созыва местного, а большевики — от агитации за немедленное установление советской власти на Терекe в том виде,

²⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 669. Л. 37.

³⁰ Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть (1917–1920 гг.). Грозный, 1969. С. 38.

³¹ Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны на Кавказе. 1917–1919. М., 2011. С. 158.

³² Съезды народов Терекa. Т. 1. С. 31.

Самуил (Ной) Григорьевич Буачидзе

в каком она была установлена в центре³³. Причем часть большевиков (руководители — С. Мамсуров, Г. Анджиевский, Меликянц) по предварительной договоренности осталась вне «социалистического блока» с тем, чтобы эта группа большевиков не была связана в своей деятельности условиями соглашения с меньшевиками и эсерами³⁴.

Тифлисская газета «Борьба» красочно характеризовала этот съезд как плод «незаконного сожительства казачества с большевизмом»³⁵. Казаки, объявившие себя большевиками, категорически воспротивились пропуску чеченцев на большевистские съезды. Казачьи станицы, расположенные по Сунже, были враждебно настроены к чеченцам, и нельзя было думать проехать через них даже во Владикавказ — столицу области. На этой почве произошли жестокие схватки³⁶.

Необходимо отметить, что по информации анонимного автора воспоминаний «Краткий очерк революционного движения на Северном Кавказе в 1917–1918 гг.» казаки решили объявить себя большевиками и таким путем привлечь на свою сторону солдат и иногородних, которым в это время принадлежала физическая сила, что горцы и, в частно-

³³ Лугов Р.Х., Улигов У.А. С.М. Киров о Терекe. Нальчик: Ельбрус, 1986. Декрет об организации управления казачьими областями // Декреты советской власти. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959. С. 91, 98.

³⁴ Кучиев В. Указ. соч. С. 12.

³⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. 852. Оп. 1. Д. 108а. Л. 16.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 57. Л. 1.

Саханджери Гидзоевич Мамсуров

сти, их враги ингуши и чеченцы, отвергнув эту советскую власть, и они, казаки, вместе с иногородними перебьют ингушей и чеченцев, отдадут иногородним за эту услугу земли разбитых горцев, а сами останутся хозяевами своих земель³⁷. Однако Н.А. Букановский (в противоположность советской историографии) утверждал, что терское офицерство и интеллигенция были теми силами, которые сдерживали агрессию казаков против чеченцев и ингушей³⁸.

На закрытом заседании 26 января съезд заслушал заявление полковника Рымаря, председателя военной секции и командующего вооруженными силами Моздокского военно-революционного комитета, о том, что совет мобилизовал и подготовил к наступлению значительные военные силы и уже был отдан приказ о вторжении их в Чечню и Ингушетию³⁹.

Съезд начался, а между тем вокруг Грозного и на Сунженской линии проливалась кровь — боролись казаки с одной стороны, ингуши и чеченцы с другой. Казачество широко готовилось к серьезному наступлению на Чечню и Ингушетию («побить и выгнать их в горы»⁴⁰). Часть казачьих делегатов, решившая использовать съезд в целях создания единого фронта всех народностей против чеченцев и ингушей,

³⁷ НА СОИГИСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

³⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 66. Л. 6.

³⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. С. 155.

⁴⁰ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 82.

Григорий Григорьевич Анджиевский

нервировала делегатов слухами о зверствах чеченцев и ингушей, о сожжении целого ряда станиц и о продвижении чеченцев и ингушей к Моздоку. Эта часть делегатов требовала обсудить в первую очередь вопрос о наступлении на Чечню и Ингушетию. Они говорили, что вся подготовительная работа проделана и что казацкие вооруженные силы стоят уже на исходных пунктах наступления и ждут только санкции съезда. Отлащались телеграммы, одна тревожнее другой. Полковник Рымарь заявил, что если съезд не решит этого вопроса через полтора часа, то все равно наступление начнется, и тогда будет уже поздно⁴¹. Киров упоминал, что на этом съезде были слышны разговоры о необходимости ударить по ингушам и чеченцам (Киров открыто не называет их в своей речи, а использует эвфемизм «оба племени»), чтобы покончить с ними раз и навсегда⁴².

Была на съезде и группа делегатов, позиция которой не совпадала с позициями представителей сунженских, кизлярских и моздокских станиц.

Это в основном представители казачьих станиц и иногороднего крестьянства Пятигорского отдела — единственной сравнительно спокойной в то время части Терской области. Наиболее зажиточные

⁴¹ Такоев С. Указ. соч. С. 347.

⁴² Из доклада С.М. Кирова на II съезде народов Терской области в г. Пятигорске о текущем политическом моменте // Борьба за советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.) Орджоникидзе, 1957. С. 58.

на Тереке пятигорские станицы, расположенные к тому же далеко от Ингушетии и Чечни, не переживали непосредственно трагедии горско-казачьих противоречий и не проявляли особого желания втягиваться в войну⁴³.

25 января в 6 часов вечера из Моздока по прямому проводу полковник Рымарь передал в Пятигорск следующее: «У нас на линии положение безвыходное, вопрос решается оружием, необходима ваша помощь. Пока имеются 2-й Волгский полк и 1 пластунский батальон, помощь мне нужна не позже 27 января»⁴⁴. Не прекращались бои у крепости Ведено, в Хасавюрте, Грозном, на многих участках разрушены железнодорожные линии, телеграф, телефон⁴⁵.

Но съезд все же большинством голосов постановил: приказ Моздокского военно-революционного комитета о наступлении против Чечни и Ингушетии отменить⁴⁶. Делегаты съезда пытались урегулировать казачье-горские отношения и послали в Чечню и Ингушетию делегацию в составе 14 участников съезда⁴⁷ (от казаков там присутствовали Андрей Павлов и Михаил Сомов⁴⁸). Казаки, «скрепя сердце [так в тексте. — Ю.П.], последний раз» согласились на мирные переговоры⁴⁹.

В то же время съезд потребовал от чеченцев и ингушей немедленно прекратить грабежи и набеги, выдать для предания суду всех разбойников, вернуть оружие разгромленных ими arsenалов Владикавказа, Ведено, Хасавюрта. Но это требование осталось неудовлетворенным⁵⁰. Более того, уже была приостановлена военная операция против чечено-ингушских аулов, но грабежи горцев продолжались. Так, делегат станицы Вознесенской 29 января жаловался, что чеченцы ограбили казачий обоз⁵¹.

Хорунжий Базалий И.С. так описал происходящее на съезде (естественно, с точки зрения казака-офицера): «У социалистов на каждое ядие было готово противоядие. Стоит выступить какому-нибудь оратору»

⁴³ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 175.

⁴⁴ НА СОИГИСИ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.

⁴⁵ Гугов Р.Х., Улигов У.А. Указ. соч. С. 91–92.

⁴⁶ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 156.

⁴⁷ Трут В.П. Указ. соч. С. 382.

⁴⁸ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 34.

⁴⁹ Там же. С. 35.

⁵⁰ Безугольный А.Ю. Братья Бичераховы и антибольшевистское восстание Терского казачества в 1918 г. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 584.

⁵¹ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 45.

ру и завоевать симпатии съезда, как блок сейчас же выпускает Кирова, который может говорить полтора часа, выступит еще кто-нибудь, блок выпустит Буачидзе, который будет говорить еще дольше, чем Киров. Когда хочет выступить казак, да не дай Бог, у него под шубой обнаружат звездочку⁵² или полторы, то хоть и не выступай»⁵³.

Нельзя не согласиться с В. Лобановым по вопросу о том, что, подерживая казачьи ревкомы, большевики к началу 1918 г. достигли своей главной цели: фактической ликвидации своих конкурентов — Терского войскового и Терско-Дагестанского правительств. В случае успешного наступления казаков на Чечню и Ингушетию в области могла возникнуть диктатура казачьих военно-революционных советов, что в планы большевиков никак не входило. Отсюда был один выход — поддержать горцев и тем самым привлечь их на сторону советской власти⁵⁴. Впоследствии терские казаки (главным образом офицеры) отмечали, что, «став под влиянием агитации большевиками», они «не были большевиками по существу, а лишь по стратегическим соображениям»⁵⁵, однако надо признать, что «большевики по существу» оказались хитрее.

После отмены наступления полковник Рымарь с трибуны съезда заявил, что поскольку казачий приказ отменен, он отказывается дальше работать и слагает свои полномочия. Полковник также сказал, что съезду в таком случае придется самому разговаривать с казачьей массой, которая изверилась в мирных средствах и требует войны. Под таким давлением съезд уточнил, что, несмотря на отмену приказа о наступлении, «организацию сил и мероприятия по обороне тех мест, которым угрожает опасность, поручить тем организациям, которые до сих пор этим занимались»⁵⁶. По сути, этим было узаконено казачье станичное ополчение.

Стоит также отметить, что есть информация о том, что на съезд прибывали делегации казаков и с протестами против всех решений съезда, и против мирных переговоров с чеченцами и ингушами⁵⁷. Например, станица Калиновская «была поражена» решением съезда об отмене наступления на чеченцев и ингушей. Пошел говор, что съезд

⁵² Т. е. офицерский погон — Ю.П.

⁵³ ГА РФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 34. Л. 60.

⁵⁴ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 157.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. р5351. Оп. 1. Д. 5. Л. 23 (об.).

⁵⁶ Цит. по: Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 157.

⁵⁷ Абазатов М.А. Указ. соч. С. 39; Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 176.

«продался» чеченцам⁵⁸. Также имеется информация, что после окончательного провала силового решения вопроса казачьи делегаты (все или нет — неизвестно) покинули съезд⁵⁹. С другой стороны, казаки некоторых еще не расформированных частей, как, например, 1-го Волгского полка, 1-го Терского пластунского батальона, стали открыто выступать за признание власти Совнаркома⁶⁰.

Съезд проходил в здании городского театра «Паллас». В момент наибольшего напряжения в зале заседания съезда прошел слух о том, что казаки перешли в наступление и уже идет резня в районе Малой Кабарды.

Съезд послал туда делегацию из представителей Нальчикского округа, и конфликт был ликвидирован без единого выстрела⁶¹. Хотя, по свидетельству видного кабардинского революционного деятеля Б. Калмыкова, со стороны станиц Марьинской, Старопапавловской, Солдатской и Прохладной все еще стояли орудия, направленные на кабардинские аулы⁶².

Также съездом было принято решение об избрании временного высшего органа власти в области — Терского областного народного совета. Его председателем стал левый эсер Ю.Г. Пашковский. Совету поручалось провести всю необходимую работу по подготовке разрешения национального, земельного, продовольственного, рабочего и некоторых других жизненно важных вопросов⁶³. В народный совет от казаков были избраны 8 человек⁶⁴.

Следует отметить, что в это же время в станице Марьинской собрался Войсковой круг VI созыва. В адрес Моздокского съезда Терским Войсковым правительством была послана телеграмма, требующая «депутатов войскового круга, участников съезда, пожаловать на круг в станицу Марьинская для принятия полномочия правительства и организации твердой власти в области»⁶⁵. В ответ съезд народов Терека постановил: «Предложить Войсковому правительству прибыть на съезд в Моздок для

⁵⁸ Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. №12. С. 97.

⁵⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 162.

⁶⁰ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 178.

⁶¹ Гугов Р.Х., Улигов У.А. Указ. соч. С. 96.

⁶² Калмыков Б.Э. Революционное движение в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1958. С. 17.

⁶³ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 58.

⁶⁴ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 163.

⁶⁵ Цит. по: Гугов Р.Х., Улигов У.А. Указ. соч. С. 92.

Бетал Эдыкович Калмыков

сдачи отчета». Причем поправка «предложить» вместо «пригласить» была внесена делегатом-казаком⁶⁶. Этот факт показывает, что войсковые институты власти не пользовались у казаков к тому времени никаким доверием.

С 16 февраля (1 марта) по 4 (17) марта в Пятигорске состоялся II народный съезд Терской области. На этом съезде, как отмечали грузины и газета «Борьба», и казаки, и горцы спешили наперерыв призвать власть СНК и тем парализовать другую сторону⁶⁷. Сами лозунги, с которыми казаки и горцы ехали на съезд, красноречиво говорят, какое представление о «советской власти» было у каждого из лагерей: «За Терек и Сунжу казаков!», «За заветы Шамиля!» — говорили одни. «В Турцию азиатов!», «За славу Терского казачества!» — говорили другие⁶⁸. Сами большевики на съезде отдельной (большевистской) фракции не создали, а разойдясь по многочисленным фракциям землячеств, национальностей, партий, иногородних рабочих и т. д., смогли провести туда своих приверженцев⁶⁹.

На съезд прибыло 115 делегатов-казаков от станиц и еще один делегат от 2-й Терской батареи⁷⁰.

⁶⁶ Гугов Р.Х. Указ. соч. С. 214.

⁶⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 852. Оп. 1. Д. 108а. Л. 16.

⁶⁸ Борисенко И. Указ. соч. С. 56.

⁶⁹ Вачагаев М.М. Указ. соч. С. 93.

⁷⁰ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 164–165.

В первый день заседания от казаков в председатели съезда выставляется кандидатура Альтона в товарища председателя — Портаева, кандидатов в секретари казачья группа не назвала. После того, как кандидат в председатели от казачества проиграл кандидату от иногородних и осетин С. Такоеву (63 голоса против 307), произошел не большой скандал, когда группа из 13 казаков потребовала переголосования на основании того, что кандидат от казаков в президиум съезда намечен неправильно, так как было очень большое и шумное совещание, ничего не было слышно⁷¹. Тут же из рядов казаков раздается возглас: «Заявление это подано теми казаками, которые были яркими приспешниками Войскового правительства», тут же раздаются другие голоса: «Это ложь!», поднимается шум. В итоге демарш казаков ничем не закончился. Альтона казаки пытались выдвинуть в заместители председателя съезда, но и там он проиграл, уступив (92 голоса против 244) первенство Анджиевскому⁷².

Из этих арифметических подсчетов мы видим, что за делегатов от казаков голосовала отнюдь не вся казачья масса, а ведь при консолидированном голосовании они могли даже взять верх.

Товарищами председателя съезда стали представители от иногородних и социалистического блока, от казаков, от осетин, от кабардинцев и балкарцев. От казаков заместителем председателя стал сунженец Портаев⁷³.

Для более плодотворной работы были образованы следующие секции:

1. Военная (члены от казаков — Гаврилов и Елисеев).
2. По вопросу национальному (от казаков — Ивановский и Бенико).
3. По земельному вопросу (Ерославский и Ткачев).
4. По рабочему вопросу (Федотов и Маслецов).
5. Транспортная — железнодорожный и гужевой (Трапезников и Алексеев).
6. Развития производительных сил края (Бучурахов и Бухтияров).
7. По народному образованию (Данилов и Чаплыгин).
8. Медико-санитарная (Курдюмов и Баскаков).
9. Продовольственная (Григасов и Сычев).
10. Судебно-правовая (Тюрун и Джевахалов).

⁷¹ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 67.

⁷² Там же. С. 68.

⁷³ Там же. С. 68.

11. По организации областной власти (Хитров и Петренко).
12. По вопросам городского и земского самоуправления (Лосьев и Кривоносов).
13. Секция по обсуждению наказов с мест (Серденко, Романенко, Донусов)⁷⁴.

На заседании 18 февраля казаком Хитровым были зачитаны телеграммы о нападении чеченцев на станицы Романовскую и Ермоловскую. Станичники считали, что «единственный способ добиться прочного мира — это покорить чеченцев», сам же депутат станицы Романовская Хитров считал, что «единственная мера — это разоружить их всех поголовно, до последнего ножа»⁷⁵.

Перемирие, продолжал дальше Хитров, объявленное на I съезде, не сработало. Продолжались убийства казаков, а в конце февраля чеченцы подбросили письмо казакам-романовцам, в котором они требовали перейти в ислам или убраться. Романовцы были готовы даже переселиться на новые территории — подальше от войны⁷⁶.

От казачьей фракции поступило предложение организовать часть войск в составе двух батальонов из всех национальностей для заслона Сунженской линии⁷⁷.

В тот же день съезду было зачитано «пожелание» чеченских делегатов по установлению мира в области. Согласно этим пожеланиям, все артиллерийское и «иное огнестрельное вооружение», а также все казенное вооружение (о личном холодном оружии речи даже не шло) казаков должно было быть «как общенациональное достояние» сдано в склады под смешанной охраной, состоявшей из всех народов Терской области. Под этим документом стояли, наряду с другими, и подписи русских офицеров: председателя и «дежурного члена» Военного совета Гребенского отряда⁷⁸.

19 февраля опять был рассмотрен вопрос о военных действиях против чеченцев и ингушей. Военная секция признала необходимым в первую очередь организовать отряд для защиты линии Грозный — Ермоловская — Романовская — Нестеровская и немедленно отправить туда 6 кавалерийских и 2 пехотных полка⁷⁹. Однако, как считали ее предста-

⁷⁴ Там же. С. 72, 76–77.

⁷⁵ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 83.

⁷⁶ Там же. С. 83.

⁷⁷ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 201.

⁷⁸ Там же. С. 200.

⁷⁹ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 172–173.

вители, «посылаемый отряд отнюдь не должен быть наступательным». Перед ним ставилась только задача — «предохранить от напрасного кровопролития» всех участников конфликта. Для исполнения распоряжения съезда осетины приступили к формированию «национального полка», у терского казачества подразделения были уже организованы. Кабардинская делегация заявила, что их соединение «не может оставить Нальчик и другие места», так как в нальчикском округе также ухудшилась криминогенная обстановка. Поэтому военная секция сделала вывод, что она не располагает достаточными вооруженными силами⁸⁰.

1 марта 1918 г. Терский областной народный совет принял декрет о земле. Все казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и нетрудовые частновладельческие земли с инвентарем, а также недра, воды и леса переходили в распоряжение земельных советов. Сдача земель в аренду запрещалась. Сельским, аульным и станичным обществам было указано, что избытки своих земель, сдававшихся в аренду до 1918 г., должны быть предоставлены нуждающемуся трудовому населению по указанию областного и местного земельных комитетов (земельных отделов)⁸¹.

В отношении казачьего круга во Владикавказе казаки на Пятигорском съезде заняли резко отрицательную позицию, назвав собравшихся там «кучкой карауловцев», а не полноценным кругом⁸². С предложениями к Войсковому правительству сдать дела съезду выступил делегат от Наурской станицы сотник Н.Т. Данилов⁸³. Особо обращаем внимание, что предложение это вынес сотник, т. е. офицер. Однако на съезде возникло замешательство — часть делегатов не считала возможным как бы от лица других национальностей требовать от казаков во Владикавказе самораспуститься и предлагала отправить телеграмму от казачьей делегации. Казаки были недовольны такой постановкой дела: «Мы хотели соединиться с вами, а вы заставляете нас отделиться», — кричали некоторые казаки. В итоге все же было решено отправить телеграмму только от казаков⁸⁴.

4 (17) марта 1918 г. в 11 ч. 35 мин.⁸⁵ съезд провозгласил советскую власть в Терской области, избрал органы государственной власти,

⁸⁰ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 203.

⁸¹ Абазатов М.А. Указ. соч. С. 48–49.

⁸² Съезды народов Терека. Т. 1. С. 79.

⁸³ Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 168.

⁸⁴ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 77–80.

⁸⁵ ГАСК. Ф. р-1919. Оп. 1. Д. 298. Л. 123.

переименовал область в Терскую советскую республику⁸⁶. Причём предложение признать власть СНК исходила от одного иногороднего и делегата-казака⁸⁷, и часть казаков тоже голосовала за советскую власть⁸⁸. Терско-Дагестанское правительство, стремясь избежать кровопролития и из-за отсутствия поддержки, сложило с себя полномочия и предложило Народному совету переехать во Владикавказ⁸⁹. Среди казаков упразднение казачьей конституции и введение новой особой тревоги не вызвало⁹⁰. От казаков в Совнарком вошел как комиссар по казачьим делам казак станицы Самашкинской (Сунженский отдел) подьесаул Соколов⁹¹ (инициалы офицера точно выяснить не удалось; больше всего подходит по биографии подьесаул Георгий Платонович Соколов, но он родился в станице Горячеводской)⁹². Был также организован и комиссариат по казачьему имуществу (комиссар — М. Сомов)⁹³.

Терская республика состояла в 1918 г. из отделов: Пятигорского, Моздокского, Сунженского и округов: Нальчикского, Назрановского, Грозненского, Хасавюртовского, Веденского и Владикавказского⁹⁴.

При советской власти схема казачьих органов управления была следующей: казачья фракция, отдельные народные советы, станичные народные советы с комиссарами во главе⁹⁵. Деникин упоминает, что в Кизлярском и Моздокском отделах были сохранены и традиционные органы казачьего самоуправления⁹⁶ (надо полагать, генерал имел в виду станичные сходы).

Недовольные решениями II съезда, казаки созывают VII Войсковой круг, на котором, в частности, было постановлено воссоздать казачьи части. Но, не располагая достаточными силами, круг должен был лавировать и все-таки признал советскую власть в области⁹⁷.

⁸⁶ Абазатов М.А. Указ. соч. С. 49.

⁸⁷ Такоев С. Указ. соч. С. 348.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 40.

⁸⁹ Гагжуев Р.Г. Указ. соч. С. 244.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 40.

⁹¹ Там же. Л. 41.

⁹² Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013. С. 768.

⁹³ Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 180.

⁹⁴ НА СОИГИСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 40; Воробьев А.З. Борьба терских казаков с большевиками в 1918 году // Родной Терек. № 9. 1974. С. 12.

⁹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Вооруженные силы Юга России. С. 142.

⁹⁷ Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 290.

Таким образом, мы видим, что большевики, бывшие еще в начале 1918 г. маргинальным политическим течением в области, в условиях хаоса, умело лавируя, добились советизации региона. После получения власти большевики не стали останавливаться на достигнутом и продолжили укреплять влияние в области. Укрепление власти и влияния предполагало, помимо прочего, и борьбу с реальными и потенциальными политическими противниками.

III съезд народов Терека оказался не триумфом единства народов области, но, наоборот, тем фактором, который ускорил раскол между жителями области и привел к открытой войне. До созыва съезда большевики успели поспорить с казаками, начав разоружение станиц в одностороннем порядке (горские аулы и селения не разоружались). Разоружение часто производилось с многочисленными нарушениями и эксцессами, зачастую напоминая грабеж⁹⁸. Разбои продолжались. Более того, все громче начали звучать голоса о «справедливом» перераспределении земель в области (т. е. за счет казаков).

И вот 10 мая 1918 г. в Грозном открылся съезд для дальнейшего разрешения вопросов и претензий. На съезд прибыло 555 делегатов. Казачья фракция трансформировалась в объединенную казачье-крестьянскую фракцию⁹⁹. Как отмечает очевидец, «во фракции оказался ряд молодых энергичных депутатов, преимущественно офицеров, к выступлениям казаков стали прислушиваться и с казаками считаться»¹⁰⁰. Газета «Терский казак» и вовсе пела дифирамбы казачье-крестьянской фракции, называя её «самой организованной», «деловой», «дружной» и в целом примером для других фракций¹⁰¹.

Представители казачества в начале съезда, казалось, не были ничем обделены — их представители были и в числе заместителей председателя, и в числе членов мандатной комиссии¹⁰².

III съезд особое внимание уделил организации сил для отпора контрреволюции и защиты советской власти. На съезде стоял вопрос о создании Красной армии. Съезд потребовал принять самые решитель-

⁹⁸ См., напр.: ГА РФ. Ф. р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 9; Писаренко Д.С. Указ. соч. С. 235–236; Футорянский Л.И. Казачество России в огне Гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург, 2003. С. 447–448; Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. № 9. С. 110.

⁹⁹ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 216.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 51 (об.)–52.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 665. Л. 122.

¹⁰² Съезды народов Терека. Т. 1. С. 266.

ные меры к организации военных сил. «Если того потребуют условия защиты, — говорилось в резолюции съезда, — произвести мобилизацию военных сил вплоть до всенародного ополчения»¹⁰³.

Партии большевиков пришлось занять позицию защиты от брошенных ей обвинений, что она разрушила армию и этим довела Россию до разгрома. Оратор Мамсуров провел свою речь под шум и крики с мест: «Ложь!», «А, братанье!» Особенно возмущалась казачье-крестьянская фракция¹⁰⁴.

Выбитый шумом и репликами с мест из ровного спокойного русла речи, он оказался довольно слабым адвокатом своей партии¹⁰⁵.

Совершенно новую позицию занял съезд в таком вопросе, как вопрос об отношении к офицерству. Весь съезд единодушно высказывается за возвращение офицеров в армию, а большинство смотрело на гонения против офицеров как на одну из крупных ошибок революции¹⁰⁶.

Несмотря на то, что на нужды красной армии СНК выделил 15 млн рублей¹⁰⁷, красные отряды подвергались критике на съезде за неорганизованность и малую боеспособность¹⁰⁸. Казачье-крестьянская фракция вновь подняла вопрос о восстановлении казачьих полков¹⁰⁹, к этому добавилось и предложение о восстановлении полков Туземной дивизии, но это предложение вызвало уместное замечание комиссара по военным делам Бутырина, который заявил, что армию необходимо комплектовать из тех групп населения, которые чувствуют друг к другу доверие¹¹⁰. Что в целом было логично. Не для того съезды пытались разоружить казаков и горцев (и с казаками это почти удалось), чтобы, когда еще межнациональные трения не закончились, снова создавать вооруженные полки, которые с большой долей вероятности начнут стрелять друг в друга, а не во внешнего врага.

Межнациональная тема не заслоняла все другие, как это было на I и II съездах, но тоже давала о себе знать. Межнациональной войны уже не было, но о межнациональном мире можно было только мечтать. Не-

¹⁰³ Там же. С. 321.

¹⁰⁴ Там же. С. 305–306.

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 665. Л. 118.

¹⁰⁶ Там же. Л. 118–119.

¹⁰⁷ Футорянский Л.И. Указ. соч. С. 200.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 665. Л. 119; Съезды народов Терка. Т. 1. С. 302–304.

¹⁰⁹ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 224.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 665. Л. 120.

доверие и подозрительность были сильны. Когда делегат Бабков предложил почтить память члена Народного Совета Калабекова, погибшего в столкновении между осетинами-казаками и ингушами, с места раздались возмущенные голоса: «А сколько русских погибло?»¹¹¹

Но самым главным вопросом был земельный вопрос.

Чеченцы и ингуши заявили, что их лояльность советской власти будет прямо пропорциональна тому, что они от нее получают, по сути, поставив вопрос о переделе в их пользу казачьей земли¹¹². «Земельный вопрос, — говорил представитель Ингушетии Эльдиев, — здесь является альфой и омегой всех кровавых столкновений, какие были в области и какие могут быть»¹¹³.

Комиссар земледелия Ю. Пашковский докладывал, что «организованы летучие отряды, которые на местах ведут работу, подготовляя переселение и расселение отдельных сел и станиц. От самого населения некоторых станиц уже поступали заявления с требованием переселения»¹¹⁴.

Съезд пошел им на встречу, и аграрный закон отнимал у терцев земли не только в пользу иногородних крестьян, а также принял решение выселить казаков из станиц Сунженской, Воронцово-Дашковской, Тарской и Фельдмаршальской, а станицы эти отдать ингушам. Следует отметить, что переселяться станицы должны были только после создания условий на тех территориях, куда должны были переселяться казаки (сроки устанавливались областными земельными советами), а до этого времени должны были быть приняты все меры к ограждению мирной жизни и имущества казаков этих станиц¹¹⁵. Общая численность переселенцев была определена в 10 тысяч казаков¹¹⁶. Хотя VII казачий съезд под давлением краевого СНК и казаков-большевиков постановил отказаться от всех привилегий и вольностей терцев, эти решения привели к коренному изменению в настроениях терского казачества: вопрос касался уже не сохранения вольностей, а самосохранения¹¹⁷. Неспроста этот съезд называли «панихидой по казачеству»¹¹⁸.

¹¹¹ Съезды народов Терка. Т. 1. С. 277–278.

¹¹² Лобанов В.Б., Михайлов В.В. Указ. соч. С. 35.

¹¹³ Съезды народов Терка. Т. 1. С. 267.

¹¹⁴ Там же. С. 285–286.

¹¹⁵ Там же. С. 331.

¹¹⁶ Вачагаев М.М. Указ. соч. С. 142.

¹¹⁷ Гагкуев Р.Г. Указ. соч. С. 244–245.

¹¹⁸ Гугов Р.Х. Указ. соч. С. 261.

Георгий Степанович Хутиев

Отметим, что терский офицер полковник Хутиев отмечает в своих воспоминаниях, что по самым существенным вопросам переговоры на съезде велись в кулуарах¹¹⁹. Возможно, так был решен и земельный вопрос.

Не сумевши решить земельный вопрос так, чтобы это решение удовлетворило бы всех проживавших на Терек (оставим за скобками вопрос, а реально ли это было в принципе), как верно заметил историк А.С. Пученков, «единственное, что смогли спровоцировать и умело направить в удобное для них русло большевики — это борьбу горцев с консервативным и русофильским по природе казачеством»¹²⁰.

Впрочем, А. Безугольный считает, что, поскольку речь не шла о немедленном выселении, а определение условий и сроков возлагалось на местные органы власть, «это решение можно было считать не худшим исходом для казаков»¹²¹. С другой стороны, М. Мухаяров утверждает, что после принятия решения о выселении четырех станций по отношению к терским казакам стала применяться политика геноцида¹²².

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 51 (об.)–52.

¹²⁰ Пученков А.С. Указ. соч. С. 180.

¹²¹ Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. С. 162.

¹²² Мухаяров М.Р. Вооруженные формирования белого казачества Северного Кавказа (1917–1920 гг.): историческое исследование. Дисс. ... к.и.н. М., 2012. С. 36.

Казаки, узнавшие о решениях съезда, реагировали очень бурно. Это было и на самом съезде¹²³, и после него в станицах и отделах. В каждом отделе был проведен свой съезд, особенно воинственно были настроены казаки Моздокского отдела. Здесь избранный съездом отдельский Народный Совет во главе с Г.Ф. Бичераховым большинством голосов принял резолюцию, направленную против решений III съезда по аграрным вопросам. Особенное недовольство казаков вызвало и то, что Совнарком стал насаждать на местах новые органы власти — Совдепы, что противоречило воле II съезда народов Терека, учредившего на местах национальные, отдельские и окружные советы¹²⁴. К тому же эти Совдепы не считались с указаниями Владикавказского СНК. В каждом городе они устанавливали свой порядок¹²⁵.

Надо понимать, что земли, которые казаки занимали уже более полувека, являлись для них своими, политыми кровью отцов и дедов и тем самым заслуженными кровью, а казаки относились к категории коренного населения края¹²⁶.

М. Траценко, депутат Кубанской рады, справедливо характеризовал всякого казака как «исключительный тип земледельца-воина, чувствующего себя полным хозяином на своей земле, не склонного позволять кому бы то ни было распоряжаться его судьбой в родном краю, политом кровью отцов и дедов»¹²⁷. И вот здесь следует остановиться на одном примечательном моменте. Еще 13 февраля 1918 г. станица Воронцово-Дашковская просила Круг... перевести ее на другое место жительства, так как станичники «находятся и далеко от пахотных участков, и вообще в тяжелом положении благодаря все непрекращающимся грабежам»¹²⁸. На II съезд народов Терека делегаты от станицы Романовской, у которой во время прохождения съезда разворачивались боевые действия, привезли наказ, содержащий просьбу о переселении. По информации В. Матвеева, представители выселяемых станиц до III съезда предлагали отдать 10% своей территории горцам¹²⁹.

Поэтому нам кажется, что сопротивление казаков решению III съезда имело не экономические, а психологические причины. Если бы ка-

¹²³ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 334.

¹²⁴ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 242.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 5.

¹²⁶ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 146.

¹²⁷ Марковчин В.В. Бывшие люди: монография. Курск, 2013.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 34. Л. 18.

¹²⁹ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 146, 201.

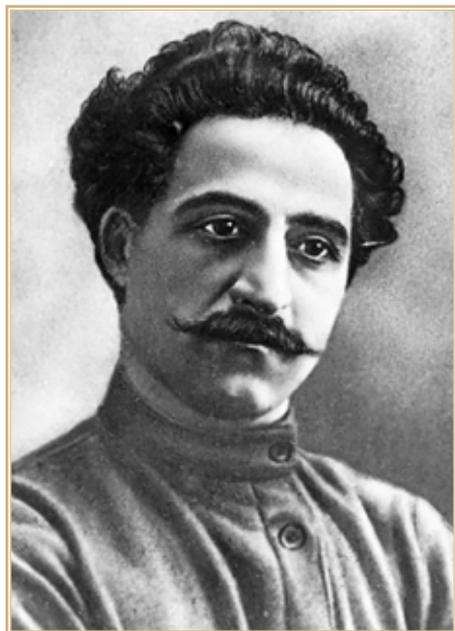
Георгий Федорович Бичерахов

заков расселяла казачья власть, да еще по просьбе самих казаков — все было бы законно (разумеется, с точки зрения самих казаков). Но в данном случае кто-то заставлял казаков переселяться. И кто? Чужаки (имеется в виду Терский СНК). А в пользу кого? «Азии», ингушей! Такого своевольные казаки стерпеть не могли.

Как итог — уже в июне 1918 г. началось Терское восстание. Область прорезали фронты, казалось, для съездов наступили неблагоприятные времена. Однако, несмотря ни на что, 10 июля во Владикавказе был открыт IV съезд народов Терека. На съезд прибыло 496 делегатов с правом решающего голоса: 149 иногородних, 55 казаков, 67 кабардинцев и балкарцев, 53 осетина, 60 ингушей, 121 чеченец. Казачьи делегаты были только из Сунженского отдела и частично из Пятигорского, из станиц же Кизлярского и Моздокского отделов прибыло всего два — три делегата. С совещательным голосом прибыло 14 делегатов. От иногородних и политических партий — 9 человек, от профессиональных союзов — 1, еще по одному делегату от Кизлярского и Сунженского отделов и 2 человека от казачьего хозяйственного совета¹³⁰.

Естественно, что центральной темой съезда было начавшееся восстание. Однако особого желания компромисса у руководителей съезда, особенно у посланца Советской власти из Центра — Г. К. Орджоники-

¹³⁰ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 304.

Григорий (Серго) Константинович Орджоникидзе

дзе, заметно не было. В своем выступлении Григорий Константинович буквально «распек» казаков как нерадивых детей: «Мне все равно, все ли казачество принимает участие в контрреволюционном мятеже или только часть его. Я не виноват, что казачество не отучилось еще от подчинения своим верхам, господам, не отучилось еще от плетки, от рабства»¹³¹. Отметив, что все трудовое казачество идет за Бичераховым, и назвав горцев единственным революционным элементом в области¹³², Орджоникидзе явно указал, на кого отныне будет опираться Советская власть в крае.

Делегат левых эсеров Хейфиц не отставал в радикализме от Орджоникидзе, говоря о том, что «если же казачество не откажется от бичераховых, то его надо заставить сделать это силой»¹³³.

На съезде большевики определенно заявили чеченцам и ингушам, что казацкое движение возглавляется офицерством, нужно мобилизовать всех и «сплошной стеной пройти по казацкой территории». Съезд постановил произвести мобилизацию до сорока пяти лет у чеченского, ингушского и русского иногороднего населения¹³⁴.

¹³¹ Съезды народов Терека. Т. 2. С. 73.

¹³² Там же. С. 73–74.

¹³³ Там же. С. 83.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 66. Л. 17.

На первом заседании обсуждался советский декрет «Об организации управления казачьими областями». Декрет был принят еще 23 мая (1 июня) 1918 г. и ничего резко антиказачьего в документе не было. По декрету все казачьи области рассматривались как отдельные административные единицы, т. е. уравнивались в правах с губерниями, казакам предоставлялось право организовывать свои советы: войсковые, окружные, станичные. Было подтверждено, что органы военного самоуправления и военные части содержатся за счет государства, за счет государства же и экипируются казаки (хотя оставалась возможность являться со своим военным снаряжением и конем, в этом случае казаку выдавалось денежное возмещение), а демобилизованным казакам даже должны были выплатить убытки за павших лошадей. Казачьи части должны были формировать, «принимая во внимание все бытовые и военные особенности казаков». От терского войска во ВЦИК должен был отправиться один делегат¹³⁵.

Но когда Орджоникидзе упомянул этот декрет, послышались возгласы с мест: «Нам его не дают проводить»¹³⁶. Следует отметить, что на съезде присутствовали лояльно настроенные к большевикам круги, тем ценнее их признание того, что декрет, по сути, в Терской области не выполнялся, и не выполнялся целенаправленно.

Съезд принял резолюцию, в которой предложил казачеству немедленно очистить линию железной дороги и выслать делегатов на съезд. Казачеству гарантировалось, что наступление красных частей также будет остановлено¹³⁷. Несмотря на то, что казачья делегация не голосовала за данный документ, он был принят подавляющим большинством голосов. К восставшим была отправлена делегация.

Однако переговоры ни к чему ни привели. Ни одна сторона не желала признавать над собой верховной власти другой стороны. Затратив на выяснение этого вопроса весь день, делегация съезда удалилась из станицы Котляревская, где проводились переговоры¹³⁸. Однако Казачье-крестьянский совет в Моздоке (главный орган власти восставших казаков) отреагировал на попытку начать переговоры, прислав съезду теле-

¹³⁵ Декрет об организации управления казачьими областями. Декреты советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 375–378.

¹³⁶ Речь Г.К. Орджоникидзе на IV Терском областном народном съезде во Владикавказе о прекращении войны между народами // Борьба за советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.). Орджоникидзе, 1957. С. 111.

¹³⁷ Съезды народов Терка. Т. 2. С. 22.

¹³⁸ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 308.

грамму с требованием отвода красноармейцев с линии фронта и снятия с бронепоезда пушек и передачи замков от орудий осетинской и кабардинской (не казачье-крестьянской, отметим) фракциям съезда или же Народного совета¹³⁹. Более того, приветствовал казачье-крестьянскую фракцию на съезде и был согласен прекратить боевые действия, но только по получении гарантий неприкосновенности населенных пунктов и имущества, а также отставки комиссаров Пашковского, Фигатнера и Бутырина¹⁴⁰.

Прения по этому вопросу были бурными. Единственным защитником казачества были два оратора — Фальчиков и Звягин, но их позиция встречала аплодисменты лишь на скамьях казачьей фракции¹⁴¹. В итоге была принята резолюция Орджоникидзе, где казакам вновь выдвигалось требование прекратить боевые действия¹⁴².

Заседание съезда было прервано налетом восставших. Русско-осетинские отряды под руководством полковников Соколова и Беликова ворвались во Владикавказ, закрепились в городе, и у восставших был реальный шанс захватить всю большевистскую верхушку. Однако это не удалось. Съезд происходил на Юго-Западной окраине города в бывшем кадетском корпусе, и делегаты съезда в виду затянувшегося вечернего заседания допоздна почти все ночевали там же¹⁴³. Зато казакам удалось пленить членов терского СНК. Однако пленные были отпущены. По одной из версий — как раз в результате просьбы членов съезда народов Терека¹⁴⁴.

20 августа 1918 г. съезд возобновил свою работу. Не в кадетском корпусе, как раньше, а в кинотеатре «Гигант» на Александровском проспекте. Съезд утвердил новый состав Совнаркома, намеченный фракциями областного Народного совета еще вечером 5 августа, в канун нападения на город казаков и осетин. Новый Совнарком отличался от прежнего по своему партийному составу. Это уже был, по существу, большевистский Совнарком¹⁴⁵.

V съезд (28 ноября — 9 декабря 1918 г.) был для терских большевиков подлинным «съездом победителей». Восстание казачества подав-

¹³⁹ Съезды народов Терека. Т. 2. С. 67.

¹⁴⁰ Там же. С. 117.

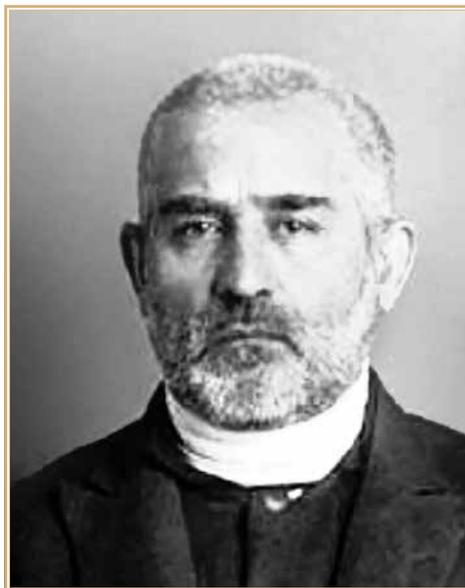
¹⁴¹ Там же. С. 119–120, 124–125.

¹⁴² Там же. С. 127.

¹⁴³ НА СОИГИСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–11.

¹⁴⁴ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 326; ГА РФ. Ф. р-446. Оп. 2. Д. 30. Л. 14 (об.).

¹⁴⁵ Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. С. 340–341.

Сергей Иванович Кавтарадзе

лено. Оппозиция ликвидирована. Вместо «Марсельезы», которая играла на предыдущих четырех съездах, стены владикавказского кинотеатра «Пате» оглашает «Интернационал»¹⁴⁶.

Это был самый представительный из всех съездов народов Терка. Несмотря на военную обстановку, во Владикавказ съехалось 750 делегатов. Казачество, в отличие от предыдущего съезда, было представлено широко, делегаты приехали от всех казачьих отделов, но отдельной фракции казачество уже не создавало. Название как «казачье-крестьянская фракция» решили расширить и назвать «казачье-крестьянская, красноармейская и иногородняя фракция»¹⁴⁷.

Состав съезда отразил большие политические изменения, произошедшие на Терке за пять месяцев Гражданской войны. Большевистская партия была теперь не только ведущей, но и единственной политической партией на съезде. Формально существовали небольшие фракции левых эсеров и «народных коммунистов», но по всем вопросам они выступали согласно с большевиками.

Председателем съезда был избран С.И. Кавтарадзе, член Кавказского краевого комитета РКП(б). На первом заседании делегаты постановили избрать почетным председателем президиума съезда В.И. Ленина¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Съезды народов Терка. Т. 2. С. 149.

¹⁴⁷ Бурда Э.В. Терские казаки в революции и Гражданской войне. Кн. II. С. 8.

¹⁴⁸ Там же С. 8.

Поскольку войска Казачье-крестьянского совета были почти разбиты, а остатки восставших казаков в районе Червленной и Боргустанской, казалось, легко будут ликвидированы, съезд говорил с казачеством совсем в другом тоне. С одной стороны, Орджоникидзе утверждал, что «другой контрреволюции, кроме казачьей, на Северном Кавказе не было»¹⁴⁹, но с другой — подчеркивалось, что все трудовое казачество с советской властью, что на скамьях съезда сидят «представители тех героев-казаков, которые вместе с нашей Красной Армией, вместе с горскими народами подняли войну против бичераховских банд»¹⁵⁰. Особенно хвалили сунженцев, говоря, что участие их в борьбе совместно с Красной армией «останется светлой страницей в истории Терского казачества»¹⁵¹.

Более того, съезд пообещал казакам изменить политику выселения станиц. Устами представителя осетинского народа С. Такоева (члена РСДРП с 1902 г.) казачество было успокоено: «Чем же виновато трудовое казачье население, что его, хотя бы и в стратегических целях, поселили здесь? Я полагаю, что выселением казачьих станиц мы добьемся не пролетарского разрешения земельного вопроса, разрешения его не на трудовых началах, а на буржуазных.

Я думаю, что ни один трудовой казак, ни один иногородний не скажет, что горцу не надо земли. Но нужно удовлетворить всех одинаково, нужно, чтобы все одинаково пользовались этой землей»¹⁵². В итоге резолюция съезда по аграрному вопросу звучала многообещающе для казаков. В частности, съезд определил, что «разрешение земельного вопроса в области не стоит в плоскости исключительной необходимости переселения станиц, аулов и селений, а в плоскости равномерного распределения всего областного земельного фонда между трудящимися всех народов области, не исключая частного устранения чересполосицы по мере надобности и с соглашения заинтересованных сторон»¹⁵³. Однако уже выселенные станицы не собирались отдавать казакам обратно. Изгнанные станичники должны были наделяться землей в «местах, определяемых областной властью»¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Съезды народов Терка. Т. 2. С. 155.

¹⁵⁰ Там же. С. 154.

¹⁵¹ Там же. С. 170.

¹⁵² Там же. С. 239.

¹⁵³ Там же. С. 241.

¹⁵⁴ Там же. С. 242.

Асланбек Джамалдинович Шерипов

Из стенограмм становится ясным, что новой опасностью для красного Терека становилось Горское правительство. Об опасности чеченского и ингушского «Бичерахова» упоминал Орджоникидзе¹⁵⁵, об опасности агитации Т. Чермоева для чеченцев говорил А. Шерипов¹⁵⁶, коммунист Назаретян упоминал и Чермоева, и В.-Г. Джабрагиева, и П. Коцева как лидеров горской контрреволюции, которая также угрожает Северному Кавказу¹⁵⁷.

На заключительном заседании 9 декабря 1918 г. съезд утвердил членов Терского областного народного совета¹⁵⁸.

Этот съезд народов Терека довершил окончательную интеграцию Терека в состав РСФСР. Из Конституции Терской республики были удалены все пункты, противоречащие Конституции РСФСР¹⁵⁹. Организация власти также копировала Конституцию РСФСР. Если после провозглашения Терской республики в марте 1918 г. Советы крестьянских депутатов заменялись Народными советами, то теперь, начиная с осени 1918 г., начинается обратный процесс¹⁶⁰.

¹⁵⁵ Там же. С. 155.

¹⁵⁶ Там же. С. 162.

¹⁵⁷ Там же. С. 207.

¹⁵⁸ Бурда Э.В. Терские казаки в революции и Гражданской войне. Кн. II. С. 17.

¹⁵⁹ Там же. С. 14.

¹⁶⁰ Там же. С. 18.

Таким образом, зародившись в ситуации анархии в области, съезды народов Терека проделали сложный путь политических трансформаций. Начавшись как попытка части казачества заручиться легитимностью для военного похода на чеченцев и ингушей, последний съезд народов Терека являлся, по сути, присягой на верность РСФСР и партии большевиков.

Казачество на каждом из съездов играло значимую роль, которая, однако, менялась от съезда к съезду. Первый съезд, созванный казачеством, обернулся, с одной стороны, фиаско учредителей съезда, но с другой — породил надежды на мир в области. Провозглашение советской власти на втором съезде народов Терека было результатом стремления и казаков, и горцев использовать большевиков как союзников в борьбе против своих оппонентов. Однако большевики не имели прочного влияния в области, «мощи всей России» за ними не было. Все три стороны в данном случае «блефовали»: казаки хотели с помощью большевиков (и желательно их руками) окончательно решить горский вопрос, горцы (опять же с помощью большевиков и тоже желательно их руками) — получить казачьи земли, а большевики, воспользовавшись противостоянием между казаками и горцами, — укрепить свою власть. Закончился этот съезд провозглашением советской власти, но с терской спецификой.

Третий съезд для казаков и горцев во многом являлся решающим. Именно на этом съезде аграрный вопрос был решен определенно — и не в пользу казачества. Что вызвало уже вооруженную борьбу. В начале этой борьбы собрался IV съезд. На наш взгляд, именно IV съезд был решающим для большевиков. Именно после этого съезда большевики стали, по сути, единственной политической силой в области. Можно отметить, что в этом становлении большевикам помогли казачье-осетинские отряды, напавшие на Владикавказ. Бессмысленно задаваться вопросами: что было бы, если бы отряды полковников Соколова и Беликова не совершили рейд на Владикавказ? Что было бы, если бы Г. Ф. Бичерахов пошел на переговоры со съездом? Явно виден один факт — летом 1918 г. политическую власть уже обеспечивали штыки. Красная гвардия и красные ингуши отбили нападение на Владикавказ, а затем и разбили основные силы восставших казаков — и уже V съезд прошел под знаком полного торжества партии большевиков и тесного слияния Северного Кавказа с РСФСР. Однако торжественные слова на V съезде не помогли большевикам, и уже через месяц разгромленные остатки Красной армии были вынуждены уйти в степи Калмыкии,

Грузию, Кавказские горы. Казачество в общей массе затаило обиду на советскую власть, и как только станичники вошли в союз с Добровольческой армией, баланс на Тереке поменялся. Казаки смогли уничтожить все, как им казалось, несправедливости съездов народов Терека — были возвращены отнятые у казаков станицы, был устроен даже карательный поход на Чечню (экспедиция генерала Д.П. Драценко). Однако этот «казачий сценарий» развития области продлился всего год. В боях далеко на севере от Терека, когда решалась судьба Гражданской войны, победительницей вышла Красная армия, и весной 1920 г. красные вновь оказались на Тереке.

REFERENCES

1. *Abazatov M.A.* The struggle of the working people of Chechen-Ingushetia for Soviet power (1917–1920). Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House, 1969.
2. *Agafonov O.* In the service of Russia // *Motherland*. No. 5. 2004. P. 17–21.
3. *Aliev R.Z.* Fifth Congress of the Terek Peoples // *Bulletin of modern science*. 2016. No. 12 (24). P. 7–16.
4. *Bezugolny A.Yu.* The Bicherakhov brothers and the anti-Bolshevik uprising of the Terek Cossacks in 1918 // *Peasant Front 1918–1922*. Collection of articles and materials. Moscow: AIRO-XXI, 2013. P. 579–606.
5. *Bezugolny A.Yu.* General Bicherakhov and his Caucasian army. Unknown pages in the history of the Civil War and intervention in the Caucasus. 1917–1919. Moscow: ZAO Publishing House Tsentrpoligraf, 2011.
6. *Borisenko I.* Soviet republics in the North Caucasus in 1918. T.2. Rostov-on-Don: North Caucasus Publishing House, 1930.
7. *Burda E.V.* Terek Cossacks in the Revolution and Civil War. Book II. Under the banners of Denikin and Wrangel on the fronts of the Civil War. Nalchik: Publishing house. Nadyrshin A.G., 2020.
8. *Burda E.V.* Terek Cossack uprising. 1918 Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House, 2016.
9. *Burda E.V.* Terek Cossacks and the Russian State XVI–XXI. History of relationships. Moscow: Publishing House. Nadyrshin A.G., 2015.
10. *Burkin N.G.* October Revolution and Civil War in the mountain regions of the North Caucasus. Rostov-on-Don: Partizdat, 1933.
11. Essays on the history and culture of the Cossacks in the South of Russia: collective monograph / Ed. G.G. Matishova, I.O. Tyumentseva. Volgograd: Publishing House of the Volgograd branch of the RANEPa, 2014.
12. *Futoryansky L.I.* Cossacks of Russia in the fire of the Civil War (1918–1920). Orenburg: Without a publisher, 2003.
13. *Gagkuev R.G.* White movement in the South of Russia. Military construction, sources of recruitment, social composition. 1917–1920 Moscow: Sodruzhestvo Sowin. 2012.

14. *Gugov R.Kh., Uligov U.A.* S.M. Kirov on the Terek. Nalchik: Elbrus, 1986.
15. Dekret ob organizacii upravlenija kazach'imi oblastjami [A Legislative Decree on Governing the Cossack Regions] // Dekrety sovetskoj vlasti [Soviet Decrees]. T. 2. M.: Gospolizdat, 1959. S. 375–379.
16. *Denikin A.I.* Oчерki russkoj smuty [Overview of the Disturbances in Russia]: V 3 knigah. Kniga 3. T. 4, 5. Vooruzhjonnye sily Juga Rossii [Armed Forces of the South of Russia]. M.: Ajris-Press, 2005.
17. *Kalmykov B.Je.* Revoljucionnoe dvizhenie v Kabarde i Balkarii [Revolutionary Movements in Kabardia and Balkariya]. Načhik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo [Načhik: Kabardino-Balkarsk Publishing House], 1958.
18. *Kuchiev V.* Introduction // Congress of the Terek Peoples. Collection of documents and materials. T.1. Ordzhonikidze, 1977. S. 9–24.
19. *Lobanov V.B.* Pyatigorsk-Vladikavkaz Congress of the Peoples of the Terek, February 16 – March 15, 1918 // Bulletin of St. Petersburg State Institute of Cinematography. 2015. No. 2 (23). P. 19–23.
20. *Lobanov V.B.* Terek and Dagestan in the fire of the Civil War: Religious, military-political and ideological confrontation in the 1917–1920s. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2017.
21. *Lobanov V.B., Nikolaev A.V.* Bolshevism in the North Caucasus: Terek Soviet Republic (March 1918 – February 1919 // Modern scientific thought. 2022. No. 1. P. 12–15.
22. *Markovchin V.V.* Former people: monograph. Kursk: South-West. state univ., 2013.
23. *Matiev T. Kh.* The role of the Mozdok Congress of the Peoples of the Terek in establishing a political union between Ingushetia and the Bolsheviks // News of Saratov University. 2018. No. 2. P. 250–253.
24. *Matveev V.A.* Nationalist Vendée and manifestations of the sustainability of Russian integration in the North Caucasus in crisis conditions of 1917–1921. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishing House, 2016.
25. *Mukbayarov M.R.* Armed formations of the White Cossacks of the North Caucasus (1917–1920): historical research. Diss. ... Ph.D. Moscow: Without a publisher, 2012.
26. *Pisarenko D. S.* Terskie kazaki. Tri goda revoljucii i bor'by. 1917–1920. Materialy i vospominanija [Terek Cossacks. Three years of the revolution and struggle. 1917–1920. Materials and Memoirs]. Moskva: Kuchkovo Pole; Voennaja kniga, 2016.

27. *Puchbenkov A.S.* National policy of General Denikin (spring 1918 — spring 1920). Moscow: Scientific and Political Book, 2016.
28. *Razgon I.M.* Sergo Ordzhonikidze during the Civil War // Historical notes. T. 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1938. P. 3–48.
29. *Rech' G.K.* Ordzhonikidze na IV Terskom oblastnom narodnom s'ezde vo Vladikavkaze o prekrashhenii vojny mezhdou narodami [Ordzhonikidze on the termination of the war between nations at the 4th Tersk Regional Congress in Vladikavkaz] // *Bor'ba za sovetskiju vlast' v Severnoj Osetii (1917–1920 gg.)* [Struggle for Soviet Power in North Ossetia–Alania]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. S. 110–111.
30. *Shljapnikov A.G.* Za hlebom i neft'ju [For Bread and Oil] // *Voprosy istorii*. 2002. № 9. P. 85–111
31. *Shljapnikov A.G.* Za hlebom i neft'ju [For Bread and Oil] // *Voprosy istorii*. 2002. № 12. P. 94–119.
32. *Takoev S.K.* istorii revoljucionnogo dvizhenija na Tereke (Po lichnym vospominanijam) [To the jistory of revolutionary movement on Terek (accorfig to memoirs)] // *Izvestija Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedenija* Proceedings of the Ossetian research institute for regional studies]. Vyp. 2. 1925. S. 309–385.
33. *Trut V.P.* Dear glory and loss. Cossack troops during the period of wars and revolutions. Moscow: Yauza, Eksmo, 2007.
34. *Vachagaev M.M.* Union of Highlanders of the North Caucasus and the Highlanders Republic. The history of a failed state. 1917–1920. Moscow: Tsentrpoligraf, 2018.
35. *Vlast' truda*. №12. 17 aprelja (4 aprelja) 1918 g.
36. *Volkov S.V.* Officers of the Cossack troops. The experience of a martyrologist. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2013.
37. *Vorobyov A.Z.* The struggle of the Terek Cossacks with the Bolsheviks in 1918 // *Native Terek*. № 10. 1981. P. 17–19.

Ключевые слова:

народы Кавказа, съезды народов Терека, Терское восстание,
Терское казачество, Терская область.

Yuri S. Pyltsyn

SWEARING FALSELY IN MAKING A COVENANT (HOS. 10:4). CONGRESS OF PEOPLES OF TEREK AND TEREK COSSACKS

In this article the author describes the story of Congress of Peoples of Terek – the highest authority of Terek region in 1918, and the role of Cossacks in it. Congresses were initially adopted by Cossacks at the beginning of 1918, as a tool to forcefully stop the conflicts with Ingushs and Chechens. These congresses came a long way and finished with the integration of Terek Region into the juridical field of USSR. Each convention was held in a new political situation, but discussed same matters – peace, land, political power. All the participants – people, political parties and estates had different opinions on those matters, including Terek Cossacks.

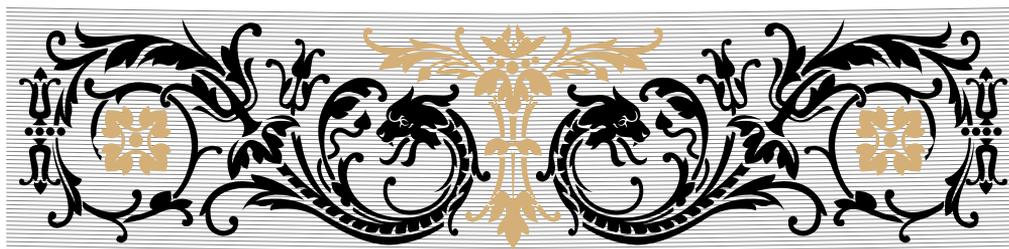
In this article author describes the script of those congresses, questions discussed and the role of Cossacks as proactive participants (including notes on the delegation's behaviour). The author shows what decisions concerning Cossack interests were discussed and approved with what consequences. Author also describes the tactics of Bolshevik party members who were able to produce political alternative to the Cossack ideas and eventually made Congress of Peoples of Terek into an instrument of improving Soviet power in the region.

Key Words: Congress of the Peoples of the Terek, Nations of the Caucasus, Terek Uprising, Terek Cossacks, Terek Region.

Yuri S. Pyltsyn – Ph.D. in History, Leading Researcher of the Scientific Center «History of the Cossacks», Associate Professor Department of Church History and Humanities of the Yekaterinburg Theological Seminary, First Deputy Director for Scientific and Methodological Activities and Promotion in the multimedia historical park «Russia – My History» of Ekaterinburg (Ekaterinburg, Russia).

 Пыльцын Юрий Сергеевич

Кандидат исторических наук, Ведущий научный сотрудник
Научного центра «История казачества», доцент кафедры
Церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной
семинарии, Первый заместитель директора по научно-методической
деятельности и продвижению мультимедийного исторического парка
«Россия – Моя история» (Екатеринбург, Россия)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.007

А.С. Пученков

КРАСНЫЙ КОМАНДАРМ ИВАН СОРОКИН ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

удьба Ивана Лукича Сорокина, жизнь и деяния которого лишь в последние годы стали подвергаться серьезному научному анализу¹, сложилась трагически: один из лучших красных командиров был убит своими же без суда и следствия. Последующая военная катастрофа Красной армии на Северном Кавказе вызвала необходимость найти в ней виновного — в этом плане фигура мятежного главкома, вступившего в свою должность всего за несколько месяцев до своей гибели и давно уже спавшего вечным сном в безымянной могиле где-то в Ставрополе, вы-

¹ Карпов Н.Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006; Лобанов В., Пученков А. Авантюра Ивана Сорокина // Родина. 2011. №2. С. 62–66; Пученков А.С. Иван Сорокин: штрихи к портрету красного командарма // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) / [Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. В 2 ч. Ч. 2. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. Ч. 2. С. 40–51 (2021 г.); Шевцова О.Г. Красный командарм и главком Иван Лукич Сорокин глазами современников: художественный и исторический образ // Великая русская революция в контексте геополитики и политической персоналистики. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках X научно-образовательного форума. Сочи, 2017. С. 131–137.

Иван Лукич Сорокин

глядела оптимальной. Именно Сорокин и был назван главным виновником поражения войск Северокавказской Красной армии в 1918 г., а его расправа над местными деятелями во главе с председателем ЦИК Северокавказской советской республики А.И. Рубиным была квалифицирована как «мятеж» против советской власти². О его бывших военных заслугах предпочитали не вспоминать, изображая Ивана Лукича человеком вздорным, хитрым, пьяным и — главное — далеким от идеалов Октября. Каким же был в действительности Иван Сорокин?

В советское время большинство мемуаристов определяли Сорокина как «авантюриста» и «самодура»³, «самолюбивого, вспыльчивого и тщеславного человека»⁴, — подобная оценка признавалась единственно возможной. Печальный финал жизни Сорокина воспринимался как глубоко закономерный: справедливое воздаяние судьбы за безмерное честолюбие, непомерную гордыню и бонапартистские замашки. «Заклейменный позором изменник Сорокин», как назвал его простой красный

² Взгляд автора этих строк на «мятеж» главкома Сорокина и анализ достоверности сложившихся в советской историографии представлений о его «измене» предложены в монографии. См.: Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 — декабрь 1918 г.). СПб., 2021. С. 662–673, 686–706.

³ Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 804. Бушко-Жук М. О революционных событиях в Новороссии. Л. 15.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 277. Зможный Г.Т. «Изменник Родины». Л. 5.

Иван Иванович Матвеев

казак И. Пекло⁵, был провозглашен предателем Советской республики. В свою очередь, среди ветеранов Таманской армии, конфликт с командующим которой И.И. Матвеевым стал одной из причин гибели Сорокина, нередкими были разговоры о «вероломном предательстве» таманцев Иваном Лукичом, а также о существовании у последнего «предательского плана», целью которого было «отдать нас Деникину на разгром» и дать «белогвардейцам нас уничтожить»⁶. Более осторожный взгляд на Сорокина был предложен в воспоминаниях ветерана 11-й армии Занченко: «неудачный выбор главкома Сорокина сказался пагубным образом для Северокавказской армии... Сорокин с характером, настойчив, решителен и быстро ориентировался в обстановке, но он властолюбив, политически не настроен, зазнавался и переоценивал себя. Созданный Северокавказской республикой Реввоенсовет он не признавал и с ним не считался, хотя и сам Реввоенсовет состоял из неудачников... Реввоенсовет на Сорокина не влиял и боялся его, и Сорокин считал, что он незаменим и для него не существовало ни партийных, ни советских органов, вышестоящей власти», — отмечал мемуарист⁷. Негативная, но все же не лишенная наблюдательности характеристика личности Сорокина содержится в воспоминаниях члена ЦИК Северокавказской

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 841. Пекло И. О Гражданской войне на Кубани. Л. 8.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1295. Кичатов В.Г. От Новороссийска до Астрахани. 1966. Л. 35, 38, 42.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 590 а. Л. 1-2.

республики И.Т. Шаповалова: «При положительных качествах военного организатора, храброго командира, Сорокин, к сожалению, не обладал соответствующей политической подготовкой и, будучи назначен главнокомандующим, стал проявлять свои истинные отвратительные черты характера: чуть ли не султанскую властность, честолюбие, подозрительность, юдофобство [это слово вычеркнуто автором. — А.П.], не учитывал сущности Советской власти и тех рамок, которые отведены для личности историей. Сорокин стал считать себя выше Центрального Исполнительного Комитета, выше крайкома партии Северо-кавказской республики. Если бы Сорокина не выпустили из-под постоянного большевистского влияния, может быть, и не совершилось бы той трагедии, которая разыгралась в Пятигорске и Ставрополе. Не хватило решительности у правительства обуздать Сорокина и тогда, когда он расправлялся с неудобными ему командирами-большевиками. Сорокин же счел это за слабость властей республики и все больше и больше нагнул. С переездом правительства Северо-Кавказской республики сначала в Армавир, а затем в Пятигорск военная диктатура Сорокина вступила в расцвет. Решение крайкома партии и ЦИК республики о том, чтобы большевики, независимо от занимаемого положения, отправились в красногвардейские части для проведения там разъяснительной работы и обеспечения политического контроля, вызвало у Сорокина подозрительность. Он считал, что ему не доверяют. Взаимоотношения между правительством республики и Сорокиным все сильнее и сильнее обострялись. У руководства ЦИК республики не хватило решительности отстранить Сорокина от поста командующего...»⁸

Впрочем, за Сорокиным признавались его личная храбрость и совершенно определенная харизма. Такой подход можно встретить в выдающемся произведении Алексея Николаевича Толстого «Хождение по мукам»: «Где только колебался бой, всюду красноармейцы видели мчавшегося Сорокина на рыжем коне. Казалось, одной своей страстной волей он поворачивал судьбу войны, спасая Черноморье... днем и ночью он носился по фронту — в вагоне, на дрезине, верхом...»⁹ Замечательный киноактер Е.С. Матвеев в экранизации «Хождения по мукам» (1958) изобразил Ивана Сорокина как бесшабашного, упрямого, не слишком дисциплинированного человека, обладавшего в то же время исключительной отвагой и незаурядными качествами народного вожака, спо-

⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 379. Л. 33.

⁹ Толстой А.Н. Хождение по мукам. М., 1982. С. 215, 269.

собного увлечь за собой солдатские массы в бой; благодаря таланту Евгения Семеновича несколько поколений советских людей именно так и воспринимали мятежного командарма.

Время от времени в работах советских историков и свидетельствах мемуаристов можно было встретить и упоминание о наличии у Сорокина военных способностей; как нетрудно догадаться, акцента на этом не делалось. Между тем напомним красноречивое признание белого вождя А.И. Деникина, охарактеризовавшего своего главного военного противника Сорокина, летом — осенью 1918 г., как «крупного военачальника»¹⁰.

Необычными для сложившейся в советской литературе и мемуаристике традиции изображения Ивана Лукича как изменника и предателя выглядели воспоминания адъютанта Сорокина Ф.Ф. Крутоголова, написанные и сданные им в краевой архив за считанные недели до смерти. В этих записках Федор Федорович посчитал долгом совести дать честную и лишенную идеологической предвзятости характеристику покойного главкома¹¹. «Я работал все время с Сорокиным, и я всегда чувствовал, что имею дело с человеком очень решительным, обладающим огромной силой воли и непреклонным характером. Держался он очень спокойно, отдавал распоряжения, не повышая тона. И надо сказать, Сорокин пользовался большим уважением не только у рядовых бойцов, но и у командиров, и политработников. Он всегда присутствовал на партийных собраниях первичной парторганизации при штабе армии и активно выступал по всем обсуждавшимся вопросам. Сорокин был человеком крайне честолюбивым, но житейски умным. Политические убеждения у него были: защита Советской власти была его главной целью. Тактические задачи и стратегические планы он решал и развивал быстро и наверняка, он часто спорил с командирами и членами реввоенсовета по планам военных операций и на деле всегда оказывался прав. Сорокин выше и важнее всего в период войны ставил военное дело, стремился быть неограниченным в сфере военной деятельности, в гражданские дела не вмешивался, предоставляя это политорганам армии. Он представлял человека, которому приходилось бороться не только с врагами явными, но и с какой-то таинственной изменой, которая окружала его... Конечно, Сорокин не идеал, и я не хочу этого утверждать. Он действи-

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 3. С. 608.

¹¹ Крутоголов Ф.Ф. Правда о Сорокине / Публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России. 2012. №3 (5). С. 260–274.

Федор Федорович Крутоголов

тельно был недоволен тем, что государственная и партийная власть в Кубано-Черноморской, а затем и Северокавказской республике осуществлялась пришлыми, евреями, но тут так сложилась обстановка. На Кубани никогда не было евреев, и вдруг они во власти, пытаются командовать главкомом, казаком. По существу, конфликт Автономова был тоже на этой почве. Налицо политическая незрелость главкомов, так можно сказать. А может надо было чрезвычайному комиссару юга Серго Орджоникидзе учесть эту политическую незрелость главкомов и сформировать органы власти из кубанских, ставропольских и терских большевиков, потому что это имело свою специфическую особенность в событиях на Северном Кавказе? Не секрет, что белогвардейская печать, играя на самолюбии казаков, упрекала их в том, что отдали Кубань во власть евреев. Сложная была обстановка. Нам и сейчас трудно разобраться во всех ее деталях. В одном я твердо убежден: Сорокин всей своей жизнью не заслуживал той участи, какая его постигла. А в фильмах его образ исказили до неузнаваемости: в одном показывают каким-то интеллигентом-долгоносиком, в другом — неумным, бесшабашным пьяницей и бабником, которого наставляет на ум-разум начальник штаба из бывших царских полковников. Да не таким он был, уважаемые писатели, кинорежиссеры и актеры! Посмотрите на фотографии: какой он бравый казак, какие у него пышные усы. А его тяжелого, давящего взгляда серо-зеленых глаз многие не выдерживали... К сожалению, в книгах, которые я выпустил, мне не удалось рассказать всю правду о Сорокине. Больше того и мне

пришлось, скрепя сердце, поддерживать давно утвердившуюся оценку личности Сорокина. Но я верю, что придет время и роль нашего главнокомандующего — Ивана Лукича Сорокина — в борьбе за Советскую власть на Северном Кавказе будет тщательно изучена и получит переоценку. Я даже думаю о том, что это время уже пришло. Пора смыть с его геройского имени все наносное и чуждое, открыть доступ к документам грузинского меньшевистского правительства, хранящимся в госархиве Грузии. Найдутся энергичные и беспристрастные исследователи, которые раскроют тайну, породившую Пятигорскую трагедию. С этой надеждой я и хочу закончить воспоминания о человеке, достойном лучшей участи — Иване Лукиче Сорокине»¹².

Солидарен с Крутоголовым был политком Красной армии Северного Кавказа П.С. Гуменной. «Смело можно сказать, что Сорокин не предатель и не изменник, а есть жертва слепого интриганства со стороны слабого партийного руководства на Северном Кавказе, которым воспользовались деникинские освагисты и осуществили гениальный план деникинского освага: обезглавив ЦИК, крайком, РВС и штаб Северо-Кавказской армии», — утверждал П.С. Гуменной¹³. Защищая честь убитого главкома, Гуменной писал: «Ведь если бы при Сорокине был такой политический комиссар, каким был [К.Е.] Ворошилов при [С.М.] Буденном, быть может и Буденный при другом комиссаре не был бы Буденным, а Сорокин был бы не авантюристом, как его теперь описывают, а был бы не меньшим героем, чем очень многие герои того времени»¹⁴.

Обстоятельства мятежа Ивана Сорокина и анализ причин, вызвавших его выступление против представителей советской власти, рассказ о гибели красного командарма и описание последствий бессудной расправы над ним для итогов кампании 1918 г. на Северном Кавказе достаточно подробно разобраны в работах последних лет. Мы же приведем те свидетельства об Иване Лукиче, которые не указывались в цикле работ, опубликованных автором этих строк за последние годы. Так, на наш взгляд, представляет интерес подробная характеристика Сорокина, приводимая в воспоминаниях С.В. Петренко, начальника штаба Красной армии Северного Кавказа: «В центре история Сорокина вызвала мало шума, хотя она сама по себе настолько поучительна, что заслуживала бы более подробного освещения и широкой огласки... В это

¹² Там же. С. 263–264, 269–270.

¹³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

¹⁴ Там же. Л. 23.

Хорунжий И. А. Сорокин (справа) на Кавказском фронте. 1916 г.

время я в первый раз встретился с Сорокиным. Небольшого роста, черноволосый, смуглый, с маленькой проседью над нависшими бровями и хохлацкими усами, он не производил никакого особенного впечатления на первый взгляд. Но уже после двух слов чувствовалось, что имеешь дело с человеком очень решительным, с огромной силой воли, а его манера разговаривать, лишь изредка исподлобья взглядывая на собеседника, заставляла предполагать в нем скрытный характер. Держался он очень спокойно, отдавал распоряжения и приказания не повышая тона, но говорил с несколько напускным подъемом, когда пришлось улаживать столкновение с одним матросским отрядом, не пожелавшим сдать оружие. Окружали Сорокина — его адъютанты, коменданты и еще какие-то лица, по большей части ничего общего со штабным делом не имевшие, даже полуграмотные, но, очевидно, очень преданные личности Сорокина и бывшие крайне высокого мнения о своем назначении. Сорокин с ними обращался очень дружески, хотя и гонял их без зазрения совести. При первом выходе Сорокина из вагона, как и при следующих, его всегда встречал и провожал оркестр. Солдаты Тихорецкого батальона возмущались такими царскими почестями, но штабные объясняли, что это они сами устраивают Сорокину, как знак глубокого к нему уважения. Сорокин при этих выходах держал себя с большим достоинством, с войсками всегда здоровался и обращался с короткими приветственными словами... Частые поездки на переговоры с немцами, а также по фронту, для улаживания всяких конфликтов, не давали мне возможности тогда особенно много наблюдать Сорокина, но тогда уже

стало ясно, что первое впечатление не обмануло, я увидал, что он человек крайне честолюбивый, даже мелочный в этом отношении, хитрый и житейски умный, но глубоко беспринципный; защита Советской власти стала для него коньком, экраном, на котором он рисовался. Он выше всего ставил — на словах — дружбу, и взаимную выручку, но на деле это сводилось к преданности Сорокину, ему лично. Политических убеждений у него не было, и он это понимал, но оправдывал свою беспомощность нежеланием связывать себя партийными путями. Ему сказали, что учредилка — контрреволюционная затея, он и верил, а почему — он толком не знал, да и не интересовался знать. Власти политической он не искал, так как знал, что с ней не справится. Зато он великолепно разбирался в военных вопросах. Тактические задачи, стратегические планы — он решал и развивал быстро и наверняка. Он часто спорил с теми или другими командирами — и на деле всегда был прав. Администратор он был плохой. После, когда мне пришлось быть у него Начальником Штаба, и я ни малейшей попытки не встречал с его стороны при моих малейших попытках упорядочить устройство, управление и снабжение нашей армии, а если он и помогал мне, то такими мерами, которые еще более запутывали наш и без того сложный аппарат. Штаб его — на деле являлся артелью денщиков и посыльных. Делопроизводство по оперативной и строевой части заключалось в химическом карандаше, блокноте и печати. Существовали какие-то канцелярии, где кормились какие-то дармоеды, и томились два-три работника, чахнувшие от тоски и безделья. Я всеми мерами пытался бороться с этими “учреждениями”. Но — Сорокин мне не помогал, да и наверху у нас на Кубани были в большей или меньшей степени те же порядки. Поэтому мне, как Политкому, пришлось потерпеть в борьбе со штабами и канцеляриями полное поражение... Мое мнение о Сорокине было в то время, как и сейчас, таково: этот человек выше всего считал военное дело, и стремился быть неограниченным властителем в военной сфере; к этому толкало его присущие ему огромное и несколько болезненное самолюбие и самомнение. Но к захвату гражданского управления он никогда не стремился, так как был достаточно умен, чтобы ясно понимать невозможность справиться с таким громоздким делом. Он всегда любил выставлять себя, как одинокого, непонятого человека, которому приходится бороться не только с врагами общими, но и с какой-то таинственной изменой, которая окружает его. Очевидно, он чувствовал всю неискренность отношения к нему со стороны членов ЦИК Северного Кавказа, а еще более предполагал, так как сам обладал очень скрыт-

ным характером...»¹⁵ Говоря о страшной гибели Сорокина и предшествовавшей ей авантюрной расправе над членами Северокавказского ЦИК, С.В. Петренко отмечал: «Окончательный результат следствия еще не опубликован, но судя по тому, что мне известно, можно всю историю теперь уже определить не как заговор с целью захвата власти, или иной, а как пьяную, преступную выходку человека, неразборчивого на средства, беспринципного, доведенного до состояния невменяемости своим болезненным самолюбием и натравливанием окружавшей его грязной клики. Войска отнеслись совершенно сознательно к происшедшему, и если вначале было много голосов и раздавалось за Сорокина, то после нескольких митингов и разъяснений — все совершенно успокоилось. Дивизия — бывшая дивизия Сорокина — без всяких колебаний и сомнений двинулась вперед, разбивая на своем пути банды серебряковцев и бичераховцев и освобождая Терек от последних остатков контрреволюции. Начальник колонны, в которую входила эта дивизия — тов. Мироненко, говорил мне, что солдаты и командиры сразу поняли, что если съезд высказался определенно против Сорокина, то так и должно быть, и, хотя все уважали Сорокина, как вождя и бойца, никто не выступил в его защиту. Жаль погибших безвинно хороших товарищей и работников, но жаль и погибшего так нелепо лучшего бойца Кубани — Сорокина. Наши товарищи, красноармейцы, говорят: если бы у Сорокина гайка в голове в другую сторону крутилась — не было бы на Кубани лучшего революционера. Лучше бы он погиб от кадетской пули где-нибудь на полях Кубани, лучше бы ему раньше лечь в могилу в красном гробу, как честному бойцу, чем теперь — лежать в яме на вонючем дворе Ставропольской тюрьмы — как дохлой собаке, опозорив навсегда свое имя»¹⁶.

Сложно сейчас, спустя более чем столетие, понять все те мотивы, которыми руководствовался Сорокин, решаясь на Пятигорскую авантюру. Очевидно одно: у него не выдержали нервы, колоссальное перенапряжение последних месяцев вынудило Ивана Лукича совершить роковую для него ошибку, стоившую ему жизни. В свою очередь, бессудная расправа над популярным главкомом, осуществленная одним из командиров таманцев И.Т. Высланко, дестабилизировала красный фронт, позволив Деникину переломить ход военной кампании 1918 г. на

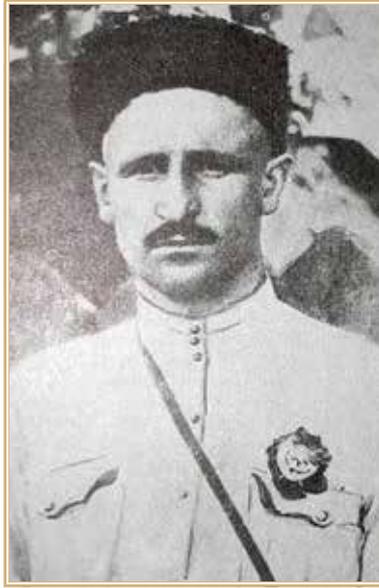
¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1830. Петренко С.В. Правда о Сорокине. Л. 35–36, 38, 50.

¹⁶ Там же. Л. 62–63.

Михаил Прокофьевич Ковалев

Северном Кавказе в свою пользу. Именно такую трактовку «дела Сорокина» предложил в своем письме Ф.Ф. Крутоголову советский генерал М.П. Ковалев, хорошо знавший покойного командарма. «[А.И.] Рубин и др. не доверяли Сорокину, кубанскому казаку, офицеру в прошлом, пользующемуся большим авторитетом в армии. В армии они не бывали, и армия их не знала. Они побаивались и Сорокина, и армии, и всегда во всех мероприятиях Сорокина видели козни против себя. 2. Сорокин, не видя ни в чем поддержки со стороны правительства, относился к определенным лицам с недоверием. Версия о предательстве Сорокина подхвачена [Л.Д.] Троцким и его штабом. Чтобы оправдать преступно-небрежное отношение свое к нуждам в снабжении 11-й армии... сколько не помогай, а там не армия, а сброд всевозможных партизан и бандитов, а сам Главком предатель. Эта клевета на нас с вами, вопреки фактам, стала официальной версией и до слез обидно за те многие тысячи настоящих большевиков, положивших свои головы за Советскую власть... Нельзя все валить на Сорокина... Благодаря предательству Сорокина. Федор Федорович! Побойтесь Бога! В чем предательство Сорокина? Это [И.И.] Матвеев не выполнял приказы и вместо соединения с армией ушел на Новороссийск. Это [Д.П.] Жлоба снялся с Батайского фронта, ушел в тыл, в станицу и стал бороться с контрреволюцией, грабя по станицам и правого и виноватого, за что был объявлен вне закона и против него был выслан Выселковский полк и [И.А.] Кочубей. Жлоба ушел за Кубань. Это какие-то темные люди с мандатами членов Пра-

Дмитрий Петрович Жлоба

вительства разъезжали по частям и говорили: Куда вас Сорокин ведет? Вы здесь воюете (под Выселками), а там белые ваши станицы занимают и уже скоро Краснодар возьмут. Это 1-я внеочередная дивизия [М.Н.] Демуса снялась с фронта правее х. Малеванного и часов в 19 начала быстро уходить спасать Краснодар, а у Вас предательство Сорокина. Вывод Сорокиным основных сил армии через Краснодар в район Армавир, Майкоп, Ставрополь, Невиномысская и перевод правительственных органов в район Минеральные воды расценивался белыми генералами как весьма смелый и неожиданный маневр. Деникин считал, что с 11-й армией под Краснодаром все будет покончено. Ведь для каждого военного этот маневр Сорокина говорит о большом таланте его творца. Будучи прижатым к морю, отрезанным от базы, суметь вывернуться на 180 градусов и снова получить свободу действий, на это способен безусловно только одаренный человек, а тут, замалчивая это, говорят о предательстве. Если бы Сорокин остался жив, то этот его марш-маневр вошел бы в историю военного искусства как лучший образец смелого и весьма искусно проведенного маневра. С носом и большим конфузом остались царские генералы. Большой радостью для Деникина была смерть Сорокина... Возня с Матвеевым задержала выполнение приказа на две недели, чем воспользовался Деникин и собрал в район Ставрополя почти всю свою армию. И все же план Сорокина в первой части был выполнен. 10-я колонна и таманцы сокрушительными ударами овладели Ставрополем. *От разгрома Деникина спасла смерть Сорокина* [выделе-

но мной. — А.П.]. Без руководства войска протоптались в районе Ставрополя больше недели. Белые — Деникин подтянул резервы, перегруппировался, пополнился и перешел в наступление. Авторитет Сорокина в войсках до последнего дня был очень высок»¹⁷.

Безусловно, что Сорокин — исключительно сложная для каких-то оценок фигура; говорить о нем что-либо однозначное нельзя. Очевидно лишь, что Иван Лукич заблудился в политическом водовороте Гражданской войны; трудное положение на фронте противостояния с Добровольческой армией предельно нервировало главкома, заставляя его искать виновных в собственном стане. Психологическая несовместимость с большинством деятелей Северокавказского ЦИК спровоцировала кровавую развязку. Пятигорская драма погубила не только оппонентов Сорокина, но и его самого. В известном смысле «дело Сорокина» — отражение тех трудностей, с которыми было связано строительство Красной армии на начальном этапе ее существования. Сорокин, несомненно, был исключительно одаренным полководцем-самоучкой, при этом следует указать также и на органическое неприятие им политики и отсутствие у командарма должного уровня политической грамотности. Государственным мужем, «Бонапартом», Иван Лукич, безусловно, не был... Впрочем, только лишь о нем можно это сказать? А как же М.А. Муравьев и А.И. Автономов — у красных? А.Г. Шкуро и В.Л. Покровский — в стане белых... Понятно, что упомянутыми именами список не исчерпывается. Трагическая судьба Сорокина показательна для эпохи Гражданской войны, с головокружительной быстротой возносившей незаурядных людей вверх и столь же стремительно низвергавшей их вниз. Оговорим также и то, что ни о какой «измене» Сорокина делу революции говорить нельзя: этого не подтверждают документальные данные, да и сложно было бы ожидать той или иной формы измены *своему делу* от прямодушного Ивана Лукича. В свою очередь, гибель Сорокина в значительной степени предопределила итог кампании 1918 г. в пользу Добровольческой армии.

¹⁷ ГАКК. Ф.Р-1634. Оп. 1. Д. 164. Л. 2, 9–10. 1961 г.

REFERENCES

1. *Karpov N.D.* Mutiny of Commander-in-Chief Sorokin: truth and fiction [Myatezh glavkoma Sorokina: pravda i vymysly]. M.: NP ID «Russkaya panorama», 2006.
2. *Lobanov V., Puchenkov A.* The gamble of Ivan Sorokin [Avantyura Ivana Sorokin] // *Rodina*. 2011. №2. S. 62–66.
3. *Puchenkov A.S.* Ivan Sorokin: touches to the portrait of the red commander // Peoples of the Caucasus in the 18th–21st centuries: history, politics, culture. Materials of the VIII International Forum of Historians of the Caucasus (Pyatigorsk, October 14–15, 2021) [Ivan Sorokin: shtrikhi k portretu krasnogo komandarma // *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura. Materialy VIII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Pyatigorsk, 14–15 oktyabrya 2021 g.)*] / [Otv. red. akad. G.G. Matishov]. V 2 ch. Ch. 2. Rostov-n/D.: Izd-vo YUNTS RAN, 2021. Ch. 2. S. 40–51.
4. *Puchenkov A.S.* The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the «Alekseevskaya organization» to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917 – December 1918) [Pervyy god Dobvol'cheskoy armii: ot vzniknoveniya «Alekseyevskoy organizatsii» do obrazovaniya Vooruzhennykh Sil na Yuge Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1918 goda)]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2021.
5. *Shevtsova O.G.* Red commander and commander-in-chief Ivan Lukich Sorokin through the eyes of his contemporaries: artistic and historical image // The Great Russian Revolution in the context of geopolitics and political personalistics. Materials of the international scientific and practical conference within the framework of the X scientific and educational forum [Krasnyy komandarm i glavkom Ivan Lukich Sorokin glazami sovremennikov: khudozhestvennyy i istoricheskiy obraz // *Velikaya russkaya revolyutsiya v kontekste geopolitiki i politicheskoy personalistiki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh KH nauchno-obrazovatel'nogo foruma*]. Sochi, 2017. S. 131–137.

6. *Tolstoy A.N.* The Road to Calvary [Khozhdeniye po mukam]. М.: Voenizdat, 1982.
7. *Denikin A.I.* Essays on the Russian Troubles [Ocherki russkoy smuty. М.: Ayris-Press]. М., 2003. V. 3.
8. *Krutogolov F.F.* Pravda o Sorokine / Publ. A.S. Puchenkova // Noveyshaya istoriya Rossii [The truth about Sorokin / Publ. by A.S. Puchenkov // Modern history of Russia]. 2012. №3 (5). S. 260–274.

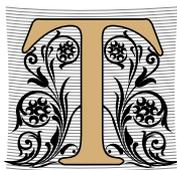

Ключевые слова:

И.Л. Сорокин, Гражданская война, Северный Кавказ, Красная армия,
Добровольческая армия, революция.

Alexander S. Puchenkov

THE RED COMMANDER-IN-CHIEF IVAN SOROKIN IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES

The article is devoted to assessments of the personality of the Commander-in-Chief of the Red Armies of the North Caucasus, Ivan Lukich Sorokin, in the memoirs of his contemporaries. In Soviet historical literature, I.L. Sorokin was viewed as a traitor and traitor to the cause of the revolution.

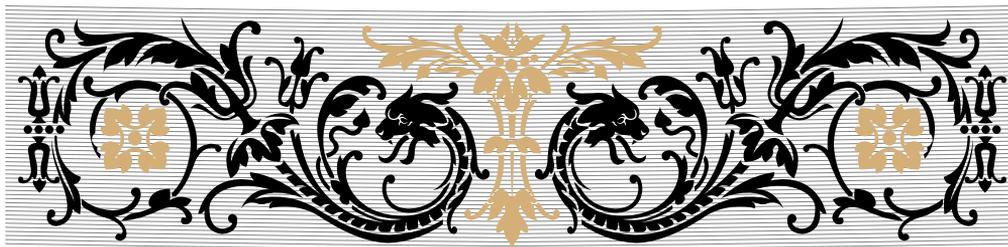
Any other view of his actions was simply impossible. In modern Russian historiography, Sorokin's activities are viewed more cautiously; his betrayal and complicity with the Whites does not find documentary evidence. On the contrary, historians propose to see in Ivan Lukich a real people's leader and a talented commander, whose premature death predetermined Denikin's victory in the North Caucasus. In this article, special emphasis is placed on the use of archival materials from the archives of the Krasnodar Territory, which have not previously been used in the works of specialists. The author declares the inconsistency of the figure of Ivan Sorokin, noting at the same time his great natural military abilities, which allowed him to turn into a self-taught commander on a large scale in 1918. His temper and lack of restraint, the lack of any interest in politics, as well as the absence of serious party leadership next to him, did not allow Sorokin to understand the intricacies of the politics of that time. An analysis of the statements of his contemporaries allows us to come to the conclusion that Sorokin had military talents, enormous charisma and willpower, combined with temper, instability and a certain kind of narcissism. The sharp career rise that happened to him in 1918 turned Sorokin's head, predetermining his tragic death. The reprisal against Sorokin played a crucial role in the outcome of the military campaign of 1918, allowing Denikin to turn the outcome of the confrontation with the Reds of the North Caucasus in his favour.

Key Words: I.L. Sorokin, Civil War, North Caucasus, Red Army, Volunteer Army, Революция.

Alexander S. Puchenkov – D.Sc. (History), Professor at the Institute of History of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

 Пученков Александр Сергеевич

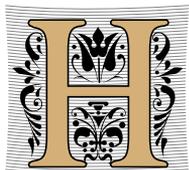
доктор исторических наук, профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.008

А.В. Ганин

«ПУБЛИКА КРИЧАЛА, ЧТОБЫ МЕНЯ НЕМЕДЛЕННО РАССТРЕЛЯТЬ...» КОМАНДАРМ ХАРЧЕНКО МЕЖДУ КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ

Нередким явлением в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. были переходы лиц командного состава из одного лагеря в другой, которые можно охарактеризовать как дезертирство, измену или перебежку. Переходы затронули даже представителей высшего командного состава, не исключая командующих фронтами и армиями¹.

Уровень знаний о событиях того периода не дает исчерпывающих данных о том, кем были высокопоставленные перебежчики. В частности, до сих пор оставалась неясной биография и роль в Гражданской войне одного из красных командармов-перебежчиков Александра Игнатьевича Харченко, который в 1918 г. командовал 1-й и 2-й советскими армиями. В советской литературе встречались не подтвержденные документаль-

¹ Из представителей высшего командного состава РККА уровня командующих фронтами и армиями изменили большевикам восемь человек: Б.П. Богословский, Н.Д. Всеволодов, Н.А. Жданов, Ф.Е. Махин, М.А. Муравьев, П.А. Славен, А.И. Харченко и В.В. Яковлев. Подробнее см.: Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.

но сведения о том, что он был эсером² (в других вариациях — левым или правым эсером³). Один из авторов, перепутав А.И. Харченко с его однофамильцем В. Харченко, сидевшим в тюрьме в Оренбурге⁴, писал, что командарма якобы казнили дутовцы⁵. Получили распространение утверждения, что Харченко имел чин поручика старой армии⁶, был самонадеянным и не советовался с комиссаром⁷ или что измена Харченко произошла из-за выступления против большевиков его покровителя М.А. Муравьева⁸ (на самом деле последовательность событий была обратной). О расстреле Харченко упоминалось в биографии маршала М.Н. Тухачевского, однако подробностей не приводилось⁹. Лишь недавно рассекреченные документы Центрального архива Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) позволили установить, кем был этот человек и каким образом он действовал в Гражданскую войну, а дальнейший поиск дал возможность восстановить его дореволюционную биографию.

Материалы в отношении Харченко содержатся в семитомном архивно-следственном деле «Приволжской шпионской организации» 1919 г., причем сам Харченко прямого отношения к этому делу не имел, так как едва попал на советскую территорию, когда это дело стали расследовать. Причины его включения в дело обусловлены географией событий — следствие велось Особым отделом ЧК Восточного фронта, на котором в плен к красным и попал Харченко. Кроме того, в деле фигурировали многие служащие 1-й армии, а Харченко как раз ею командовал в 1918 г. Он упоминался наряду с другими, в докладе военного следователя Я.Я. Фогеля по этому делу, датированном 6 сентября 1919 г., правда, с оговоркой, что связь его с делом не установлена¹⁰.

² Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея. Записки военного комиссара. М., 1969. С. 17; Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа, 1966. С. 279.

³ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 208; Чистов Б.Н., Жохов М.А. Посланец партии. Очерк военно-политической деятельности П.А. Кобозева на Восточном фронте (1918–1919 гг.). М., 1980. С. 33.

⁴ Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.): Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 156.

⁵ Дубленных В.В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург, 2002. С. 379.

⁶ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 262.

⁷ Герои Гражданской войны. М., 1974. С. 18.

⁸ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 61.

⁹ Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 152.

¹⁰ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-49582. Т. 1. Л. 14–14 об.

Попробуем, опираясь на материалы дела и другие документы, реконструировать биографию Харченко и его путь в Гражданскую войну, попытавшись отделить вымысел от реальных фактов.

Гражданская война была конфликтом, выдвинувшим на высокие посты совсем молодых людей. Таким был и Александр Игнатьевич Харченко. На допросе в советском плену он утверждал, что родился в 1897 г. в местечке Корсунь Киевской губернии (ныне — город Корсунь-Шевченковский) и представил себя как крестьянина. По его словам, он учился в Киевском коммерческом институте, в который поступил в 1913 г., но не окончил из-за начавшейся Первой мировой войны. На упоминание допрашиваемым поступления в институт в 16-летнем возрасте, видимо, не обратили внимание.

В то время (с 1912 г.) в институте обучался лишь Арсений Никонович Харченко, уроженец местечка Боярка Киевской губернии (родился 3 августа 1893 г.), окончивший в 1912 г. Звенигородское коммерческое училище. Сохранилось личное дело студента А.Н. Харченко с его фотографией 1912 г.¹¹ В деле имеются данные о том, что Харченко в 1915 г. добровольно поступил во 2-е Инженерное училище в Киеве. Позднее он продолжал учебу в институте и окончил его в 1919 г. Имел ли он какое-либо отношение к командарму А.И. Харченко — неизвестно. Отметим, что Боярка и Звенигородка расположены неподалеку от Корсуни, который указывал местом своего рождения командарм Харченко. Кроме того, почерк студента похож на почерк командарма.

Однако вернемся к материалам допросов нашего героя в части, касающейся его дореволюционной биографии. На допросах А.И. Харченко утверждал, что в 1914 г. добровольцем пошел на фронт и был зачислен в 10-й гусарский Ингерманландский полк вольноопределяющимся. Затем держал экзамен на чин прапорщика кавалерии. Дальше начинаются явные нестыковки, которые, однако, не вызвали вопросов у допрашивавших. Так, Харченко указал, что после экзамена на офицерский чин за чем-то поступил в Виленское военное училище, которое окончил летом 1915 г.¹² Очевидно, что обладателю офицерских погон поступать в училище уже не требовалось, и подобная необходимость могла возникнуть лишь в случае невыдержания экзамена на чин. По показаниям Харченко,

¹¹ Государственный архив города Киева. Ф. 153. Оп. 2. Д. 220.

¹² Ранее публиковавшиеся данные о производстве Харченко в прапорщики за боевые отличия в ноябре 1914 г., Высочайше утвержденном в марте 1915 г. (Разведчик (Пг.). 1915. № 1279. 12.05. С. 415; Ганин А.В. Измена командармов. С. 763), относятся к его однофамильцу — подпрапорщику 31-го пехотного Алексеевского полка.

Однофамилец А.И. Харченко — студент Киевского коммерческого института.
Государственный архив города Киева. Публикуется впервые

службу офицером он нес в своей прежней части, откуда в феврале 1916 г. перевелся в 9-й гренадерский Сибирский полк и командовал там ротой. По тем же данным в годы войны он был трижды ранен. Лечился в Прокурове, где его застала Февральская революция. В дальнейшем находился в резерве чинов и в распоряжении штаба XXXIV армейского корпуса, которым командовал будущий украинский гетман П.П. Скоропадский. Получил назначение адъютантом по строевой части 57-й пехотной дивизии. Принимал участие в революционных событиях. В частности, в апреле 1917 г. его командировали на съезд в Киев в качестве делегата от дивизии. Затем его служба протекала на должности батальонного командира 4-го запасного Украинского полка. Там же он стал членом, а позднее председателем полкового комитета, а в итоге — выборным командиром полка и якобы даже отправился в Петроград поступать в Военную академию.

Как оказалось, на допросах Александр Игнатьевич излагал частично вымышленную биографию. Достоверным в ней было, видимо, лишь упоминание службы в 10-м гусарском Ингерманландском полку, а так-

же то, что Харченко действительно не был кадровым военным. Реальный образовательный уровень и боевой стаж офицера на проверку оказался значительно скромнее. Исказил Харченко и свой возраст. Возможно, при помощи ложной героической и революционной биографии он и добился высших постов в Красной армии в условиях хаоса начала 1918 г.

Подлинные факты удалось установить из послужного списка прапорщика А.И. Харченко к 11 сентября 1917 г. По данным списка, он родился 13 марта 1898 г., следовательно, красным командармом стал уже в 20 лет. Происходил из крестьян Киевской губернии. Наград не имел. Окончил Полтавскую мужскую гимназию, выдержал испытание на право вольноопределяющегося 2-го разряда во 2-й Тифлисской школе прапорщиков¹³. Впрочем, и тут возникают вопросы. Выпускник гимназии приобретал права вольноопределяющегося 1-го разряда. Если же Харченко получил права 2-го разряда, возможно, в гимназии он недоучился.

На службу его принял Каневский уездный воинский начальник 30 июня 1916 г. с назначением в 5-й запасный кавалерийский полк, куда Харченко прибыл 31 августа 1916 г. и был зачислен в 10-й маршевый эскадрон 10-го гусарского Ингерманландского полка рядовым из охотников (этот статус также свидетельствует об отсутствии среднего образования). 4 марта 1917 г. Харченко присягнул Временному правительству, а 6 марта был командирован в 218-й пехотный запасный полк для поступления в школу прапорщиков. 27 марта его отправили в Лагодехский батальон вольноопределяющихся, куда он в тот же день и прибыл. Затем, 18 апреля 1917 г. молодого человека командировали во 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков, куда он был зачислен для прохождения курса. 28 июня Харченко добровольцем отправился в юнкерский ударный батальон и был исключен из школы. В батальоне с 9 июля по 6 августа исполнял должность начальника хозяйственной части, а затем стал квартирмейстером. В связи с расформированием батальона Харченко 16 августа пришлось вернуться в школу прапорщиков, где 11 сентября его произвели в прапорщики со старшинством с 20 августа того же года и назначением в распоряжение начальника штаба Киевского военного округа¹⁴. Офицер был холост, а в Первой мировой войне участвовал лишь с 28 июня по 2 августа 1917 г.¹⁵

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. П/с 36-881. 1917 г. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Л. 4.

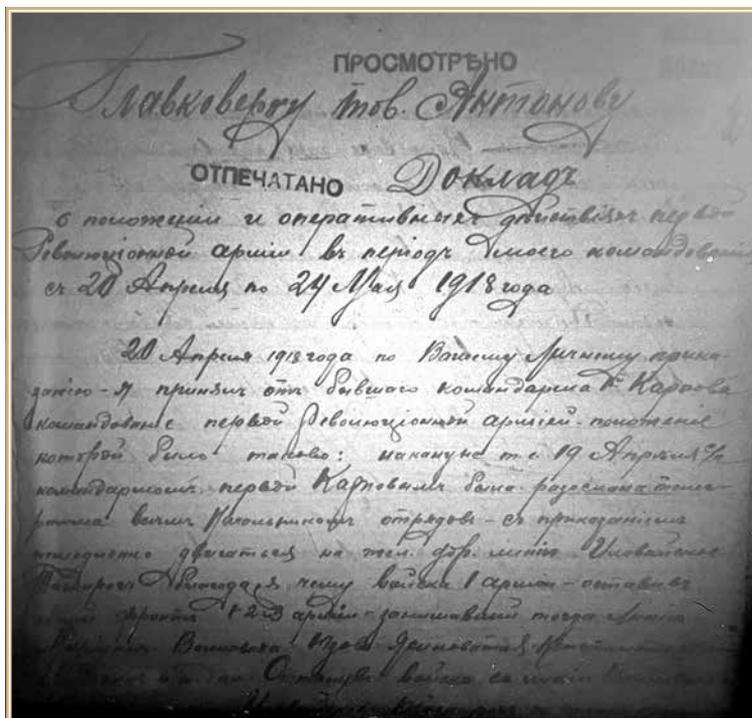

В.А. Антонов-Овсеенко

Долгое время считалось, что службу в старой армии Харченко закончил поручиком, на допросах в 1919 г. он аттестовал себя штабс-капитаном (возможно, в этот чин был произведен у белых), а на самом деле в старой армии так и остался прапорщиком.

Проверить последующую революционную биографию Харченко до весны 1918 г. пока не представляется возможным. Александр Игнатьевич, согласно его показаниям, осенью 1917 г. принял участие в отражении наступления войск А.Ф. Керенского и генерала П.Н. Краснова на Петроград (их целью было ликвидировать большевистский переворот и вернуть власть Временному правительству). Тогда же состоялось его знакомство с предложившим свои услуги большевикам подполковником М.А. Муравьевым, назначенным главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Это знакомство повлияло на последующие высокие назначения Харченко в РККА и отчасти объясняет, каким образом младший офицер без опыта оказался командующим несколькими советскими армиями. Интересно, что Муравьев, как и Харченко, впоследствии стал высокопоставленным советским изменником.

Также Харченко познакомился с другими военными руководителями, служившими новой власти — преемником Муравьева во главе округа В.А. Антоновым-Овсеенко и, по-видимому, капитаном П.В. Егоровым. По утверждению Харченко, вместе с Антоновым-Овсеенко, Муравьевым и Егоровым он ездил из Петрограда в Москву, откуда отправился

Заголовок доклада командарма А.И. Харченко В.А. Антонову-Овсенко.
1918 г. РГВА. Публикуется впервые

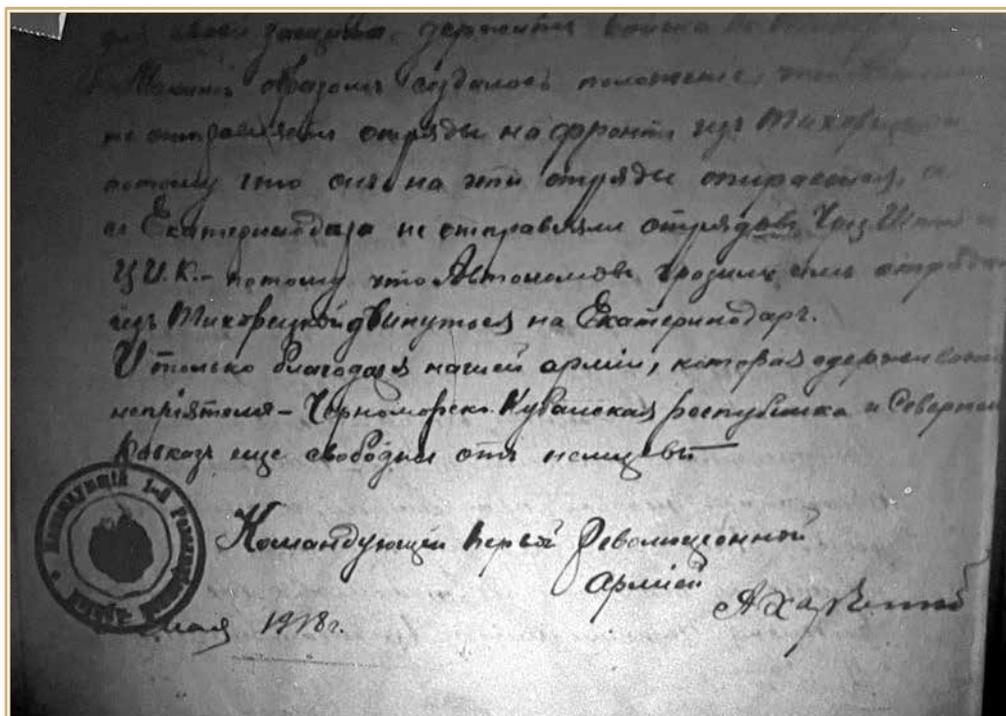
на Украину устанавливать советскую власть, а в декабре 1917 г. в Полтаве вступил в большевистскую партию.

Где заканчивался вымысел и начиналась правда, сказать сложно. Достоверно известно, что весной 1918 г. Харченко стал красным командармом, возглавив еще нерегулярную 1-ю революционную армию. Эта армия просуществовала сравнительно недолго: возникла в начале марта 1918 г. в районе Бирзулы в связи с австро-германским наступлением на Украине, а уже в мае была расформирована.

Подробности этого периода деятельности Харченко выяснились из его «Доклада о положении и оперативных действиях первой революционной армии в период моего командования с 20 апреля по 24 мая 1918 года» главнокомандующему Антонову-Овсенко.

Харченко писал: «20 апреля 1918 года по Вашему личному приказанию я принял от бывшего командарма Карпова командование первой революционной армией»¹⁶. Войска были плохо подготовлены и недисциплинированы. Положение армии, согласно докладу Харченко, было крайне тяжелым. Получив приказание Карпова отходить на железнодо-

¹⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 14. Оп. 2. Д. 10. Л. 15.

Подпись А.И. Харченко.
РГВА. Публикуется впервые

рожную линию Иловайское — Таганрог, они оставили «общий фронт 1, 2, 3[-й] армий, занимавших тогда линию Мариуполь — Волноваха — Юзово¹⁷ — Ясиноватая — Константиновка — Славянск»¹⁸. В результате оказался открытым фланг 2-й армии, а участок Волноваха — Юзово остался без войск. Вступив в командование, Харченко немедленно по приказанию Антонова-Овсеенко направил войска для занятия линии Ясиноватая — Юзово — Волноваха и подошел к Мариуполю со стороны Мелитополя и Бердянска. К этому времени германские войска заняли Волноваху и двигались к Иловайскому и Мариуполю. Произошли столкновения, причем части красных смогли отбить Волноваху.

Шли бои и в районе Бердянска, где «1-й Черноморский отряд [А.В.] Мокроусова численностью до 500 человек вел бой с бердянскими белогвардейцами и подходившими в это время к городу щербачевскими бандами, захватив в гор[оде] Бердянске стоявшие там поезда снабжения тов. Егорова... Мокроусов, отступив со своим отрядом, успел погрузить большое количество боевого снаряжения на транспорт, а сам, погру-

¹⁷ Или Юзовка. Ныне — Донецк.

¹⁸ РГВА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 10. Л. 15.

зившись на тралер, бомбандировал¹⁹ гор[од] Бердянск из установленных на тралере двух шестидюймовых орудий»²⁰. Под «щербачевскими бандами» подразумевалась бригада полковника М.Г. Дроздовского, шедшая с Румынского фронта (которым фактически командовал генерал Д.Г. Щербачев) на Дон. Отряд Мокроусова далее отправился на Мариуполь, уже занятый противником, и также обстрелял и его. После этого отряд прибыл в Таганрог.

2-й армия оставила Ясиноватую и отошла к Дебальцево. Отступала и 3-я армия. В результате Харченко стал отводить свои войска на линию Иловайское — Харцызск — Ханженково. Как он отмечал в докладе Антонову-Овсеенко, в это время приказы последнего, «благодаря саботажу»²¹, не доходили до 1-й армии.

В нарушение Брестского мира немцы вторглись на территорию Советской России. Под натиском противника советские войска отходили на Таганрог, взрывая за собой железнодорожные пути. Харченко жаловался на саботаж руководства Донской советской республики²², пытавшегося подчинить себе все советские войска, отступившие на территорию республики. Между тем на Дону успешно развивалось антибольшевистское восстание донских казаков. Харченко констатировал, что «армия была со всех сторон отрезана, и не было ни одного железнодорожного пути, по которому можно было бы куда-нибудь продвинуться, положение еще осложнялось тем, что армия была без продовольствия, денег и связи. Положение было катастрофическое, и я решил избрать путь наименьшего сопротивления и двинулся со всей армией к Ростову, охваченному со всех сторон неприятелем»²³. Харченко удалось установить связь Таганрога с Ростовом, однако Таганрог под натиском немцев пришлось оставить²⁴. Переговоры с противником в начале мая 1918 г. о приостановке движения германских войск на Ростов и о прекращении боевых действий на территории Донской республики успехом не увенчались. Войска с боями отходили от Таганрога на Ростов, оставив последний 4 мая. На следующий день красные город отбили, но 8 мая вновь его оста-

¹⁹ Стиль документа.

²⁰ РГВА. Ф. 14. Оп. 2. Д. 10. Л. 15.

²¹ Там же. Л. 15 об.

²² Там же. Л. 16 об.

²³ Там же. Л. 17.

²⁴ Подробнее об оккупации Таганрога см.: *Миргородский А.В. Красный десант 1918 года.* СПб., 2022.

М.А. Муравьев

вили. После этого войска Харченко заняли оборону на линии Старочеркасская — Ольгинская — Батайск — Азов. Таким образом, в этот период, если верить докладу, Харченко зарекомендовал себя как деятельный и добросовестный командующий. Во всяком случае, именно таким он пытался себя представить вышестоящему начальству. Тогда Харченко проявил себя с хорошей стороны и пытался навести порядок в войсках²⁵. Он сотрудничал с комиссарами В.А. Трифоновым и Г.К. Орджоникидзе.

В период боев под Батайском Харченко был ранен. По-видимому, 24 мая он сдал командование и уехал в Москву, где по выздоровлении примерно через три недели вновь стал командармом, но уже в другой армии с таким же номером, на Восточном фронте.

Первый фронт Советской России, Восточный, возник летом 1918 г. в связи с необходимостью борьбы с восстанием Чехословацкого корпуса и выступлениями союзных ему антибольшевистских сил. Тот период для красных был крайне сложным, а успех сопутствовал их противникам. Наряду с фронтом стали создаваться армии.

Декретом РВС Восточного фронта № 1 от 16 июня 1918 г. Харченко получил назначение командующим 1-й армией Восточного фронта, поскольку был лично известен командующему фронтом Муравьеву по рабо-

²⁵ Трифонов Ю.В. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 77–79.

те на Украине²⁶. В должности командующего он пробыл совсем немного времени — с 16 (по другим данным, с 19) по 28 июня 1918 г. Задачей командарма было объединение войск на сызрано-симбирском направлении для борьбы с чехословаками и войсками Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). 19 июня он приказал небольшим отрядом атаковать Сызрань, оставленную красными накануне, однако занять удалось лишь часть города, а затем красные отошли под натиском противника, но город сильно пострадал²⁷. Сам Харченко на станции Инза формировал штаб армии. Отметим, что наименование «армия» не вполне отражало реальную численность войск, и в тот период могло соответствовать лишь нескольким тысячам человек.

Политический комиссар армии О.Ю. Калнин вспоминал: «Боевой единицей считался у нас отряд, который состоял из 700–1000 красноармейцев. Во главе каждого отряда стоял начальник и его один или два помощника. Кроме упомянутых, равным счетом никакого другого командного состава не имелось. За глазами командира отряда и его помощников делалось все — как разгул, пьянство, грабеж, бегство во время боя. Сознательные красноармейцы в таких отрядах были мучениками. Даже в отрядах, в которых были организованы ячейки коммунистов, стояло дело не лучше. Все начальники отрядов были выборные, большинство из них были люди, которые не прошли даже военной службы, а потому о руководстве в боях не имели никакого представления и соответствующих понятий о военном деле. Требовались всесторонние меры также и от высшего командного состава, но это хромало и не стояло на своем месте. Не хватало умелого и твердого руководства»²⁸.

При Харченко отдельные красные отряды так и не превратились в единую армию, а из групп войск не возникли дивизии. За столь короткий срок это и невозможно. Тем не менее комиссар Калнин добился смещения Харченко за нераспорядительность. Преемником командарма стал другой партийный военспец, кадровый офицер М.Н. Тухачевский, впоследствии Маршал Советского Союза. Соответствующее решение еще 26 июня 1918 г. принял все тот же Муравьев.

²⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; *Наумов Е.О.* Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ... к.и.н. Саранск, 2017. С. 51.

²⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 467. Л. 101.

²⁸ *Калнин О.Ю.* Борьба на Восточном фронте // Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 72.

Летчик П.Н. Владимиров. Фото предоставлено М.А. Хайрулиным

Затем Муравьев забрал Харченко с собой в Уфу, где требовались энергичные действия. Там Харченко был назначен командующим 2-й армией. Это произошло, видимо, в силу кадрового дефицита и экстренных поисков надежного командующего, а также в связи с тем, что Харченко был достаточно давно лично известен Муравьеву. Официально назначение было проведено декретом РВС Восточного фронта № 10 от 3 июля 1918 г.²⁹, но, видимо, документ был подписан задним числом (после того как в штаб фронта из командировки в Оренбург вернулся член РВС П.А. Кобозев³⁰). Фактически Харченко командовал несколько дольше (как утверждал большевик Г.Н. Котов, «три или четыре дня»³¹). По-видимому, фактическое вступление в должность состоялось не позднее 29–30 июня, по прибытии в Уфу вместе с Муравьевым (уехавшего из города командарма Ф.Е. Махина они не застали, и первоначально Харченко считался его заместителем, когда же выяснилось, что Махин оказался изменником, Харченко получил полноценные права командарма). Политическим комиссаром при Харченко стал другой будущий перебежчик из числа красных командармов — В.В. Яковлев.

²⁹ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

³⁰ Чистов Б.Н., Жохов М.А. Посланец партии. Очерк военно-политической деятельности П.А. Кобозева на Восточном фронте (1918–1919 гг.). М., 1980. С. 36.

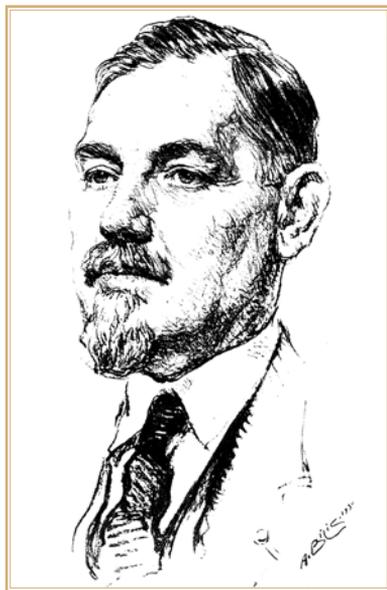
³¹ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году // Пролетарская революция. 1928. № 6–7 (77–78). С. 311.

2-я армия возникла в двадцатых числах июня 1918 г. в результате объединения уфимской и оренбургской групп войск. Штаб армии находился в Уфе. Первым командующим с 22 июня стал В.В. Яковлев, 26 июня его официально сменил Ф.Е. Махин (де-факто он командовал и ранее). Последний был тайным агентом эсеров в РККА и затем перешел на сторону противника, чем способствовал сдаче Уфы чехословакам и войскам Народной армии Комуча.

Обстановка в Уфимской губернии ярко обрисована в телеграмме председателя Уфимского губисполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов Б.М. Эльцина в Москву наркому продовольствия А.Д. Цюрупы от 27 июня 1918 г.: «Положение дел в губернии критическое. Чехословаки взяли Белебей. Их успех предрешен. Губерния объята войнами контрреволюции, деревни восстают, оружие в руках. Оперативный штаб и военком не дали определенных планов в борьбе, страшась ответственности, ссылаясь отсутствием полномочий. Официально неизвестно, кто командующий местным фронтом, фактически командует Махин по назначению Подвойского. Муравьев официальные телеграммы шлет только на имя Яковлева в качестве командующего. Узвленное самолюбие, нерешительность, неуверенность положения, бесчисленные штабы при отсутствии руководящего местного органа, дезорганизация управления, резкая ломка военного аппарата накануне военных действий, отсутствие руководящих указаний центра, неразработанность планов, безыдейность, неплановность военных действий — такова общая картина, отражающаяся на состоянии слабых организованных войсковых частей. Губисполкомом тщетно принимаются меры для улучшения воендел и военуправления. Катастрофа неизбежна, ставлю в известность»³².

На 28 июня 2-я армия включала три группы в районе Уфы, Златоуста и Оренбурга. Положение Уфы, оказавшейся почти отрезанной от советского центра, тогда было крайне сложным. Формирование армии сопровождалось неразберихой и многоначалием. Параллельно в Уфе работало антибольшевистское подполье. Участник тех событий большевик П.В. Гузаков вспоминал: «Отступлению 2-й армии из Уфы предшествовали нерешительные действия со стороны штаба, выразившиеся в том, что на дню они по несколько раз меняли свое решение: утром на заседании губисполкома штаб доказывал необходимость укрепления гор. Уфы, выставления тяжелой и легкой артиллерии, а на вечернем за-

³² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 203. Выражаю благодарность к.и.н. А.А. Симонову за предоставленные сведения.

Ф.Е. Махин. 1931 г. Рис. А.А. Билиса

седании губисполкома — необходимость сгрузить все на баржи и пароходы; и так продолжалось 3–4 дня подряд»³³. В такой обстановке и получил назначение Харченко.

Секретарь Уфимского губкома РКП(б) Г.Н. Котов вспоминал о Харченко, что это «был молодой человек высокого роста, здоровый парень с очень грубым, неподвижным и глупым лицом. Всем это резко бросалось в глаза. Кроме этого, он не умел связать пары слов, так что с ним трудно было даже разговаривать»³⁴. Одна из участниц заседания, большевичка Л.Н. Сталь, заподозрила в Харченко провокатора и требовала его арестовать, но ей не поверили.

В Уфе была паника, усугублявшаяся отсутствием связи со штабом фронта и растерянностью в связи с изменой командующего армией Махина. Шла эвакуация. Часть учреждений красные вывезли на пароходах по реке Белой, другая группа из Уфы отходила в горы.

Председатель Уфимского губисполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов Б.М. Эльцин в записке от 8 августа 1918 г. свидетельствовал о падении красной Уфы: «Падение Уфы было неминуемо... Среди лиц высшего военного командования... возникали постоянные трения, коллизии, тормозившие местную работу, царила полная несогласован-

³³ Цит. по: Егоров А.В. К вопросу об эвакуации большевиков из Уфы в июле 1918 года // Башкирский край: Сб. статей. Уфа, 1993. Вып. 3. С. 112.

³⁴ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 310.

ность, и неизвестно было, кто является ответственным руководителем военных действий против чехословаков... Военные подкрепления не присылались. Плана военных действий, общих руководящих указаний не было выработано. Время тратилось на митинги и на организацию помещений для целого ряда штабов еще не существующих армий, дивизий, полков и отдельных частей... Объявили, что командующим армией назначается Харченко, декретирует оборону Уфы, грозят при ослушании “уменьшением роста человеческого на одну голову”, едут в Чишмы, где по словам Харченко, указывают путь отступления советским (войскам) полкам, стоящим в Чишмах, на Бугульму и велят снять орудия с Уфимских позиций. Прodelавши все это в течение 4–5 часов, они быстро уезжают из Чишмов по Волго-Бугульминской ж[елезной] д[ороге]. Возвратившийся Харченко смещает Блохина с занимаемого им места, назначив комендантом Уфы Амурского.

На другой день наши войска, увидя приближающихся к Чишмам чехословаков, стали разбегаться из Чишмов и прибывать в Уфу. Все перемешалось. Губисполком предлагает перейти к выполнению плана организованного отступления: часть в горы, часть по реке, и в ту же ночь (с 3 на 4 июля) вместе с военными властями оставляет Уфу. Харченко скрывается неизвестно как и куда. Мы успеваем вывезти все ценности, денежные знаки, все хлебные запасы, всю мануфактуру, портим телеграфный аппарат, снимаем с паровозов наиболее важные части, без которых затруднено передвижение, уводим все пароходы, баржи, снимаем конторки. Прибываем в Бирск»³⁵.

4 июля 1918 г. противники большевиков заняли Уфу без боя, причем некоторые горожане встречали новую власть с цветами³⁶. Военный летчик штабс-капитан П.Ф. Петров, служивший в июне 1918 г. у красных в Уфе, сообщил в своих показаниях белым 25 января 1919 г., что отправил к чехословакам летчика, а затем 4 июля, в день падения Уфы, сумел перебросить к ним 33-й корпусной авиаотряд в составе 11 аэропланов. Летчики были связаны с антибольшевистским подпольем. В итоге отряд вошел в состав Народной армии Комуча³⁷.

В тот же день в районе Уфы³⁸ на сторону противника перелетел летчик П.Н. Владимир, а с ним и пассажир, которым был командарм

³⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 464. Л. 35–37.

³⁶ Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея: Записки военного комиссара. М., 1969. С. 19.

³⁷ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58 об.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 307. Л. 124.

М.Н. Тухачевский

Харченко. С собой командарм захватил оперативные карты и крупную сумму денег — по разным данным, два или три миллиона рублей³⁹ (сам Харченко называл намного меньшую сумму в 700 тыс.–800 тыс. руб.). По-видимому, вред от измены Харченко был несущественным, но последовательные измены двух командующих армией подряд предопределили сдачу красными Уфы и, несомненно, отразились на моральном духе советских войск. Большевик Г.Н. Котов возмущался изменами Махина и Харченко: «Хорошее дело: один в автомобиле, другой на аэроплане — и все к учредилловцам!»⁴⁰ По решению совещания, состоявшегося 4 июля на пароходе «Сармин», 2-ю армию возглавил большевик В.Н. Блохин⁴¹.

Вновь оказавшись у красных летом 1919 г., Харченко пытался представить свой перелет к противнику как похищение антибольшевистски настроенным летчиком: «При перелете на аэроплане на Бугульминскую дорогу летчик Владимиров сел на Самаро-Златоустовскую ж[елезную] д[орогу]»⁴². А на другом допросе свидетельствовал менее определенно,

³⁹ Гужвенко Г.И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941. С. 69; Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 311.

⁴⁰ Котов Г.[Н.] Партийная и советская работа в Уфе в 1918 году. С. 311.

⁴¹ Выражаю благодарность к.и.н. А.А. Симонову за предоставленные сведения.

⁴² ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1. Л. 202.

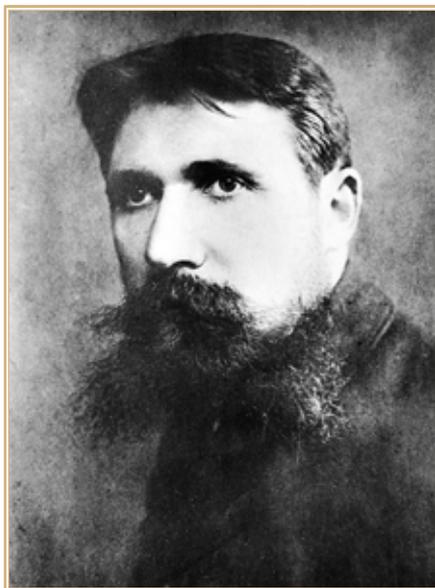
что при эвакуации Уфы решил перелететь на Бугульминскую дорогу к отряду, двигавшемуся на станцию Чишмы, чтобы его возглавить и препятствовать занятию противником Бугульмы и Симбирска. Летчик же опустился у станции Раевка, занятой чехословаками, причем при встрече даже обнялся с чешским командующим С. Чечekom.

Последний устроил в театре для своих бойцов настоящее представление с участием Харченко: пленного красного командарма выводили на сцену и показывали толпе, из которой доносились призывы казнить захваченного красного военачальника. Пленный побывал в Челябинске и Самаре, сидел в тюрьме, откуда бежал 18 июля и попал к красным, оказавшись в штабе Восточного фронта в Казани. Однако вслед за этим произошло его повторное пленение, так как 7 августа 1918 г. части Народной армии и чехословаки заняли Казань. Сложно сказать, насколько достоверны признания Харченко о двух эпизодах пленения, поскольку могло быть и так, что он как раз стремился попасть к противникам большевиков.

После повторного захвата неудачливого командарма белые отправили в Сибирь. Если верить его показаниям, он содержался в Омске и Иркутске, по дороге в Якутск бежал, скрывался в Иркутской губернии, отправился в Харбин, а 10 октября добрался до Владивостока. Жил в селе Спасском Иманского уезда Приморской области, где примкнул к коммунистической организации, боровшейся с японскими интервентами. После разгрома организации перебрался в Китай, затем вернулся в Сибирь и добрался до Тюмени. Там по подложным документам поступил на службу рядовым, а в Екатеринбурге был зачислен во 2-й Егерский полк 18-й Сибирской стрелковой дивизии III Степного Сибирского корпуса, представив фальшивые документы капитана. На Урале Харченко в мае 1919 г. также побывал в Воткинске и Ижевске.

У белых некий капитан Харченко даже дал интервью, опубликованное в омской газете «Наша заря»⁴³ и упоминавшееся в деле командарма-перебежчика: «Сотрудник «Ен[исейского] в[естника]» имел беседу с приехавшим в Красноярск с Енисейского фронта кап[итаном] Харченко, со слов которого передает, что восстание в Енисейске началось среди рабочих, к ним присоединились дезертиры и некоторые части гарнизона. Мятежниками была взята тюрьма и освобожден преступный элемент. В городе начались аресты капиталистов, казаков и офицеров. Образовался совдеп и революционный трибунал.

⁴³ Там же. Т. 3. Л. 101.

М.И. Лацис

Население не сочувственно отнеслось к перевороту, но вынуждено было послать своих представителей в советские организации для принятия мер к прекращению грабежей, ввиду этого в состав их вошли более умеренные партии. Уголовный элемент почувствовал это и бросился в деревни уезда для распространения своего влияния и господства, где начались грабеж крестьянских хозяйств, реквизиция и принудительные наборы мужского населения в банды красных. У крестьян отбирались даже овес, сено и угонялись подводы с лошадьми. В деревне большевики распространяли ложные слухи и заставляли крестьян присоединяться к ним, угрожая в противном случае запретить покупку хлеба в с. Тасеевом, что и послужило причиной принудительного подчинения мятежникам, так как Енисейский уезд экономически зависит от этого хлебного района.

Енисейск был окружен правительственными войсками, которые уже ведут с красными бой. Войсками занята д. Верхне-Пашенская, находящаяся в 7 в[ерстах] от Енисейска и с. Заледеево. Остальные части уезда от большевиков уже очищены. Крестьяне с радостью встречают войска и оказывают им всевозможную поддержку. Большую помощь войскам принесли военные отряды мятежников. Красные не выдерживают долгого боя и при отступлении бросают все свое снаряжение.

В Каргино и Маклаково у них были устроены окопы и укрепления из кирпичей, кап[итану] Харченко, находившемуся со своим отрядом в с. Казачинском во время получения известия о восстании в Енисей-

ске, первому⁴⁴ пришлось столкнуться с мятежниками и задерживать с 37 солдатами наступление 200 человек красных, пока не подоспела помощь.

Теперь, как сообщает «Ен[исейский] в[естник]» из официального источника, Енисейск освобожден от банд и в нем водворен порядок⁴⁵. Сложно сказать, являлся ли интервьюируемый тем самым бывшим красным командармом или это был однофамилец, однако газета с интервью хранилась в чекистском следственном деле Харченко, а позднее была передана в спецкабинет 7-го отделения Учетно-статистического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД⁴⁶. Интервьюируемый предстает активным сторонником белых, одним из руководителей борьбы с красными партизанами, а никак не тайным или явным большевиком.

Затем Харченко, к удивлению многих, вновь попал к красным. Советское командование считало его военнопленным, сам же бывший командарм именовал себя перебежчиком. Александр Игнатьевич утверждал, что перешел линию фронта по своей инициативе 30 мая 1919 г. на участке 4-го Петроградского полка, причем ехал навстречу красным верхом. Как отмечал следователь Я.Я. Фогель, «Харченко был арестован разведчиками при переходе фронта к красным, причем первоначально, до установления его личности знающими его людьми, давал сбивчивые показания»⁴⁷.

Пленного сначала доставили в штаб 2-й армии Восточного фронта к командующему В.И. Шорину. Это была та самая армия, которой перебежчик командовал годом ранее. Обстоятельства нового появления Харченко у красных неизвестны, поэтому сложно сказать, на что он рассчитывал, возвращаясь к тем, от кого бежал ранее.

6 июня Харченко допросили в разведывательном отделении штаба армии. Из опроса, наряду с другими сведениями, выяснилось, что командарм Ф.Е. Махин, бежавший к противнику летом 1918 г., был внедрен в РККА с подрывными целями. Затем арестованного отправили с ответственным конвоиром И. Сухановым в Реввоенсовет фронта. В сопроводительном документе, датированном 9 июня, командарм Шорин и член

⁴⁴ Так в тексте.

⁴⁵ Около Енисейска // Наша заря (Омск). 1919. № 50. 07.03. С. 4. Выражаю глубокую благодарность Н.С. Храповой за возможность ознакомиться с этим номером газеты из библиотеки Исторического архива Омской области.

⁴⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 14 об.

Я.Я. Фогель

РВС А.К. Сафонов отмечали, что «будучи отлично осведомлен о том, что делается на стороне белых, Харченко на предлагаемые ему вопросы по содержанию вышеприведенного факта [о своем бегстве из РККА в 1918 г.] давал сбивчивые и уклончивые ответы, когда же личность его была удостоверена хорошо знающими всю эту историю лицами, то сознался, хотя объясняет факт перелета своего на сторону белых (чехов) не умышленным своим желанием скрыться, а насильем летчика, который вместо того, чтобы доставить его на Волго-Бугульминскую дорогу, привез к противнику.

Считая Харченко важным государственным преступником, как несомненного видного белогвардейского шпиона, Революционный военный совет полагает необходимым обратить на него сугубое внимание»⁴⁸.

17 июня Харченко из Особого отдела Восточного фронта направили в Особый отдел ВЧК в Москву⁴⁹. Он содержался в Бутырской тюрьме. Появлением в Советской России такой фигуры интересовалось даже управление делами Реввоенсовета Республики, обратившееся в Особый отдел ВЧК по поводу того, в чем обвиняли Харченко⁵⁰. В ответ сообщая-

⁴⁸ Там же. Т. 3. Л. 108.

⁴⁹ Там же. Л. 102.

⁵⁰ Там же. Л. 100.

лось, что бывшего командарма обвиняли в шпионаже и в умышленном переходе к противнику с 2 млн народных денег⁵¹.

Расследование вел следователь по особо важным делам Я.Я. Фогель — впоследствии советский генерал, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. Фогель был примерно на год младше Харченко. Участвовал в расследовании и работавший тогда в Особом отделе ВЧК знаменитый чекист А.Х. Артузов⁵². В регистрационном бюро при ВЧК, куда Фогель в июле 1919 г. направил запрос, сведений о Харченко не оказалось⁵³.

В деле имелись показания колчаковской разведчицы, 17-летней Г.Н. Норкиной, которая в июне 1919 г. сообщила, что знала от начальника контрразведки белых, что некий Харченко был при штабе 3-й армии белых и являлся бывшим красноармейцем (т.е. лицом, служившим в РККА). «По наружности он низенького роста, черные волосы и черные усы», — свидетельствовала Норкина⁵⁴. Интересно, что такое описание было прямо противоположно тому, что описал большевик Котов, по свидетельству которого Харченко — высокий и здоровый парень. На следующий день Норкина сообщила: «С Харченко я не знакома. Его видела один раз. Его проводили мимо окна кабинета начальник[а] контрразведки для того, чтобы потом мы могли его узнать. Я его хорошо не заметила, но все-таки знаю: ему на вид лет 22–23, среднего роста, черненький, черные усы носит по-английски (концы бритые), лицо, кажется, продолговатое, фуражка защитного цвета, в сапогах. Мне начальник контрразведки говорил, что он первый работник в отделении. Про него говорили служащие в контрразведке, что он перебежчик от красных, то же самое говорила мне и дочь начальника. Определенно сказать, когда он перебежал, не могу, но, кажется, месяц тому назад. Работает при штабе 3[-го] Уральского корпуса»⁵⁵.

Если это свидетельство верно, получалось, что Харченко активно сотрудничал с белыми, однако Норкина путалась в показаниях по поводу примет Харченко.

Было и благоприятное для Харченко свидетельство. Так, один из разведчиков Особого отдела 3-й армии сообщал, что, будучи в Иркутске, он слышал, что в иркутском районе действовал партизанский по-

⁵¹ Там же. Л. 100 об.

⁵² Там же. Л. 99.

⁵³ Там же. Л. 98.

⁵⁴ Там же. Т. 1. Л. 205.

⁵⁵ Там же. Л. 204.

встанческий отряд Харченко⁵⁶, что отчасти совпадало с показаниями последнего.

В июле 1919 г. Особым отделом Восточного фронта был составлен список соучастников Харченко. В него вошли начальник инспекторской части 5-й армии Смирнов, укрывавший Харченко; курсант (видимо, слушатель ускоренных курсов) Академии Генштаба Блохин, считавшийся близким приятелем Харченко и подозревавшийся в измене при сдаче Уфы в 1918 г. (речь шла о командарме В.Н. Блохине, который на самом деле к Академии Генштаба отношения не имел); а также Хлебников, имевший «темные связи с Харченко»⁵⁷. По имеющимся сведениям, в июне 1918 г. Хлебников являлся начальником отрядов Самарской группы при Харченко.

У следователя Фогеля вызывали вопросы интервью Харченко о борьбе с партизанским движением, сведения о нем как о белом контрразведчике и сбивчивость его первоначальных показаний. По оценке следователя, «несмотря на то, что проверить многие факты не представляется возможным, данные действия гр[ажданина] Харченко являются крайне подозрительными»⁵⁸. Правда, он отмечал, что фамилия арестованного достаточно распространена. В итоге Президиум ВЧК 26 сентября 1919 г. приговорил бывшего красного командарма к расстрелу как белогвардейца⁵⁹. По-видимому, приговор тогда же привели в исполнение. Так закончилась недолгая жизнь красного командарма, не лишённого авантюризма. 23 сентября 2003 г. Харченко и другие репрессированные по этому делу были реабилитированы военным прокурором Приволжско-Уральского военного округа⁶⁰.

Ниже впервые публикуются два протокола допросов Харченко, позволяющие читателям составить собственное представление о деятельности этой исторической фигуры. Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. В комментариях все даты по истории России до февраля 1918 г. указаны по старому стилю.

⁵⁶ Там же. Т. 3. Л. 95–95 об.

⁵⁷ Там же. Т. 1. Л. 17.

⁵⁸ Там же. Л. 14 об.

⁵⁹ Там же. Л. 214.

⁶⁰ Там же. Л. 211, 220, 243.

№ 1

Опросный лист А.И. Харченко. 6 июня 1919 г.

Разведывательное отделение штаба 2-й армии Восточного фронта
6 июня 1919 г.

Опросный лист

Военнопленного (перебежчика от белых) штабс-капитана Харченко Александра Игнатьевича (служившего ранее в Красной армии), правосла[вного], 23 лет, Киевской губ., местечка Корсунь, который дал следующие показания:

«Я служил в Красной армии в качестве командующего 1-й армией на Украине и на Восточном фронте в качестве командующего при формировании 2-й армии. Коммунист полтавской организации с декабря месяца 1917 года. Попал в плен к белым 6 августа 1918 г. в Казани во время занятия таковой. Белые меня взяли как заложника, а потому и не расстреляли. На 3-й день меня отправили в Омск, по прибытии в Омск 29 августа нас, человек 500, отправили в иркутскую тюрьму, по дороге удалось убежать и первое время скрывался в Иркутской губ., потом решил перебраться во Владивосток, куда и прибыл 10 октября 1918 г. Владивосток был занят союзными войсками, и я задержался в селе Спасском Иманского уезда, затем пробрался во Владивосток и попал там в организацию коммунистов, председателем организации Мухин, Суханов, Пталич, Краснощеков и вместе с общими силами делали восстания и 8 января разбили японцев. 25 000 прямо уничтожено, до сих пор существует фронт, отступающий на гор[ы?] и реку Зея. Я командовал Приморской областью, но мы оказались разбитыми, и я перебрался на этот фронт к Колчаку⁶¹. Когда пробирался на фронт, то по пути пришлось наблюдать следующую картину: около станции Ключвино до Красноярска гор[од] Енисейск и Канск занимают советские войска под командой (фамилию не знаю), но один подполковник, а начальник штаба — подъясаул. Всего в Сибири имеется два фронта по правую и левую сторону жел[езной] дороги, наступать не наступают ввиду того, что если наступать, то необходимо обеспечить тыл, так что нужно иметь солидный гарнизон, которым располагать нет возможности и поэтому задачи таковы: портить железную дорогу и часто бывают партиями стычки, снимают караул, который состоит из чехов. Задачи в данное время чехов таковы: они сняты с боевых постов армии

⁶¹ Александр Васильевич Колчак (04.11.1874–07.02.1920) — адмирал, Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий.

и расставлены по железной дороге охранять от Омска до Иркутска, дабы обеспечить тыл Колчака. По прибытии в Екатеринбург у меня имелось 5 штук документов разных видов: и офицера, и солдата, и военнопленного, и рабочего, так что я по приезду в Тюмень явился к воинскому начальнику и поступил рядовым, а по приезду в Екатеринбург по документу капитана получил назначение на фронт во 2-й Егерский полк. Отправился на фронт и прибыл в Ижевск, потом съездил поинтересоваться в Воткинск, в Ижевск я приехал 16 мая, а в Воткинск — 17 мая. В Воткинске завод работает, а в Ижевске — нет, только идет кое-какой маловажный ремонт. Назначение же мое прошло следующим порядком: по прибытии в Екатеринбург [в] 3-й Сибир[ский] Степной корпус под командой Вержбицкого⁶² меня назначили в 18-ю Сибирскую дивизию, а 18-я дивизия — в[о] 2-й Егерский полк.

В марте месяце в Семиречинске⁶³ вспыхнуло восстание, которое до сих пор еще существует. Из отряда Анненкова⁶⁴ два Ташкентские полка перешли на сторону восставших, кроме того, громадное восстание на Алтае, в котором советских войск около 25 000 человек под командой Муравьева⁶⁵. У Колчака флотилия в данное время работает на реке Каме, количество судов не знаю, в Перми и Екатеринбурге находятся радиотелеграфы. В Иркутске видел два аэроплана и на фронте тоже два. Артиллерии очень немного, которая все время маневрируется по фронту. Вооружение Колчак большинство получил при отступлении Красной армии, а также были привезены зимой союзниками 10 мил[лионов] патрон[ов]. 1-й Степной⁶⁶ корпус находится по жел[езной] дор[оге] по направлению Вятка под командой генерала Пепеляева⁶⁷, всего четыре дивизии: 1) Пермская дивизия, 2) Воткинская дивизия, 3) 1-я Сибирская и 4) 2-я Сибирская дивизии. В каждой дивизии по четыре полка, на дивизию по 160 человек кавалеристов. 3-й Степной корпус находится по направлению Малмыж — Вятские поляны со следующими дивизиями: 1) 7-я дивизия под командой Вержбицкого имеет полки: 25-й, 26-й,

⁶² Григорий Афанасьевич Вержбицкий (25.01.1875–20.12.1942) — генерал-лейтенант. Командующий III Степным Сибирским армейским корпусом Сибирской армии.

⁶³ Правильно — в Семиречье.

⁶⁴ Борис Владимирович Анненков (09.04.1889–24.08.1927) — генерал-майор. Начальник Сводной партизанской имени атамана Анненкова дивизии.

⁶⁵ О каком восстании идет речь, неизвестно.

⁶⁶ Правильно — I Средне-Сибирский армейский корпус.

⁶⁷ Анатолий Николаевич Пепеляев (03.07.1891–14.01.1938) — генерал-лейтенант. Командир I Средне-Сибирского армейского корпуса.

27-й и 28-й. 2) 18-я дивизия под командой Козенкранца⁶⁸ со следующими полками: 1-й и 2-й штурмовые и формируются из мобилизованных 1-й и 2-й Егерские полки под командой Смолина⁶⁹. 3) 4-я дивизия: 13-й, 14-й, 15-й и 16-й полки.

4-й Степной корпус со следующими дивизиями и полками: в 15-й дивизии: 57-й, 58-й, 59-й и 60-й полки. В 3-й Иркутской дивизии: 9-й, 10-й, 11-й и 12-й полки.

Все вышеуказанные корпуса считаются Сибирской армии под командой Гайда⁷⁰ и Богословского⁷¹.

Группа Капеля⁷² работает на уфимском направлении, все солдаты его обмундированы в английскую форму.

Уральский корпус Голицына⁷³, по поводу его сказать ничего не могу.

В Екатеринбург прибыл в первых числах мая месяца. В смысле оперативном сказать ничего не могу, но в Ижевске старались держаться, потому что тут у них есть военные припасы, получаемые в Ижевске через Гольяны. Между Воткинским и Ижевским поезда ходили, постоянный ходил один раз в сутки, так что они держались, чтобы успеть вывезти все обратно. Я уверяю наверное⁷⁴, что снарядов и патронов у них в данное время не поступает ни откуда и что имеется, допустим, артиллерия, появляется в разных местах, то она прибывает с разных фронтов, а часть вырабатывает Мотовилихинский завод, а ремонт пулеметов, винтовок и замков для орудий производится в ижевских мастерских, поэтому тут должно быть сопротивление. Я видел приказ, что некоторые дивизии разбиты и неоткуда получать пополнение.

Намерения противника: всего скорей поведут отступление не на Воткинск, а прямо на Оханск, ввиду того, что если идти на другой берег

⁶⁸ Правильно — Казагранди. *Николай Николаевич Казагранди* (28.10.1886–17.07.1921) — полковник. Начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии.

⁶⁹ *Иннокентий Семенович Смолин* (в различных документах — Муттерпер, Муттерперль Иннокентий Константинович) (01.01.1884–23.03.1973) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант). Начальник 4-й Степной Сибирской стрелковой дивизии.

⁷⁰ *Радола Гайда* (14.02.1892–15.04.1948) — генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией.

⁷¹ *Борис Петрович Богословский* (23.06.1883–18.07.1920) — генерал-майор. Начальник штаба Сибирской армии.

⁷² *Владимир Оскарович Капель* (16.04.1883–26.01.1920) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант). Командир I Волжского армейского корпуса.

⁷³ *Владимир Васильевич Голицын* (09.07.1878–12.1919?) — генерал-лейтенант. Командир III Уральского армейского корпуса.

⁷⁴ В прежнем значении слова — наверняка.

Камы, то не успеть выбраться войскам, и флотилия не дала бы переправляться, и они должны потерять фронт, при потере Ижевска некоторые могли бы держаться, но если не удержатся, то легко можно гнать до Перми, хотя против 3-й армии они дают еще некоторые сопротивления. Разведка у белых поставлена на первом плане, центр разведки находится в гор. Омске, во главе разведки стоит какой-то генерал-юрист (фамилию не знаю). Денег на разведку не жалеют, в разведке работает большинство женщин и стариков и часть красноармейцы, и вся старая жандармерия, так что все силы обращены на разведку.

Партийную жизнь правительство не признает. Был случай в гор. Челябинске, [когда] городской голова и председатель Земской управы не вышли встречать Колчака по прибытии его на вокзал, то таковые были посажены на шесть лет в тюрьму, и вообще партийная жизнь преследуется очень строго. Большинство рабочих в занятых белыми местностях, где находились ранее красные, то большинство из рабочих имеют привязанность к Советской власти. Относительно флотилии, то таковая имеет укрепления, т.е. броню от ружейных пуль, а от артиллерии не выдержит. Судов приблизительно в ходу 17 штук. Самая громадная база снабжения идет через Пермь. 27 мая прибыли в Ижевск два орудия — одна 8 дм., другая — 6 дм., которые остались в Ижевске.

Газеты: “Сибирская армия” и “Отечественные ведомости” выходят в Екатеринбурге, в Омске выходят “Заря”, “Наша заря”. Более политическая газета “Отечественные ведомости”.

Заметка в “Красном воине”⁷⁵ от 7 июня о покушении на Семенова⁷⁶, посланная Колчаком, [“]я уверяю, что покушение было на Семенова из партии коммунистов в читинском городском театре одним из членов подпольной организации (по словам Харченко), было поручено одному рабочему жел[езной] дор[оги] и казаку Забайкальского войска, что и было сделано 19 января 1919 г. Брошено две бомбы, одна не разорвалась, а другая разорвалась и ранила Семенова осколками в ноги и по телу нанесено несколько ран, но остался жив”⁷⁷.

⁷⁵ «Красный воин» — газета политотдела РВС 2-й армии Восточного фронта (1918–1919).

⁷⁶ Григорий Михайлович Семенов (13.09.1890–30.08.1946) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант), Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска.

⁷⁷ Речь идет о событиях 20 декабря 1918 г., когда в ложу Читинского театра, в которой находился атаман Г.М. Семенов, было брошено две бомбы. Семенов был легко ранен в ногу. Организаторами покушения были эсеры-максималисты. Основных участников покушения казнили.

Дополнительный опрос: «Командовал я 1-й армией до 1 июля [1918 г.], потом меня вызвали в Военно-революционный совет Вост[очно-го] фронта в г. Симбирск члены совета Кобозев⁷⁸, Муравьев⁷⁹ и Благонравов⁸⁰. Я явился и меня назначают на Уфу, потому что таковая находилась в опасном положении с двух сторон. В Уфу прибыл совместно с членами Революционного совета. По прибытии было созвано совещание с местными властями во главе с Военно-революционным советом Восточного фронта. После совещания Революционный совет хотел ехать в Симбирск по железной дороге, но таковая была перерезана чехами, поэтому ему пришлось уехать на пароходе в Казань, уполномочив меня эвакуировать все, а защиту Уфы уполномочили на мое усмотрение, в случае оставления Уфы я лично должен был перелететь на аэроплане на Бугульминскую дорогу к отряду, который был послан с бронированным поездом “имени Ленина” по направлению станции Чишмы и должен командовать этим отрядом до прибытия новых отрядов, дабы не дать возможности противнику занять Бугульму и Симбирск. После отправки из Уфы пароходов я отправился на разъезд Чуваши в сторону Златоуста, где стоял авиационный отряд. В отряде взял один аэроплан с летчиком Владимировым⁸¹ и направился лететь на Бугульминскую дорогу, но вместо того летчик опустил ближе к Уфе около станции Раевки. Со мной были карты и 700 000 или около 800 000 руб. денег. На этой станции при спуске аппарата находились чешские солдаты. Когда летчик вылез из аппарата, то с распростертыми объятиями поздоровался с начальником дивизии поручиком Чечек⁸². Забрали все мои документы, дела, оружие и деньги и посадили в вагон III класса и начали с угрозами расстрела производить

⁷⁸ *Петр Алексеевич Кобозев* (13.08.1878–04.01.1941) — советский государственный деятель, член РВС Восточного фронта.

⁷⁹ *Михаил Артемьевич Муравьев* (13.09.1880–11.07.1918) — бывший подполковник, военный специалист РККА, командующий Восточным фронтом.

⁸⁰ *Георгий Иванович Благонравов* (06.05.1896–16.06.1938) — советский государственный деятель, член РВС Восточного фронта.

⁸¹ *Павел Николаевич Владимиров* (13.05.1896–16.10.1918) — прапорщик, военный летчик. Служил в 33-м корпусном авиаотряде, перелетел от красных 04.07.1918. Погиб в бою у станции Шамары, став первой жертвой Гражданской войны в воздухе (*Хайруллин М.А., Кондратьев В.И.* Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 76–77). Выражаю глубокую благодарность М.А. Хайрулину за предоставленные сведения.

⁸² Здесь и далее в документе ошибочно — Чечик. *Станислав Чечек* (13.11.1886–29.05.1930) — офицер Чехословацкого корпуса, полковник (впоследствии — генерал-майор). Произведен в полковники из поручиков. Командующий пензенской группой Чехословацкого корпуса. При продвижении группы на восток руководил взятием Самары и Уфы.

опрос в случае неправильных моих показаний. До опроса мне было заявлено, что к ним явился [под]полковник Генерального штаба Махин⁸³, перешедший к ним с несколькими членами штаба. При опросе мне сказали, что наши аэропланы обслуживали их, а Махин был специально послан к Подвойскому⁸⁴. После допроса вместе со штабом был отправлен в Уфу арестованным. После вступления чехов в Уфу было вечером собрано собрание в Богородск[ом] театре, ехал поручик чешской дивизии Чечек и взял меня с собой, держали за сценой, а Чечек вышел на сцену и был встречен бурными приветствиями, на котором⁸⁵ Чечек указал, что взятие Уфы было при посредстве [под]полковника Махина и сказал, что Махин доставил живым командующего армией Харченко, при этом вызвал меня на сцену и рекомендовал меня как главнокомандующего советскими войсками и личным адъютантом Муравьева. Он сказал, что чехи знают меня еще с Украины, публика кричала, чтобы меня немедленно расстрелять. Меня сейчас же увели обратно в специальный вагон, где были видные деятели гор[одов] Самары, Бузулука, Пензы и Сызрани. Дня через два отправили в Челябинск. В Челябинске привели в Чешский совет, в котором нас объявили заложниками, потом отправили в Самару и здесь поместили в тюрьму, держали свободно, давали ходить по городу в сопровождении часовых. В Самаре продержали до 18 июля. Из Самары я бежал по направлению на Бугульминскую дорогу, по дороге встретил еще несколько человек, не доходя до Бугульминской дороги верст 10 решил переправиться через Волгу около дер. Новодевич, потом попал к своим в Инзенскую дивизию, откуда отправился в штаб Восточного фронта, который находился в Казани, первоначально и отправился к Лагтысу⁸⁶, у которого прожил несколько дней, где сделал доклад и сдавал отчетность. Тут же была взята Казань, и я вновь был арестован и отправлен в Сибирь».

⁸³ Федор Евдокимович Махин (15.04.1882–03.06.1945) — бывший подполковник, военный специалист РККА. Внедрен в РККА по заданию партии эсеров. Командующий 2-й советской армией (26.06–03.07.1918). В начале 07.1918 сдал Уфу чехословацким войскам полковника С. Чечека и перешел на сторону Народной армии Комуча.

⁸⁴ Николай Ильич Подвойский (04.02.1880–28.07.1948) — советский государственный деятель. Председатель Высшей военной инспекции.

⁸⁵ Так в документе.

⁸⁶ Так в документе. Правильно — Лацису. Мартын Иванович Лацис (16.12.1888–20.03.1938) — председатель ЧК и военного трибунала 5-й армии Восточного фронта. Следователь Я.Я. Фогель запросил подтверждение М.И. Лациса на этот счет (ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1. Л. 14).

*Опрос производ[ил] сотр[удник] развед[ывательного] отд[еления],
подпись неразборчива]*⁸⁷

**ЦА ФСБ, Д, Р-49582. Т. 1. Л. 199–200. Подлинник. Машино-
пись. Печать комиссара разведывательного отделения штаба
2-й армии.**

№ 2

Протокол допроса А.И. Харченко. 14 августа 1919 г.

Дело № 1897

Протокол допроса Харченко Александра Игнатьевича 1919 года августа месяца 14 дня военный следователь Особого отдела ВЧК Фогель⁸⁸ допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, причем по удостоверении в его самоличности допрашиваемый на предлагаемые вопросы показал:

1. Фамилия, имя и отчество[:] Харченко Александр Игнатьевич
2. Возраст[:] 22 г[ода]⁸⁹
3. Место рождения[:] мест[ечко] Корсунь⁹⁰ Киевск[ой] губ.
4. Родной язык[:] украинский
5. Настоящее местожительство[:] Нет определенного местожительства
6. Постоянное местожительство[:] Мест[ечко] Корсунь
7. Семейное положение[:] Холостой
8. Какое получил образование или вообще знает грамоту[:] Студ[ент] Киевск[ого] ком[мерческого] инст[итута]
9. Занятие или ремесло (специальность)[:] военный
10. Должность[:] команд[ующий] 2[-й] арм[ией]
11. Чем занимался до революции[:] Учился и служ[ил] на воен[ной] с[лужбе]
 1. Февральской[:] Служ[ил] на воен[ной] служ[бе]
 2. Октябрьской[:] Команд[овал] отрядами против к[онтрреволюционеров?].

⁸⁷ Карандашная надпись на обороте: Будет отпр[авляться] дело Харченко, присоедините к делу Харченко.

⁸⁸ Ян Янович Фогель (24.12.1898–09.07.1944) — следователь по особо важным делам Особого отдела ВЧК.

⁸⁹ В предыдущих показаниях указывал 23 года.

⁹⁰ В документе ошибочно — Корьсунь.

12. Классовая принадлежность[:] Крестьянин
 13. Партийная принадлежность[:] Коммунист (без бил[ета]). Повт[орная] р[егистрация].
 14. Состоит ли в каких организациях (профессиональных и пр[очих])[:] Нет
 15. Отношение к воинской повинности[:] Служу в Красн[ой] армии
 16. Бывшее воинское звание[:] Штабс-капитан
 17. Отношение к обвиняем[ым] по настоящему делу[:] Арест[ован] Особ[ым] отд[елом] Вост[очного] фр[онта].
 18. Прежняя судимость[:] Не судим
- Отец мой крестьянин, имеет здес[ь] земли, два дома. Капиталов никаких не имеет, проживает в м. Корсунь⁹¹.

В 1913 г. поступил в Киевский коммерческий институт. По объявлении войны Германии поступил добровольно на военную службу и был зачислен в 10[-й] гусарский Ингерманландский полк, сперва вольноопределяющим[ся], потом держал экзамен на прапорщика кавалерии. В феврале 1915 г. поступил в Виленское военное училище, окончил в июле или в августе 1915 г., потом служил в том же полку в качестве младшего офицера. В феврале 1916 г. перевелся в 9[-й] гренадерский Сибирский полк в качестве ротного командира. Был ранен 3 раза. Февральская революция меня застала в лазарете Кр[асного] Кр[еста] в Прокурове. После выздоровления был отправлен в распоряжение дежурного генерала 11[-й] армии, находился в резерве чинов, был отправлен в гор[од] Серет в распоряжение штаба 34[-го] корпуса во главе с командиром Скоропадским, был назначен в 57[-ю] дивизию адъютантом по строевой части. С штаба дивизии в апреле 1917 г. был делегирован в Киев на съезд, вернулся обратно [в] часть и скоро был откомандирован в 4[-й] зап[асный] Украинский полк; служил в качестве ком[андира] баталиона и был членом полкового комитета, впоследствии председателем и во время выборов командного состава был выбран ком[андиром] полка. После этого поехал в Петроград с целью поступить в академию⁹² ...в сентябре м[есяце] 1917 г., но так как уже в Петрограде готовилось восстание, то в академию я не поступил. Во время октябрьского переворота я принимал самое горячее участие против Керенского⁹³ под

⁹¹ В документе ошибочно — Корсунь.

⁹² Далее край листа с частью текста документа утрачен.

⁹³ Александр Федорович Керенский (22.04.1881–11.06.1970) — министр-председатель Временного правительства.

Гатчином⁹⁴, приехал вместе с Муравьевым⁹⁵, Антоновым⁹⁶, Егоровым⁹⁷ и др[угими] в Москву. Из Москвы поехали на Украину и Дон, где я командовал 1[-й] Украинской армией. Главнокомандующим на Украине был назначен Муравьев, а Антонов — Верх[овным] главкомом. Когда немцы заняли Украину, я с армией отступил на Кавказ, был ранен, сдал армию и приехал в Москву. Документ о сдаче армии от Центр[ального] исполн[ительного] ком[итета] Северн[ого] Кавказа сдал Антонову-Овсеянникову⁹⁸. После выздоровления был назначен командующим 1[-й] арм[ией] Восточного фронта, каковую я сформировал из отдельных отрядов Мясникова⁹⁹. 1-й армией я командовал до июля 1918 г., потом был назначен формировать 2[-ю] армию, формирование не кончил, был вызван в Уфу, где при перелете на аэроплане на Бугульминскую дорогу летчик Владимиров сел на Самаро-Златоустовскую ж[елезную] д[орогу]. Подробно см. в протоколе допроса Особ[ого] отд[ела] Вост[очного] фронта. Вторично белые меня арестовали при взятии Казани 7 августа 1918 г. (первый раз 4 июля 1918 г.); был отправлен в Омск, где сидел в тюрьме 2 недели и вместе с другими политическими заключенными был переведен в якутскую тюрьму. По дороге в Якутск я сбежал, 3 или 4 дня скрывался в Иркутске, достал солдатские документы от наборщика типографии тоже в Иркутске, фамилию его не знаю. Так как не представлялась возможность перебр[а]ться через Сибирь в Россию, то я отправился на Дальний Восток, воспользуясь¹⁰⁰ эшелонами¹⁰¹ скопившихся пассажиров. Приехал в Харбин, пробыл дней 5-6 и нашел связь с подпольными коммунистами. Партийная подпольная организация отправила в Спасское Иманского уезда При-

⁹⁴ Правильно — Гатчиной. Речь идет о так называемом походе Керенского — Краснова на Петроград — наступлении частей III кавалерийского корпуса генерала П.Н. Краснова 26–31 октября 1917 г. на захвативших столицу большевиков с целью возвращения власти Временного правительства.

⁹⁵ Подполковник М.А. Муравьев в то время занимал должность начальника обороны Петрограда и главнокомандующего войсками Петроградского военного округа.

⁹⁶ Владимир Александрович Антонов-Овсенко (09.03.1883–10.02.1938) — советский государственный деятель. Член штаба и помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа.

⁹⁷ Павел Васильевич Егоров (1889/1895–1965) — бывший капитан, военный специалист РККА. Член Центрального штаба Красной гвардии Москвы.

⁹⁸ Антонову-Овсеенко.

⁹⁹ Александр Федорович Мясников (Мясникян) (28.01.1886–22.03.1925) — советский государственный деятель. Командующий Поволжским фронтом против чехословаков.

¹⁰⁰ Так в документе.

¹⁰¹ В документе — эшалонами.

морской¹⁰² области. Я, как приезжающий, работал как агент подпольной организации, потому что меня не знали. Моя работа заключалась разузнавать где какие части находятся, какие пароходы курсируют, словом, исполнял работу агента в полном смысле слова. 8 февраля 1919 г. во всей Амурской и Приморской области вспыхнуло восстание, [в] связи [с] известием (официальным) о переводе омского правительства во Владивосток и отзывом из 73 т[ысяч] 48 т[ысяч] японских войск, а также разногласиям[и] между Колчаком и Семеновым. Учитывая момент, посредством упомянутым восстанием рассчитывали захватить Сибирь, тем больше, что подобное восстание вспыхнуло между Омском и Иркутском; перерезана была ж[елезно]д[орожная] линия и захвачены гор[ода] Канск, Енисейск и Красноярск. Другое такое же восстание вспыхнуло в Семипалатинской области, в Забайкал[ь]е в Ленинских поисках¹⁰³ было восстание, словом восстала вся Сибирь. Восстание не удалось [в] связи с тем, что на Восточном фронте Красная армия стала отступать, и японцы с Китая и Порт-Артура двинули свои армии, разбив Приморскую и Амурскую области. Во время восстания в Приморской области я командовал всеми отрядами. После восстания я перебрался в Китай, с Китая в Ман[ь]чжурию, а оттуда через Сибирь в Советскую Россию. Фронт перешел на участке 4-го Петроградского полка 30 мая 1919 г. Чтобы попасть в прифронтовую полосу, я поступил добровольцем в колчаковскую армию в качестве унтер-офицера, а в Екатеринбурге в качестве офицера был зачислен во 2[-й] Егерский полк и при наступлении Красной армии ехал верхом на лошади навстречу Красной армии. Я имел 4 документа: документ офицера на имя Степана Павловича Осадчий, солдатский Ивана Петровича Милованова, служащего владивостокского кооператива Ивана Павловича Савченко и документ студента Петроградск[ого] университета Ивана Григорьевича Моргоненко.

При взятии Казани¹⁰⁴ белыми арестованных красноармейцев и коммунистов никого не расстреливали.

Протокол прочитан и написан с моих слов верно.

Александр Игнатьевич Харченко¹⁰⁵

ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1. Л. 201–203. Подлинник. Автограф.

¹⁰² Здесь и далее в документе ошибочно — Приморской области.

¹⁰³ Т.е. приисках.

¹⁰⁴ В документе несогласованно — Казань.

¹⁰⁵ Край документа оборван, текст не читается.

REFERENCES

1. *Aminev Z.A.* Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya i Grazhdanskaya vojna v Bashkirii (1917–1919 gg.) [The October Socialist Revolution and the Civil War in Bashkiria (1917–1919)]. Ufa: Bashknigoizdat, 1966. 483 s.
2. *Ganin A.V.* Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoj armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 gg. [Treason of the army commanders: Representatives of the supreme command of the Red Army who defected to the enemy during the Civil War in Russia 1917–1922]. Moscow: Pyatyj Rim, 2020. 800 s.
3. *Guzhvenko G.I.* Bashkiriya v bor'be za Oktyabr' [Bashkiria in the struggle for October]. Ufa: Bashgosizdat, 1941. 168 s.
4. *Dublennyh V.V.* Vooruzhennyye formirovaniya Urala perioda Grazhdanskoj vojny. Istoricheskie spravki [Armed formations of the Urals during the Civil War. Historical references]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2002. 396 s.
5. *Egorov A.V.* K voprosu ob evakuacii bol'shevikov iz Ufy v iyule 1918 goda [On the question of the evacuation of the Bolsheviks from Ufa in July 1918] // Bashkirskij kraj: Sb. statej. Ufa, 1993. Vyp. 3. S. 101–131.
6. *Kantor Yu.Z.* Vojna i mir Mihaila Tuhachevskogo [Mikhail Tukhachevsky's War and Peace]. Moscow: Vremya, 2005. 571 s.
7. *Mirgorodskij A.V.* Krasnyj desant 1918 goda [The Red Landing of 1918]. Saint-Petersburg: Morskoe nasledie, 2022. 264 s.
8. *Naumov E.O.* Sozдание ob'edinenij Krasnoj armii v gody Grazhdanskoj vojny v Srednem Povolzh'e (na primere 1-j armii Vostochnogo fronta) [The creation of associations of the Red Army during the Civil War in the Middle Volga region (on the example of the 1st Army of the Eastern Front)]: dis. k.i.n. Saransk, 2017. 297 s.
9. *Hajrulin M.A., Kondrat'ev V.I.* Voenlety pogibshej imperii. Aviatsiya v Grazhdanskoj vojne [Military pilots of the lost Empire. Aviation in the Civil War]. Moscow: Eksmo; Yauza, 2008. 430 s.

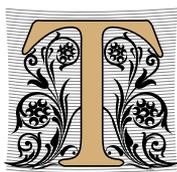

Ключевые слова:

Гражданская война в России, РККА, командарм, Белое движение, Восточный фронт, А.И. Харченко, командармы-изменники.

Andrey V. Ganin

«THE AUDIENCE SHOUTED DEMANDING
MY IMMEDIATE EXECUTION...»
COMMANDER A.I. KHARCHENKO BETWEEN
THE REDS AND THE WHITES

The article is devoted to the reconstruction of the dramatic biography of the commander of several Soviet armies of the Civil War A.I. Kharchenko. In the summer of 1918, this almost forgotten historical figure defected to the anti-Bolshevik forces, and at the end of May 1919, he again found himself with the Reds, was arrested and later shot.

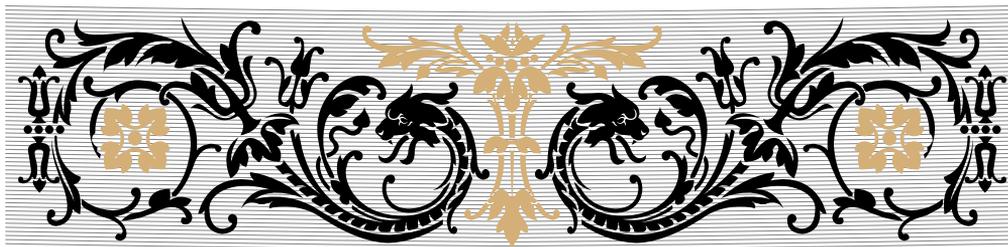
For the first time, the documents of the investigative case of A.I. Kharchenko in 1919, including the protocols of his two interrogations, are introduced into scientific circulation.

Key Words: Civil War in Russia, Red Army, Commander, White Movement, Eastern Front, A.I. Kharchenko, traitor commanders.

Andrey V. Ganin — D.Sc. (History), Leading Research Fellow at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

 Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Россия, Москва)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.009

А.В. Ганин

ЗАГОВОР ИНЖЕНЕРА Н. П. АЛЕКСЕЕВА В ЦАРИЦЫНЕ В АВГУСТЕ 1918 г.: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?

Обстановка в Царицыне летом 1918 г. В июле 1918 г. Донская армия белых перешла в наступление на красный Царицын, выйдя в середине августа на подступы к городу. Обстановка для красных была угрожающей.

В самом Царицыне и непосредственно в штабе Северо-Кавказского военного округа (СКВО) работали белые подпольщики, прилагавшие усилия к тому, чтобы красные потерпели поражение. В этих условиях политическое руководство во главе с членом Военного совета СКВО И.В. Сталиным взяло под свой контроль военную сферу, провело чистку в штабе округа и в самом Царицыне. Результатом стали смена руководства округа, фактическая ликвидация его штаба, а также массовые аресты. Тогда и развернулось дело, о котором пойдет речь ниже.

Историография и источники, постановка проблемы. Во второй половине августа 1918 г. Царицынской ЧК были произведены аресты предполагаемых участников контрреволюционного заговора, во главе которого, вероятно, стоял инженер Н.П. Алексеев. На протяжении более чем столетия с тех событий историческая наука не давала им объективной оценки, а многие опубликованные сведения носили полу-

фантастический характер¹. Не было даже аргументированного ответа — имел ли вообще место заговор на самом деле или же речь шла о сфабрикованном деле. Более того, дело Алексева и его соратников в архиве Управления ФСБ России по Волгоградской области до нашего обращения к нему в конце 2021 г. оставалось засекреченным². По нашим запросам в 2021–2023 гг. часть материалов дела была в несколько этапов рассекречена, что позволило впервые проанализировать этот сюжет на основе подлинных документов ЧК.

К сожалению, источниковая база остается неполной. Сохранились подробнейшие свидетельства уцелевших фигурантов дела: К.А. Махровского и его супруги, воспоминания белого агента в Красной армии, начальника штаба СКВО, бывшего генерала А.Л. Носовича, воспоминания царицынских чекистов. Доступны отдельные документы заговорщиков. Также нам удалось ознакомиться с отчетными материалами ОГПУ начала 1930-х гг., касавшимися событий Гражданской войны и дела Алек-

¹ Один из советских авторов, описавший дело Алексева в беллетризированной форме, отметил, что главе заговора Н.П. Алексеву якобы «предназначался высокий пост в будущем буржуазном правительстве России» (Юдин В.Н. Ленин писал в Царицын... Волгоград, 1985. С. 65), что представляется невероятным. Там же встречаем еще одно нелепое утверждение о том, что Алексеев, чтобы произвести впечатление на белых, рассчитывал передать им поезд с салон-вагонами, в котором ехала экспедиция (Там же). Заявление о том, что в поезде экспедиции везли три разобранных пулемета и даже два орудия с запасом снарядов (Там же. С. 66), представляется фантастическим (впрочем, подобные сведения фигурируют и в более поздних материалах 1930-х гг. по истории Царицынской ЧК — Архив Управления ФСБ России (УФСБ) по Волгоградской области. Ф. 2. Оп. 485. Д. 1. Л. 10 об.). Еще в советское время публиковались ошибочные утверждения о том, что во главе заговора Алексева стоял генерал А.Л. Носович (Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 г. М., 1940. С. 125). Один из современных авторов указал, что заговором Алексева руководили генерал Носович и уполномоченный ВСНХ по заготовке топлива (Поляков М.Т. Призвание — служить России. Волгоград, 2011. С. 127), что не соответствует действительности. При издании документов военной секции VIII съезда РКП(б) советские публикаторы в комментариях утверждали, что бывший генерал Носович и полковник А.Н. Ковалевский были участниками заговора, «руководителем которого был инженер Алексеев» (Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 177), что также абсурдно. Некоторые работы воспроизводят лишь ранее опубликованные сведения об этом заговоре (Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы Гражданской войны: 1918–1920 гг.: дисс. ... к.и.н. М., 2010. С. 82–83). Наиболее подробно дело рассмотрено по материалам доклада члена коллегии Главного нефтяного комитета К.А. Махровского в статье американского историка Р. Аргенбрайта (*Argenbright R. Red Tsaritsyn: Precursor of Stalinist Terror // Revolutionary Russia. 1991. Vol. 4. № 2. P. 157–183*), однако автор не был знаком с архивом генерала Носовича, следственным делом и другими важными документами.

² Ответы УФСБ по Волгоградской области автору от 31.08.2020 № Н-767 и от 11.10.2021 № Г-944.

И.В. Сталин. 1918 г.

сеева. Наконец, доступна историческая справка о заговоре Алексеева, подготовленная для ЦК КПСС в период десталинизации по архивным источникам. Ввиду фальсификации истории обороны Царицына в советский период и недоступности значительной части документов следственного дела реконструировать картину событий крайне сложно. Тем не менее попытаемся это сделать хотя бы по неполным данным³.

Это дело представляет немалый интерес, поскольку проливает свет на ряд аспектов истории первой обороны Царицына. Прежде всего на работу антибольшевистских подпольных организаций, на деятельность местной ЧК, а также на царицынский период биографии И.В. Сталина, остающийся не только малоизученным, но и фальсифицированным. Если при жизни Сталина его борьба с контрреволюционерами в Царицыне оценивалась как проявление проницательности и важнейший вклад в оборону города, то позднее она стала характеризоваться как едва ли не первое проявление будущей болезненной подозрительности советского вождя, сопряженное с поиском врагов там, где их не было, и фабрикацией дел о заговорах. Иногда эта борьба даже оценивается как первая проба последующих методов сталинской репрессивной политики⁴.

³ Развернутый материал о деле Алексеева см.: Ганин А.В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М., 2022. С. 207–274. Уже после выхода монографии автору удалось ознакомиться с некоторыми рассекреченными дополнительно документами архива УФСБ по Волгоградской области.

⁴ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 90.

Как уже было показано на конкретном документальном материале обоих противоборствующих лагерей, антибольшевистское подполье в штабе СКВО и за его пределами в Царицыне летом 1918 г. действительно существовало⁵, поэтому подозрительность Сталина была небеспочвенной. Но об особой пронизательности речи не шло. При отсутствии точных данных о том, кто же являлся заговорщиком, Сталин с недоверием относился ко всем военным специалистам вообще, в том числе добросовестным, а кроме того, стремился подчинить себе все сферы жизни оборонявшегося города и округа. Все это вредило работе по укреплению Красной армии и борьбе с противником.

Многие вопросы относительно тех событий по-прежнему остаются без ответов. Исследователям важно установить, что собой представляло царицынское подполье, какими были его организационные формы и каковы результаты его деятельности. Кто был реальным заговорщиком, а кто добросовестным служащим, несправедливо обвиненным в контрреволюции. И, наконец, существовал ли вообще заговор Алексева.

Свидетельства белого агента в Красной армии генерала А.А. Носовича. Обнаруженные во Франции и ныне уже опубликованные воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.А. Носовича содержат ряд упоминаний о подпольной работе организации инженера Н.П. Алексева. С ней у военспеца, по его позднему свидетельству, была установлена связь. Носович, хотя и с неточностями, писал: «В Царицын прибыл инженер Алексей. Он был прислан из Москвы непосредственным распоряжением Троцкого на предмет организации вывоза громадных запасов нефти, сортировочного и распределительного царицынского пункта. На расходы по этой перевозке ему выдана Москвой громадная по тем временам сумма в 12 миллионов рублей, что и по тогдашнему курсу равнялось 12 миллионам франков.

Инженер Алексей посетил меня и выясняя его (Алексева. — А.Г.) задачи, очень сильно старался подчеркнуть, что эти деньги находятся по

⁵ Подробнее см.: *Носович А.А. Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи* / Под ред. А.В. Ганина. М.; СПб., 2021; Дело полковника В.П. Чебышева. К истории белого подполья в красном Царицыне. 1918 г. / Публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2023. № 4. С. 160–179; *Ганин А.В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича*. М., 2022; *его же. «Носович и Ковалевский — люди политически ненадежные»: воспоминания С.С. Иоффе о работе высшей военной инспекции на Юге России в 1918 г.* // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 1. С. 5–13.

А.Л. Носович. 1917 г.

распоряжению Троцкого в полном его распоряжении»⁶. Если Носович и Алексеев действительно контактировали, то это могло происходить только в период с вечера 23 июля 1918 г., когда Алексеев прибыл в Царицын, и до ареста Носовича 10 августа.

Далее Носович писал: «В наше первое свидание мы расстались с инженером Алексеевым достаточно холодно. Но на нашу помощь пришла связь молодежи. Мой адъютант Левушка Садковский и старший сын Алексеева Александр оказались приятелями по Москве. Они быстро столкнулись на контрреволюционной почве. И от Левушки я узнаю, что инженер прибыл с особым заданием от московского противобольшевистского кружка для формирования контрреволюционного центра в Царицыне, а скоро, к полному моему ужасу, узнаю, что Алексеев в основание развития будущих контрреволюционных сил берет наем-подкуп славянского элемента австрийских военнопленных.

При помощи того же Левушки мне нетрудно было иметь еще одно свидание с инженером. Мне удалось его убедить, во-первых: в опасности привлечения столь распропагандированного элемента; и второе, что самое главное, — не мешать мне в моей внутренней подрывной работе, в которой я больше надеюсь иметь успеха, опираясь не на количество,

⁶ Носович А.Л. Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / Под ред. А.В. Ганина. М.; СПб., 2021. С. 268.

Председатель Царицынской ЧК А.И. Червяков

а на качество, при полной тайне как плана, так и конспирации участников, которые большие патриоты.

Мы пришли к обоюдному согласию, что до поры до времени он будет, делая шум, не вывозить нефти и терпеливо ждать возможного выступления офицерской организации, которой в необходимый момент поможет материально; я же буду продолжать приводить в исполнение раз намеченный план»⁷. К сожалению, протоколов допроса самого Алексеева, насколько можно судить, не сохранилось. В этой связи невозможно проверить утверждения Носовича о их встречах.

По данным Носовича, Алексеев контактировал с офицерской трудовой артелью в Царицыне. О том, что заговорщики состояли в некоем офицерском союзе, вспоминал и председатель Царицынской ЧК А.И. Червяков⁸.

Единственной причиной своего ареста 10 августа 1918 г. Носович считал «раскрытие истинного назначения офицерской трудовой артели, или революционность и сношение с нами инженера Алексева. К нашему счастью, эти открытия произошли значительно позднее, а причины нашего ареста были довольно-таки общего характера»⁹. Смысл употребления слова «революционность» тут не совсем ясен.

⁷ Там же. С. 268–269.

⁸ Червяков А.И. Чекисты в обороне Царицына // В боях за Царицын. Сталинград, 1959. С. 291.

⁹ Носович А.А. Белый агент в Красной армии. С. 282.

Адресный указатель города Царицына.

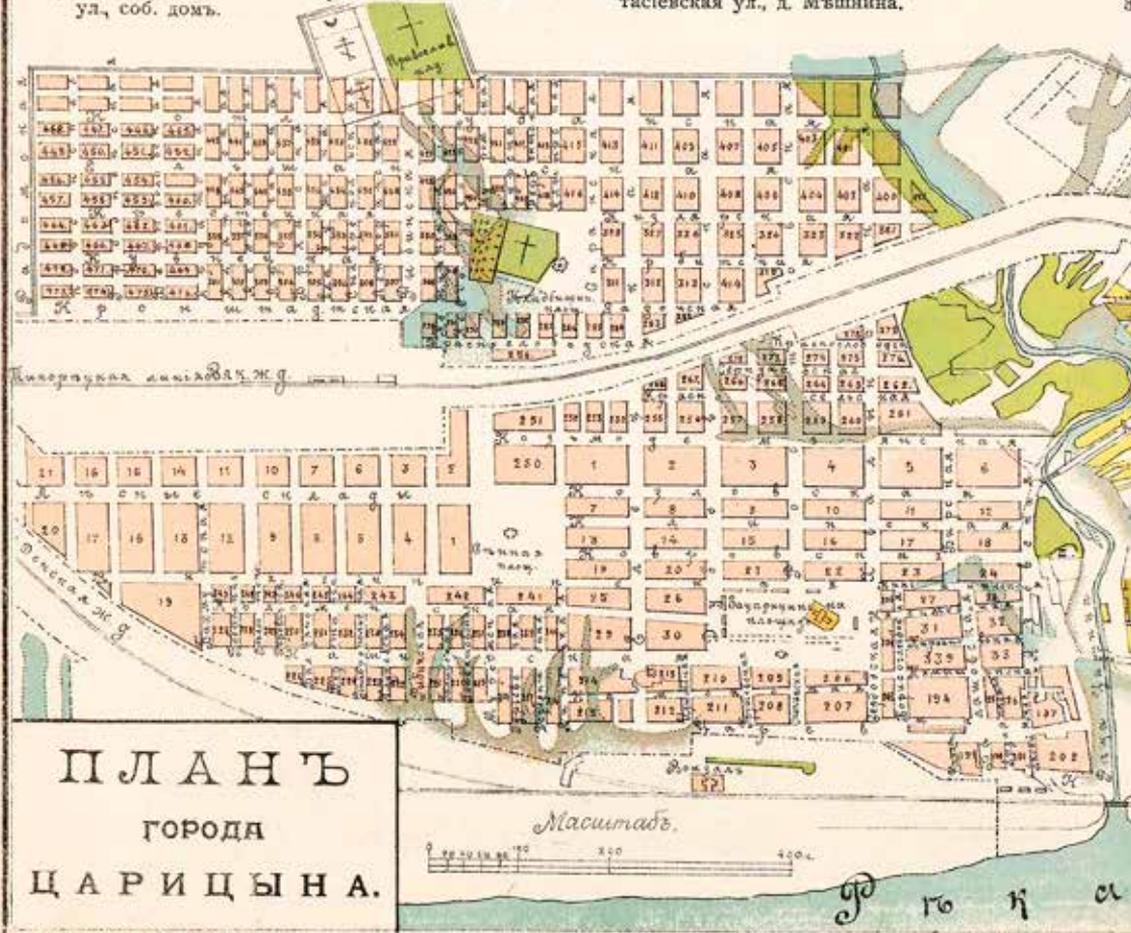
Церкви города Царицына.

- 1) Успенский соборъ.
- 2) Церковь Святой Троицы.
- 3) " всѣхъ скорбящихъ.
- 4) " Вознесения.
- 5) " Покрова Пр. Богородицы.
- 6) " Иоанна Предтечи.
- 7) " Спасо-Преображения.
- 8) " св. Николая чудотворца.
- 9) " кладбищенская.
- 10) " во имя Александра Невского (при мужской гимназiи).
- 11) " во имя Апостола Андрея (при тюрьмѣ).
- и 12) Женскiй монастырь во имя Рождества Богородицы.

Канонины, общественныя и т. п. здания.

- 1) Отдѣленiе Государственнаго Банка, Александровская пл., д. Воронина.
- 2) Городской общественный банкъ, Успенская ул., д. Зебауэръ.
- 3) Общество Взаимнаго Кредита, Успенская ул., соб. домъ.

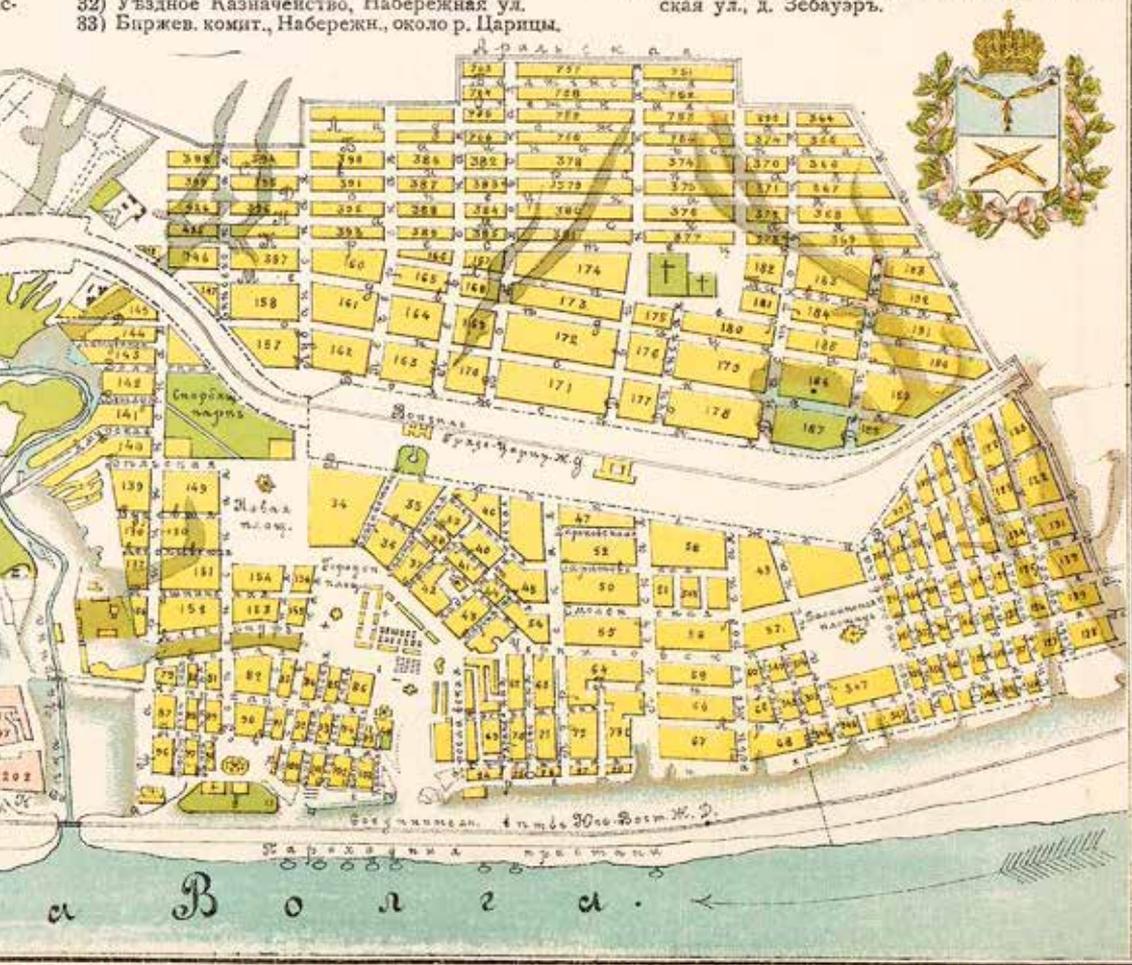
- 4) Городской ломбардъ, Скорбященская пл., д. город. общества.
- 5) Ссудо-сберегательное Товарищество, уголъ Софiйской и Варваринской, д. Туркина.
- 6) Сиротскiй прiютъ для дѣвочекъ, близъ Покровской церкви.
- 7) Городской д. призьрѣнiя, Донская, д. Трояна.
- 8) Домъ Трудолюбiя, Харьковская ул., д. комитета.
- 9) Общество врачей, Астраханская, д. Кочемазова.
- 10) Городская волюно-пожарная дружина, городской домъ, за полотномъ Ю.-В. ж. д.
- 11) Общественное собранiе, Пушкинская улица, д. Воронина.
- 12) Всесловное Общественное собранiе, Астраханская ул., д. Пирогова.
- 13) Земская больница, на Голубинскѣ, тел. № 210.
- 14) Городская больница для тифозныхъ Ковровская ул., д. Прокофьевой.
- 15) 1-я городская амбулаторiя, Астраханская ул., д. Кочемазова.
- 16) 2-я " " Вознесенская пл., д. Шлыкова.
- 17) Земская лечебница для животныхъ, Анастасiевская ул., д. Мѣшина.

План Царицына. Начало XX в.

„Спутник по рѣкѣ Волгѣ, ее притокамъ, Камѣ и Окѣ“, изд. типо-лит. Л. С. Феокритова.

18) О-во вспоможенія частному служебному труду, Набережная, д. Бирюкова. 19) Комитетъ О-ва улучшенія народнаго труда, Харьковская ул., соб. д. 20) Уѣздное земское собраніе, Засѣданія—въ д. Воронина, на Александровской пл. 21) Уѣздная земская управа, Александровская пл., д. Воронина. 22) Уѣздный съѣздъ Александр. пл., д. Ланшина. 23) Уѣздное по воинской повинности присутствіе, Александров. пл., д. Воронина. 24) Городская Дума, Соборн. пл., д. город. О-ва. 25) Мѣщанская Управа, Александров. ул., соб. д. 26) Почтово-телеграф. контора, Воронежская ул., д. Мишнина. 27) Центральная телефонная станція, Воронежская ул., д. Мишнина. 28) Городское Полицейское Управление, Воронежская ул., д. Мишнина. 29) Уѣздное Полицейское Управление, уг. Черниговской и Рязанской ул., д. Золотова. 30) Уѣздная тюрьма, за Галичьимъ оврагомъ. 31) Арестный домъ уѣзднаго земства, Балканская пл., д. Руссковоі. 32) Уѣздное Казначейство, Набережная ул. 33) Бржев. комит., Набережн., около р. Царицы.	34) Сиротскій судъ, Соборная пл., д. городской управы. 35) Судожодная дистанція, уг. Преображенской и Астраханской ул., д. Соловьева. 36) Судожодная инспекція, Астраханская ул., д. Михель. 37) Александровская мужская гимназія, противъ город. сквера. 38) Марининская женская гимназія, Петровская ул., д. город. о-ва. 39) Городское 4-хъ классное училище, Петровская ул., д. Коганова. 40) Городское 3-хъ классное училище, Вознесенская пл., д. Найденова. 41) Ремесленное училище, Большая ул. 42) Городская публичная бібліотека, Скорбященская пл., д. город. о-ва. 43) Библіотека Уѣзднаго Земства, Александровская пл., д. Воронина. 44) Управление уѣздн. воинскаго начал., уг. Московскоі и Петровскоі ул. 45) Отдѣленіе Азовско-Донскаго Банка, Александровская пл., д. Воронина. 46) Отдѣленіе Волжско-Камскаго Банка, Успенская ул., д. Зебауэръ.

Офицерская трудовая артель была своего рода профессиональным объединением бывших офицеров Царицына. По некоторым данным, она возникла весной 1918 г. при профсоюзе торгово-промышленных организаций, первоначально как секция безработных офицеров численностью около 200 человек. Среди организаторов был председатель профсоюза торгово-промышленных организаций Донсков. Секция была связана с местным комитетом партии эсеров¹⁰.

Носович отмечал, что летом 1918 г. организацией руководил капитан Н. Противники большевиков могли рассчитывать в городе на 500–600 офицеров. По мнению Носовича, захватить Царицын такими силами было невозможно: «Нас было всего 600 человек офицеров. По тревоге собрать можно было, дай Бог, половину. Надо было время на вооружение. Все это было и заметно, и опасно, вернее, невыполнимо: телефоны, важные пункты города, 12 брон[ев]иков и около двух тысяч военнопленных было в распоряжении параллельного мне штаба обороны города. И мы были бы, несомненно, сразу и окончательно уничтожены.

Другое дело иметь эти силы в кулаке при непременном условии подхода белых сил и атаки ими города, и тогда мой план выливался в следующее... Я вывел трудовую артель на укрепление города. Линию окопов я протрассировал сам лично, имея главной задачей возможность ее поворота против города. Около стратегического пункта всего расположения Дар-Горы было поставлено две батареи с таким расчетом, что то вместе, то порознь они легко могли бить сосредоточенным огнем и по тылу окопов обороны, и по самому городу. От Дар-Горы весь Царицын, вся Волга и все железнодорожные пути были как на ладони. При помощи артиллерийского управления полковника [В.П.] Чебышева и капитана 2-го ранга [П.Я.] Лохматова на станции Царицын было сосредоточено в неприкосновенном подвижном запасе 1000 винтовок, 20 пулеметов и два вагона винтовочных патронов, пулеметных лент и артиллерийских снарядов. Силы трудовой артели всегда могли быть сосредоточены лично мной для работы на Дар-Горе. Подвести туда подвижной состав с оружием, которое было замаскировано, и присутствием массы шанцевого инструмента для меня было совершенными пустяками. А там — вооружение 600 человек, захват двух батарей, а прислуга к ним, состоящая из артиллерийских офицеров, уже была расписана по номерам, открытие шквального огня в тыл окопов, по вокзалу, пароходам на Волге и по са-

¹⁰ Материалы архивно-следственного дела П.М. Вержховского 1938 г. (Архив УФСБ по Волгоградской области. Д. 19727–ПФ) предоставлены А.А. Чунихиным.

В.П. Чебышев

тому городу, порыв¹¹ в это же время всякой связи¹² боевой части с нашими врагами — штабом обороны города... Вне всякого сомнения, все это вызвало бы неописуемую панику среди и защитников линии обороны, и пресловутых военнопленных, и неминуемо привело бы к сдаче города подошедшим белым войскам. Так мне казалось тогда, так я уверен и сейчас: результат так разработанного плана, который знали только два человека, должен был кончиться полным успехом»¹³.

Судьбу Алексеевых Носович излагал неточно: «Мне остается сказать об участии постигшей штаб трудовой офицерской артели и инженера Алексева с его двумя сыновьями.

С моим и Ковалевского¹⁴ арестом организация была сразу обезглавлена. Мой план удара в тыл оборонительной линии у Дар-Горы с пропуском атакующих белых сил был окончательно невыполним. Инженеру Алексееву естественно было прийти к выполнению или его первоначального плана привлечения к восстанию против большевистской

¹¹ Так в документе.

¹² В документе несогласованно — всякую связь.

¹³ Носович А.А. Белый агент в Красной армии. С. 258–259.

¹⁴ Александр Николаевич Ковалевский (30.08.1880–11.1918) — бывший полковник, военный специалист РККА, начальник мобилизационного управления штаба Северо-Кавказского военного округа, член Военного совета округа. Арестован вместе с А.А. Носовичем 10 августа 1918 г. Затем освобожден. В.р.и.д. начальника штаба Южного фронта. Расстрелян в связи с изменой Носовича.

Обложка сборника Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков
в Царицыне

власти пленных славян, или выработать что-нибудь другое. Но что[?] На свое несчастье и на общую гибель, Алексеев и штаб артели офицеров остановились на плане привлечения славян к столь деликатному делу, как дело внутреннего восстания.

Полковник Христоч оказался вполне правым. И дело привлечения "братьев-славян" на сторону белых сил окончилось полной катастрофой.

Тут я не могу сказать точно числа, когда произошла эта катастрофа, так как в инспекции у Подвойского это царицынское происшествие тщательно было скрыто почти от всех. Уже после суда и оправдания мы узнали, что инженер Алексеев и штаб артели вошел в сношение с выборными от пленных австрийских славян и обещал им крупное денежное вознаграждение за участие в восстании. Выборные деньги взяли, но совершенно не были расположены рисковать своими шкурами, а предпочли немедленно донести в комендантское [управление] или в Совет обороны о сделанном им предложении и, конечно, получили за этот донос деньги и от Сталина. Совет обороны решил захватить головку заговорщиков с поличным и на месте преступления.

Инженер Алексеев и штаб артели сговорились с выборными о времени и месте для окончательных переговоров. При Николае Павловиче Алексееве были два его сына: Александр — прапорщик Великой войны, военный летчик и Павел — мальчик 16 лет¹⁵, а также все чины штаба артели — контрреволюционной организации. Все они собрались в условленном месте. Но вместо уполномоченных от “братьев-славян” прибыл отряд чекистов, который окружил дом, где собрались патриоты, и потребовал сдачи всех там находящихся. Все присутствовавшие в штабе артели решили погибнуть, но не сдаться. Они оказали чекистам столь отчаянное сопротивление, что те пришли в ярость и перебили всех, не сделав исключения и для шестнадцатилетнего юноши»¹⁶. Не являвшийся очевидцем тех событий Носович ошибочно утверждал, что заговорщики погибли в бою, а с их гибелью оказались обрублены нити, тянувшиеся к нему и его сотруднику, бывшему полковнику А.Н. Ковалевскому. На самом деле Алексеевых арестовали без сопротивления.

Роль инженера Алексеева, не имевшего своей собственной организации и связей в Царицыне, в тех событиях неясна. Единственным ресурсом, который он мог получить в свое распоряжение, являлись привезенные из Москвы деньги. Вокруг них во многом и развернулась история с обвинениями в адрес инженера.

Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков. То, что Алексеев принадлежал к белому подполью, подтверждается материалами Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоявшей при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России¹⁷. В них отмечено, что «вторым по времени был заговор, организованный прибывшим из Москвы правым эсером, инженером Алексеевым и местным присяжным поверенным Котовым. Инженер Алексеев был виднейшим представителем московской организации. Прибыв в Царицын, он вошел в связь с бывшею там офицерскою боевою дружиною юго-востока России, и по соглашению с представителями организаций Астрахани, Саратова и Балахова в ночь на 5 августа¹⁸ в[о] исполнение приказания, исходившего от командования Донской армии, было назначено во всех этих городах общее выступление с целью

¹⁵ В других документах — 17 лет.

¹⁶ Носович А.Л. Белый агент в Красной армии. С. 283–284.

¹⁷ Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Ростов-н/Д, 1919. Вып. 3. Большевики в Царицыне. С. 34.

¹⁸ 18 августа по новому стилю.

свержения Советской власти. Но за 8 часов до начала выступления заговор был раскрыт вследствие предательства одного из его членов, поручика Степаньянца, получившего от большевиков за эту выдачу 10 000 рублей, а затем поступившего к ним на службу в чрезвычайку»¹⁹.

Материалы расследования белых соответствуют свидетельствам Носовича. Таким образом, факт заговора с разных сторон подтверждают сами белые. К сожалению, источники информации Особой комиссией, кроме материалов советской печати, нам неизвестны. По-видимому, имелись какие-то сведения от других подпольщиков или осведомленных лиц. В материалах расследования этого дела Царицынской ЧК сохранились показания Д. Степаньянца. Следовательно, белые обладали достоверной информацией не из советской печати. Более того, именно из показаний Степаньянца видна связь дела Алексеева с работой группы Носовича — он отметил, что связующим звеном между подпольной ячейкой Носовича и организацией Алексеева являлся бывший полковник В.П. Чебышев²⁰. Кроме того, по делу о заговоре Алексеева был расстрелян и сотрудник артиллерийского управления штаба округа А.Н. Цветков, хранивший оружие и также связанный с Чебышевым²¹. Самого Чебышева, уехавшего из Царицына, тогда не арестовали.

Предыстория событий, главные действующие лица. Итак, если верить белым, Алексеев прибыл в Царицын с поручением московского подполья вести нелегальную работу. Ошибкой инженера стала попытка подкупить военнопленных-славян из 1-го Сербского советского революционного батальона, которых Носович и сербская военная миссия считали ненадежными. С их помощью Алексеев рассчитывал поднять восстание и захватить город. О том, что сербы были причастны к местному подполью, было известно далеко за пределами Царицына (например, эти факты со ссылкой на начальника французской военной миссии в Казани капитана Ж. Борда были сообщены в начале сентября 1918 г. в Екатеринодаре генералу М.В. Алексееву²²). Однако заговор был рас-

¹⁹ Особая комиссия. С. 34.

²⁰ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 69–69 об. Также см.: Дело полковника В.П. Чебышева. С. 160–179.

²¹ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 73, 279.

²² Ганин А.В. «Наша военная организация... продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М.В. Алексееву о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4. № 4. С. 79.

В.И. Невский

крыт. В ночь на 18 августа его руководителей арестовала Царицынская ЧК. В числе арестованных оказался и член коллегии Главного нефтяного комитета К.А. Махровский, что повлекло личное вмешательство в это дело председателя Совета народных комиссаров (СНК) В.И. Ленина.

О Николае Павловиче Алексееве известно немного. Он был дворянином 49 лет, инженером путей сообщения, сотрудником Наркомата путей сообщения (НКПС) и занимался заготовкой топлива для железных дорог. В командировку в Грозный Алексеева направил нарком В.И. Невский, дававший об Алексееве хорошие отзывы как о человеке лояльном и честном, хотя и не коммунисте²³. В беседе с Махровским Невский заявил, что давно знает Алексеева, однако Махровский с Алексеевым до командировки знаком не был.

Ранее Алексеев уже ездил в Грозный для переговоров с Терским областным продовольственным комиссариатом по поводу вывоза нефтепродуктов и знал местные реалии²⁴, поэтому его назначение выглядело закономерным. Никакого отношения к Царицыну он, насколько можно судить, не имел. Следовательно, если и был причастен к заговорам в этом городе, то непосредственно в период пребывания там в июле — августе 1918 г. Подобной точки зрения придерживался и один из организато-

²³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 83, 137.

²⁴ Там же. Л. 134.

ров арестов по этому делу чекист М.П. Батов²⁵, возглавлявший секретно-оперативный отдел Царицынской ЧК.

Константин Александрович Махровский родился в 1895 г. Состоял в РСДРП(б). С 1916 г. являлся сотрудником Особого совещания по топливу, а в 1918 г. стал одним из организаторов советской нефтяной промышленности. Был членом первой коллегии Главного нефтяного комитета Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). В 1920-е гг. Махровский служил в Азнефтеторге. В декабре 1937 г. был арестован в Алма-Атинской области на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован в 1959 г.

В деле в качестве руководителя политической части заговора также фигурировал эсер Иван Иванович Котов (1888–1918) — бывший уездный комиссар Временного правительства и депутат Учредительного собрания от Саратовского округа. Он родился в Царицыне в семье врача-народовольца. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Работал присяжным поверенным. Как участник революционного движения он находился под надзором с 1905 г. Осенью 1917 г. от городской думы состоял в Комитете спасения революции и по Саратовскому округу был избран депутатом Учредительного собрания²⁶. По делу о заговоре Алексея Котов был расстрелян уже 19 августа 1918 г. Перед казнью его пытали — вывихнули руки²⁷. Связь Котова с Алексеевым не вполне ясна, но якобы незадолго до событий Котов ездил в Москву за инструкциями²⁸. Чекист А.И. Червяков утверждал, что эсеровская организация Царицына была в подчинении у Алексея²⁹. Из показаний Котова следует, что среди его знакомых действительно велись разговоры о вооруженном свержении большевиков в Царицыне. Статус депутата импонировал заговорщикам, которые хотели привлечь его к своей работе, чтобы повысить значимость намечаемого предприятия. Котов отказался от участия в заговоре, но продолжал встречаться с заговорщиками и сообщил им, что после свержения большевиков сможет принять участие в организа-

²⁵ Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького (ОР ИМЛИ). Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 7.

²⁶ *Разиньков М.Е., Морозова О.М.* Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М., 2021. С. 335; *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 319.

²⁷ *Особая комиссия...* С. 34.

²⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 9.

²⁹ *Червяков А.И.* Чекисты в обороне Царицына // В боях за Царицын. Сб. восп. Сталинград, 1959. С. 293.

ционной работе, если новая власть будет демократической. Группы противников большевиков собирались в Союзе торгово-промышленных служащих. Там бывал и бывший офицер Г.А. Угневенко, обсуждавший с товарищами возможность организации офицерства. Котов считал, что «это были разговоры без преследуемой цели и больше ничего»³⁰.

Генерал А.А. Носович о взаимодействии с заговорщиками. Раскрытие заговора Алексева Носович связывал с тем, что «желание во что бы то ни стало увеличить механическую силу организации лишило ее осторожности и строгой конспирации. Приличный на вид помощник коменданта города Царицына проник туда и выведал многое, даже где лежали деньги. Наше счастье, что пароход отошел, и мы попали на него до раскрытия заговора, иначе был бы конец. Надо подчеркнуть здесь одно важное обстоятельство, что я, как стоявший на таком видном посту, конечно, не мог непосредственно входить ни в переговоры, ни вообще в явные сношения с организацией. Все сношения велись адъютантами, главным образом поруч[иком] [С.М.] Кремковым, отчасти пор[учиком] [Л.С.] Садковским, который в это время был в командировке с генералом [А.Е.] Снесаревым, сопровождая его в Москву. Кроме того, записей и списков не велось. А самая главная ошибка Сталина заключалась в молниеносном расстреле главарей: Алексева и его штаба»³¹.

Покинувшего Царицын Носовича допросили в том числе и в связи с делом Алексева. Носович сумел оправдаться благодаря совпадению фамилий вождя Белого движения на Юге России генерала М.В. Алексева и инженера Алексева: «Этого вопроса я совершенно не ожидал и, на свое счастье, буквально понял его как причастность к Добровольч[еской] армии³². Какое? — изумился я. — Да между нами 300 верст. Я только знаю, кто такой генерал Алексеев, и знаю, что есть такая армия. Это было сказано так быстро и так наивно и искренно, что когда мои следователи объяснили мне, что вопрос относится к инженеру Алексеву, уже расстрелянному в г. Царицыне, я вполне ориентировался и также наивно отрицался, как наивно воскликнул в первый раз»³³.

Это свидетельство белого разведчика совпадает со стенограммой допроса его и Ковалевского председателем Высшей военной инспекции Н.И. Подвойским 24 августа 1918 г. Носович тогда показал: «Что

³⁰ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 57 об.

³¹ Носович А.А. Белый агент в Красной армии. С. 114.

³² Алексеевская организация существовала как зародыш Добровольческой армии осенью 1917 г.

³³ Носович А.А. Белый агент в Красной армии. С. 117–118.

касается Алексеева, то связь моя с ним не идет дальше того, что я знал, что он был Верховным главнокомандующим и бывшим руководителем в академии Генерального штаба. Я знал, что это Алексеев, он, может быть, знал, что я — Носович»³⁴. Впрочем, ранее на том же допросе Носович проговорился. На вопрос Подвойского: «А с Алексеевым у вас какое-нибудь знакомство было?» — он ответил: «Абсолютно никакого. Которого числа был раскрыт заговор?»³⁵ Таким образом, Носович сразу понял, что речь шла о заговоре в Царицыне, что свидетельствует о его осведомленности и связи с заговорщиками. Судя по всему, стенограмму никто по итогам разговора не анализировал, поэтому на нестыковку не обратили внимания.

И.В. Сталин и К.А. Махровский. Обнаружение в архиве И.В. Сталина переписки в связи с делом Алексеева, а также черновых докладов К.А. Махровского и его супруги, подготовленных сразу после событий³⁶, позволяет в сочетании с документами следствия расширить представления о произошедшем. Работавший в Царицыне по линии снабжения продовольствием Сталин в июле 1918 г. вмешивался не только в военное управление, но и в снабжение нефтью, что не всегда шло на пользу делу. Так, намеченная в связи с решениями Сталина перевозка бензина по воде в железных баржах была недопустима. Кроме того, Сталин приписал себе вывоз бензина из Царицына, что делалось помимо него³⁷. Отправкой нефтепродуктов из Саратова и Царицына занимался как раз К.А. Махровский. Разразился конфликт. Вмешательство Сталина повлекло протест Главного нефтяного комитета³⁸ и даже снятие последним с себя всякой ответственности за дальнейшую судьбу нефтяной промышленности в случае продолжения подобных действий³⁹.

Об остроте конфликта свидетельствует тон сталинских посланий. 4 июля 1918 г. Сталин сообщил в Москву, что «Махровский лжет и клеветает» и занимается преступной деятельностью⁴⁰. 5 июля Сталин передал в Астрахань для Баку, что «Махровский — профан, обращать вни-

³⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 1.

³⁶ Частично эти материалы опубликованы в: Доклад от Народного комиссара путей сообщения председателю Совета народных комиссаров товарищу Ленину. М., 1919. Впрочем, доклад содержит множество опечаток и неточностей.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 120.

³⁸ Там же. Л. 119.

³⁹ Там же. Л. 120 об.

⁴⁰ Сталин. Труды. М., 2017. Т. 9. С. 22.

Доклад наркома путей сообщения председателю Совнаркома В.И. Ленину
о событиях в Царицыне

мания на его распоряжения не следует»⁴¹, а 8 июля в письме председателю Бакинского СНК С.Г. Шаумяну призывал действовать решительно, «не обращая внимания на телеграммы идиота Махровского»⁴².

Вопрос об обвинениях со стороны Сталина обсуждался в Москве на заседании СНК 12 июля 1918 г. и на следующий день на заседании Главного нефтяного комитета. СНК не нашел в работе Главного нефтяного комитета ничего предосудительного⁴³. 16 июля в телеграмме Сталину по этому вопросу Ленин сделал приписку: «Для меня лично ясно, что вы погорячились, обругав Махровского. Ленин»⁴⁴. Коллегия комитета постановила: «Сообщить Президиуму ВСНХ, что... считает все действия К.А. Махровского правильными, ответственность за них принимает на себя, вопрос об устранении К.А. Махровского просит заменить вопросом об устранении всей коллегии в целом. Независимо от этого просить

⁴¹ Там же. С. 27.

⁴² Там же. С. 41.

⁴³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 630.

⁴⁴ Там же. С. 640.

Президиум предписать т. Сталину невмешательство в нефтяное дело»⁴⁵. При наличии такого конфликта командирование Махровского в Царицын было сомнительным решением. Тем не менее это произошло.

Нефтяная экспедиция. 12 июля 1918 г. СНК постановил принять ряд мер для вывоза из Грозного нефтепродуктов, выполнение чего было возложено на Главный нефтяной комитет⁴⁶. Чтобы Советская Россия продержалась до навигации 1919 г., требовалось не менее 200 млн пудов нефтепродуктов, тогда как в наличии имелось не более 80 млн пудов⁴⁷.

Во исполнение этого постановления коллегия комитета по соглашению с НКПС командировала на Кавказ специальную комиссию для реализации правительственного задания для восстановления и организации национализированной грозненской нефтяной промышленности⁴⁸. Под угрозой предания суду комиссии предписывалось выехать в недельный срок. Экспедиция готовилась сотрудниками НКПС и непосредственно Алексеевым⁴⁹. За восемь дней было завершено формирование поезда комиссии из шести вагонов и двух платформ с отрядом охраны в 12 человек, пятью пулеметами и двумя автомобилями.

В состав этой комиссии вошли от Главного нефтяного комитета: К.А. Махровский (член коллегии комитета), Д.Ф. Агапов, А.А. Шибинский и Р.Н. Фридман; от НКПС заведующий отделом заготовок топлива Н.П. Алексеев, рекомендованный, как уже упоминалось, наркомом В.И. Невским. 17 июля В.И. Ленин подписал удостоверение Махровскому с полномочиями по организации вывоза нефти из Грозного, Екатеринодара и Новороссийска⁵⁰.

20 июля поезд комиссии с Махровским как представителем Главного нефтяного комитета и заведующим частью заготовок топлива НКПС, инженером Н.П. Алексеевым как представителем НКПС выехал из Москвы в Грозный. Предполагался маршрут: Козлов — Воронеж — Поворино — Царицын — Тихорецкая — Грозный⁵¹. Путь следования был небезопасным, так как в районе Царицына и в особенности на участке Царицын — Тихорецкая шли интенсивные бои. Махровский вез в двух чемоданах выделенные комитетом 9 978 000 руб. для закупки нефти.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 123.

⁴⁶ Там же. Л. 52.

⁴⁷ Там же. Л. 74.

⁴⁸ Там же. Л. 118.

⁴⁹ Там же. Л. 100.

⁵⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 645.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 52.

Наличие крупной суммы денег стало одной из причин неприятностей комиссии, возникших в Царицыне.

В поезде также ехали С.М. Киров как представитель Терского областного совета, комендант поезда В.К. Лауэр, технический распорядитель А. Сучков и служившая в Главном нефтяном комитете 22-летняя супруга Махровского А.В. Бурцева (Махровская) (член РКП(б)) в должности секретаря. Кроме того, ехали шоферы и команда.

Своих сотрудников Махровский считал полностью надежными, но людей Алексеева не знал и относился к ним недоверчиво. Например, Сучкова охарактеризовал так: «Темная личность, много ездившая с Алексеевым»⁵². Царицынский чекист М.П. Батов отмечал, что в вооруженную охрану поезда через Алексеева были назначены бывшие офицеры, пробравшиеся из Москвы к белым⁵³.

Махровский позднее в докладе писал: «Означенного Алексеева я никогда раньше не знал и впервые встретил его на заседании Совнаркома и принимая во внимание, что поручение, возлагаемое на Главный нефтяной комитет, я считал крайне ответственным, так как экспедиция должна была везти с собой значительную сумму денег, оружие, взять вооруженную охрану для сопровождения маршрутных поездов с нефтью и проезжать местами, находившимися под угрозой удара со стороны красновских банд, я полагал необходимым во избежание какой-либо измены проявить сугубую осторожность при формировании экспедиции. Считаясь с этим, я прямо задал вопрос тов. Невскому, хорошо ли он знает Алексеева и в какой мере на него можно полагаться?

Тов. Невский вполне успокоил меня на этот счет и заявил, что Алексева он знает давно, правда, Алексева не коммунист, но человек, безусловно, честный и лояльный по отношению к Советской власти (приглашен Алексева тов. Невским для работы в комиссариате путей сообщения в качестве специалиста по заготовкам топлива). Посылая его в Грозный как человека, хорошо знающего местные условия, тов. Невский полагает, что Алексева со своей задачей справится»⁵⁴.

Супруга Махровского, в свою очередь, показала: «Алексева знал, что мы — большевики, а мы, по крайней мере, я, знала, что он не большевик, но по его рассказам о его прежней жизни, что он знаком почти со всеми видными революционерами прошлых годов, как он устраивал нелегаль-

⁵² Там же. Л. 102 об.

⁵³ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 8.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 62–62 об.

ные типографии, как с самого детства он жил в кругу революционеров, и мать его сидела в Петропавловке — думала, что он работает искренне с Советской властью»⁵⁵.

21–22 июля поезд комиссии остановился в Воронеже, где к инженеру Алексееву присоединились двое его сыновей: студент Петроградского университета Александр 21 года (также есть данные о том, что он был прапорщиком) и гимназист Павел 17 лет⁵⁶, а также два красноармейца. По другому свидетельству, это были не красноармейцы, а по виду бывшие офицеры⁵⁷. Сыновьям было скучно в Воронеже, и они вызвались сопровождать отца. В советской литературе это выдавалось за злой умысел и заговорщическую работу, хотя речь шла о собственных детях Алексеева, которые в случае провала заговора подвергались бы смертельному риску⁵⁸. Также есть сведения о том, что у Алексеева был еще один сын — Николай, бывший капитан, служивший у белых на Кавказе⁵⁹.

23 июля вечером⁶⁰ комиссия прибыла в Царицын, где и осталась, а Киров уехал далее в Астрахань. По сведениям царицынского чекиста М.П. Батова, к поезду присоединился представитель ЦК партии эсеров С.С. Гарегин, пробиравшийся в Поволжье⁶¹. Якобы именно он оказался связным между людьми из поезда и царицынскими заговорщиками. Очевидно, имелся в виду расстрелянный по делу Гарегин Вартанович Джанджугазов (Джанзугазов).

В Царицыне до арестов. В Царицыне комиссия вошла в контакт со штабом обороны и штабом округа, а также с наркомом И.В. Сталиным. Как выяснилось, железная дорога на Тихорецкую была перерезана казаками, а на Северном Кавказе сложилась угрожающая для советской власти обстановка. Чтобы не провалить правительственное задание, требовалось определиться с дальнейшими действиями. Ожидать перемен на фронте в пользу красных было слишком неопределенной перспективой, поэтому решено было изыскивать нефть для нужд центра, базируясь в Царицыне, где имелись обширные запасы топли-

⁵⁵ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 32.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 63–63 об.

⁵⁷ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 25.

⁵⁸ Юдин В.Н. Ленин писал в Царицын... Волгоград, 1985. С. 64.

⁵⁹ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 25 об.

⁶⁰ Сведения о прибытии 22-го вечером, по-видимому, являются опечаткой, так как вечером 22-го экспедиция только выехала из Воронежа (Доклад от Народного комиссара путей сообщения председателю Совета народных комиссаров товарищу Ленину. М., 1919. С. 3).

⁶¹ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 8.

ва (17 млн пудов), поступавшие из Баку через Астрахань. Для отправки нефти в центр было необходимо разгрузить царицынский железнодорожный узел, забитый воинскими эшелонами (пропускная способность царицынского узла достигала восьми поездов в сутки⁶²). Местные запасы позволяли отправлять до 15 поездов с нефтью в сутки, но не хватало паровозов. Положение с вывозом осложнялось сложной прифронтовой обстановкой в Камышине, который эвакуировался в связи с действиями казаков. Не было уверенности и в надежности положения Саратова.

Комиссия проехала 30–31 июля на своем поезде до станции Котельниково, куда еще можно было добраться. Члены комиссии пытались ознакомиться с положением в прифронтовой полосе. Далее от поезда отцепили паровоз и вагон-гараж, в котором Алексеев, Махровский, Лауэр и Котов и еще три сотрудника отправились к фронту⁶³. Однако на станции Гапун комиссию на 12 часов случайно арестовали. Поездка на передовую показала, что дальше проехать не получится. 1 августа из Москвы прибыл в качестве эmissара для поручений служащий Главного нефтяного комитета коммунист Н.А. Мухин, также направлявшийся в Грозный.

Для доклада и получения дальнейших указаний Махровский 2 августа выехал в Москву, оставив комиссию с деньгами в Царицыне (деньги охраняла его супруга⁶⁴). В Москву он прибыл 6 августа, сделал доклад на заседании нефтяного комитета и встретился с председателем ВСНХ А.И. Рыковым. Был одобрен план Махровского проехать в Грозный на автомобилях из Котельниково или из Астрахани через Ставрополь. 11 августа Махровский отправился назад в Царицын, куда прибыл вечером 16 августа.

К тому времени положение Царицына значительно ухудшилось. Нет никаких сомнений, что Махровский добросовестно исполнял возложенные на него обязанности. Тем более что сам он был членом большевистской партии с дореволюционным стажем. Он не только составил характеристику нефтяной отрасли, но даже сделал выводы относительно состояния Красной армии под Царицыном. В частности, в своем докладе обратил внимание на недостаток командного состава, выразившийся в отсутствии связи и руководства и проистекавшей из этого несогласованности действий⁶⁵. В черновых записях Махровский упомянул

⁶² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 52 об.

⁶³ Там же. Л. 94.

⁶⁴ Там же. Л. 69.

⁶⁵ Там же. Л. 54 об.

и царицынский сепаратизм относительно решений центра, чувствовавшийся во всем и проявлявшийся в непонимании на месте общих задач⁶⁶.

В Царицыне В.К. Лауэр и А.Н. Алексеев стали отлучаться из поезда, уходили пешком, хотя была возможность пользоваться машиной. Ежедневно по неизвестным делам уезжал в город в отсутствие Махровского и Н.П. Алексеев. По возвращении из города А.Н. Алексеев, Лауэр и Н.П. Алексеев запирались в купе и о чем-то совещались⁶⁷. Супруга Махровского заметила: «Видно только было, что это своя компания»⁶⁸. По некоторым данным, они обсуждали боевые действия и изучали карты операций. Все это выглядело подозрительно. Алексеев-старший хорошо разбирался в событиях, знал командный состав РККА и белых, а также стремился уехать в Грозный (последнее отметила супруга Махровского). Ходили разговоры о том, что Алексеев якобы очень богатый человек, инспектор страхового общества, а его старший сын побывал в Англии⁶⁹.

Другим подозрительным моментом, зафиксированным в свидетельстве технического руководителя поезда, было то, что в поезд стали свозить оружие. Так, от терского военного представителя Вологодского из эшелонов на станции Царицын Владикавказской железной дороги, стоявших напротив поезда комиссии, было получено до десяти пулеметов, две ракетницы, патроны, две машинки для набивки пулеметных лент⁷⁰. Оружием занимались Лауэр и П.Н. Алексеев. Кроме того, в поезде имелось до 30 винтовок. Также есть свидетельство, что пулеметы хранил один из севших в поезд в Воронеже по фамилии Сахновский, а занимались ими Лауэр и дети Алексева⁷¹.

Начались перипетии и с деньгами комиссии. Пока Махровский отсутствовал, эти средства 13 августа на основании предписания Сталина изъял прибывший из Астрахани С.М. Киров⁷². Кирову срочно требовались деньги для Астрахани, куда он намеревался уехать, а банки уже якобы закрылись (впрочем, когда Киров впервые попытался изъять деньги, банки еще работали⁷³).

На следующий день представители комиссии должны были получить изъятую сумму назад в банке. Сталин и С.К. Минин как члены Военно-

⁶⁶ Там же. Л. 59 об.

⁶⁷ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 25, 33.

⁶⁸ Там же. Л. 33 об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 25 об.

⁷¹ Там же. Л. 38.

⁷² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 71 об.; Ф. 71. Оп. 35. Д. 1223. Л. 2.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 157.

го совета СКВО составили соответствующую бумагу в финансовый отдел окружного хозяйственного управления⁷⁴. Деньги выдали супруге Махровского, а получить их помог Алексеев. Казалось бы, инцидент исчерпан. Но инженер Алексеев нагнетал обстановку вокруг денег и посоветовал не хранить их в поезде, так как о местонахождении столь крупной суммы стало широко известно и существовал риск ограбления. По предложению Алексеева деньги 15 августа перенесли на частную квартиру его шофера Вейберга, жившего у рабочего союза «Грузолес» В.В. Дейнекина. Вернувшийся 16 августа Махровский сказал, что не нужно было брать деньги от Сталина обратно, так как тогда бы за средства отвечали те, кто их изъял.

Аресты. Отъезд в Грозный наметили на 18–19 августа (пароходом до Астрахани и далее на автомобилях). 17 августа в результате переговоров в Военном совете СКВО в связи с падением советской власти в Баку план решили изменить и остаться в Царицыне, где не хватало квалифицированных работников. Впрочем, Алексеев почему-то не хотел надолго оставаться в городе.

По дороге на вокзал Алексеева и Махровского недалеко от поезда экспедиции арестовал комендант Царицына И.К. Якимович⁷⁵. Арестованные считали случившееся недоразумением. Однако при обыске в поезде казенных денег не оказалось. Более того, после арестов те, кто отвечал за деньги, Мухин и Лауэр, решили их закопать.

Узнав об арестах, люди с поезда стали разбегаться. Супруга Махровского испугалась: «Когда все уехали, я, сопоставя факты, перепугалась, что если Алексеев в самом деле контрреволюционер, то, наверно, он думал забрать деньги на контрреволюционные цели, и потому была придумана эта вся история с квартирой»⁷⁶. Подозрения усугублялись обнаружением при обыске у Алексеева в купе 25 тыс. руб. и в уборной 250 тыс. руб. К счастью для некоторых участников событий, основная сумма денег в итоге была обнаружена. Тем не менее в качестве основного обвинения группы Алексеева фигурировала попытка скрыть средства и использовать их для финансирования антибольшевистских сил.

Царицынские чекисты, однако, рассказывали, что заговор был раскрыт первоначально в Сербском советском батальоне, а уже потом они вышли на Алексеева. Обратим внимание на то, что из официальной версии связь сербов с Алексеевым не вполне ясна. Версии чекистов значи-

⁷⁴ Сталин. Труды. М., 2017. Т. 9. С. 243.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 76.

⁷⁶ Там же. Л. 96 об.

тельно различаются. Так, председатель ЧК А.И. Червяков вспоминал, спустя 40 лет после событий, в 1958 г., что 12 августа 1918 г. к нему зашел комендант Царицына И.К. Якимович и сообщил о заговоре в Сербском батальоне, о чем стало известно от помощника командира батальона⁷⁷. Силы заговорщиков Червяков оценивал в 600 человек в Сербском батальоне и в 200 офицеров⁷⁸. Царицынский чекист М.П. Батов вспоминал, что раскрытие заговора было связано с полученной агентурной информацией. По его словам, в подполье ЧК имела своего информатора, который располагал самыми общими данными и смог передать лишь, что в 2 часа ночи с 17 на 18 августа намечено выступление Сербского советского батальона во главе с контрреволюционерами, собиравшимися в доме торговца на Ладожской улице, 6⁷⁹. Речь шла о квартире эсера А.С. Петрова⁸⁰. Судя по описанию Батова, агент ЧК работал в Сербском батальоне, а через сербов, по-видимому, чекисты вышли на руководство организации. Существует и иная героическая версия, также исходящая от чекистов, о том, что якобы заговор разоблачил лично председатель ЧК Червяков, вызвавший командира Сербского батальона на откровенный разговор под видом заговорщика-единомышленника, а затем арестовал⁸¹. По третьей версии, о заговорщиках чекистам рассказал машинист поезда комиссии⁸².

Согласно поздним (1957 г.) воспоминаниям Батова, «внутри самого Царицына при активной помощи консулов США, Франции и Сербии готовился большой заговор против Советской власти. Во главе заговора стоял начальник штаба СКВО ген[ерал]-майор Носович, уполномоченный на это предательское дело Борисом Савинковым и главой французской военной миссии в Москве генералом Ляверн. В состав заговорщиков входили: офицеры штаба СКВО и его отделов, местная организация эсеров, царицынский союз «Фронтовик», часть городской милиции, поезд инженера Алексева и втянутый в заговор путем провокации сербский батальон. Во главу угла своей задачи заговорщики ставили: поднять вооруженный мятеж внутри города в момент наибольшего на него

⁷⁷ Червяков А.И. Чекистская работа в обороне Царицына // Музей-заповедник «Сталинградская битва». НВФ 1407. П. 208 ЦД. Л. 4. Выражаю благодарность В.С. Гурьяновой за предоставленные сведения.

⁷⁸ Там же. Л. 18.

⁷⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 11.

⁸⁰ Юдин В.Н. Ленин писал в Царицын... С. 74.

⁸¹ Червяков А.И. Чекистская работа в обороне Царицына... Л. 7-8; *его же*. Чекисты в обороне Царицына. С. 289-290; Поляков М.Т. Призвание — служить России. Волгоград, 2011. С. 128.

⁸² Юдин В.Н. Ленин писал в Царицын... С. 75-76.

нажима к[онтр]р[еволюционных] сил извне, захватить власть в городе в свои руки и передать его белым. Заговор был ликвидирован силами Царицынской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в ночь с 17 на 18 августа 1918 года, когда предполагалось выступление заговорщиков. Ликвидацией заговора руководила выделенная коллегией Цар[ицынской] чрезвычайной комиссии тройка, которая, по сути дела, возглавлялась мною, т.к. вся разработка и ликвидация заговора проходила через секретно-оперативный отдел»⁸³.

По версии Червякова, получив первичные данные, чекисты нагрянули на Ладожскую улицу, где собирались заговорщики. Там они задержали эсера И.И. Котова, у которого обнаружили приказ восставшим и воззвание к населению⁸⁴.

Выступление заговорщиков намечалось под лозунгом борьбы за Учредительное собрание. В изъятом чекистами воззвании, составленном царицынскими эсерами, говорилось: «Товарищи рабочие, крестьяне, казаки и все граждане!

Волею народа большевистская власть в Царицыне уничтожена.

Власть насильников перестала существовать, и отныне каждый может вздохнуть свободно, в полной уверенности, что его никто не обидит, никто не посягнет на право свободной России.

Царицын пал, но не для того, чтобы вернуться к старым порядкам.

Отныне вся полнота власти в городе и его уезде переходит к Комитету членов Учредительного собрания, на обязанности каждого лежит воссоздание упраздненных большевистской властью органов городского и земского управления, избранных всеобщим [голосованием] и т.д.

Однако в довершение всего перед нами и перед всеми гражданами стоит более сложная задача — это воссоздание Единой России»⁸⁵. По словам Батова, воззвание содержало пересказ аналогичного, но более обширного документа, выпущенного 30 июля 1918 г. Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания в Самаре. Действительно, воззвание «Долой палачей», составленное эсерами 30 июня 1918 г., имеется в нескольких копиях в деле Царицынской ЧК о заговоре⁸⁶. Кроме того, на квартире арестованных на Ладожской было найдено воззвание к казакам⁸⁷.

⁸³ Царицын: 1917–1922 гг.: Сб. док. Волгоград, 2021. С. 130.

⁸⁴ Червяков А.И. Чекисты в обороне Царицына. С. 290.

⁸⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 15.

⁸⁶ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 15–17, 50–51, 80–81.

⁸⁷ Там же. Л. 72.

Генерал А.Л. Носович ко времени арестов уже покинул город, но в докладе белому командованию позднее отмечал: «По приезде в Балашов, конечно, для нас предстояло предстать перед революционным трибуналом. Обвинения были только голословные. Все свои сношения с офицерской революционной организацией, стоящей на платформе “Учредительного собрания”, я вел не лично, а через своих адъютантов. Кроме того, схватив главарей означенной организации, царицынская Чрезвычайная комиссия поторопилась их расстрелять, и таким образом главные свидетели моих сношений и поддержки офицерской организации, во главе которой я имел стать, при активном ее выступлении не успели дать никаких показаний против меня, находившегося в момент раскрытия заговора уже в Балашове»⁸⁸.

По свидетельству чекиста Батова, организация имела штаб, в который входили⁸⁹: поручик Г.А. Угневенко — командующий; поручик (по другим данным — подпоручик) сербской службы М.З. Вассович (Васович, у Батова ошибочно — Власич) — начальник штаба; член Учредительного собрания эсер И.И. Котов — начальник политической части; инженер Н.П. Алексеев — начальник гражданской части; председатель Союза «Фронтовик» (Союза фронтовиков) Г.Ф. Выскубов — начальник снабжения; председатель Союза торгово-промышленных служащих эсер А.С. Шевырев — начальник финансовой части; поручик А.Н. Алексеев — сын Н.П. Алексеева — начальник пулеметной команды.

Такой состав штаба выглядит странным и случайным. К тому же в нем нет ни одного старшего офицера. В воспоминаниях чекиста Червякова фигурируют и другие арестованные. Например, инструктор 1-го добровольческого полка, бывший полковник М.И. Хмелев⁹⁰, которому удалось бежать.

По словам Червякова, за два дня было задержано более 70 офицеров-заговорщиков. «Все они были участниками закрытого в Царицыне офицерского союза. Многие офицеры, состоявшие в этой контрреволюционной организации, перебежали ранее в белогвардейский стан. В числе арестованных офицеров-заговорщиков оказались потом искренне раскаявшиеся, доказавшие впоследствии на фронтах Гражданской войны свою преданность Советской России. Они во многом помогли разоблачению и аресту врагов нашей страны и социалистической револю-

⁸⁸ Носович А.Л. Белый агент в Красной армии. С. 424.

⁸⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 15–16.

⁹⁰ Червяков А.И. Чекисты в обороне Царицына. С. 291.

ции»⁹¹. По-видимому, имелась в виду офицерская артель. Червяков явно недоговаривал, поэтому неясно, о каких перебежчиках к белым шла речь, а также кто именно из арестованных раскаялся и выдал других. По свидетельству Червякова, были задержаны два офицера, через которых выяснилось, что «нить заговора потянулась к вокзалу Владикавказской железной дороги. Там на запасной линии стоял маршрутный пассажирский поезд. Это и был Алексеевский контрреволюционный штаб, центр белогвардейско-эсеровского заговора»⁹².

На каком этапе в деле появилась фигура поручика Угневенко, неясно. Квартирная хозяйка Угневенко по фамилии Ступимица показала, что офицер приехал к ней в мае 1918 г. из Витебска, так как бежал от немцев. Жил скромно, но каждый день куда-то уходил. Вел себя подозрительно⁹³. Из показаний самого Угневенко следует, что в организацию он был введен офицером Н.В. Корнеевым (Карнеевым) примерно за три недели до арестов⁹⁴. Угневенко утверждал, что связан с Алексеевым-старшим и получил от того план заговора. Алексеев же знакомство с Угневенко отрицал. Кроме того, Угневенко контактировал с сыном Алексева.

Приказ № 1. Сохранился якобы найденный у Угневенко приказ № 1, который содержал план захвата Царицына в 2 часа 30 минут ночи 17 августа. Известно несколько редакций приказа⁹⁵. В документе упоминался отряд № 1 численностью 255 штыков, которому поручалось занять штаб обороны Французского завода и военные склады Орудийного завода. На Французском заводе требовалось захватить два пулемета и оружие. Вооружиться также необходимо было на Орудийном заводе. У заводов выставлялась охрана. Кроме того, людей предписывалось направить для наблюдения за железной дорогой, а остальных выслать к Волге для задержания пароходов. Отряд № 2 неизвестной численности должен был занять телеграфную станцию, почтово-телеграфную контору и станцию Царицын Юго-Восточной железной дороги (ныне — Волгоград-1), ЧК (последнюю занимала часть отряда № 2 численностью 62 штыка и 32 сабли).

Отряду № 6 в составе 100 штыков поручалось занять станцию Царицын Владикавказской железной дороги (Тихорецкий вокзал, ныне — Волгоград-2). Специальная команда должна была разобрать пути в семи

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 78.

⁹⁴ Там же. Л. 76.

⁹⁵ По-видимому, наиболее полный вариант: Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 20-21.

верстах от города. Отряд Артиллерийской школы должен был занять Клуб коммуны. Отряд фронтовиков численностью 900 штыков также должен был занимать станцию Царицын Юго-Восточной железной дороги, захватить бронепоезд, депо и эшелоны, Военно-революционный комитет (ВРК) на станции, гараж, склад винтовок на винном складе и на Донской улице, почтово-телеграфную контору на Анастасийской и Воронежской улицах. Также требовалось захватить Волжский вокзал, ЧК, два катера-истребителя у пристани «Русь», штаб Тулака на Царицынской улице в доме Никонова.

Производился захват Совета депутатов, телеграфной станции, штаба Красной армии, штаба обороны, отдела снабжения на Александровской площади, номеров Кленова, подворья Краснощекова, гостиницы «Москва», помещения казачьей секции, комендатуры на Гоголевской улице. В этом должен был участвовать отряд сербов численностью 300 человек. Офицерская организация брала радиотелеграф и казармы на Успенской улице. Для этого требовалось 150 человек. В приказе упоминался также отряд склада «Нобель», который должен был прибыть в распоряжение штаба некоего полка. Таким образом, общая численность предполагавшихся участников восстания превышала полторы тысячи человек. По мнению чекиста М.П. Батова, восставших должно было быть 2500–3000 человек⁹⁶.

Арестованных красноармейцев и начальствующих лиц предписывалось расстреливать. То же касалось и всех вооруженных, задержанных на улицах. В одной из версий приказа почему-то местом намеченной казни указан район Французского завода⁹⁷, что выглядит странно и похоже на фальшивку.

«Действовать необходимо быстро и спокойно, никакой стрельбы там, где можно покончить без нее. Начальникам отрядов выбрать из всего отряда наиболее смелых, расторопных и решительных людей, желательно добровольцев, которых и выслать вперед для обезвреживания охраны, с часовыми должно быть покончено без шума, потом уже [в] помещение врывается весь отряд. Все встречающиеся по пути следования отряды, патрули красноармейцев должны быть арестованы и сопротивляющихся расстреливать на месте.

Отличительными знаками служит красная ленточка на левом рукаве размером в 1 верш[ок] шириной и около 3 верш[ков] длиной»⁹⁸. Обра-

⁹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 16.

⁹⁷ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 2. Оп. 485. Д. 1. Л. 11.

⁹⁸ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 474. Л. 3.

тим внимание на последнюю деталь, так как она вновь возникнет при обыске Махровского.

Причастность союзников. Чекисты связывали заговор с работой союзников, в частности с французской военной миссией. Чекист Грулевич показал, что иностранные консулы выдали поручикам Вассовичу и Угневенко 20 тыс. руб. на восстание и в случае победы обещали еще деньги⁹⁹. Был арестован французский вице-консул в Царицыне Ш. Шарбо, сотрудничавший с подпольем и параллельно занимавшийся спекуляцией галантереей и другими товарами. Интересно, что французы получили информацию об этом из Царицына, от сербского офицера¹⁰⁰. Утверждения о том, что Шарбо бежал при раскрытии заговора¹⁰¹, не соответствуют действительности, как и версия о его расстреле, так как впоследствии Шарбо жил во Франции. Советский автор прямо писал, что у Алексева было рекомендательное письмо к Шарбо от главы французской военной миссии в России генерала Ж.-Ф. Лаверня¹⁰². По советским данным, в заговор были вовлечены американские вице-консулы Барри и Р.Ф. Леонард, а также помощник сербского военного атташе подполковник М. Вукичевич. Последний бежал, но в 1919 г. был арестован. Барри и Леонард были арестованы, при них нашли переписку с генералом Лавернем.

1 октября 1918 г. арестованные в Царицыне члены американской и французской миссий препровождались в Москву в распоряжение ВЧК по предложению председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского и Народного комиссариата иностранных дел¹⁰³. Арестованных предполагалось использовать для обмена на бакинских комиссаров. Впрочем, комиссары к тому времени были уже расстреляны (это произошло в ночь на 20 сентября 1918 г.).

В 1919 г. Леонард дал показания в американском Сенате, рассказав о произволе ЧК. По его свидетельству, никакого отношения к заговору он не имел¹⁰⁴. По мнению чекиста Батова, «конечно, если бы в Царицыне в это время был Носович, то организация действовала бы более

⁹⁹ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 23.

¹⁰⁰ Сведения предоставлены к.и.н. Ю.М. Галкиной.

¹⁰¹ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 17.

¹⁰² Юдин В.Н. Ленин писал в Царицын... С. 72.

¹⁰³ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ. Л. 22.

¹⁰⁴ United States. Congress. Senate. Judiciary Committee. Bolshevik propaganda. Hearings before a subcommittee of the committee on the judiciary. United States Senate. Sixty-fifth Congress, third session and thereafter, pursuant to S. Res. 439 and 469. February, 11, 1919 to March 10, 1919, Washington, 1919. P. 200–205.

Копия удостоверения подполковника сербской службы М. Вукичевича. 1918 г. РГВА

решительно. Пользуясь занимаемым положением в штабе, он мог бы не только сконцентрировать необходимые силы внутри города, но и на фронте расставить наши силы так, чтобы предоставить возможность белым бандам без особых трудностей прорваться в город в тот момент, когда это было бы нужно»¹⁰⁵.

Следствие и допросы. Свидетельство Махровского по существу является единственным детальным описанием произведенных арестов и следственных действий. По словам Махровского, Алексеева спрашивали, кто он и зачем приехал в Царицын. На это он ответил, что служит в НКПС и ехал в Грозный по заданию центра вместе с членом коллегии Главного нефтяного комитета Махровским для вывоза нефти. При обыске у Алексеева изъяли более 51 тыс. рублей. Присутствующие стали утверждать, что эти средства предназначены на контрреволюционные цели и даны буржуазией. Тогда вмешался Махровский, заявивший, что деньги он получил в Москве в Государственном банке на закупку нефти в Грозном, а уже из этих денег после отъезда из Москвы аванс был выдан Алексееву под отчет на оплату расходов по содержанию команды поезда. Также Алексей получил деньги от НКПС. Алексей попросил одного

¹⁰⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 173. Л. 17–18.

из членов ЧК вывести в другую комнату бывшего поручика Угневенко, который мог воспользоваться услышанным в целях еще большего оговора. Угневенко увели. Допрос и обыск велись, по мнению Махровского, «крайне грубо, в тоне, напоминающем старые забытые времена охранных (обыскивая, раздевали донага)»¹⁰⁶.

Алексеева кратко допросили, изъяли мандаты, паспорт, записную книжку, личные письма и куда-то увели. Махровский отмечал, что ничего компрометирующего при Алексееве не нашлось. У Махровского изъяли партбилет, удостоверение за подписями председателя СНК В.И. Ленина, председателя ВСНХ А.И. Рыкова и председателя Главного нефтяного комитета ВСНХ Н.И. Соловьева от 17 июля о том, что Махровский уполномочен принимать все меры к вывозу нефти из Грозного, Екатеринодара и Новороссийска, удостоверение на право хранения и ношения маузера и другие бумаги.

Вошедший в комнату председатель ЧК, изучив удостоверение за подписью Ленина, заявил, как свидетельствовал Махровский: «Теперь не такое время, чтобы придавать какое-нибудь значение удостоверениям за подписью Ленина, мало ли кому Ленин не выдает удостоверений?»¹⁰⁷ Якобы Червяков встречал на Донбассе даже бывших углепромышленников с мандатами Ленина. Махровского такие бесцеремонные заявления возмутили, и он разъяснил, что в удостоверения для бывших фабрикантов не верит, а СНК не может раздавать мандаты направо и налево.

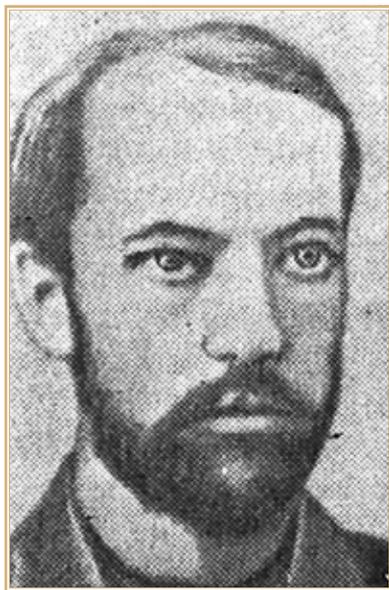
Нефтью Махровский занимался с мая 1916 г., в связи с чем Червяков уточнил, являлся ли он буржуазным специалистом, так как они в большинстве случаев контрреволюционеры. Отсылка Махровского к имевшемуся партбилету тоже не произвела на Червякова никакого впечатления: «Что такое партийный билет? Всякий может иметь партийный билет. По билету вы коммунист. А может быть, на самом деле вы правый эсер, откуда мы знаем?»¹⁰⁸ Махровский протестовал, заявив, что раз Червяков ему не верит, почему он должен верить Червякову. На это последний ответил, что сомневаться Махровский права не имел, так как был арестован, а перед ним советский работник, председатель ЧК.

Червяков стал расспрашивать Махровского о найденной у того красной ленточке-закладке. Махровский же, возмущенный расспросами, сказал, что не будет указывать происхождение ленточки и вообще — это

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 77 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 79.

¹⁰⁸ Там же. Л. 79 об.

Председатель Главного нефтяного комитета Н.И. Соловьев

лента цвета советского флага. После препирательств Червяков заявил, что это важная улика — при аресте штаба контрреволюционеров на одной из квартир нашли эсеровские прокламации и кипу красных значков, которые заговорщики планировали надеть, чтобы обмануть советские караулы.

Махровский сказал: «Странно как-то все делается у Вас: хватают ни с того ни с сего человека, несмотря на то, что он является представителем советской организации с чисто экономическими задачами, сажают под арест и обращаются как с преступником. Должно же быть у Вас какое-нибудь уважение к центральным органам советской власти... ведь я же не с улицы явился сюда, я прислан сюда с определенными задачами от Совета народных комиссаров и ВСНХ. Если же меня в каждом городе будут подвергать арестам, и я вместо выполнения возложенных на меня задач буду сидеть в тюрьме, никакая работа в смысле налаживания хозяйственной жизни страны не мыслима при таких условиях. Вы в таком случае честно предупредите центр, что будете арестовывать каждого, кто явится сюда и, м[ожет] б[ыть], тогда центр не будет посылать сюда никого. А то ставите в неловкое положение центр. Совнарком посылает сюда людей для работы, а вы их арестовываете»¹⁰⁹.

На это Иванов ответил: «Бросьте, товарищ, ссылаться на центр и на необходимость подчинения мест центру... В Москве делают по-своему, а мы здесь все переделываем по-своему. Что же касается того, что Сов-

¹⁰⁹ Там же. Л. 81.

нарком за подписью Ленина дает мандаты тем или иным людям, а мы их здесь арестовываем, так это совершенно правильно. Ленин может ошибаться. Правда, декреты он хорошо пишет, мы их здесь почитываем, а осуществляем только те из них, которые соответствуют местным условиям¹¹⁰. Центр нам диктовать ничего не может, мы сами диктуем центру свою волю, ибо мы — власть на местах»¹¹¹. Доводы о том, что местной версии коммунизма не существует, не действовали. Махровский пришел к выводу, что попал в руки людей «с психологией пещерных обитателей».

Характерным показателем двоемыслия чекистов было то, что они ни в грош не ставили послания Ленина, но параллельно лицемерно соблазновали в связи с покушением на главу Советского государства¹¹².

Махровский вспоминал: «Бодро прошел ряд коридоров и вхожу в знакомую мне комнату: кабинет председателя.

Вижу такую картину: у стола с левой стороны сидит 6–7 незнакомых мне лиц, среди которых находятся Червяков и Якимович; с правой стороны у стола сидит первой А.В. Бурцева, Н.А. Мухин, старший сын Алексева Александр и Н.П. Алексеев, лицо которого представляло сплошную кровавую маску с огромными кровоподтеками под глазами. Один глаз был совершенно закрыт, и нельзя было понять, выбит ли он совсем или только покрылся опухолью. Волосы на лице были покрыты кровью, и кровь стекала по шее за воротник»¹¹³.

Начался допрос Махровского. Его спросили о цели приезда в Царицын и причинах наличия крупной суммы денег. Он ответил, что и раньше, — что командирован от СНК в Грозный для вывоза нефти, а средства отпущены из кредитов Главного нефтяного комитета для закупки нефти по распоряжению президиума ВСНХ. Затем возник неожиданный вопрос — как Махровский объясняет, что выданные центром деньги были закопаны в землю. Махровский об этом ничего не знал, адресовав чекистов к присутствовавшему Мухину, который должен был находиться при деньгах.

Как сообщил последний, накануне вечером комендант поезда Лауэр сказал ему, что Махровский и Алексеев арестованы. До освобождения арестованных во избежание осложнений было решено деньги закопать. Это было сделано Мухиным и Лауэром во дворе дома. Утром обоих арестовали, а деньги изъяли.

¹¹⁰ Вместо зачеркнутого: нам выгодны.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 81.

¹¹² Там же. Л. 102.

¹¹³ Там же. Л. 81 об.

Рабочий кабинет штаба обороны Царицына. Реконструкция.
Музей-заповедник «Сталинградская битва»

Махровский вспоминал: «Я полагал, что допрос проводится для того, чтобы выяснить обстоятельства дела и осветить комиссии те стороны, которые были ей не знакомы, на самом деле ничего подобного не было: у комиссии было уже готовое решение и участь всех была предрешена, поэтому эти люди верили только своим предположениям, ни на чем не основанным, и никаким доводам другой стороны не придавали значения. Когда я давал свои объяснения, председатель зевал во весь рот, другие ходили с равнодушным видом по комнате или развлекались рассмотриванием револьверов и т.д. Существом дела никто не интересовался»¹¹⁴.

У Махровского сложилось впечатление того, что выяснить истину в этом деле чекисты не стремились: «Все мои объяснения выслушивались с тупым видом, и люди вновь отрывали меня каким-нибудь не относящимся к делу вопросом и принимались обвинять в преступлении по должности. Я видел полную безнадежность что-либо доказать комиссии и прекратил дальнейшие объяснения.

Часа два длился, таким образом, допрос, не давший никаких результатов, кроме того, что каждый из нас узнал, что его расстреляют»¹¹⁵.

Допрос инженера Алексева носил своеобразный характер. На арестованного посыпались вопросы, на которые он не успел ничего отве-

¹¹⁴ Там же. Л. 84 об.

¹¹⁵ Там же.

тить, после чего на него стали кричать: «Негодяй, предатель, говори лучше правду, все равно расстреляем!»¹¹⁶ Как видно, уровень работников ЧК оставлял желать лучшего. Затем в комнату ввели Вассовича, который почему-то набросился на Алексеева с обвинениями в заговоре, начал избивать его, после чего к избивению присоединились и остальные.

Просьбы сообщить в центр о намеченном расстреле посланцев из Москвы остались без внимания. Чекисты заявили, что теперь не старый режим, чтобы согласовывать местные решения с центром.

Арестовали и супругу Махровского. Избивали как самого Алексеева, так и обоих его сыновей, а также Мухина. 19 августа Алексеева с сыновьями Александром и Павлом, Угневенко, сербского офицера Вассовича и присяжного поверенного Котова расстреляли. Со слов комиссара, Алексеев якобы перед казнью крикнул: «Да здравствует контрреволюция!» По другим сведениям, Алексеев с детьми перед расстрелом подняли руки и закричали: «Да здравствует Родина — Россия!», «Да здравствует контрреволюция!», «Ура!»¹¹⁷

По словам Махровского, «шли на казнь Алексеевы бодро, без лишних слов о прощении. На автомобиле по пути к месту казни всю дорогу смеялись и шутили»¹¹⁸. Это дало повод чекистам утвердиться в мысли, что они контрреволюционеры, иначе бы они просили прощения.

После расстрела Алексеева Махровский 5–6 дней был предоставлен самому себе — не было ни вызовов, ни допросов. Можно было выходить из комнаты в коридор, что позволило Махровскому наблюдать порядки Царицынской ЧК. Во всем наблюдались хаос и отсутствие координации. Руководство ЧК искало славы искоренителей контрреволюции, тогда как младший персонал нередко относился к арестованным сочувственно. Производились бессистемные аресты и обыски по ложным доносам, поскольку обыватели пользовались такой ситуацией для сведения счетов¹¹⁹. Тем же пользовались и власти. Имели место случаи расстрела без предъявления обвинения¹²⁰. Арестовывали даже 80-летних стариков (например, шпионом объявили такого старика, являвшегося германским реэмигрантом, который не говорил по-русски¹²¹). Один из арестованных пытался бежать, но его задержали у ворот, через несколько ми-

¹¹⁶ Там же. Л. 87 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 36.

¹¹⁸ Там же. Л. 87.

¹¹⁹ Там же. Л. 88 об.

¹²⁰ Там же. Л. 89.

¹²¹ Там же. Л. 91.

нут вышел комиссар с винтовкой и тремя выстрелами пристрелил беглеца¹²². Были среди арестованных английский и французский консулы, а также английский вице-консул, которые не были подсудны местным властям. Часть арестованных, порядка 400 человек, держали на барже посреди Волги. Сделано это было в связи с угрозой прорыва в Царицын казаков. Условия содержания из-за скученности были тяжелыми. Имелось лишь одно отхожее место, в которое стояла очередь по четыре часа. Некоторые падали в обморок¹²³. Заключенных почти не кормили.

Как свидетельствовал Махровский, по делу Алексева были расстреляны рабочий А.С. Шевырев и председатель Союза фронтовиков Г.Ф. Выскубов, которым не было предъявлено никакого обвинения. Иногда арестованных расстреливали, а постфактум приписывали им какое-либо преступление. Был расстрелян Г.В. Джанзугазов (Джанзугазов), арестованный при поездке к детям¹²⁴. Арестовали и расстреляли прапорщика В.Е. Упатова, который пришел записаться в Красную армию по объявлению в газете, но был арестован как контрреволюционер.

Руководил ЧК А.И. Червяков — бывший городской голова Луганска. По мнению Махровского, он «в работе ЧК страшно огрубел — сделался зверем»¹²⁵. Червяков был «помешан на отыскании контрреволюционеров, страшно бранится и бьет арестованных и низших служащих собственноручно»¹²⁶. Помощник Червякова Иванов «зарекомендовал себя как зверь и деспот, свирепствовал невероятно, особенно проявил зверские наклонности при аресте бывших офицеров. Комиссар Николаенко рассказывал, что из арестованных бывших офицеров в Луганске все расстреляны»¹²⁷. В Царицыне борцы с бывшими офицерами установили аналогичные порядки. Порой расстреливали даже лояльных большевикам лиц, которые перед смертью выкрикивали, что дело коммуны непрочно, так как строится на невинной крови¹²⁸. Деятельность Царицынской ЧК Махровский характеризовал как «систему насилия и ничем не оправдываемого террора, применяемого к советским работникам»¹²⁹. Никакого контроля не было, тем более что распоряжениям центра и не подчинялись.

¹²² Там же. Л. 88.

¹²³ Там же. Л. 90 об.

¹²⁴ Там же. Л. 90.

¹²⁵ Там же. Л. 89.

¹²⁶ Там же. Л. 89 об.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. Л. 93 об.

¹²⁹ Там же. Л. 93.

28 августа Махровскому сообщили, что по делу о заговоре допрошено порядка 70 человек. Ни один из них не дал показаний против Махровского. Председатель ЧК Червяков 25 августа телеграфировал в Москву в ВЧК, НКПС и ВСНХ, что «открыт заговор правых эсеров, офицерства и фронтовиков. Главную роль играл член технической консультации комиссариата путей Алексеев и член Учредил[ки] Саратовской губернии и правый эсер Котов. Все главари задержаны. Найдены зарытым[и] в земле около десяти миллионов рублей, отпущенных Алексееву на закупку жидкого топлива [в] Грозном и предназначенных им для передачи контрреволюционерам»¹³⁰.

Между тем в Москве товарищи Махровского предпринимали чрезвычайные усилия по его спасению — направляли в Царицын положительные характеристики, задействовали важные связи. К этому подключился даже В.И. Ленин, который 27 августа телеграфировал в Царицын Сталину с копией председателю ЧК Червякову: «Астраханский главноуполномоченный Главконефти телеграфирует об аресте Вами [в] Царицыне члена коллегии Главного нефтяного комитета Махровского. Прошу срочно телеграфировать причины ареста Махровского. Махровский — видный энергичный работник Выснархоза¹³¹ и преданный член нашей партии. Если деятельность Махровского не согласуется [с] Вашими указаниями, предпишите ему немедленно выехать [в] Москву. [О] последующем телеграфируйте»¹³². Впрочем, в биохронике Ленина есть указания на то, что телеграмма предписывала доставить в Москву не только Махровского, но и Алексеева¹³³.

Как известно, 30 августа Ленин был ранен и не мог следить за развитием событий, а его требование царицынцы проигнорировали. Впрочем, 4 сентября требование освободить Махровского прислал уже исполнявший вместо Ленина обязанности председателя СНК Я.М. Свердлов¹³⁴.

12 сентября арестованные объявили голодовку. 19 сентября датировано возмущенное заявление Махровского, в котором он изложил подробности своего дела, а также резко отозвался о своих тюремщиках. В конце пространного послания Махровский отмечал: «Порой мне кажется, что я нахожусь в тюрьме врагов советской власти, и тогда все происходящее со мной было бы вполне понятно, но, слыша вокруг “то-

¹³⁰ Там же. Л. 114.

¹³¹ Высшего совета народного хозяйства.

¹³² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 108.

¹³³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6. С. 102.

¹³⁴ *Argenbright R. Red Tsaritsyn. P. 176.*

варищ”, кажется все невероятным: “Так что же все это значит?” “До каких пор все это будет продолжаться?”»¹³⁵

Освобождение Махровских. Лишь 21 сентября состоялось долгожданное освобождение¹³⁶. Махровский уцелел, хотя ранее был приговорен к расстрелу¹³⁷. По-видимому, его спасло членство в партии. Изъятые при обыске вещи не вернули. В общей сложности арест продолжался 35 суток, после чего его отпустили на поруки члена коллегии Главного нефтяного комитета С.М. Тер-Габриэляна, который специально приехал из Саратова. По освобождении Махровский обратился в Президиум ВСНХ с требованием назначения особой комиссии для расследования дела и освидетельствования деятельности Царицынской ЧК.

Описание случившегося оставила и секретарь экспедиции А.В. Бурцева (Махровская), которая около двух недель просидела под арестом. За это время женщину лишь однажды вызвали на допрос, а затем и вовсе забыли. Позднее ее посадили вместе с мужем и Мухиным.

Поскольку Царицынская ЧК изъяла у Махровского деньги при аресте¹³⁸, 13 сентября 1918 г. комиссар ЧК внес 9200 тыс. руб. (по заявлению Махровского, это была не вся изъятая сумма¹³⁹) в царицынский Народный банк. Деньги Главный нефтяной комитет продолжал пытаться вернуть от чекистов и через год, в июле 1919 г. Как ни странно, в то время чекисты по-прежнему продолжали расследовать дело Алексева¹⁴⁰.

Расстрелянные. Как отмечалось в материалах Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, «все главные участники заговора были арестованы большевиками и посажены в дом Галдобина¹⁴¹. Там их подвергали жесточайшим пыткам с целью добиться выдачи остальных участников заговора. Их избивали прикладами ружей и плетьюми так, что головы, лица и спины у них были сплошь разбиты и рассечены; присяжному же поверенному Котову вывихнули обе руки; а затем их, истерзанных и полуживых, расстреливали. Согласно данным, напечатанным в № 1 “Известий” царицынского чре[з]вкома (ЧК. — А.Г.), по этому заговору было расстреляно, кончая ноябрем, 23 человека, в том числе инженер Алексева, два его сына Александр и Павел, присяжный поверенный Ко-

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 102.

¹³⁶ Там же. Л. 92 об.

¹³⁷ Там же. Л. 6 об.

¹³⁸ Там же. Л. 4.

¹³⁹ Там же. Л. 7.

¹⁴⁰ Там же. Л. 8 об.

¹⁴¹ Царицынская ЧК.

Особняк Галдобина — Царицынская ЧК. 1918 г.

тов и председатель съезда торгово-промышленных служащих Шевырев. Затем в № 48 газеты “Борьба” от 28 февраля (н[ового] ст[иля]) 1919 года напечатано, что по постановлению царицынской губернской чрезвычайки расстреляны за участие в Алексеевском заговоре еще четверо¹⁴². Из 23 расстрелянных¹⁴³, о которых известны сравнительно подробные данные, бывшими офицерами являлись не менее 13 человек. Это были младшие офицеры. Среди тех, чьи данные известны, наиболее высокий чин штабс-капитана имел А.К. Фадеев. Неясно, однако, почему руководил офицерами младший в чине поручик Угневенко. Тем более что среди арестованных упоминался и полковник Хмелев.

По официальному сообщению, Н.П. Алексеев был расстрелян «за непосредственное участие в заговоре против Советской власти и умышленное скрывание выданных ему Высшим советом народного хозяйства для закупки нефти девяти с половиною миллионов рублей от Советской власти для использования на контрреволюционное выступление»¹⁴⁴. Впрочем, указывалась и иная формулировка: «За активное участие в лично им организованном контрреволюционном белогвардейском заговоре правых эсеров и черносотенных офицеров, целью которых было путем вооруженного выступления в ночь с 17 на 18 августа текущего года

¹⁴² Особая комиссия. С. 34–35.

¹⁴³ Их список см.: ВЧК — ГПУ. Док. и мат. / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1995. С. 35–46.

¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 36.

разгромить местные советские учреждения и захватить власть в свои руки»¹⁴⁵. В 1991 г. Алексеевы были реабилитированы.

Итоги и последствия дела. В речи по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 г. В.И. Ленин упомянул о заговоре Алексеева в Царицыне: «У нас бывали разногласия, ошибки — никто этого не отрицает. Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно, и те документы, которые цитировал тов. Ворошилов, — они показывают, какая масса героизма в X армии и, в частности, в поведении тов. Ворошилова, — нашу ошибку раскрыли. Моя ошибка раскрылась, а я ведь телеграфировал: будьте осторожны. Я делал ошибку. На то мы все люди... Заслуга царицынцев, что они открыли этот заговор Алексеева»¹⁴⁶. И хотя царицынцы сумели убедить Ленина в правильности своих действий в 1918 г. (тем более что им удалось сохранить контроль над городом в период боев 1918 г.), в конечном счете возобладал прагматизм в отношении старых специалистов и их привлечения на службу Красной армии и Советской России. Такая политика стала залогом победы большевиков.

Через много лет после тех событий, уже в период десталинизации, для ЦК КПСС на основе документов Центрального партийного архива, Специального архива, материалов Царицынской ЧК, а также выяснения существа дела у бывшего председателя Царицынской ЧК Червякова, проживавшего на пенсии в Москве, была подготовлена справка по вопросу о заговоре. По-видимому, эту справку можно считать достаточно объективной, хотя документов белых ее составители не видели. Выводы документа гласили:

«1. По-видимому, ряд лиц, в частности поручик Угневенко, арестованные в Царицыне в 1918 г., были замешаны в антисоветском заговоре. Об этом свидетельствует, например, отобранный у Угневенко отпечатанный на машинке приказ № 1, в котором указывалось, что контрреволюционное восстание в Царицыне должно начаться в 2 часа ночи 17 августа 1918 г. В приказе определялись задачи различных групп — участников заговора по занятию советских учреждений в Царицыне, телеграфа, аресту руководящих партийных и советских работников. В делах о заговорщиках имеются также сведения о нескольких встречах старшего сына Алексеева с некоторыми лицами из числа бывших офицеров, которые были арестованы в Царицыне в июле 1918 г.

¹⁴⁵ ВЧК — ГПУ. С. 35.

¹⁴⁶ Ленинский сборник. М., 1970. Т. 37. С. 136.

К.Е. Ворошилов. 1918 г.

2. Каких-либо существенных улик или убедительных показаний (кроме заявления Угневенко), изобличающих Н.П. Алексеева как “главного организатора контрреволюционного выступления в Царицыне”, в сохранившихся материалах не имеется. Наоборот, одно из главных доказательств виновности Алексеева, выставленных Царицынской ЧК, конфискация у заговорщиков 10 млн руб. — является несостоятельным.

3. Рассматривая вопрос об “Алексеевском заговоре”, нельзя не учитывать всей сложности политической и военной обстановки, создавшейся в Царицыне в 1918 г. Контрреволюция принимала все меры для занятия этого важного политического и стратегического центра на юге России. Много внимания враги уделяли и организации заговоров в тылу Красной армии, в частности в самом Царицыне.

В то же время следует отметить и то обстоятельство, что руководящие деятели в Царицыне, в том числе и находившийся там с большими полномочиями Сталин, проводили тогда ошибочную линию по отношению к старым специалистам, рассматривая всех их, независимо от действительной позиции, которую занимал тот или иной работник по отношению к Советской власти, как сплошную контрреволюционную массу. Об этом свидетельствует, в частности, донесение Царицынской ЧК, посланное за подписью Червякова в ВЧК 11 ноября 1918 г. Сообщая об основных направлениях в работе ЧК в последние 4 месяца, Червяков писал: “1. Массовый арест офицерства, в результате чего Северо-Кавказский округ был реорганизован до основания, и арест крупней-

шей буржуазии”. В донесении говорилось о том, что только в течение 4-х месяцев в Царицыне было арестовано 7 тыс. старых специалистов и представителей буржуазии. Узнав об этих фактах, ЦК РКП(б) поручил А.И. Акулову провести расследование, о чем В.И. Ленин упомянул в своем выступлении на VIII съезде РКП(б).

4. На основе имеющихся данных пока невозможно ни подтвердить правильность версии об Алексеевском заговоре в 1918 г., ни опровергнуть ее. Для решения этого вопроса необходимо, чтобы органы прокуратуры провели всестороннее расследование указанного дела»¹⁴⁷.

Выводы. Итак, мы собрали и обобщили максимум доступных материалов по истории алексеевского дела как с советской стороны, так и со стороны белых. К каким выводам можно прийти? С некоторыми оговорками следует согласиться с выводами справки, подготовленной для ЦК КПСС. Действительно, часть сотрудников Алексеева, приехавших в Царицын по линии Главного нефтяного комитета, никакого отношения к заговору не имела, а наоборот, принадлежала к убежденным коммунистам (прежде всего К.А. Махровский и его супруга).

Что касается роли инженера Алексеева, то картина менее определенная. Он не был членом партии, но по своей квалификации имел все основания быть назначенным в командировку, тем более что получил назначение от наркома путей сообщения. То, что он взял с собой по пути двух сыновей, один из которых был еще подростком, также свидетельствует скорее в пользу лояльности Алексеева. Впрочем, был и третий сын, служивший у белых. Связей с Царицыном у Алексеева не было. Кроме того, начальник политической части заговора И.И. Котов даже не упомянул Алексеева в показаниях. Однако Алексей в первой половине августа 1918 г. находился вне поля зрения Махровского, уехавшего в Москву, вел себя подозрительно и организовал изъятие денег из поезда. Если верить свидетельствам белых, Алексей был связан с подпольем в Москве и по этой линии установил контакты с царицынскими офицерами-подпольщиками. Таким образом, нельзя исключать его возможного вовлечения в заговор в Царицыне. Такой же точки зрения придерживается и американский исследователь этой темы Р. Аргенбрайт¹⁴⁸.

Сами белые по двум независимым свидетельствам (генерала Носовича и Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков) подтверждают, что организация Алексеева существовала. В материалах

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1223. Л. 4–6.

¹⁴⁸ *Argenbright R. Red Tsaritsyn. P. 172.*

Смотр войск Царицынского фронта у здания Совета. 1918 г.

дела упоминался соратник Носовича полковник В.П. Чебышев. Более того, еще в августе 1918 г. Носович на допросе случайно проговорился, что знал о заговоре Алексева.

На действия комиссаров и чекистов влияла тревожная обстановка в прифронтовом городе. Дело имело политическую подоплеку. Возможно, на него повлиял предшествовавший конфликт Сталина и Махровского. Характерно, что инженер Алексева выдавался за ставленника Троцкого, что не соответствовало действительности. Расследование велось Царицынской ЧК непрофессионально, что видно из свидетельств Махровского и его супруги. Огромное значение придавалось несущественным вещам, а все фигуранты огульно считались контрреволюционерами. Для получения нужных показаний широко применялись побои. Неудивительно, что уже 22 августа 1918 г. по предписанию центра исполком Царицынского совета создал комиссию по проверке деятельности Царицынской ЧК, слухи о произволе которой распространялись все шире¹⁴⁹. Но уже 2 сентября был объявлен красный террор, что легализовало методы чекистов. Кроме того, еще 31 августа датирована телеграмма членов Военного совета СКВО И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и С.К. Минина Я.М. Свердлову в связи с покушением на Ленина. В доку-

¹⁴⁹ Крпкова И.А. Формирование советских органов государственной безопасности на местах в 1918–1920 г. (на примере Царицынской губернии) // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 84.

менте сообщалось, что Военный совет «отвечает на это низкое покушение из-за угла организацией открытого, массового, систематического террора против буржуазии и ее агентов»¹⁵⁰. В общей сложности с августа по ноябрь 1918 г. Царицынская ЧК расстреляла не менее 103 человек¹⁵¹. Разоруженный Сербский советский батальон позднее получил оружие обратно и был направлен под командованием Д. Сердича в Черноярский уезд для проведения мобилизации и реквизиций зерна¹⁵².

Отметим избирательность наказаний за одни и те же «преступления». Так, казенные деньги закапывали (что было сочтено контрреволюционным деянием) В.К. Лауэр и Н.А. Мухин, но последний являлся коммунистом, поэтому из них двоих расстреляли только Лауэра. Кроме того, не была расстреляна чета коммунистов Махровских.

В события были вовлечены иностранцы, прежде всего сербские военные. В деле фигурировали подпоручик сербской службы М.З. Вассович, а также помощник сербского военного атташе. С подпольем сотрудничали французский вице-консул в Царицыне и американские вице-консулы.

По совокупности свидетельств с разных сторон можно считать, что в Царицыне в июле–августе 1918 г. действительно возник заговор офицерской трудовой артели. Его участники вели контрреволюционные беседы и пытались, взаимодействуя с сербскими военными, поднять восстание. Эта попытка была упреждена чекистами. Однако степень выполнимости намеченных планов захвата подпольщиками Царицына не вполне ясна, как и реальная численность заговорщиков. К сожалению, утверждать что-либо более определенно до открытия полного доступа к материалам следственного дела не приходится.

¹⁵⁰ Сталин. Труды. М., 2017. Т. 9. С. 350.

¹⁵¹ ВЧК — ГПУ. С. 35–46.

¹⁵² Яценко В.Г. Царицын в осаде: террор красных, белых, зеленых. Волгоград, 2023. С. 87.

REFERENCES

1. Vladimir Ilyich Lenin. Biograficheskaja hronika [Biographical chronicle]. M.: Politizdat, 1974. T. 5. 740 s.
2. *Ganin A.V.* Belyj agent pri Staline. Zhizn' i bor'ba generala Nosovicha [The White Agent under Stalin. The life and struggle of General Nosovich]. Moscow: Kuchkovo field Museum, 2022. 560 s.
3. *Ganin A.V.* «Nasha voennaja organizacija... prodolzhaet schitat' Vas svoim vozhdem»: Pis'mo i raport generalu M.V. Alekseevu o belom podpol'e v Kazani i Caricyne. 1918 g. [«Our military organization... He continues to consider you his leader»: Letter and report to General M.V. Alekseev about the white underground in Kazan and Tsaritsyn. 1918] // Omsk scientific Bulletin. The series «Society. History. Modernity». 2019. T. 4. № 4. S. 75–81.
4. *Ganin A.V.* «Nosovich i Kovalevskij — ljudi politicheski nenadezhnye»: vospominanija S.S. Ioffe o rabote vysshej voennoj inspekcii na Juge Rossii v 1918 godu [«Nosovich and Kovalevsky are politically unreliable people»: S.S. Ioffe's memoirs about the work of the Supreme Military Inspectorate in the South of Russia in 1918] // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. T. 23. № 1. S. 5–13.
5. *Genkina E.B.* Bor'ba za Caricyn v 1918 godu [The struggle for Tsaritsyn in 1918]. M.: Politizdat, 1940. 220 s.
6. *Dubinina D.V.* Voенно-politicheskaja dejatel'nost' I.V. Stalina v gody Grazhdanskoj vojny: 1918–1920 gg. [Military and political activity of I.V. Stalin during the Civil War: 1918–1920]: dissertation ... Candidate of Historical Sciences, 2010. 191 s.
7. *Krepkova I.A.* Formirovanie sovetskikh organov gosudarstvennoj bezopasnosti na mestah v 1918–1920 gg. (na primere Caricynskoj gubernii) [The formation of Soviet state security agencies in the field in 1918–1920 (on the example of Tsaritsyn province)] // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2 (38). S. 82–86.
8. *Polyakov M.T.* Prizvanie — sluzhit' Rossii [Vocation is to serve Russia]. Volgograd: Publisher, 2011. 405 s.

9. *Protasov L.G.* Ljudi Uchreditel'nogo sobranija: portret v inter'ere jepohi [People of the Constituent Assembly: portrait in the interior of the epoch]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 460 s.
10. *Razinkov M.E., Morozova O.M.* Social'no-politicheskij dialog v Rossii (1917–1918 gg.): tendencii, mehanizm, regional'nye osobennosti [Socio-political dialogue in Russia (1917–1918): trends, mechanism, regional features]. Moscow: Quadriga, 2021. 714 s.
11. *Khlevnyuk O.V.* Stalin. Zhizn' odnogo vozhdja: biografija [Stalin. The life of one leader]: biography. Moscow: AST: Corpus, 2015. 461 s.
12. *Yudin V.N.* Lenin pisal v Caricyn... [Lenin wrote to Tsaritsyn...] Volgograd: Nizhne-Volzhsy Book Publishing House, 1985. 256 s.
13. *Yaschenko V.G.* Caricyn v osade: terror krasnyh, belyh, zelenyh [Tsaritsyn under siege: the terror of the Reds, Whites, and Greens]. Volgograd: Volga Publishing House, 2023. 472 s.
14. *Argenbright R.* Red Tsaritsyn: Precursor of Stalinist Terror // Revolutionary Russia. 1991. Vol. 4. № 2. S. 157–183.

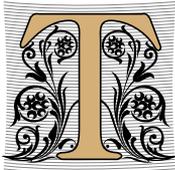

Ключевые слова:

Гражданская война, РККА, белое подполье, Царицын, А.Л. Носович, И.В. Сталин, Алексеевский заговор

Andrey V. Ganin

THE CONSPIRACY CASE OF ENGINEER N.P. ALEKSEEV IN TSARITSYN, AUGUST 1918: MYTH OR REALITY?

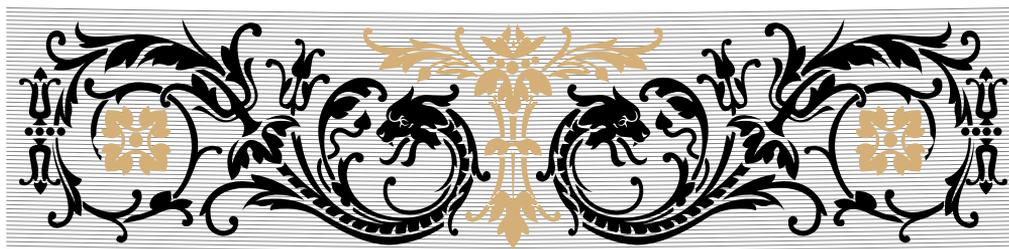
The article is devoted to the analysis of the conspiracy case of engineer N.P. Alekseev, investigated by the Tsaritsyn Cheka in August 1918. On the basis of new documentary materials, an attempt is made to understand the nature of this case and the authenticity of the existence of the conspiracy.

Key Words: Civil War in Russia, Red Army, white underground, Tsaritsyn, A.L. Nosovich, I.V. Stalin, Alekseev Conspiracy.

Andrey V. Ganin – Dr.Hab. in History, leading research fellow Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

 Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.010

С.А. Миронюк

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА ИНТЕРВЕНЦИИ В РОССИИ (НОЯБРЬ 1917 г. — ДЕКАБРЬ 1919 г.) КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ

Введение

Гражданская война в России (ноябрь 1917 г. — октябрь 1922 г.) — один из особых, драматичных и судьбоносных этапов отечественной истории. К ее отличительным чертам относят широкомасштабное участие влиятельных иностранных держав, которое приняло форму длительной политики интервенции, посредством которой каждая страна стремилась решить в России свои национальные задачи для достижения глобальных стратегических целей во время и после Первой мировой войны. Такая политика как фактор Гражданской войны вызвала неоднозначные оценки среди отечественных и зарубежных историков.

В советский период отечественной историографии, когда в исследованиях преобладали подходы марксистско-ленинской философии истории и позиции победителей Гражданской войны, историки относили британскую политику интервенции к одной из составных частей внутрироссийского противостояния. С точки зрения этих историков, Великобритания активно участвовала в Гражданской войне на всех ее этапах — от возникновения до завершения. Она направляла свои вооруженные силы в разные части бывшей Российской империи и оказывала

существенную военно-техническую, финансовую и консультационно-организационную помощь различным антибольшевистским силам на ее территории, включая основную антибольшевистскую силу — Белое движение.

Деятельность Соединенного Королевства, как и других стран, была направлена, в частности, на установление контроля над российской территорией (М.Ю. Левидов)¹; поддержку российской буржуазии (А.И. Анишев)²; возвращение долгов царского правительства, а также фабрик и заводов, национализированных Советом народных комиссаров (Е.Е. Якушкин)³; реставрацию «буржуазно-помещичьего строя» (Ф. Миллер, Г. Рейхберг, А. Гуковский)⁴. Такие выработанные подходы стали присутствовать и в работах других советских историков вплоть до распада СССР: Н.Н. Яковлева, С. Полунина⁵, И.И. Минца⁶, Г.Е. Мымрина⁷, О.Ф. Соловьева⁸, Г.В. Кузьмина⁹, С.Г. Лившица¹⁰, Ф.Д. Волкова¹¹, М.И. Светачева¹², Н.Г. Думовой и В.Г. Трухановского¹³.

В целом советская историография уделяла преобладающее внимание британской политике интервенции, рассматривая ее как фактор влияния в Гражданской войне. Эта проблема рассматривалась либо как

¹ Левидов М.Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Л., 1925. Т. 1. С. 3–5, 173–181.

² Анишев А.И. Очерки истории Гражданской войны 1917–1920 гг. Л., 1925. С. 124, 215.

³ Якушкин Е.Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М.; Л., 1928. С. 3–4.

⁴ Миллер Ф. Брестский мир и Антанты // Историк-марксист. 1933. № 1. С. 111–126; Рейхберг Г. К истории интервенции на Дальнем Востоке. М., 1934; он же. Подготовка интервенции Антанты и заговор Локкарта. 1918 год // Исторический журнал. 1938. № 12. С. 76–83; он же. Из истории разгрома иностранной военной интервенции на Севере Советской России // Там же. 1940. № 3. С. 42–52; Гуковский А. Разгром Германии в 1918 г. и подготовка интервенции стран Антанты против страны Советов // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 42–61.

⁵ Яковлев Н.Н., Полунин С. Английская интервенция в 1918–1920 гг. М.; Л., 1928.

⁶ Минц И.И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931.

⁷ Мымрин Г.Е. Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром (1918–1920 гг.). Архангельск, 1953.

⁸ Соловьев О.Ф. Подготовка и начало интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 38–53.

⁹ Кузьмин Г.В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. М., 1977.

¹⁰ Лившиц С.Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул, 1979.

¹¹ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980.

¹² Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983.

¹³ Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Мидлюков против Советской России. М., 1989.

отдельное исследовательское направление, либо в рамках более широких тем. Основной тезис советских историков заключался в стремлении Великобритании ликвидировать ненавистную ей социалистическую/пролетарскую модель управления в России. Борьба с РСФСР и помощь ее противникам представляли самозащиту капиталистической Великобритании от Советской России. Политика вмешательства Соединенного Королевства во внутренние российские дела была представлена как очень важный фактор Гражданской войны.

После распада СССР начала формироваться постсоветская российская историография Гражданской войны в России. В ней монопольное положение марксистско-ленинской философии истории, как и многие выработанные обязательные позиции победителей Гражданской войны были устранены. В этой связи появились новые точки зрения на историю Гражданской войны и интервенции в России, а также расширились старые и получили развитие новые исследовательские направления. В частности, стали рассматриваться углубленно российские антибольшевистские правительства и Белое движение¹⁴.

Вместе с тем произошло уменьшение количества работ о британской политике интервенции в России, в том числе как фактора Гражданской войны. Такие работы отличались рассмотрением этой проблемы в рамках более крупных тем: истории Первой мировой войны, внешней политики России, международных отношений и др. Из них стоит выделить труды А.И. Уткина¹⁵, Н.Е. Быстровой¹⁶ и Е.Ю. Сергеева¹⁷. В отличие от историков советского периода они считали проводимую Великобританией политику интервенции способом сохранения — и даже продвижения — британских интересов в России. Эта политика была вызвана не борьбой против Советской России как государства с альтернативными приоритетами, а возникновением у Германии потенци-

¹⁴ *Зими́на В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006; *Гагжуев Р.Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1919 гг. М., 2019; *он же.* Белое дело в России: 1920–1922 гг. М., 2019; *Пученков А.С.* Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил Юга России. Ноябрь 1917 — декабрь 1918 г. СПб., 2021.

¹⁵ *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2013.

¹⁶ *Быстрова Н.Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016.

¹⁷ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019.

Советский плакат «Антанта». Художник В.Н. Дени, 1919 г.

ального шанса после заключения Брест-Литовского мирного договора установить доминирующий контроль на территории бывшей Российской империи — и, таким образом, победить в Первой мировой войне и сформировать новую модель международных отношений в Европе. Наличие таких перспектив у Германской империи заставило Великобританию и ее союзниц по Антанте перейти к политике интервенции в России, которая допускала сотрудничество с Советом народных комиссаров против Германии.

Относительно британской политики интервенции как фактора Гражданской войны в России, по большей части, по мнению этих историков, она была заметным, но не определяющим фактором. Это было связано с ограниченными возможностями этой политики и сильной зависимостью правительства Великобритании от общественного мнения, которое было согласно на это лишь в рамках войны с Германией. Развитие и характер гражданского противостояния в России определились ходом боевых действий на фронтах Гражданской войны и влияли на величину и направления британской помощи антибольшевистским силам, которая, в свою очередь, способствовала затягиванию конфликта в России.

В целом в постсоветский период отечественной историографии Гражданской войны произошли изменения в характере написания работ ввиду появившегося научного плюрализма, а также расширения старых и появления новых направлений для изучения. Но проблема британской политики интервенции, как фактора этой войны, рассматривалась в меньшей степени. Вместе с тем появились кардинально другие взгляды на эту политику с определением ключевых событий в России, Британии

и мире, которые на разных этапах меняли интенсивность и детали развития этого внешнеполитического курса и таким образом определяли его как фактор Гражданской войны на разных ее этапах.

В зарубежной историографии, представленной в основном англо-американскими историками, проблема британской политики интервенции изучалась в большей степени в рамках крупных исследовательских тем либо в меньшей, как отдельный предмет изучения. Наиболее известными историками в этой теме были У. и З. Коутс¹⁸, Дж. Уайт¹⁹, Р. Селлен²⁰, Р. Ульман²¹, Дж. Бредли²², Р. Джексон²³, А. Кольц²⁴, М. Кеттл²⁵, М. Хадсон²⁶, К. Кинвиг²⁷, Ч. Олстон²⁸, Я. Моффат²⁹ и Д. Райт³⁰. Они в подавляющем большинстве случаев отстаивали тезис о возникновении британской политики интервенции в результате событий начала 1918 г., когда Германия добилась выгодного ей Брест-Литовского мирного договора, а Советская Россия вышла из войны. В этой связи Восточный фронт был ликвидирован; находившиеся в Восточной Европе немецкие части перебрасывались на другие театры военных действий, в первую очередь на Западный фронт; в перспективе противник стал бы эксплуатировать оккупированные им территории бывшей Российской империи с их природными ресурсами и инфраструктурой, а также сделал

¹⁸ Coates W.P., Coates Z.K. *Armed Intervention in Russia, 1918–1922*. London, 1935.

¹⁹ White J. *The Siberian Intervention*. Princeton, 1950.

²⁰ Sellen R.W. *The British Intervention in Russia, 1917–1920: I* // *Dalhousie Review*. 1960. Vol. 40. P. 360–371; Sellen R.W. *The British Intervention in Russia, 1917–1920: II* // *Dalhousie Review*. 1961. Vol. 40. P. 520–531.

²¹ Ullman R.H. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*: in 3 vol. Princeton, New Jersey, 1961–1972.

²² Bradley J.F.N. *Allied Intervention in Russia, 1917–1920*. New York, 1968.

²³ Jackson R. *At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920*. London, 1972.

²⁴ Kolz A.W.F. *British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918–1920* // *The Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. № 3. P. 483–491.

²⁵ Kettle M. *Russia and the Allies 1917–1919*: in 3 vol. Minneapolis; New York, 1981–1992.

²⁶ Hudson M. *Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Tale*. Barnsley, South Yorkshire, 2004.

²⁷ Kinvig C. *Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920*. London, 2006. 373 p.

²⁸ Alston Ch. *British Journalism and the Campaign for Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920* // *Revolutionary Russia*. 2007. Vol. 20. № 1. P. 35–49.

²⁹ Moffat I. *Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos*. London, 2015.

³⁰ Wright D. *Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920*. Solihul, 2017.

бы Россию сферой только своего влияния. Оправданность британской политики интервенции в понимании подданных исчезла после заключения Компьенского перемирия.

Рассматривая британскую политику интервенции в России как фактор Гражданской войны в России, позиции иностранных историков состояли в том, что эта политика малозначительно повлияла на развитие внутрirosсийского конфликта ввиду недостатка воинских сил и ограниченности возможностей оказания различной помощи антибольшевистским силам. Лишь фронтовая динамика определяла ход Гражданской войны. В зависимости от нее менялись приоритеты, направления и объемы британской помощи.

В целом зарубежная историография ориентировалась на объяснение политики британской интервенции в России военной необходимостью после выхода России из Первой мировой войны и появлением выгодных перспектив для Германии после подписания Брест-Литовского договора.

Таким образом, для отечественной и зарубежной историографии вопроса о британской политике интервенции как факторе Гражданской войны было характерно наличие различных взглядов. По большей части на написание исследовательских работ оказывали влияние внутренняя и внешняя конъюнктура, а также ограниченность источниковой базы. Исследователями не были обозначены четкие хронологические рамки, а также выделены и обоснованы этапы внутри них. Соответственно, не были выявлены суть и особенности этой политики на разных ее этапах.

Особой проблемой в исторических исследованиях стал состав источниковой базы. Отечественные историки использовали исторические источники, хранящиеся в отечественных архивах, а зарубежные — документы, хранящиеся главным образом в архивах Соединенного Королевства и США. До 1970–1980-х гг. в СССР, Великобритании и США архивные исторические источники были засекречены. Лишь после этих десятилетий национальные архивы стали постепенно рассекречивать их, давая возможность исследователям вводить их в научный оборот. Однако это кардинально не изменило ситуацию по активному использованию исследователями из разных стран архивных источников иностранного происхождения.

Настоящая статья представляет целостное исследование британской политики интервенции в России (ноябрь 1917 г. — декабрь 1919 г.) в качестве фактора Гражданской войны в России. Чтобы определить влияние этого фактора, следует рассмотреть отдельные этапы и особен-

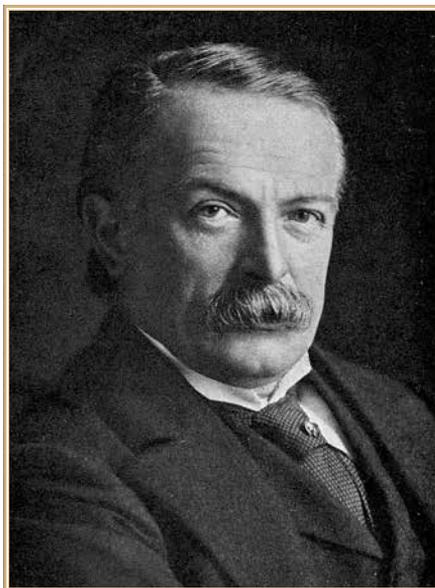
ности британской политики интервенции с использованием рассекреченных документов из Национального архива Соединенного Королевства, Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Российской Федерации. Большинство этих документов вводится в научный оборот впервые. В них показаны мотивация и целеполагание внешнеполитического курса вмешательства Британии на разных его этапах, взгляды на него представителей различных групп правящей элиты и населения страны, а также причины, влиявшие на специфику их подходов.

На основе проведенного анализа российских и зарубежных исторических источников британская политика интервенции в России началась в ноябре 1917 г., после Октябрьской революции, и завершилась в декабре 1919 г., по итогам Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11–13 декабря 1919 г.). Внутри этого периода выделяются следующие этапы с характерными для них особенностями.

Первый этап британской политики интервенции в России (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.)

Первый этап британской политики интервенции возник в ноябре 1917 г. и продолжался до марта 1918 г., когда Военный кабинет Д. Ллойд Джорджа оказался в ситуации «стратегической неопределенности»³¹. Она возникла в результате событий Октябрьской революции (24–26 октября (6–8 ноября) 1917 г.): низложения Временного правительства и образования нового правительства — Совета народных комиссаров. Для нее были характерны отсутствие четкой ясности положения российских дел, сомнения в способности новой власти контролировать ситуацию внутри страны и непонимание реального влияния различных политических сил в России, в особенности РСДРП(б). Важным представлялась неопределенность в том, как долго продержится новая власть и что в реальности она будет делать.

³¹ Военный кабинет Д. Ллойд Джорджа — высший государственный орган Соединенного Королевства во главе с премьер-министром Д. Ллойд Джорджем. Он был образован в декабре 1916 г. для выработки более эффективной национальной стратегии во время Первой мировой войны. В состав Военного кабинета входили лидеры верхней и нижней палат британского парламента — Дж.Н. Керзон (палата лордов) и Э. Бонар Лоу (палата общин) — и некоторые другие видные политические деятели Соединенного Королевства.

Дэвид Ллойд Джордж

В ноябре 1917 г. Военному кабинету поступали телеграммы официальных представителей Британии, знакомых с ситуацией либо на месте, либо, не находясь в России, через полученные новости. В частности, в одной телеграмме от неизвестного автора из Петрограда (9 ноября 1917 г.) сообщалось об очень плохой дисциплине на Балтийском флоте и открытых арестах офицеров³². Во второй — из Архангельска (10 ноября 1917 г.) были констатированы в Петрограде анархия, всеобщая забастовка государственных служащих, а также ожесточенные бои в Москве³³. В третьей — от британского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране Ч. Марлинга, по полученным новостям из Одессы, 14 ноября было известно, что «в Одессе верх взяли максималисты, город был в страхе перед флотом, находившимся в руках большевиков; в Киеве бушевала Гражданская война, а на Юге России были всеобщие аграрные беспорядки»³⁴.

Наряду с этим стоит выделить две телеграммы от главы британской миссии в российской ставке генерала Ч. Бартера — от 18 и 27 ноября 1917 г. Он считал, что «только энергичные и решительные действия союзников могут иметь какое-либо влияние на любое революционное рус-

³² War Cabinet, 277. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 19 November 1917 // The National Archives (TNA). CAB 23/4/51. P. 187.

³³ War Cabinet, 275. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 16 November 1917 // Ibid. CAB 23/4/49. P. 180.

³⁴ Ibid.

ское правительство»³⁵. По его мнению, «простое объявление о высадке иностранных войск имело бы немедленное и далеко идущее действие, благоприятное для союзного дела, и что это привело бы к полному краху большевиков»³⁶. Эти войска будут предназначены для поддержки русской и румынской армий, чтобы, в частности, Россия не стала бы жертвой Германии, которая без колебаний безжалостно использовала бы российские ресурсы. С точки зрения Ч. Бартера, «войска из Соединенных Штатов Америки также должны быть включены как представители полностью демократической страны, и самый благоприятный эффект будет также произведен перемещением японских войск в Россию, так как русские очень боятся японцев»³⁷.

Для Военного кабинета имело значение мнение британского посла в России Дж. Бьюкенена. С его точки зрения, ввиду отчаянности ситуации в новых условиях «было бы целесообразно освободить Россию от ее соглашения с союзниками, чтобы она могла действовать по своему усмотрению и приобрести мир на условиях Германии или продолжать воевать на стороне союзников»³⁸. Посол считал, что политика большевиков была направлена на раскол между Россией и Великобританией и привела бы к фактическому немецкому протекторату над Россией. Рекомендованный им курс, в случае его принятия, лишил бы большевиков возможности упрекать союзников в принуждении ими русских солдат убивать «ради своих империалистических целей»³⁹.

Ситуация усугублялась информацией от начальника Имперского Генерального штаба У. Робертсона о переброске немецких дивизий с Восточного фронта на другие⁴⁰. Одновременно с этим Совет народных комиссаров, в первую очередь руководитель Народного комиссариата по иностранным делам Л.Д. Троцкий, желал приступить к переговорам о прекращении войны и заключить мир, действуя в соответствии с Декретом «О мире», принятым 8 ноября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов.

³⁵ G.T. 2693. Russian Situation. Telegram from General Barter. No 1361. 18 November 1917 // Ibid. CAB 24/32/93. P. 511.

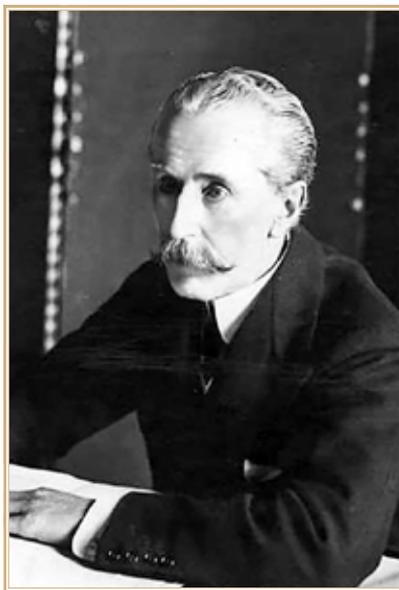
³⁶ G.T. 2817. Russian Situation. Telegram from General Barter. No 1319. 27 November 1917 // Ibid. CAB 24/34/17. P. 66.

³⁷ Ibid. P. 67.

³⁸ War Cabinet, 286. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 29 November 1917 // Ibid. CAB 23/4/60. P. 211.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ War Cabinet, 280. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 22 November 1917 // Ibid. CAB 23/4/54. P. 193.

Джордж Бьюкенен

Полученные сведения о происходящем в России и на Восточном фронте заставили Военный кабинет полностью пересмотреть российское направление внешней политики и выработать срочные меры по сохранению Восточного фронта как сдерживающего фактора переброски войск противника. В этой связи премьер-министром Д. Ллойд Джорджем была осуществлена вариативная политика. Она включала три направления: 1) оказание военно-финансовой и иной помощи антибольшевистским силам, если они действовали против Германии; 2) подготовка планов осуществления интервенции на определенных территориях бывшей Российской империи с последующей союзной оккупацией для предотвращения использования их Германией; 3) установление неофициальных контактов с большевиками и проведение переговоров о продолжении участия России в войне с предоставлением ей военной помощи. Все эти направления проводились одновременно, поскольку обстановка не позволяла выработать четкую политику в отношении России и выбрать важный приоритет, что проявилось во время некоторых заседаний Военного кабинета Соединенного Королевства.

На заседании 22 ноября 1917 г. обсуждалась проблема того, насколько было возможно для союзников предпринять эффективные меры в России против большевиков, рассылавших по миру телеграфные сообщения с призывом к заключению немедленного перемирия, а также признанию легитимности большевистской власти в России. Военный кабинет не мог признать союзным правительство, которое официально

Жорж Клемансо

делало врагу предложение о мире. Вместе с тем в ходе заседания было высказано мнение, что следовало предпринять шаги для создания в России неофициальной организации, которая могла бы противостоять работе немцев. В то же время лучшим незамедлительным шагом было бы позволить румынам войти в контакт с донским атаманом А.М. Калединым по чисто военным мотивам, предположив, что он был в достаточно сильном положении, чтобы помочь им. Трудность заключалась в том, что любой официальный шаг, открыто направленный против большевиков, мог только укрепить их в решимости заключить мир и мог быть использован для раздувания антисоюзнических настроений в России. К тому же у британской стороны отсутствовала информация о действительном положении, и в этот момент ничто не могло укрепить ее в решении оказать поддержку А.М. Каледину или какому-либо другому лидеру «партии закона и порядка»⁴¹.

Тем не менее британское правительство начинало оказывать помощь различным антибольшевистским силам, готовить планы по недопущению попадания некоторых регионов России в сферу влияния Германии и узнавать мнения других союзных правительств по ряду актуальных вопросов, в особенности для разработки консолидированной политики союзных стран относительно России в новых условиях.

На конференции Верховного совета Антанты в Париже (28 ноября — 3 декабря 1917 г.) премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж предложил освободить Россию от участия в войне. Но премьер-министр Франции Ж. Клемансо заявил, что в таком случае Россия пе-

⁴¹ Ibid. P. 194; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: Т. 5. М., 1938. С. 84.

рейдет в стан врагов. Особое внимание на конференции было уделено взаимодействию с политическими силами России. Речь шла о поддержке антибольшевистских сил и поддержании контактов с большевиками. Во время парижской конференции была высказана идея взятия под контроль Транссибирской железной дороги. По итогам конференции было решено приостановить поставку снаряжения России, но в то же время продолжать оказывать ей помощь в требуемых и доказанных размерах. Страны-участницы признали необходимым поддерживать группировки, воюющие против большевиков, но и большевиков не отталкивать, так как те могли в противном случае стать легкой добычей Германии. В Токио и Вашингтон были сделаны запросы относительно мер для защиты Транссибирской магистрали и поставок продовольствия в Россию⁴².

3 декабря 1917 г. в Военном кабинете было решено, что любые приемлемые требования денег от русской Кавказской армии и Персидской казачьей дивизии должны быть удовлетворены казной. На том же заседании поднимались вопросы об удержании Юга России на стороне союзников и принятии мер для сохранения помощи. Военный кабинет согласился, что финансовая помощь будет также необходима для любого движения как со стороны казаков, так и со стороны украинцев. После этого послу Дж. Бьюкенену было передано сообщение о новой внешнеполитической линии британского правительства. Она теперь состояла в поддержке любого ответственного органа в России, который будет активно противодействовать большевистскому движению и в то же время давать деньги свободно, в разумных пределах тем структурам, которые готовы были помочь союзническому делу⁴³. Одновременно Великобритания начала оказывать военно-финансовые и организационно-консультационные услуги Грузии и Армении⁴⁴.

14 декабря 1917 г. Военный кабинет признал необходимым предоставление помощи для поддержания жизни в юго-восточной России, а также для сопротивления Центральным державам выделение любой суммы денег, которую Военное министерство сочтет необходимой по согласованию с Форин-офисом. Деньги должны были выплачиваться в рассрочку до тех пор, пока получатели продолжали вести боевые дей-

⁴² Смолин А.В. Парижская мирная конференция — мир без России. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35863> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴³ War Cabinet, 289. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 3 December 1917 // TNA. CAB 23/4/63. P. 211.

⁴⁴ G.T. 3068. Organisation of Military Forces in South Russia on the Persian Frontier. Memorandum by the D.M.I. 21 December 1917 // Ibid. CAB 24/36/68. P. 221–223.

Роберт Сесил

ствия⁴⁵. По южной России заместитель государственного секретаря по иностранным делам Р. Сесил выступал за поддержку этого региона. Это было важно, поскольку контроль над ним давал возможность отправки зерна и другого сырья в Германию по Дунаю⁴⁶.

Наряду с этим в том же декабре 1917 г. как внутри Военного кабинета, так и в диалогах Великобритании с каждой страной-союзницей по блоку Антанты обсуждались планы иностранной интервенции на Юге России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Первое направление предполагало совместное участие Британии с Францией, второе — с США и Японией.

Идея вмешательства на Юге России принадлежала руководству Третьей французской республики, заинтересованному в принятии срочных мер по недопущению переброски германских дивизий с Восточного фронта на Западный ввиду намерений новых российских властей выйти из войны. В начале двадцатых чисел декабря начались переговоры между Великобританией и Францией о разграничении зон действий и ответственности в южной России — и был подписан состоящий из четырех пунктов документ под названием «Условия Конвенции, согласованные в Париже 23 декабря 1917 г.»⁴⁷.

⁴⁵ War Cabinet, 289. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 14 December 1917 // Ibid. CAB 23/4/72. P. 254.

⁴⁶ War Cabinet, 304. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 21 December 1917 // Ibid. CAB 23/4/78. P. 272.

⁴⁷ G.T. 6274. Russian Situation. Memorandum by P. de B. Radcliffe. 13 November 1918. (B) Terms of the Convention agreed at Paris dated 23rd December, 1917 // Ibid. CAB 24/69/75. P. 219.

В частности, согласно первому пункту о разграничении территорий действий подписантов против неприятеля, Франция действовала на севере от Черного моря, а Великобритания — на юго-востоке от Черного моря (против турок). Второй содержал меры поддержки М.В. Алексееву и его программы по организации армии, «предназначенной возглавлять борьбу с врагами». Третий пункт разграничивал «зоны влияния»: во французскую зону вошли Бессарабия, Украина и Крым, в британскую — казачьи территории, а также Кавказ (Армения, Грузия и Курдистан). Для Великобритании выбор такой территории объяснялся географической близостью к своим колониям на Ближнем Востоке и удобной транспортной доступностью.

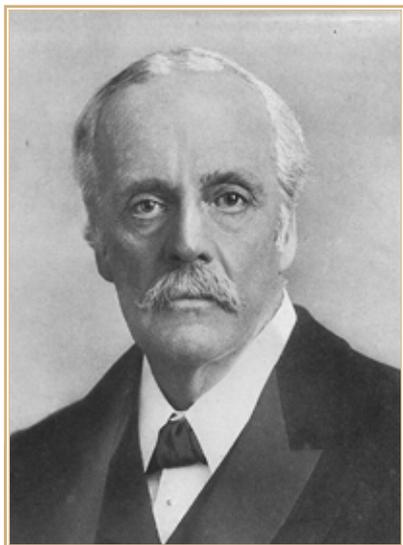
Однако для реализации интервенции на Юге России было необходимо решить вопрос с логистикой, чтобы отправить войска и оказать помощь антисоветским силам. Оптимальным вариантом являлось взятие под контроль Транссибирской железной дороги. Также оно гарантировало защиту складов союзного военного имущества во Владивостоке и невхождение Сибири и Дальнего Востока в сферу влияния Германии. Для Великобритании еще было важно «перекрыть любое немецкое наступление в Туркестане, опасное для Индии»⁴⁸. Уже 6 декабря 1917 г. на заседании Военного кабинета было сообщено о проекте оккупации Владивостока и по установлению контроля над Сибирской железной дорогой. Кабинет потребовал, чтобы этот проект был отправлен в первую очередь начальнику Имперского Генерального штаба⁴⁹.

В этой связи Великобританией велись переговоры с США и Японией о проведении сугубо японской интервенции, действовавшей от имени союзных стран, либо интервенции совместными силами. В том или ином варианте ввиду нехватки британских войск и финансов только эти страны могли задействовать свои возможности: с американской стороны — финансовые, с японской — военные.

В декабре 1917 г. — начале марта 1918 г. представители Великобритании решали вопрос об участии США и Японии в интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. Они столкнулись с конфликтом интересов этих стран, которые рассматривали друг друга как соперников и считали, что участие одного приведет неизбежно к усилению его позиций в Тихом океане и ослаблению — другого. Усилия британской стороны были направлены на разрешение противоречий и согласование условий втор-

⁴⁸ С.Р. 337. Siberia. Memorandum by Lord Curzon. 20 December 1919 // Ibid. CAB 24/95/38. P. 170.

⁴⁹ War Cabinet, 293. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 6 December 1917 // Ibid. CAB 23/4/67. P. 233

Артур Бальфур

жения в эти российские регионы, так как Военный кабинет был настроен на все возможное для открытия сообщения с юго-востоком России и Владивостоком посредством Транссиба и обращение к Японии взять под контроль эту железную дорогу от Челябинска до Владивостока⁵⁰. В конечном итоге 4 марта 1918 г. государственный секретарь по иностранным делам А. Бальфур сообщил правительству о согласии США на японскую интервенцию в Сибирь⁵¹.

Вместе с тем высшим руководством Великобритании предпринимались меры по установлению диалога с Совнаркомом, в первую очередь с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким. 10 декабря 1917 г. государственный секретарь по иностранным делам А. Бальфур дал рекомендацию в докладной записке по текущей российской ситуации: «...мы должны стараться избежать открытого разрыва с большевиками и тем самым предотвратить возможность перехода России на сторону неприятеля»⁵². 21 декабря премьер-министр Д. Ллойд Джордж решил, что именно Б. Локкарту должны быть даны инструкции убедить СНК в отсутствии намерений Великобритании вмешиваться во внутренние дела, но не давать формального признания и искать точки двустороннего сотрудничества против Германии.

⁵⁰ War Cabinet, 330A. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 24 January 1918 // Ibid. CAB 23/13/36. P. 197.

⁵¹ War Cabinet, 358. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 4 March 1918 // Ibid. CAB 23/5/50. P. 138.

⁵² Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: Т. 5. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 90.

Брюс Локкарт

В конце января 1918 г. Б. Локкарт уже как назначенный глава британской специальной миссии прибыл в Петроград для ведения переговоров с В.И. Лениным, Л.Д. Троцким и заместителем главы НКВД Г.В. Чичериным об оказании возможной помощи советской стороне. Сначала удалось достичь незначительных договоренностей — например, приостановка агитации в Великобритании большевиков в обмен на прекращение британской помощи контрреволюционным силам. Лишь изменившаяся военная динамика на Восточном фронте позволила пересмотреть руководство Советской России свои позиции: с 16 февраля противник начал наступление на фронте, поскольку срок перемирия завершился.

Л.Д. Троцкий сообщил Б. Локкарту, что, если союзники обещают свою помощь, он заставит СНК изменить решение и высказаться за войну. Спецпосланник отправил телеграммы в Лондон с требованием дать официальные директивы для укрепления позиции руководителя НКВД.

22 февраля 1918 г. состоялось заседание ЦК РСДРП(б), по итогу которого было дано согласие на обсуждение предложения о помощи при переговорах с представителями союзных держав, включая самого британского спецпосланника⁵³. На следующий день Л.Д. Троцкий спросил Б. Локкарта об ответе из Лондона — и получил отрицательный ответ.

⁵³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 1а. Ед. хр. 55. Л. 1–6.

В этой связи руководитель НКИД высказался очень неодобрительно о британской внешней политике и главе правительства Д. Ллойд Джордже: «В то время как вы здесь пускаете пыль в глаза, ваши соотечественники и французы интригуют против нас, поддерживая украинцев, продавшихся Германии. Ваше правительство готовится японскую интервенцию в Сибири. <...> Ваша политика по отношению к России была с самого начала нерешительной и колеблющейся. Ваш Д. Ллойд Джордж похож на человека, который играет в рулетку — ставит на все номера подряд»⁵⁴. Однако спецпосланник добился заверения о заключении российско-германского мира на короткий срок, что давало возможность использования разных маневров, чтобы не соблюдать условия мира.

1 марта 1918 г. Б. Локкарт был принят В.И. Лениным. Председатель Совнаркома сомневался относительно прочности отношений со странами Антанты. Но был готов рискнуть и пойти на временное взаимовыгодное сотрудничество и даже дать согласие на принятие военной помощи от альянса.

Однако обстановка на фронте складывалась в пользу Германии и Австро-Венгрии, и продолжение успешного наступления противника привело бы к потере власти Совета народных комиссаров и РСДРП(б) в России. Ввиду этого 3 марта 1918 г. советская делегация в Брест-Литовске подписала с делегациями Центральных держав мирный договор. Согласно этому документу, Россия потеряла Белоруссию, Украину, Прибалтику, Бессарабию, Польшу и Финляндию, а также Ардаган, Батум и Карс⁵⁵. Затем, 15 марта, этот мирный договор был ратифицирован IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов.

Именно подписание Брест-Литовского мирного договора стало концом первого этапа британской политики интервенции в России (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.), когда осуществлялась вариативная политика в обстановке «стратегической неопределенности». В этой политике интервенция была одним из трех выбранных направлений, но не была главным приоритетом. Вся деятельность Великобритании была направлена на поиск способов сохранения Восточного фронта с участием определенных российских сил, в том числе советского правительства и его противников, и стран-союзниц по блоку Антанта для войны с Гер-

⁵⁴ Локкарт Р.Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М., 2016. С. 242.

⁵⁵ Мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с одной стороны и Россией с другой // Полторац С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018. С. 288–291.

манией, которая стремилась стать самой влиятельной мировой державой, сместив с этой позиции Британию.

Подписание этого документа дало начало новому этапу британской политики интервенции. Когда неопределенность прояснилась, вместо курса «стратегической неопределенности» был разработан другой внешнеполитический курс.

Второй этап британской политики интервенции в России (март — май 1918 г.)

Еще незадолго до подписания Брест-Литовского мирного договора вариативная политика Военного кабинета Соединенного Королевства критиковалась некоторыми его членами. 17 января 1918 г. глава Форин-офиса А. Бальфур сообщил, что, с точки зрения его ведомства, было бы очень выгодно разорвать всякие отношения с большевиками ввиду их открытой деятельности по подъему революционного движения в Европе и отказа советского руководства от российских долгов⁵⁶. Впоследствии отказ советского руководства от долгов был зафиксирован в Декрете ВЦИК «Об аннулировании государственных займов» (21 января (3 февраля) 1918 г.), в котором, согласно третьему пункту, «безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы»⁵⁷.

Заместитель А. Бальфура Р. Сесил считал, что британская внешнеполитическая линия сочетала противоречивые элементы: сотрудничество и с большевиками, и с их противниками. На заседании Военного кабинета 8 февраля 1918 г. он заявил: «...за прошедший год в нашей российской политике был допущен ряд ошибок. Мы всегда старались поклоняться восходящему солнцу, вместо того, чтобы твердо стоять на стороне тех элементов в России, которые были дружественны британским целям и делу союзников»⁵⁸.

Как только Брестский мир был подписан, но еще не ратифицирован Всероссийским съездом Советов, новое положение дел в Восточной Европе встретило очень резкую реакцию Великобритании с далеко идущими последствиями.

⁵⁶ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: Т. 5. М., Соцэкгиз, 1938. С. 95.

⁵⁷ Декрет ВЦИК «Об аннулировании государственных займов» от 21 января (3 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти: 18 т. Т.1. М., 1957. С. 386.

⁵⁸ War Cabinet, 341. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 8 February 1918 // TNA. CAB 23/5/33. P. 92.

В этой связи Имперскому Генеральному штабу во главе с Г. Вильсоном требовалось проанализировать текущую ситуацию на европейском востоке и обозначить ее влияние на динамику войны, а также предложить новые военно-политические меры. Все эти проблемы были отражены в его записке «Следствие немецкого контроля над Одессой и оттуда через Баку над северо-западной Персией» от 11 марта 1918 г.

Начальник Имперского Генерального штаба Г. Вильсон охарактеризовал новую угрозу, исходившую от Германии: «Распад России открыл для нее новую и более северную дорогу на Восток через Черное море, Кавказ и Каспий. Если ей удастся эффективно господствовать над Россией, она обеспечит себе северный фланг этой линии наступления и, возможно, даже будет надеяться, в конечном счете, создать новый “*drang nach osten*”, который в конечном итоге приведет ее к берегам Тихого океана»⁵⁹. В числе первых предпринятых противником мер были, в частности, проникновение на Восток посредством морских, автомобильных и железнодорожных коммуникаций и вытеснение британцев из Месопотамии и Персии.

Поэтому, по мнению начальника Имперского Генштаба, нужно «создать эффективный барьер против продвижения Германии на восток»⁶⁰. Для достижения этой цели предлагалось заставить Японию немедленно присоединиться и действовать с максимально возможными энергией и силой; проложить дорогу на Кавказ с твердым намерением завоевать Армению и установить преобладающее влияние Великобритании в восточных черноморских портах; противодействовать немецким агентам и пропаганде в Туркестане путем немедленной отправки военных миссий из Индии в эту местность.

14 марта 1918 г. в Лондоне прошло совещание британского, французского и итальянского премьер-министров — Д. Ллойд Джорджа, Ж. Клемансо и В. Орландо — по актуальным международным вопросам. По итогам встречи было решено отправить американскому президенту В. Вильсону официальное сообщение об отстаивании идеи японской интервенции в Сибири, а также был согласован вопрос о совместном заявлении об осуждении заключения мира большевиками с Германией⁶¹.

⁵⁹ G.T. 3891. Effect of German Access to Odessa and thence through Baku to N.W. Persian. Note by C.I.G.S. 11 March 1918 // Ibid. CAB 24/44/91. P. 265.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ War Cabinet, 366. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 18 March 1918 // Ibid. CAB 23/5/58. P. 163.

Витторио Эмануэле Орландо

Уже 19 марта 1918 г. от имени бывших союзников России была опубликована Декларация премьер-министров и министров иностранных дел стран Согласия в связи с заключением Брест-Литовского мирного договора. В ней отмечалось, что под видимостью мира было совершено политическое преступление против русского народа. Этот мир «содержит в себе вторжение в русскую территорию, разрушение или захват всех оборонительных средств России и такую организацию русской земли, которая выгодна Германии. Эти методы не отличаются от понятия “аннексия”, хотя само это слово тщательно избегалось»⁶². В Декларации отсутствовали прямые обвинения в адрес большевиков, что в перспективе не исключало возможность сотрудничества с правительством В.И. Ленина.

Ввиду полученных выгод от Брестского договора Германии и будущих ее захватнических перспектив в марте — апреле 1918 г. в Военном кабинете Соединенного Королевства обсуждались проблемы защиты складов союзного имущества в Мурманске, Архангельске и Владивостоке и японской интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири. Для их разрешения в первую очередь требовалось получить согласие американского президента В. Вильсона, который вновь высказал опасения насчет интервенции Японии⁶³. Президент США предпочитал обратить-

⁶² Декларация премьер-министров и министров иностранных дел стран Согласия в связи с заключением Брест-Литовского мирного договора // Шацкилло В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 388.

⁶³ War Cabinet, 363. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 11 March 1918 // TNA. CAB 23/5/55. P. 151.

ся за поддержкой действий альянса на Дальнем Востоке и в Сибири непосредственно «к центральному русскому правительству, какой бы ни была его политическая ориентация»⁶⁴.

Сама Великобритания, как и Италия, и Франция, отстаивала идею японской интервенции в Сибирь и сделала выбор в пользу интервенции в качестве главного внешнеполитического приоритета, что не означало разрыва с Советской Россией, а, наоборот, привлечение ее к подготовке и реализации союзной интервенции.

Поначалу, 28 марта 1918 г., назначенный с 14 марта народный комиссар по военным делам и одновременно народный комиссар по морским делам Л.Д. Троцкий, обратившись к британскому спецпосланнику Б. Локкарту, не был против пребывания японских сил на Дальнем Востоке для противодействия Германии, но только совместно с другими союзниками, которые дадут гарантии невмешательства во внутренние дела России⁶⁵. Военный кабинет Великобритании получил от Б. Локкарта телеграммы, в которых указывалось, что «большевики рассматривают японскую интервенцию в более благоприятном свете»⁶⁶.

В апреле — мае 1918 г. шли интенсивные переговоры о получении согласия СНК на интервенцию на Дальнем Востоке и в Сибири. Как отмечал Дж.Н. Керзон, «внимание Правительства Его Величества было в основном отвлечено на задачу попытаться получить приглашение от Троцкого или, по крайней мере, получить его согласие на японское вмешательство, и какое-то время казалось, что это может быть осуществлено»⁶⁷.

Б. Локкарт в телеграмме, направленной руководителю Форин-офиса А. Бальфуру 15 апреля 1918 г., перечислял выдвинутые большевиками условия:

1. Возобновление союза с Россией.
2. Гарантия невмешательства во внутренние дела России.
3. Постоянное сотрудничество с правительством Советов.
4. Гарантия территориальной целостности России.
5. Заявление союзников о том, что оперативные силы будут пересекать Сибирь исключительно для того, чтобы достичь зоны боевых действий.

⁶⁴ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2013. С. 445.

⁶⁵ Черчилль У.С. Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 80–81.

⁶⁶ War Cabinet, 378. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 30 March 1918 // TNA. CAB 23/5/70. P. 203.

⁶⁷ С.Р. 337. Siberia. Memorandum by Lord Curzon. 20 December 1919 // Ibid. CAB 24/95/38. P. 170.

Джордж Керзон

6. Войска должны быть союзными (не только Японии).
7. Помощь России на Мурманской и Архангельской железных дорогах.

8. Содействие Армении против турок, если это будет желательно⁶⁸.

22 апреля 1918 г. содержание телеграммы стало предметом заседания Военного кабинета, и был составлен и одобрен проект ответа советской стороне. Его суть заключалась в следующем: пункты 2, 4 и 6 могли быть приняты без изменений; пункт 3 в предложенной редакции, с точки зрения членов Военного кабинета, мог в определенных обстоятельствах противоречить пункту 2, поэтому было предложено изменение его формулировки на «лояльное сотрудничество с российскими властями против общего врага»; было предложено скорректировать пункт 5 на «союзники должны заявить, что оперативные силы будут пресекать Сибирь исключительно с целью проведения военных операций против врага»; пункт 7 было решено оставить без изменений, но с оговоркой: «Если имелась в виду помощь, оказываемая судам и пехотинцам на Мурманской и Архангельской железных дорогах»⁶⁹. При этом добавлялось, что армия должна была быть использована только в военных целях. Это же касалось и пункта 8.

Однако Великобритании не удалось добиться ни «соглашения», ни какого-либо другого мандата на интервенцию от правительства В.И. Ле-

⁶⁸ War Cabinet, 396. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 22 April 1918 // Ibid. CAB 23/6/18. P. 51.

⁶⁹ Ibid.

нина, ни решить в окончательном виде межсоюзные противоречия и конфликты между США и Японией, без которых интервенция не могла бы быть осуществлена. Переговоры между союзниками длились чрезвычайно долго, что помешало решить вопрос оперативно в условиях постоянно менявшегося положения дел.

Председатель СНК В.И. Ленин, внимательно наблюдая за ситуацией, понимал, что союзные страны не могут добиться согласия по интервенции и, таким образом, не могли гарантировать исполнение своих обязательств в отношении российской стороны. В результате 13 мая 1918 г. ЦК РКП(б) были утверждены предложенные В.И. Лениным «Тезисы о современном политическом положении». В них председатель Совнаркома заявлял, что «мы в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией. Ибо реальную важность для нее имеет отвлечение войск Германии с Запада, т.е. продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие неприемлемо как полный крах Советской власти»⁷⁰.

Таким образом, второй этап британской политики интервенции в России (март — май 1918 г.) характеризовался выбором политики интервенции, поскольку только она оценивалась как эффективная военная мера против Германии, которая получила благодаря Брестскому договору преимущества и выгоды. Однако результаты по подготовке интервенции в регионы России были неудовлетворительными ввиду позиций руководства Советской России и американского президента В. Вильсона, который настаивал на участии центрального российского правительства. Лишь в мае 1918 г. ситуация по вопросу интервенции среди стран антигерманской коалиции стала кардинально меняться, что привело к началу нового этапа британской политики интервенции в России.

Третий этап британской политики интервенции в России (май — август 1918 г.)

В мае 1918 г. произошло событие, которое позволило Великобритании в следующие месяцы завершить подготовку союзной интервенции в Россию и решить спорные вопросы, связанные с вторжением союзников в первую очередь в Сибирь и на Дальний Восток.

⁷⁰ Ленин В.И. Тезисы о современном политическом положении // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. Март — июль 1918 г. М., 1974. С. 323.

17 мая 1918 г. восстал Чехословацкий корпус. Этот корпус численностью около 40 тыс. человек был образован в России из чешских и словацких военнопленных в 1917 г. После Октябрьской революции по договоренности с французским правительством он был формально подчинен французскому командованию и получил указание об отправке во Францию. Было решено отправить чехословацкий воинский контингент через Сибирь и Дальний Восток. Поводом к восстанию послужили арест в Челябинске нескольких чехословаков из-за убийства ими венгерского военнопленного и требования представителей советской власти сдать оружие.

Восставший Чехословацкий корпус с мая по июнь 1918 г. взял под свой контроль обширную территорию от Самары до Владивостока и ожидал от союзного руководства распоряжения о своих дальнейших действиях. Под воздействием этих событий в Великобритании активизировалось обсуждение вопроса об использовании чехословацких войск, находившихся во Владивостоке, в качестве ядра сил союзной интервенции.

17 мая на заседании Военного кабинета премьер-министр Д. Ллойд Джордж высказался за использование этих сил России при участии союзных для недопущения переброски немецких войск с Восточного фронта. Однако возникали вопросы, которые требовали срочного решения: согласие США на интервенцию по финансовым и другим материальным соображениям, а также нежелание чехословаков ввязываться во внутренние распри в России и воевать с большевиками вместо немцев. По итогу продолжительного заседания были приняты три решения: Имперскому Генеральному штабу следовало выяснить, можно ли предпринять эффективные действия в Сибири без сотрудничества США, используя чехословацкие силы, усиленные, возможно, канадскими железнодорожными частями, британскими войсками из Гонконга и французским контингентом, а также с японским сотрудничеством или без него; Р. Сесилу поручалось встретиться с генеральным секретарем Чехословацкого национального комитета Э. Бенешем и окончательно выяснить, готовы ли чехословаки быть использованы для этой цели, если им будет объяснено, что целью экспедиции являлась борьба с немцами; если после принятия вышеуказанных мер возникнут какие-либо надежды на осуществление плана, Форин-офис должен предпринять такие дипломатические действия, которые могли бы оказаться целесообразными в отношениях с США, Японией и Францией⁷¹.

⁷¹ War Cabinet, 413. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 17 May 1918 // TNA. CAB 23/6/35. P. 113.

Также в Военном кабинете обсуждались положение дел и перспективы Германии на Севере России. В этом контексте на заседании 23 мая 1918 г. была представлена докладная записка начальника Имперского Генерального штаба Г. Вильсона от 18 мая 1918 г. Он отметил, что, если противник создаст базу подводных лодок в Печенге или Кольском заливе, он полностью отрежет Великобританию от России, за исключением Сибири, получив тем самым беспорный контроль над всеми ресурсами Европейской России и фактически не давая странам Антанты возможности участвовать в ее реорганизации. Поэтому захват северных портов России, с его точки зрения, являлся необходимым предварительным условием для восстановления Восточного фронта. Поскольку Г. Вильсон считал силы Великобритании недостаточными для этой операции, он рекомендовал пригласить американцев принять участие в экспедиции, чтобы они в конечном счете взяли на себя главную ношу⁷².

Военный кабинет одобрил предложения начальника Имперского Генерального штаба, но вопрос об американском участии в экспедиции не должен был рассматриваться до тех пор, пока государственный секретарь по военным делам и государственный секретарь по иностранным делам не сочтут это необходимым. Было одобрено назначение Ф. Пуля командующим Королевской морской пехотой и военно-морскими силами, которые могут быть высажены на Севере России⁷³.

В конце мая 1918 г. обсуждалась и обострилась проблема японской интервенции, тем более в обстановке, когда отсутствовало согласие США на участие в общесоюзном вмешательстве. И «японское правительство считало необходимым вмешаться, чтобы воспрепятствовать проникновению немцев на тихоокеанское побережье»⁷⁴. Наряду с этим британский спецпосланник в России Б. Локкарт, ранее считавший, что совместные действия с советским правительством были бы успешными, теперь пришел к заключению, что ввиду срочности вопроса Военному кабинету следует действовать независимо от того, имеется ли приглашение от большевиков или нет.

В протоколе заседания британского правительства от 29 мая 1918 г. документально и четко были обозначены проводимая за последние че-

⁷² G.T. 4589. Murmansk. Telegrams from Rear Admiral at Murmansk with covering note by C.I.G.S, re Situation. 18 May 1918 // Ibid. CAB 24/51/89. P. 234–235.

⁷³ War Cabinet, 415. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 23 May 1918 // Ibid. CAB 23/6/37. P. 118.

⁷⁴ G.T. 4617. Question of Allied Intervention in Siberia. 22 May 1918 // Ibid. CAB 24/52/18. P. 45.

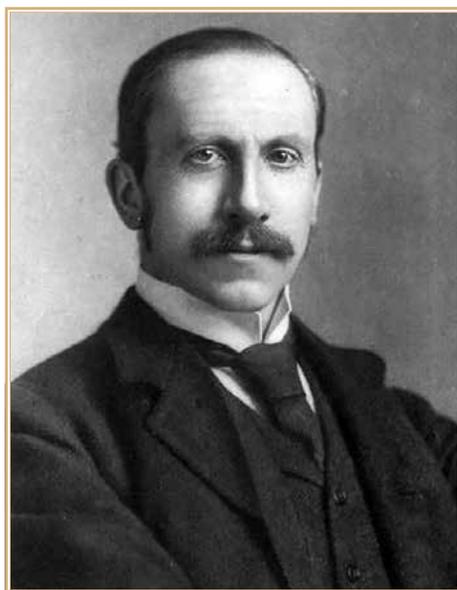

Генерал Ф. Пуль и генерал В.А. Карцов. 1918 г.

тыре месяца британская политика в отношении России и ее принципы, а также заинтересованность Соединенного Королевства в интервенции. Во время заседания Р. Сесил критиковал задержку интервенции, которая была вызвана действиями британского правительства. Премьер-министр Д. Ллойд Джордж заявил, что политика Великобритании была оправданной и правительство неизменно выступало за интервенцию. Но для ее реализации требовалась поддержка США, так как японцы требовали ее, но Америка отказывалась ее предоставить.

Не менее интересным было выступление госсекретаря по иностранным делам А. Бальфура, заявившего, что Великобритания совершенно ясно изложила свою политику, заявив о намерении не вмешиваться во внутренние дела России, а только противодействовать немцам. «С этой целью мы всегда работали с фактическим правительством в России: сначала мы работали с царем, когда он был у власти; затем мы работали с социалистами при Керенском; затем мы работали с большевиками, и мы будем готовы работать с любыми преемниками большевиков», — заверял А. Бальфур⁷⁵. Он признавал, что первоначально правительство Великобритании поддерживало силы атамана Г.М. Семенова, но при этом именно им был отдан последнему приказ не двигаться дальше вперед после получения предостережения по поводу этого атамана. Военному

⁷⁵ War Cabinet, 420. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 29 May 1918 // Ibid. CAB 23/6/42. P. 137.

Альфред Милнер

кабинету министров следовало снова оказать поддержку Г.М. Семенову в случае, если бы его продвижение было частью большого наступления.

Государственный секретарь по военным делам А. Милнер обратил внимание на то, что нерешительность США по вопросу интервенции на Дальний Восток и в Сибирь приведет к доминированию Германии над всей северной Азией и что будет лучше, если японская интервенция будет проводиться без сотрудничества с США. Далее все зависело от решений Верховного военного совета Антанты.

На заседании Военного кабинета 5 июня 1918 г. сообщалось о достигнутом главами внешнеполитических ведомств Франции, Великобритании и Италии соглашении об обращении к японскому правительству о действиях в Сибири. От Японии требовалось обещание уважать территориальную целостность России, не принимать чью-либо сторону в ее внутренней политике и продвинуться, насколько возможно, дальше на запад, чтобы противостоять немцам. В случае ее согласия на вмешательство на этих условиях будут предприняты усилия для получения согласия президента Соединенных Штатов⁷⁶. Ответ японского правительства от 24 июня был резким: оно не может принять никакого решения, пока не будет достигнуто понимание между упомянутыми тремя западными державами и США; Япония не сможет расширить свою дея-

⁷⁶ War Cabinet, 426. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 5 June 1918 // Ibid. CAB 23/6/48. P. 153.

тельность за пределы Восточной Сибири; в случае совместных действий с другими странами японская сторона рассчитывает, что единое командование будет передано Японии⁷⁷.

Следующим шагом в направлении оказания давления на американского президента стало утверждение решений, принятых 28 июня 1918 г. Имперским Военным кабинетом, по вопросам организации и проведения союзной интервенции в Сибири для последующего представления этих материалов в Верховный военный совет Антанты в качестве позиции Великобритании, которые включали не только план осуществления интервенции, но и указывали на цели, причины и способы ее осуществления⁷⁸.

Имперский Военный кабинет тщательно рассмотрел военное положение и перспективы союзников на всех театрах боевых действий и сделал заключение о крайней необходимости оказания немедленной союзной вооруженной помощи России. Эта крайняя необходимость вызвана нижеупомянутыми обстоятельствами.

1. Помочь русскому народу сбросить с себя немецких угнетателей и предотвратить неограниченную военную и экономическую эксплуатацию России в интересах Германии.

2. По убедительной военной причине, указанной генералом Ф. Фошем в его телеграмме президенту В. Вильсону, немцы уже отозвали из России ряд дивизий и направили их на Западный фронт. Союзная интервенция станет первым шагом, побуждающим национальное восстание в России против германского господства, которое немедленно приведет к возобновлению германской тревоги в отношении востока и заставит ее воздержаться от дальнейшего вывода войск на запад и, возможно, от возвращения войск на восток.

3. Сократить длительность войны, поскольку если российский фронт не будет восстановлен, то нет никакой разумной вероятности того, что союзники сосредоточат такое превосходство над противником, которое обеспечит победу на Западном фронте в 1919 г.

4. Не допустить изоляции России от Западной Европы. Если не будут приняты меры в Сибири, то существующие союзные силы на Севере

⁷⁷ С.Р. 337. *Siberia. Memorandum by Lord Curzon. 20 December 1919 // Ibid. CAB 24/95/38. P. 171.*

⁷⁸ Имперский Военный кабинет — координационный орган Британской империи военного времени. В его состав входили премьер-министры Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Ньюфаундленда, представители Индии и коронных колоний.

России могут быть выведены и Россия будет полностью отрезана от союзников.

5. Помешать Германии в вывозе товаров из Западной Сибири и важных военных складов во Владивостоке и сделать их доступными для русского населения.

6. Оказать помощь чехословацким силам, которые принесли большие жертвы делу, за которое союзники боролись⁷⁹.

В протоколе было отмечено, что интервенция должна была носить союзный характер, силы для операции в Сибири должны были быть многочисленными и действовать немедленно. «В силу географических и морских условий японские войска будут составлять большую часть вводимого военного контингента, но их союзный характер должен был быть сохранен, и они должны включать американские и союзные подразделения. Силы должны подчиняться единому командованию, назначаемому той державой, которая будет обеспечивать наибольшее количество войск»⁸⁰. США под своим руководством и контролем должны были оказать помощь в виде экспедиции, «чтобы удовлетворить нужды и облегчить страдания русского народа»⁸¹. Главная же цель союзных действий должна была состоять в том, «чтобы сотрудничать с русским народом в воссоздании Восточного фронта как первого шага к освобождению России, чтобы между этими силами и русскими армиями существовала самая тесная координация»⁸².

2 июля 1918 г. состоялось заседание Верховного военного совета Антанты. Союзные страны обратились к президенту В. Вильсону с просьбой поддержать Чехословацкий корпус. В результате после ряда дополнительных обсуждений и согласований 3 августа правительство Великобритании вместе с союзниками приняло решение оказать военную помощь чехословакам в Сибири. Вслед за этим 5 августа 1918 г. правительство США опубликовало заявление об ограниченной интервенции в Сибирь для защиты чехословаков от немецких и австрийских заключенных, а также с целью «активизировать любые усилия по самоуправлению или самообороне, в которых сами русские могут быть готовы принять помощь»⁸³.

⁷⁹ Imperial War Cabinet, 22. Minutes of the twenty-second Meeting. 28 June 1918 // TNA. CAB 23/41/8. P. 23.

⁸⁰ Ibid. P. 24.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid.

⁸³ С.Р. 337. Siberia. Memorandum by Lord Curzon. 20 December 1919 // Ibid. CAB 24/95/38. P. 171.

Таким образом, во время третьего этапа британской политики интервенции в России (май — август 1918 г.) Великобритания перешла к завершающей стадии ее подготовки. Используя восставшие чехословацкие силы как средство разрешения межсоюзных противоречий, политико-дипломатическими усилиями Соединенного Королевства были преодолены все основные на тот момент препятствующие началу интервенции.

Несмотря на неудачу переговоров с Советской Россией по получению от нее мандата на интервенцию, британское правительство сумело убедить США в вопросе союзного вмешательства в дальневосточный и сибирский регионы России. Сама интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке означала в перспективе скорейшее начало осуществления нового направления союзного вмешательства в еще один российский регион — на Север России. С британской точки зрения, это новое направление должно было проводиться для того, чтобы противодействовать Германии в ее попытках доминирования во влиянии на российские внутренние дела, захвата ею складов союзного военного имущества на Севере России (в Мурманске и Архангельске), а также установить железнодорожное сообщение с Транссибирской железной дорогой, чтобы охранять продовольственные поставки от немцев. Наряду с Сибирью, Дальним Востоком и Севером России Великобритания готовилась начать одностороннюю интервенцию на Кавказе и в Туркестане в рамках войны с Германией.

Четвертый этап британской политики интервенции в России (август — ноябрь 1918 г.)

С июля — августа 1918 г. Британия участвовала в дальневосточном, сибирском и северном направлениях союзной интервенции, вторглась в Туркестан и предприняла первую попытку закрепиться на Кавказе через захват и удержание своими силами Баку. На указанных направлениях Соединенное Королевство усиливало свое влияние и укрепляло свой вес, значимость и авторитет среди своих союзников по Антанте. Британская позиция была продиктована стремлением предпринять в свою пользу неясный исход войны с Германией, положение российских дел и укрепить свое глобальное политико-экономическое влияние.

Союзная интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири, состоявшаяся благодаря усилиям Военного кабинета, началась в августе 1918 г. Со-

Генерал А. Нокс (сидит слева) с офицерами британской военной миссии. Омск, 1919 г.

гласно меморандуму Дж.Н. Керзона «Сибирь», общая численность союзных войск в Сибири в 1918 г. составила 26 тыс. человек. В этот контингент входили 7 тыс. американцев, 3,5 тыс. британцев, 1,5 тыс. итальянцев и французов, 12,5 тыс. японцев⁸⁴. По другим данным, в книге А.А. Зайцова «1918: очерки истории русской Гражданской войны» общая численность союзных войск в Сибири по состоянию на 1918 г. составила 115 тыс. человек: 57 тыс. японцев, 2,5 тыс. англичан, 8 тыс. американцев, 1 тыс. французов, 1,5 тыс. итальянцев и 45 тыс. чехов⁸⁵.

3 августа 1918 г. Великобритания высадила во Владивостоке 25-й батальон Мидлсекского полка под командованием Дж. Уорда. Вслед за ним 27 ноября был высажен 19-й батальон Гемпширского полка. Ответственным за поддержание связи между британским Военным министерством и верховным командованием союзных экспедиционных сил осуществлял А. Нокс. В его обязанности также входило докладывать о военных действиях; оказывать помощь японскому военному командованию; организовывать русские добровольческие силы; распределять для российских войск снаряжение и запасы, предоставленные британским правительством; организовать школу для подготовки русских офицеров на о. Русский⁸⁶.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Зайцов А.А. 1918: очерки истории русской Гражданской войны. М., 2015. С. 152.

⁸⁶ С.Р. 337. Siberia. Memorandum by Lord Curzon. 20 December 1919 // TNA. CAB 24/95/38. P. 171.

Георгий Ермолаевич Чаплин

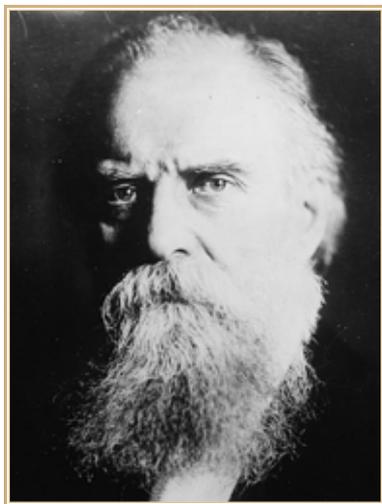
Верховным комиссаром Великобритании в Сибири был назначен Ч. Элиот. Ему было поручено контролировать все британские учреждения в Сибири, за исключением военно-морского и военного командования. Он должен был стремиться обеспечить самое тесное сотрудничество между союзными войсками и их командирами и представлять британское правительство во всех политических вопросах, стоявших перед союзниками⁸⁷.

Под надзором и контролем Совета торговли Великобритании во Владивостоке была образована коммерческая организация «Сибирская снабженческая компания» во главе с официальным торговым уполномоченным Великобритании в Сибири Л. Урквартом. Его полномочия «заклучались в приобретении и продаже товаров и запасов во Владивостоке или в других местах Сибири; в получении заказов на поставку товаров из Соединенного Королевства; в импорте тех товаров, которые имелись в Канаде и остальной части империи; в получении и экспорте товаров, имеющихся в Сибири, в обмен на товары, привезенные им туда для продажи»⁸⁸.

Еще одним важным стратегическим объектом интересов Великобритании был Север России. На этом направлении британская сторона

⁸⁷ Eastern Report. No. 81. August 15, 1918 // Ibid. CAB 24/145/21. P. 85.

⁸⁸ С.Р. 337. Siberia. Memorandum by Lord Curzon. 20 December 1919 // Ibid. CAB 24/95/38. P. 174.

Николай Васильевич Чайковский

взяла на себя лидерство в союзной интервенции и в таком качестве повлияла на ход событий.

На Севере России еще с начала 1918 г. находился англо-французский отряд. Там Великобритания поддерживала подпольные организации, нацелившиеся на свержение власти Мурманского совета.

В июне 1918 г. при финансовом содействии Британии по подложному паспорту английского офицера в Архангельск прибыл российский капитан второго ранга Г.Е. Чаплин, который после подписания Брестского договора обратился к американцам и британцам с просьбой принять его на союзный флот. Его активность и репутация боевого офицера российского флота, активное неприятие пораженчества в войне с Германией и большевизма позволили ему склонить на свою сторону антибольшевистские силы и подготовить переворот при поддержке союзных правительств. Этот переворот произошел 2 августа 1918 г. в день прибытия флота союзников. После было образовано Временное правительство Северной области во главе с Н.В. Чайковским.

В июле — августе 1918 г. общесоюзные войска высадились в Мурманске и Архангельске. Их общее количество составляло 23 тыс. человек, 12 тыс. из которых составили британцы⁸⁹. По данным У. Черчилля, отряд, высадившийся в Мурманске и Архангельске, насчитывал 7–8 тыс. человек⁹⁰. Уже 10 августа генерал Ф. Пуль получил директиву от Военного министерства Великобритании содействовать лояльным русским силам

⁸⁹ Зайцов А.А. 1918: очерки истории русской Гражданской войны. М., 2015. С. 152.

⁹⁰ Черчилль У.С. Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 85–86.

Английская эскадра на Мурманском рейде. 1918 г.

в воссоздании страны и армии для самостоятельного сопротивления вторжению немцев⁹¹.

В августе 1918 г. Великобритания осуществила одностороннюю интервенцию в Туркестан. В результате была занята значительная часть территории Закаспийской области, контролируемой антибольшевистским Закаспийским Временным правительством. Угроза осуществления этого вмешательства была описана в телеграмме военнослужащего по чрезвычайным делам при Военном комиссариате автономного Туркестана Сергеева с пометкой И.В. Сталина на имя Л.Д. Троцкого. В ней, помимо констатации угрозы британского вторжения, отмечалась деятельность британских агентов в настраивании против РСФСР представителей панисламского движения, состоявшего из буржуазии и мусульманского духовенства⁹².

Закаспийское Временное правительство было образовано в июле 1918 г., в основном эсерами и меньшевиками в результате восстания в Ашхабаде. Представителями этой власти 29 июля 1918 г. было решено начать переговоры с британцами о получении их поддержки против немцев и большевиков⁹³.

19 августа было заключено соглашение, в соответствии с которым Закаспийское правительство получало военно-техническую и финансо-

⁹¹ Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М., 2011. С. 130.

⁹² РГАПСИ. Ф. 17. Оп. 109. Ед. хр. 23. Л. 1.

⁹³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 56. Л. 51.

вую помощь в обмен на сотрудничество. Заключение этого документа обосновывалось существованием общей опасности, исходившей от большевизма и турецко-немецкого наступления в пределы Закаспийской области и Туркестана⁹⁴. 29 августа из Энзели в Ашхабад прибыл британский военный отряд⁹⁵. Под контроль англичан перешли судходство на Каспийском море и нефтяные промыслы. Количество войск в этой местности составило 5 тыс. человек⁹⁶.

Британцами была предпринята неудачная попытка закрепиться на Кавказе, где роль опорного пункта должен был сыграть Баку. Контроль Великобритании над этим городом дал бы ей возможность закрепить свою роль мирового монополиста в области нефтедобычи⁹⁷. В августе из Персии сюда вошел отряд Л. Данстервилля⁹⁸. Но из-за турецкого военного давления удержаться ему не удалось: в середине сентября отряд был эвакуирован из Баку и отправлен в персидский город Энзели.

Тем временем в августе произошли события, которые способствовали еще большему росту напряженности в отношениях между Великобританией и РСФСР. Сначала произошло заключение 27 августа 1918 г. добавочного договора к Брестскому миру, финансового и частнопровового соглашений в Берлине между немецкой и советской сторонами, которые усиливали позицию Германии в России. В частности, РСФСР согласилась на военное противодействие Антанте на Севере России, обязалась выплатить немцам шесть миллиардов марок и дала согласие на признание Германией Грузии в качестве самостоятельного государства. Также, «согласно секретным статьям, советское правительство обещало вытеснить с территории страны войска Запада с помощью германских и финских войск»⁹⁹. Все эти действия советского правительства существенно ужесточили отношение стран Антанты к правительству В.И. Ленина.

В конце августа 1918 г. спецпосланником Великобритании Б. Локкартом и британским разведчиком С. Рейли была предпринята попытка государственного переворота с целью ареста В.И. Ленина, Л.Д. Троц-

⁹⁴ Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915–1925. М., 2019. С. 133.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1890. Л. 21.

⁹⁶ Зайцов А.А. 1918: очерки истории русской Гражданской войны. М., 2015. С. 152.

⁹⁷ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2013. С. 524.

⁹⁸ Данстервилль Л. Британская интервенция в Закавказье. Группа «Данстерфорс» в борьбе за бакинскую нефть. М., 2020. С. 211–220.

⁹⁹ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2013. С. 493.

кого, членов ВЦИК. Однако 31 августа 1918 г. операция была раскрыта. 3 сентября в газете «Известия» было опубликовано «Официальное сообщение о ликвидации заговора против советской власти, руководимого англо-французскими дипломатическими представителями»¹⁰⁰.

Таким образом, четвертый этап британской политики интервенции в России (август — ноябрь 1918 г.) был связан с отправкой воинских сил в различные регионы бывшей Российской империи и возможностями установления и закрепления собственного влияния на оккупированных территориях. Вся эта политика была направлена на сохранение и укрепление глобального лидерства в постоянно меняющейся обстановке в Европе и России. Основной упор делался не только на собственные и союзные воинские части, но и на разного рода консультантов и инструкторов для белых сил и других боеспособных единиц, а также в некоторых российских регионах на создание военных учебных заведений, организацию снабжения и торговли и захват инфраструктуры и ресурсов.

Пятый этап британской политики интервенции в России (ноябрь — декабрь 1918 г.)

С сентября по начало ноября 1918 г. британская политика интервенции развивалась вполне успешно, за исключением Кавказа. Однако 11 ноября 1918 г. было заключено Компьенское перемирие, положившее конец Первой мировой войне. В этой связи произошли изменения в российском направлении внешней политики Британии и появились новые проблемы в реализации британского вмешательства в России.

13 ноября 1918 г. состоялась конференция в Форин-офисе в присутствии военных и военно-морских властей, где по просьбе председательствовавшего на ней А. Бальфура его заместитель Р. Сесил зачитал меморандум начальника Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г. Это был единственный документ, обсуждавшийся на конференции, и по его итогам он послужил основой для принятого решения.

Как отмечал Г. Вильсон, политика военной интервенции была направлена на то, чтобы не позволить Германии получать помощь из Рос-

¹⁰⁰ Официальное сообщение о ликвидации заговора против советской власти, руководимого англо-французскими дипломатическими представителями // Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1. С. 462–463.

сии и Сибири людьми и поставками; не допустить переброски живой силы и ресурсов с Русского фронта на другие фронты; предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны. Однако после подписания Компьенского перемирия две первые цели исчезли и осталась только третья, которая в документе характеризовалась как «война после войны»¹⁰¹. Изменившиеся условия требовали в срочном порядке разработать обновленную концепцию военной политики в отношении России. Отмечалось, что при рассмотрении любой операции в данной стране во время перемирия надо постоянно учитывать ограниченность времени, поскольку любое инициированное действие могло остаться без исполнения в случае его ограничения датой подписания мира.

По мнению сторонников интервенции, ее продолжение сводилось прежде всего к необходимости борьбы с большевизмом как мировой угрозой и проблеме британско-германского соперничества в России. При этом обе проблемы связывались в единое целое: сокрушение большевизма в России должно было стать той задачей, решение которой выбило бы почву из-под ног Германии, и, опередив последнюю в данном вопросе, Великобритания смогла бы предотвратить возможность установления политического влияния Германии в послевоенной России.

В меморандуме Г. Вильсона было изложено несколько вариантов мер, направленных на борьбу с большевизмом: создать вокруг России кольцо государств для предотвращения распространения большевизма; принять активные военные меры, имея в виду окончательно сокрушить большевизм в возможно самые короткие сроки; заставить Германию передать оружие и снаряжение пограничным странам, репатриировать войска, которыми могут располагать дружественные Великобритании страны на этих территориях, и в целом оказать им поддержку.

Имперский Генеральный штаб подчеркнул необходимость окончательного выполнения внутренних обязательств перед британской армией, осуществив полный вывод войск из Европейской России к моменту подписания мирного договора и образованию сильного русского правительства в Сибири. По мнению Г. Вильсона, немедленно нужно было воспользоваться преимуществом открытия Балтики для обеспечения интервентам лояльных сил военными поставками и Черного моря для оккупации тех портов на восточном побережье, «которые могут быть

¹⁰¹ G.T. 6311. Our Present and Future Military Policy in Russia. Memo by C.I.G.S. 13 November 1918 // TNA. CAB 24/70/11. P. 22.

необходимы, чтобы протянуть руку помощи тем, кто тяготеет к созданию стабильного русского правительства»¹⁰².

В ходе конференции свое мнение по затронутым вопросам озвучил А. Бальфур. С его точки зрения, британское правительство не могло поддержать вариант борьбы с большевизмом путем осуществления открытого «антибольшевистского крестового похода», поскольку на него не согласятся жители страны. Вместе с тем глава Форин-офиса указал на необходимость оказать поддержку государствам на западной границе России от Балтийского до Черного моря.

После непродолжительной дискуссии в протокол вошли следующие решения: продолжить оккупацию Мурманска и Архангельска; признать Омскую Директорию фактическим правительством; поддержать уже начатую сибирскую экспедицию и призвать канадцев придерживаться договоренностей, предусмотренных до перемирия; побудить чехов оставаться в Западной Сибири и отправить туда некоторых своих сотрудников; утвердить положение по вопросу о взаимоотношениях французского генерала М. Жанена и английского генерала А. Нокса; приступить к оккупации железной дороги Баку — Батум; установить контакт с А.И. Деникиным в Новороссийске и оказать всю возможную помощь военными материалами; предоставлять балтийским государствам военные материалы в случае, если и когда они имеют правительства, готовые получать и использовать такие материалы; разрешить генералу У. Маршаллу взять в управление Красноводск (Туркменбаши); придерживаться Конвенции от 23 декабря 1917 г., по возможности расширяя британскую сферу так, чтобы включить в нее территорию между Доном и Волгой¹⁰³.

14 ноября 1918 г. решение конференции было рассмотрено на заседании Военного кабинета. По его итогу были приняты важнейшие решения. Главным образом были одобрены решения конференции в Форин-офисе, т. е. утверждена программа усиления интервенции, за исключением пункта о разрешении У. Маршаллу взять в управление Красноводск, оставив его на совместное рассмотрение государственного секретаря по военным делам и государственного секретаря по делам Индии¹⁰⁴. После окончания заседания британская политика интервенции усилилась.

¹⁰² Ibid. P. 23.

¹⁰³ War Cabinet, 502. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 14 November 1918 // Ibid. CAB 23/8/23. P. 78–79.

¹⁰⁴ Ibid. P. 77.

16 ноября 1918 г. эскадра Соединенного Королевства вошла в Черное море. Через день в Баку прибыл из Персии пятитысячный контингент британских военных во главе с генералом У. Томсоном. Железная дорога Баку — Батум была взята под контроль. В декабре 1918 г. британские корабли вошли в гавани стран Прибалтики: Мемель (Клайпеда), Либава (Лиепая), Рига и Ревель (Таллин).

В развитие этой политики усиленными темпами шли вооружение и другая помощь как в пограничные с Россией новообразованные государства, так и антибольшевистским армиям. Энергичность принятых мер свидетельствует о серьезности намерений Великобритании взять под свой контроль стратегические объекты инфраструктуры, порты и железные дороги.

Вместе с тем в Британии ожидалась послевоенные выборы в нижнюю палату парламента — палату общин. От их итогов зависели формирование нового состава правительства Соединенного Королевства и социальная стабильность. Подготовка к проведению парламентских выборов проходила в условиях нарастающего недовольства населения продолжением и усилением политики интервенции в России в связи с усталостью от нахождения солдат в далекой стране, какими бы ни были его цели.

Озабоченность проблемами восприятия этой политики выразил председатель Совета по образованию Г. Фишер в меморандуме «Будущая военная политика в России» от 5 декабря 1918 г. Как он отмечал, после подписания перемирия продолжающаяся военная операция в России крайне непопулярна среди рабочих и женщин Великобритании, тем более в обстановке слухов, что британские солдаты в России голодают. Трудящиеся не понимали, зачем британцы вообще воюют в России, если только не для восстановления самодержавия. Г. Фишер констатировал, что, хотя большевикам в Великобритании симпатизировало лишь небольшое меньшинство рабочих, многие люди считали, что формирование российского правительства — дело самих русских. В этой связи правительству предлагалось разъяснить британскую политику в России. Подчеркивалось, что чем дольше будет длиться ее обсуждение, тем более непопулярной она будет становиться, и если правительство считало, что открытие мирной конференции в Париже даст удобную возможность для урегулирования дел Российской империи, то Г. Фишер предложил определиться, «следует ли наряду с основной конференцией учредить вспомогательную для решения множества проблем, возникающих в связи с урегулированием поло-

жения Российской империи»¹⁰⁵. На такой конференции предполагалось, помимо представителей от самих большевиков, также присутствие представителей различных правительств, которые были созданы в России и на ее окраинах, из Эстонии, Грузии, Украины, Омска, Финляндии. В дальнейшем высказанные в меморандуме Г. Фишера мысли и предложения оформились в платформу, с которой выступали менее радикально настроенные в отношении Советской России силы внутри Военного кабинета.

Меморандум Г. Фишера был рассмотрен на заседании Военного кабинета министров 10 декабря 1918 г. в рамках обсуждения союзной операции и военной политики в России. Помимо этого документа, А. Бальфур зачитал подготовленный в ноябре 1918 г. документ «Заметки по нашей политике в России». В нем подтверждалось, что с поражением Германии основной побудительный мотив для военной операции в России исчез и, соответственно, возник вопрос: «Для чего же мы все еще поддерживаем войска в разных частях того, что когда-то было Российской империей?»¹⁰⁶ На этот вопрос документ А. Бальфура однозначного понятного ответа не дал, а только констатировал отсутствие у правительства намерений устанавливать какую-либо форму правления в России.

Военный кабинет Д. Ллойд Джорджа принял во внимание настрой британцев, которые были против нахождения войск в России после Компьенского перемирия. Дальнейшее рассмотрение вопроса о союзной операции и военной политике в России было отложено.

14 декабря 1918 г. в Соединенном Королевстве состоялись всеобщие выборы в палату общин. По их результатам консерваторы и либеральные сторонники Д. Ллойд Джорджа получили конституционное большинство в палате общин, что стало одним из определяющих факторов формирования внешней политики, в том числе и в отношении России. После парламентских выборов обсуждение политики интервенции в новых внутри британских и послевоенных условиях произошло на заседаниях Имперского Военного кабинета 23 и 31 декабря.

23 декабря были высказаны разные позиции по интервенции в России. Министр военного снабжения У. Черчилль считал, что Великобритания должна решить: «либо позволить русским убивать друг друга без разрешения и помех, либо во имя порядка вмешаться и сделать это ос-

¹⁰⁵ G.T. 6443. Future Military Policy in Russia. Memorandum by Dr. H.A.L. Fisher. 5 December 1918 // Ibid. CAB 24/71/44. P. 143.

¹⁰⁶ War Cabinet, 511. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 10 December 1918 // Ibid. CAB 23/8/32. P. 106.

Уинстон Черчилль

новательно»¹⁰⁷. А. Бальфур заявил: «Наше вмешательство было предпринято как военная мера. Она была предпринята совместно с Францией и Италией, и все объединились, чтобы побудить Америку и Японию предоставить войска, отсутствующие в других странах, для восстановления Восточного фронта против Германии. Это поначалу было единственной целью интервенции в Россию»¹⁰⁸. Д. Ллойд Джордж в свою очередь счел необходимым еще раз подчеркнуть, что отправка союзных войск в Россию была продиктована необходимостью «спасти ресурсы Западной Сибири от попадания в руки немцев»¹⁰⁹. В условиях же ослабления Германии он высказался о нецелесообразности нахождения британских войск в России. Госсекретарь по военным делам А. Милнер также высказался против агрессивных действий против большевизма и за сдерживание большевизма в его существующих границах.

Если 23 декабря не пришли ни к какому решению по продолжению британской политики интервенции в России, то 31 декабря оно было достигнуто на заседании Имперского Военного кабинета: одобрение предложения Д. Ллойд Джорджа об отказе Великобритании и ее доминионов от поддержки любого военного вмешательства в России. Идея У. Черчилля об усилении коллективного давления на ситуацию в России

¹⁰⁷ Imperial War Cabinet, 45. Minutes of a Meeting of the Imperial War Cabinet. 23 December 1918 // Ibid. CAB 23/42/17. P. 73.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Ibid.

не была поддержана. Также во время заседания в целом было достигнуто согласие, что в случае внешней агрессии большевиков против какого-либо правительства, с которым есть сотрудничество, державы воспользуются своим правом поддерживать данное правительство любым способом, не связанным с военным вмешательством.

Аргументы премьер-министра Великобритании включали количественную ограниченность воинских союзных сил в России (100 тыс.) на фоне увеличения РККА до 300 тыс. и ее потенциального роста до 1 млн к марту 1919 г. В связи с этим он задавался вопросом: «Где бы мы могли найти войска, с которыми можно было войти в сердце России и оккупировать страну?»¹¹⁰ И сам же отвечал: «Невозможно найти британские войска для этой цели без призыва, и, если даже парламент одобрит такой призыв, сомнительно, что войска пойдут. Армия, состоящая из наших граждан, была готова пойти куда угодно за свободу, но вряд ли их удастся убедить, что подавление большевизма — это война за свободу»¹¹¹. Для России освобождение от большевизма было бы спасением, но сделать это с помощью иностранных армий может стать катастрофой как для Европы, так и для России, и отправка британских солдат на расстрел большевиков означала бы появление большевиков в Соединенном Королевстве.

Значение заседания Имперского Военного кабинета 31 декабря 1918 г. состоит в том, что в результате состоявшегося обсуждения произошло начало разворота британской политики интервенции в отношении России в сторону ее прекращения.

Таким образом, пятый этап британской политики интервенции в России (ноябрь — декабрь 1918 г.) был одним из ее самых коротких этапов, но самым динамичным, насыщенным и судьбоносным. В течение ноября — декабря 1918 г. произошло усиление политики интервенции после Компьенского перемирия, которое было направлено на сдерживание большевизма как угрозы глобального характера и предотвращение потенциального установления влияния Германии в России. Однако окончание войны требовало от британского правительства формулирования нового внешнеполитического курса в отношении России. Несмотря на усиление британской политики интервенции в ноябре — декабре 1918 г., правительство было вынуждено учитывать мнение населения Великобритании, выразившего категорическое несогласие с необходимостью

¹¹⁰ Imperial War Cabinet, 48. Minutes of a Meeting of the Imperial War Cabinet. 31 December 1918 // Ibid. CAB 23/42/20. P. 92.

¹¹¹ Ibid.

продлевать пребывание английских солдат в России после завершения Первой мировой войны. Под влиянием внутреннего общественного давления был одобрен новый внешнеполитический курс Великобритании, направленный на окончание интервенции.

Шестой этап британской политики интервенции в России (январь — июль 1919 г.)

Во время шестого этапа британской политики интервенции в России в Военном кабинете Д. Ллойд Джорджа, после обновления состава правительства в январе 1919 г., обсуждалась дилемма политики интервенции: либо ее полное прекращение, либо продолжение в другой форме. Во время этих обсуждений сформировались две противоречащие друг другу позиции: премьер-министра Д. Ллойд Джорджа и государственного секретаря по военным делам У. Черчилля. Первый выступал за скорейшее прекращение британской политики интервенции в России, свертывание помощи Белому движению и налаживание диалога с РСФСР. Второй отстаивал усиление политики интервенции, продолжение помощи Белому движению и максимальное сдерживание Советской России как угрозы мировой и британской безопасности.

Фоном этой дискуссии служили рост протестных настроений и расширение движения «Руки прочь от России!» в Великобритании из-за продолжавшегося пребывания войск на территории бывшей Российской империи. Движение против политики интервенции приобрело широкий размах. Например, 27 января началась забастовка среди рабочих и некоторых специалистов (шахтеров, строителей, механиков и др.), в результате чего была приостановлена работа ряда промышленных предприятий.

В январе — июле 1919 г. внутри Военного кабинета, так и между странами-союзницами на Парижской мирной конференции стала обсуждаться проблема прекращения британской и союзной политики интервенции в России, а также выработка новой консолидированной политики в отношении РСФСР и новообразованных государств на территории бывшей Российской империи. В частности, У. Черчилль призвал собравшихся к выработке общей политики союзников в России и решению вопроса о том, как обеспечить силы, необходимые для ее реализации¹¹².

¹¹² War Cabinet, 515. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 10 January 1919 // Ibid. CAB 23/9/2. P. 8.

12 февраля 1919 г. на заседании Военного кабинета была поднята проблема британской и союзной политики интервенции в России. С точки зрения У. Черчилля, в обстановке, когда великие державы не принимали никаких решений по России, им был поставлен перед Военным кабинетом вопрос о необходимости четко определиться с направлением политического курса относительно этой страны: либо отказ от интервенции, либо ее продолжение. В первом случае необходимо было предпринять полный вывод отрядов с российской территории. Во втором случае, наоборот, приступить к их срочному наращиванию там, где они уже были. У. Черчилль соглашался с тем, что крупномасштабное вмешательство не представлялось возможным, однако настаивал на помощи Великобритании российским антибольшевистским силам, насколько это было возможно. Он выражал убежденность, что если Великобритания не вмешается в дела России, то через несколько лет будет реально говорить о союзе Германии с большевистской Россией и Японией, что могло бы стать одной «из самых мощных комбинаций, которые когда-либо видел мир»¹¹³.

Канцлер Казначейства О. Чемберлен, в свою очередь, отметил, что белогвардейцы в России ожидали гораздо большей помощи, чем ее предоставляли союзники; британские войска в Сибири устали, а чехи не рвались в бой. Также он обратил внимание на необходимость рассмотреть дополнительно финансовый вопрос с учетом очевидной вероятности, что Франции и Великобритании придется нести все расходы, связанные с этой операцией, самостоятельно из-за нежелания Соединенных Штатов оказывать финансовую поддержку союзникам.

Итогом обсуждения стало решение Военного кабинета поручить начальнику Имперского Генерального штаба Г. Вильсону разработать вопрос о военном эффекте, который будет вытекать из принятия каждой из следующих стратегий в отношении России: вмешательство; эвакуация; промежуточная политика предоставления всей возможной помощи оружием и деньгами антибольшевистским правительствам России; защита государств, которые зависели от поддержки союзников¹¹⁴.

В феврале 1919 г. Г. Вильсон передал для рассмотрения Военному кабинету меморандум «Союзная политика в России» (13 февраля 1919 г.) и документ «Записка для кабинета по будущим военным операциям в России» (24 февраля 1919 г.).

¹¹³ War Cabinet, 531. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 12 February 1919 // Ibid. CAB 23/9/18. P. 66.

¹¹⁴ Ibid.

В меморандуме была изложена позиция по вопросам, затронутым на заседании правительства 12 февраля. В этом документе было представлено мнение о нецелесообразности использования крупных сил союзников для проведения наступательной кампании в России. Вместе с тем эвакуация войск из этой страны в сочетании с прекращением помощи антибольшевистским силам однозначно привела бы к катастрофическим последствиям, поскольку развяжет руки советским войскам для захвата территорий Грузии, Эстонии и Польши. В связи с этим Генштабу представлялось целесообразным ограничиться оказанием антибольшевистским силам материальной поддержки в виде отправки продовольствия, оборудования, боеприпасов, сравнительно небольшого количества танков и самолетов, укомплектованных специалистами-добровольцами. Это должно было позволить им остановить Красную армию в ее дальнейшем продвижении по территории России, ограничить РСФСР в настоящих территориальных пределах и тем самым привести к окончательному краху правящего режима, поскольку в Имперском Генштабе высказывали твердую убежденность в том, что «большевизм, который ничего не может создавать, может существовать только путем распространения своей системы организованного грабежа на новые территории»¹¹⁵.

Говоря о зарождавшихся на обломках бывшей Российской империи государствах, в первую очередь о Польше и Эстонии, представители Генерального штаба указывали на возможность защитить их от большевистского поглощения за счет направления всех возможных материальных средств для обеспечения победы объединенных национальных и белогвардейских сил в борьбе против РККА. Далее начальник Генштаба Г. Вильсон писал о плане кампании, который должен был включать «наступление-оборону» на Северном и Западном фронтах. При этом основной акцент делался на наступлении войск А.В. Колчака и А.И. Деникина.

В «Записке для кабинета по будущим военным операциям в России» в категоричной форме указывалось на невозможность проведения военных операций в России. В качестве причин отмечались огромные размеры страны, нищета ее жителей, недостаток средств сообщения, плачевное состояние железных дорог и главное — военное истощение союзников. В связи с этим необходимо было разработать новую политику в отношении военных операций. Главной обязанностью союзников, по мнению Г. Вильсона, являлось обеспечение защиты Финляндии,

¹¹⁵ G.T. 6805. Allied Policy in Russia. Memorandum by Henry Wilson. 13 February 1919 // Ibid. CAB 24/75/5. P. 17.

Британские интервенты награждают русских скаутов, победителей в боксерских соревнованиях. Архангельск, 1919 г.

Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии, целостность которых была гарантирована. Им было рекомендовано вывести войска Британии с территорий Севера России и Сибири, но при этом продолжать оказывать военно-техническую помощь А.В. Колчаку и А.И. Деникину. Помимо этого, британцам следовало удерживать Каспий и Закаспийскую область, но при возможности переложить эту обязанность на одного из союзников Великобритании¹¹⁶.

Таким образом, Имперский Генеральный штаб не допускал боевых действий союзнических войск в России, включая британские, и предлагал сосредоточиться преимущественно на продовольственной и военно-технической помощи Белому движению.

Длительная дискуссия, имевшая место среди британских высших правительственных кругов, была связана с тем, что Д. Ллойд Джордж не желал возлагать большие риски и затраты на Великобританию, внутреннее положение которой в этот период было отягощено рабочими волнениями и проблемами демобилизации, а также необходимостью выработки или корректировки позиции Великобритании в связи с работой мирной конференции.

В конечном счете было принято решение о переносе обсуждения вопроса о выработке внешнеполитического курса в отношении России

¹¹⁶ G.T. 6885. Note for the Cabinet on Future Military Operations in Russia. Memorandum by W.S. Churchill and Henry Wilson. 24 February 1919 // Ibid. CAB 24/75/85. P. 365.

со всеми державами Антанты на Парижской мирной конференции. Как заметил Дж.Н. Керзон, политика по «русскому вопросу» «не могла быть разработана в Лондоне: она должна была быть сформулирована в Париже»¹¹⁷. Однако окончательного решения в Париже не удалось достичь из-за различий позиций стран-участниц и акцентирования основного внимания на выработке мирных договоров с Центральными державами, в первую очередь с Германией. Не менее важное значение имела динамика событий Гражданской войны в России, которая на разных фронтах менялась в пользу той или иной стороны конфликта.

Лишь 4 марта 1919 г. на заседании Военного кабинета в части обсуждения «русского вопроса» У. Черчилль хотел узнать о готовности правительства проинформировать его более определенно о политике, которую оно намерено проводить в отношении России. Премьер-министр ответил на это, что он воспользуется первой же возможностью по возвращении в Париж, чтобы обсудить этот вопрос на мирной конференции. Общее же намерение британского правительства состояло в том, чтобы как можно скорее вывести войска из всех частей России, а затем снабдить русских командиров, дружественных союзному делу, оружием, самолетами, боеприпасами и всем, что может пригодиться, кроме войск и денег. Итогом этого заседания стало решение о необходимости продвигать идею осуществления скорейшей эвакуации из Мурманска и Архангельска, сообщив об этом также британским делегатам в Париже. Вывод британских войск с данной территории должен был происходить максимально безболезненно для остававшихся там белых армий¹¹⁸.

В конце марта в Париже было принято решение о выводе союзных войск под командованием Франции с территорий Крыма и Украины в силу усталости нахождения солдат и их морального разложения из-за большевистской агитации. Вывод этих войск начался 4 апреля. Также в апреле — августе 1919 г. Великобританией были выведены войска с территории Закаспийской области ввиду побед Красной армии и бесперспективности их нахождения там¹¹⁹.

25 и 29 июля 1919 г. начался комплексный и обстоятельный пересмотр всей британской политики интервенции в России. Его причинами

¹¹⁷ War Cabinet, 545A. Draft Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 17 March 1919 // Ibid. CAB 23/15/7. P. 45.

¹¹⁸ War Cabinet, 541A. Draft Minutes of a Meeting. 4 March 1919 // Ibid. CAB 23/15/6. P. 43.

¹¹⁹ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане: советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 342–343.

были: неудача наступления сил Э. Айронсайда на Севере России; восстание русских войск на Двине, при подавлении которого погибли и были ранены британские военнослужащие; отступление армии А.В. Колчака вглубь Сибири; нарастание социального кризиса в Соединенном Королевстве из-за забастовочного движения, стремившегося повлиять на скорейший вывод войск из России и направить политику правительства в сторону невмешательства в ее внутренние дела; давление британского парламента на проведение демобилизации военнослужащих. В то же время относительно успешных результатов достигли действия войск А.И. Деникина на Юге России: были приобретены богатые и стратегически важные земли и города. Это обстоятельство позволяло британскому правительству продолжать рассчитывать на вероятный успех наступления его армии на Москву.

Особое значение имели решения, принятые 25 июля 1919 г. на заседании Военного кабинета. Согласно этим решениям, все британские воинские контингенты с Севера России и из Сибири будут эвакуированы, а британская миссия не должна оставаться в Архангельске. Было принято к сведению, что военное ведомство рассчитывает на вывод британской армии с Кавказа 15 августа. Адмиралтейство обязывалось отправить в Архангельск батальон морских пехотинцев и суда, которые должны были использоваться для возвращения британских войск. Министр судоходства должен быть уполномочен обеспечить корабли для возвращения британских войск. Предлагалось также подготовить к следующему заседанию Военного кабинета министров информацию о продовольственной ситуации на Юге России и просить контролера по продовольствию представить доклад о целесообразности поставки А.И. Деникину продовольствия¹²⁰.

В протоколе заседания от 29 июля 1919 г. было зафиксировано, что помощь А.И. Деникину следует продолжать по тем же направлениям, что и ранее; Дж.Н. Керзону предписывалось организовать прикомандирование политического представителя к А.И. Деникину и подготовить для рассмотрения кабинетом проект депеши союзникам о проведении согласованной политики в отношении России; Военному министерству, Адмиралтейству, Казначейству, Министерству авиации, Министерству судоходства, Министерству вооружений, Совету по торговле и Министерству продовольствия подготовить цифры для включения в проект

¹²⁰ War Cabinet, 599. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 25 July 1919 // ТНА. САВ 23/11/13. P. 66.

депеша Дж.Н. Керзона, чтобы показать расходы Британии в России¹²¹. Одновременно Дж.Н. Керзон взял обязательство принять меры, чтобы полковник Мак-Элпайн, представитель Высшего экономического совета на Юге России, ни в коем случае не давал «...никаких обещаний, влекущих за собой расходы британского правительства»¹²².

Во время заседания 29 июля 1919 г. премьер-министр Д. Ллойд Джордж высказал свою позицию по британской политике интервенции в России. Он не рассматривал военные операции там как кампанию против большевизма, поскольку для этого союзным странам, если те хотели победить большевизм, потребовались бы большие армии. По его мнению, небольшие британские силы в России были посланы туда не для этой цели. Поддержка Великобритании российским антибольшевистским силам объяснялась тем, что они сопротивлялись Германии в ее стремлении использовать российские ресурсы и были подвержены нападению со стороны «друзей Германии» — большевиков. «Поэтому мы продолжали помогать нашим друзьям, но это была не столько оппозиция большевизму, сколько мера для продолжения войны»¹²³. Отправка экспедиции в Мурманск и Архангельск объяснялась страхом создания баз подводных лодок Германии в северных морях и не имела своей целью атаковать большевизм.

Далее поддержка антибольшевистским силам осталась в рамках противостояния с большевизмом. Британское правительство в течение года снабжало их пушками, винтовками, пулеметами, боеприпасами, танками, обмундированием, сапогами и т. д. Проблема у А.В. Колчака и А.И. Деникина заключалась в привлечении народа на свою сторону. Первый успешно продвигался вперед, но население не поднималось в его поддержку. Относительно А.И. Деникина Д. Ллойд Джордж высказался, что его следовало бы поддерживать, но не вечно: «Мы имели право дать ему шанс, но мы не могли помочь поддерживать Гражданскую войну в России вечно. Если бы за Деникиным действительно стоял народ, большевики никогда не смогли бы его одолеть»¹²⁴. Премьер-министр жаловался на Францию. Ее представители были яростно настроены антибольшевистски, но на самом деле они никогда не делали ничего эффективного: «Они всегда хотели вести кампанию против большевиков за наш счет. Их операции на Украине потерпели позорный провал,

¹²¹ War Cabinet, 601. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 29 July 1919 // Ibid. CAB 23/11/15. P. 80.

¹²² Ibid.

¹²³ Ibid. P. 79.

¹²⁴ Ibid.

и с тех пор они ничего не предпринимали»¹²⁵. Одновременно у него было понимание, что А.И. Деникину будет оказана поддержка.

Таким образом, 25 и 29 июля 1919 г. был окончательно закрыт вопрос о британской политике интервенции. Позиция Д. Ллойд Джорджа о прекращении интервенции в той или иной форме, за исключением определенных случаев, взяла вверх при формировании политики в отношении России. Основными причинами этой победы были преимущественно внутренние: нарастание социального кризиса в стране, который мог привести к внутренней дестабилизации, и истощенные финансовые и человеческие ресурсы Великобритании в послевоенных условиях. Умелое маневрирование премьер-министра позволило избежать принятия радикальных решений, предлагавшихся У. Черчиллем. Постепенно позиции У. Черчилля, который не сумел получить одобрение кабинета по своим основным предложениям, стали ослабевать.

Уже 19 августа 1919 г. британское правительство в ходе заседания определило, что его политика сводилась к тому, чтобы ограничить помощь России только помощью войскам А.И. Деникина, а все иные обязательства в других частях бывшей Российской империи прекратить исполнять как можно скорее¹²⁶. Иными словами, с учетом ранее предпринятых обсуждений по финансовым вопросам можно констатировать, что в основе этого решения лежала необходимость сокращения затрат британского правительства на операции в России.

Таким образом, шестой этап британской политики интервенции в России (январь — июль 1919 г.) был ознаменован решением о прекращении этой политики и окончании интервенции ввиду фактического отказа Великобритании продолжать исполнять изначально взятую на себя роль в части материально-технического обеспечения интервенции, что вызывало цепную реакцию в решении других вопросов и что в целом требовало перераспределения ролей между странами Антанты. Сочетание внутренних, международных и российских факторов заставило правительство Д. Ллойд Джорджа окончательно завершить политику интервенции. Великобритании предстояло теперь участвовать в обсуждении итогов интервенции, разработать совместно с другими странами и объявить новую британскую и общесоюзную политику в отношении РСФСР и пограничных с ней государств.

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ War Cabinet, 617. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 19 August 1919 // Ibid. CAB 23/12/2. P. 2.

Седьмой этап британской политики интервенции в России (август — декабрь 1919 г.)

С августа по декабрь 1919 г. британское правительство было занято подведением итогов старой политики в отношении России и пограничных с ней государств, а также выработкой новой с определением ее конечной цели в рамках сохранения своего глобального влияния и баланса сил в мире, в особенности в Европе.

В августе 1919 г. Дж.Н. Керзоном был подготовлен документ «Политика в отношении России», в котором приводились расчеты потраченной суммы на британскую интервенцию в различных ее формах на территориях бывшей Российской империи. Согласно этому документу, к концу 1919 г. она должна была составить более 94 млн фунтов стерлингов. На Севере России было потрачено 5,6 млн фунтов стерлингов на содержание войск до их эвакуации, 7,8 млн фунтов стерлингов на морские операции, связанные с экспедицией, и 15 млн фунтов стерлингов на снаряжение российских войск, питание гражданского населения, субсидирование Временного правительства и установление прочной валютной системы. В документе также указывалось, что, хотя понесенные Британией расходы в конечном счете могут быть частично возмещены союзниками в соответствии с различными заключенными соглашениями, «первоначальные расходы почти полностью легли на плечи правительства Его Величества»¹²⁷.

В Сибирь была поставлена техника войскам А.В. Колчака на сумму 14,6 млн фунтов стерлингов. Относительно Юга России — туда были предоставлены материалы на сумму 26 млн фунтов стерлингов. Содержание сухопутных сил до их эвакуации на Кавказе обходилось в сумму 4 млн фунтов стерлингов, военно-морских сил на Черном и Каспийском морях — столько же.

В Прибалтике войскам Эстонии, Латвии и русскому северному корпусу были предоставлены оружие и материалы на сумму 2,8 млн фунтов стерлингов, чтобы дополнительно поддерживать военно-морские силы в Балтийском море и Финском заливе.

Дж.Н. Керзон резюмировал, что в результате всех предпринятых усилий британское правительство практически исчерпало свои ресурсы в отношении военных материалов как раз в тот момент, когда к нему были предъявлены повышенные требования в Сибири, южной России, Польше,

¹²⁷ G.T. 7947A. Policy towards Russia. Second Draft. Memorandum by Curzon of Kedleston. 16 August 1919 // Ibid. CAB 24/86/50. P. 442.

Прибалтике и Финляндии. Вследствие этого требовалось пересмотреть и согласовать между участниками союзной коалиции их будущие политические, военные и финансовые обязательства в России, предположив, что они все еще будут поддерживаться. Для этого нужно было созвать очередную межсоюзническую конференцию для решения важных вопросов относительно России и деятельности союзных стран. Со стороны правительства Соединенного Королевства планировалось представить концепцию об общей политике, которую желательно было бы проводить, и обозначить роль, которую готова была бы взять на себя Великобритания.

Военному кабинету следовало определиться с собственной политикой в отношении России, чтобы она стала базой для общесоюзной. 25 сентября 1919 г. в британском правительстве премьер-министром был поднят вопрос об основной цели британской политики в России: «Будет ли в интересах Британской империи стремиться к ограниченной России при любом правительстве, будь то большевистское или антибольшевистское, или при правительстве, представляющем любые другие политические направления, какими бы благоприятными они ни были?»¹²⁸ Было высказано опасение неизбежности того, когда такое правительство в России будет естественным образом усиливаться, вследствие этого возникнет угроза не только для Великобритании, но и для всего мира. Дополнительно премьер-министр предложил рассмотреть необходимость создания определенных независимых государств, в частности, Украины и, возможно, Туркестана. В завершении им было подчеркнуто, что он лично не мог спокойно относиться к мысли о мощной объединенной России с населением 130 млн человек. После принятия решения о цели политики относительно России Д. Ллойд Джордж считал необходимым незамедлительно сообщить его британским представителям в Париже для начала реализации выработанного курса.

У. Черчилль углубился в рассуждения о предпочтительности для Великобритании либо в пользу «ограниченной» (слабой) или «объединенной» (сильной) России. Он выразил уверенность в маловероятности начала процесса объединения этой страны в ближайшие несколько лет, но она в будущем обязательно поднимет вопрос о возвращении утраченных земель.

По итогам прений Военный кабинет принял решение о том, что временно исполняющему обязанности в Великобритании госсекрета-

¹²⁸ War Cabinet, 624A. Secretary's Notes of a Meeting of the War Cabinet. 25 September 1919 // Ibid. CAB 23/15/32. P. 273.

ря по иностранным делам Дж.Н. Керзону следовало бы распространить меморандум по вопросу о дальнейшем «размере» России, но в рамках сохранения тайны в одном экземпляре в коробке. Можно предположить, что он вступал в противоречие с публичной политикой Великобритании в отношении России, проводившейся «исключительно в интересах России и самих русских», как неоднократно утверждали в Военном кабинете.

В ноябре 1919 г. правительству требовалось сделать заявление о потраченных средствах в России и британской политике относительно нее. 8 ноября в Гидхолле премьер-министр заявил о негативном изменении российской ситуации: антибольшевистские войска А.В. Колчака, А.И. Деникина и Н.Н. Юденича терпели поражения. Поэтому траты на поддержку этих сил и иные операции в России становились тяжким бременем для британского бюджета и требовали сокращения.

Одновременно Д. Ллойд Джордж призвал обратиться к другим методам работы в России, основанным на доверии к советскому правительству. Осенью 1919 г. прочность позиций правительства РСФСР стала очевидной, и в этой связи сотрудничество с Россией, с теми, кто реально находился у власти, было для Великобритании необходимым для поддержания своих геополитических интересов.

13 ноября премьер-министр сделал заявление в парламенте относительно политики Великобритании в России. Он сообщил, что «в период между датой перемирия и концом октября в денежной и натуральной форме Соединенное Королевство израсходовало или санкционировало выделение почти 100 млн фунтов стерлингов на увеличение помощи, направленной России. Значительная часть этой суммы была или будет добавлена к постоянной задолженности этой страны»¹²⁹. Д. Ллойд Джордж категорически заявил, что, учитывая тяжелое финансовое бремя вследствие Первой мировой войны, правительство не возьмет на себя новые финансовые обязательства.

Далее премьер-министр обратил внимание на заинтересованность в восстановлении мира в России, поскольку последняя являлась одним из крупнейших поставщиков продовольствия и сырья на мировой рынок. Это являлось одной из причин необходимости скорейшего завершения интервенции и разработки новой консолидированной политики

¹²⁹ Statement by Prime Minister // Parliamentary Debates. House of Commons. 13 November 1919. Vol. 121. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1919/nov/13/statement-by-prime-minister> (дата обращения: 15.12.2023).

стран Антанты. Далее в парламенте он заговорил об опасности стремлений военной партии Германии установить влияние в России.

Премьер-министр выразил надежду на проведение в ближайшее время международной конференции, на которой положение России будет в числе рассматриваемых проблем. Поскольку Россия оставалась страной, обладавшей огромными природными ресурсами и стратегической инфраструктурой, ее ослабление или попадание в сферу влияния Германии не соответствовали интересам Великобритании. Таким образом, британское правительство было очень заинтересовано в проведении конференции по решению «русского вопроса», где она могла бы пролоббировать свой проект решений, который отвечал бы интересам страны и который стал бы основой для внешней политики союзников.

Лондонская конференция открыла свою работу 11 декабря 1919 г. и была посвящена обсуждению вопросов о послевоенном устройстве мира. На ней министры союзных и ассоциированных держав должны были рассмотреть ряд серьезных проблем, остававшихся нерешенными в рамках работы Парижской мирной конференции.

«Русский вопрос» был поднят на второй день работы конференции 12 декабря Д. Ллойд Джорджем, и затем он передал слово французскому премьер-министру Ж. Клемансо по договоренности с последним. Ж. Клемансо изложил свое понимание интервенции союзников. Он считал, что интервенция была предпринята с привлечением огромных ресурсов — человеческих, товарных и денежных — с целью создания стабильного правительства в России. Желаемого результата достигнуто не было, и Ж. Клемансо связывал этот провал с обнаружившимся недостатком антибольшевистских элементов внутри России. Им было предложено взять курс на международную изоляцию страны: «как бы опутать Россию колючей проволокой, чтобы она не создавала неприятностей извне и чтобы Германия не вступала в отношения с Россией, будь то политические или военные»¹³⁰. В сдерживании Германии, с его точки зрения, важное место занимала Польша, поскольку та имела первоклассное стратегическое положение, армию и благосклонность к союзникам. Ж. Клемансо считал крайне важным поддержку Польши, «чтобы перекрыть русское продвижение на запад и обеспечить контроль над Германией»¹³¹. При этом он предлагал отказаться от любой мысли

¹³⁰ Secretary's Notes of a Conference. 12 December 1919 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919, Volume IX. Washington: United States Government Printing Office, 1946. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv09/d42> (дата обращения: 15.12.2023).

¹³¹ Ibid.

о дальнейшем прямом вмешательстве в Россию, указывая на чрезвычайную финансовую обременительность подобного курса и опасение спровоцировать мнение об откровенном намерении союзников вернуть старый режим. Ж. Клемансо резюмировал, что политика союзников должна заключаться в том, «чтобы держать Россию в узде и сдерживать Германию»¹³².

Речь Ж. Клемансо была поддержана британским премьер-министром, государственным секретарем по иностранным делам Великобритании Дж.Н. Керзоном и другими участниками встречи.

В этот же день после заседания конференции Д. Ллойд Джордж на заседании правительства зачитал проект заключения по политике в России, который был подготовлен по его поручению. В нем были изложены общие позиции, которые, по его мнению, были достигнуты в отношении союзной политики в России и которые легли бы в основу предложений, которые он представит конференции на следующий день. Его выводы сводились к следующему:

1. Конференция отвергла предложение об организации встречи представителей различных антибольшевистских государств и организаций в России.

2. Политика в отношении России, согласованная на конференции, может быть резюмирована следующим образом: не входить в какие-либо дальнейшие договоренности относительно предоставления помощи антибольшевистским силам в России в форме армий, военных материалов или финансовой помощи; антибольшевистские элементы могут покупать военные материалы в странах альянса; каждая страна может принимать самостоятельные решения касательно своих отношений с антибольшевистскими элементами; не иметь официальных отношений с советским правительством.

3. Сильная Польша соответствует интересам стран Антанты. При этом решение вопроса о помощи, которую ей нужно оказать, следует оставить для дальнейшего рассмотрения¹³³.

В ходе обсуждения государственный секретарь по военным делам У. Черчилль заявил, что он не согласен с политикой, изложенной в этом проекте, поскольку она означает отказ от поддержки антибольшевистских сил в России, которую Британия до сих пор проводила. Свое мнение он попросил занести в протокол.

¹³² Ibid.

¹³³ Cabinet 13 (19). Conclusions of Meeting. 12 December 1919 // ТНА. САВ 23/18/14. P. 199–201.

На следующий день согласованная политика союзников в отношении России была отражена в итоговом документе конференции и в целом соответствовала тезисам Ллойда Джорджа с некоторыми добавлениями:

1. Не входить в какие-либо дальнейшие договоренности, за исключением тех, которые были уже обещаны, или решений, которые, как в случае с Сибирью, могут быть приняты правительствами США и Японии относительно предоставления помощи антибольшевистским силам в России в форме армий, военных материалов или финансовой помощи. Антибольшевистские элементы могут покупать военные материалы в странах альянса. Каждая страна может принимать самостоятельные решения касательно своих отношений с антибольшевистскими элементами. Оставить большевистскую Россию в том же положении, окруженной барьером.

2. Сильная Польша соответствует интересам стран Антанты. При этом решение вопроса о помощи, которую ей нужно оказать для защиты ее территорий, следует оставить для дальнейшего рассмотрения.

3. Конференция согласилась с тем, что никакой полезной цели не может быть достигнуто, если попытаться созвать любую общую конференцию представителей антибольшевистских государств в настоящее время.

4. Что касается пограничных сообществ с нерусским населением, которые боролись за свободу и самоуправление, союзники будут оказывать им такую помощь в защите их свобод, которая может оказаться желательной в обстоятельствах каждого события по мере его возникновения¹³⁴.

Было отмечено также, что каждое правительство должно объявить эту политику словами и способом, которые оно считает наиболее удобными.

Изменения, таким образом, коснулись предоставления США и Японии возможности осуществлять действия в Сибири на основе договоренностей, которые им было дано право заключать в будущем. В отношении Польши была сделана оговорка, что помощь будет предоставляться на защиту ее территорий. Исчезла формулировка о невступлении в официальные отношения с советским правительством, которая, на наш взгляд, была заменена менее конкретной: оставить все как есть, изолировав Россию. Был добавлен пункт 4 о возможной помощи неким пограничным сообществам с нерусским населением. Что касается этого пункта, то его содержание говорит о том, что союзники были намерены и впредь поддерживать сепаратизм в России в случае, если такие «сообщества» с нерусским населением появятся или активизируются.

¹³⁴ Cabinet 14 (19). Conclusions of a Meeting of the Cabinet. 15 December 1919 // Ibid. CAB 23/18/15. P. 210.

В целом документ в отношении России был принят в более жестком варианте по сравнению с тезисами Ллойд Джорджа. Он предусматривал возможность действий в Сибири, поддержку пограничных сообществ и изоляцию «окруженной барьером» России, имея в виду новые страны, образованные на ее границах. Впоследствии на протяжении короткого в историческом плане периода Россия столкнулась с барьером недружественных государств, которые были включены в систему противостояния России и получали за это помощь.

Таким образом, седьмой этап британской политики интервенции в России (август — декабрь 1919 г.) был связан с ее закреплением основных результатов внутри правительства Соединенного Королевства, разработкой новой политики относительно Российского государства, которое теперь представлял Совет народных комиссаров, а также согласованием консолидированной позиции со странами-союзницами Великобритании — Италией, США, Францией и Японией.

В результате политика правительства Д. Ллойд Джорджа была теперь направлена на сдерживание «ограниченной России». Это стало обсуждаться на заседаниях Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу». По их итогу были сформулированы в целом выгодные британской стороне фундаментальные принципы будущей союзной политики в отношении России. Заложив базу политики стран-участниц относительно России на долгосрочную перспективу, было обозначено место этой страны в послевоенном мире.

Заключение

В истории британской политики интервенции в России (ноябрь 1917 — декабрь 1919 г.) можно выделить семь этапов: ноябрь 1917 — март 1918 г.; март — май 1918 г.; май — август 1918 г.; август — ноябрь 1918 г.; ноябрь — декабрь 1918 г.; январь — июль 1919 г.; август — декабрь 1919 г. Каждый из них имел свои особенности по направленности и силе действия факторов влияния на ход Гражданской войны в России.

Первые три этапа британской политики интервенции в России сводились к планированию и согласованию параметров союзного вмешательства в различные регионы бывшей Российской империи, а также преодолению противоречий между странами-участницами, например, между США и Японией. Политика Соединенного Королевства была направлена на создание международной коалиции по вмешательству

в российские дела, что действовало как фактор усиления изоляции России и обостряло внутренние противоречия в этой стране и международную обстановку. Британская политика интервенции усиливала гражданское противостояние в России.

Четвертый и пятый этапы британской политики интервенции были связаны непосредственно с реализацией планов вторжения в различные регионы бывшей Российской империи и по факту привели к оккупации значительных территорий, стратегически важных с точки зрения логистики для страны с огромной территорией. Это позволяло оккупантам контролировать железные дороги и порты, а также бесперебойно снабжать антибольшевистские силы оружием, боеприпасами и другими важными для военных действий товарами, а также вывозить сырье и другие товары из России. Наряду с финансовой и материально-технической помощью фактор оккупации был наиболее сильным направлением влияния на ход Гражданской войны.

Шестой и седьмой этапы британской политики интервенции были временем ее завершения, подведения итогов, а также обсуждения и выработки будущей политики как Соединенного Королевства, так ее стран-союзниц в России и пограничных с ней стран. Несмотря на то, что уже был определен победитель в Гражданской войне, Белое движение потерпело поражение, а интервенты потеряли ресурс для продолжения вооруженной борьбы и масштабной помощи различным антибольшевистским силам, выработанная в это время политика прямо вытекала из политики интервенции и была ее продолжением, только без иностранных войск и оккупации, что было отражено в документах Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11–13 декабря 1919 г.). Некоторые его пункты носили одиозный антироссийский характер. Например, оказание поддержки Польше. Это действовало как фактор дестабилизации международной обстановки и являлось попыткой «ограничить» и изолировать мощнейшую державу, исключив ее из мирового политического и экономического пространства, что было утопией.

Выделив этапы британской политики интервенции в России и рассмотрев специфику каждого из них, можно сделать вывод, что непосредственное участие и влияние воинских сил Соединенного Королевства на ход военных действий в Гражданской войне были незначительны и не сопоставимы даже с силами Белого движения. Однако фактор материального обеспечения Белого движения, поставок ему вооружений был очень значительным, поскольку это позволило белым стать важной боевой силой в ходе Гражданской войны и продержаться достаточно дол-

го. Без финансовой и военно-технической помощи Британии и других стран союзной коалиции Гражданская война закончилась бы быстрее и не повлекла бы таких жертв и разрушений.

Сами британские политики в частном порядке негативно оценивали итоги политики интервенции. Посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен оценивал их так: «...наша интервенция на практике оказалась настолько неудачной, что была в принципе осуждена всеми как ошибочная политика. Осуществленная без особого энтузиазма, она, несомненно, оказалась ошибочной, и затраченные на нее деньги были выброшены на ветер»¹³⁵. Другой современник, спецпосланник Великобритании в Москве Б. Локкарт, оценил ее еще критичнее: «Влияние интервенции на положение немцев на западном фронте было ничтожным. Она не удалась, и эта неудача поколебала наш престиж почти во всех классах русского общества»¹³⁶.

Вместе с тем британская политика интервенции в России как фактор влияния на ход Гражданской войны на протяжении рассматриваемого периода не была статичной, имела многовекторный характер и неоднократно менялась в зависимости от многих обстоятельств как внешнего, так и внутреннего характера. Эта политика привела к обострению гражданского противостояния в России, огромным человеческим жертвам и материальным потерям, закончившись провалом планов интервентов. Одновременно ее завершение способствовало началу процесса выстраивания новых отношений Советской России со всеми странами, в том числе с Великобританией.

¹³⁵ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. М., 2018. С. 400–401.

¹³⁶ Локкарт Р.Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М., 2016. С. 327–328.

REFERENCES

1. *Alston Ch.* British Journalism and the Campaign for Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920 // *Revolutionary Russia*. 2007. Vol. 20. № 1. P. 35–49.
2. *Anishev A.I.* Ocherki istorii grazhdanskoi voiny 1917–1920 [Essays of the History of the Civil War 1917–1920]. Leningrad: Gos. izd-vo, 1925. 288 p.
3. *Bradley J.F.N.* Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York: Basic Books, 1968. 251 p.
4. *Bystrova N.E.* «Russky vopros» v 1917 — nachale 1920: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy [«The Russian question» in 1917 — early 1920: Soviet Russia and the Great Powers]. Moscow: Institut rossyskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh issledovaniy, 2016. 368 p.
5. *Coates W.P., Coates Z.K.* Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London: Victor Gollancz Ltd., 1935. 400 p.
6. *Dumova N.G., Trukhanovsky V.G.* Cherchill i Milyukov protiv Sovetskoj vlasti [Cherchill and Milyukov against Soviet Power]. Moscow: Nauka, 1989. 205 p.
7. *Gagkuev R.G.* Beloe dvizhenie na Yuge Rossii. Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniya, sotsiyal'nyy sostav. 1917–1920 gg. [The White Movement in the South of Russia. The Military Construction, Sources of Recruitment, Social Composition. 1917–1920] Moscow: Sodruzhestvo «Posev», 2012. 704 p.
8. *Gukovsky A.* Razгром Germanii v 1918 g. i podgotovka interventsii stran Antanty protiv strany Sovetov [The Defeat of Germany in 1918 and Preparation of Entente Countries' Intervention against Soviets' Country] // *Istoriik-Marksist* [Marxist Historian]. 1937. № 3. P. 42–61.
9. *Hudson M.* Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Rale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
10. *Jackson R.* At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London: Tom Stacey, 1972. 280 p.
11. *Kettle M.* Russia and the Allies 1917–1919: in 3 vol. Vol. 1. The Allies and the Russian Collapse, March 1917–1919. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 287 p.

12. *Kettle M.* Russia and the Allies 1917–1919: in 3 vol. Vol. 2: The Road to Intervention. March – November 1918. New York: Routledge, 1988. 424 p.
13. *Kettle M.* Russia and the Allies 1917–1919: in 3 vol. Vol. 3: Churchill and the Archangel Fiasco. November 1918 – July 1919. New York: Routledge, 1992. 598 p.
14. *Kinvig C.* Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia 1918–1920. London: Hambledon Continuum, 2006. 373 p.
15. *Kolz A.W.F.* British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918–1920 // The Journal of Modern History. 1976. Vol. 48. № 3. P. 483–491.
16. *Kuzmin G.V.* Razgrom interventov i belogvardeitsev v 1917–1922 [The Defeat of Invaders and White Guardsmen in 1917–1922]. Moscow: Voenizdat, 1977. 416 p.
17. *Levidov M.Yu.* K istorii soyuznoi interventsii v Rossii [On the Allied Intervention in Russia]. Leningrad: Priboi, 1925. 181 p.
18. *Liwschiz S.G.* Imperialisticheskaya interventsiya v Sibiri v 1918–1920 [The Imperialistic War in Siberia in 1918–1920]. Barnaul: Barnaulsky gosudarstvenny pedagogichesky institut, 1979. 96 p.
19. *Miller F.* Brestsky mir i Antanta [The Treaty of Brest and the Entente] // Istorik-Marksist [Marxist Historian]. 1933. № 1. P. 111–126.
20. *Mints I.I.* Anglyskaya interventsiya i severnaya kontrrevolyutsiya [The English Intervention and Northern Counter-Revolution]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1931. 255 p.
21. *Moffat I.* Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
22. *Mymrin G.E.* Anglo-amerikantskaya voennaya interventsiya na Severe i eyo razgrom [The Anglo-American Military Intervention in the North and Its Defeat]. Arkhangelsk: Arkhangelskoe knizhnoe izdatelstvo, 1953. 227 p.
23. *Novikova N.G.* Provintsialnaya «kontrrevolyutsiya»: Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voina na russkom Severe [The Provincial «Counter-Revolution»: the White Movement and the Civil War in the Russian North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 384 p.
24. *Poltorak S.N.* Brest-Litovsk. 100 let istorii peregovorov o mire [Brest-Litovsk. 100 Years of History of Peace Negotiations]. Saint-Petersburg: OOO «Izdatelsky tsentr “Ostrov”», 2018. 292 p.
25. *Puchenkov A.S.* Pervy god Dobrovolcheskoi Armii: ot vzniknoveniya «Alekseevskoi organizatsii» do obrazovaniya Vooruzhonykh sil Yuga Rossii [The First Year of the Volunteer Army: from the Emergence of the

- «Alekseyev Organization» to the Formation of the Armed Forces of the South of Russia]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal, 2021. 813 p.
26. *Reichberg G.* Iz istorii razgroma inostranoi voennoi interventsii na Severe Sovetskoi Rossii [From the Defeat of the Foreign Intervention in Soviet Russia's North] // *Istorichesky zhurnal* [Historical Journal]. 1940. № 3. P. 42–52.
 27. *Reichberg G.* K istorii interventsii na Dalnem Vostoke [To the History of the Intervention in the Far East]. Moscow: Sotsegiz, 1934. 116 p.
 28. *Reichberg G.* Podgotovka interventsii Antanty i zagovor Lokkharta. 1918 [The Preparation of Entente's Intervention and the Lockhart Conspiracy. 1918] // *Istorichesky zhurnal* [Historical Journal]. 1938. № 12. P. 76–83.
 29. *Sellen R.W.* The British Intervention in Russia, 1917–1920: I // *Dalhousie Review*. 1960. Vol. 40. P. 360–371.
 30. *Sellen R.W.* The British Intervention in Russia, 1917–1920: II // *Dalhousie Review*. 1961. Vol. 40. P. 520–531.
 31. *Sergeev E.Yu.* Bolsheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu [Bolsheviks and Englishmen. Soviet-British Relations, 1918–1924: from the Intervention to the Recognition]. Saint-Petersburg: Nauka, 2019. 831 p.
 32. *Shatsillo V.K.* Pervaya mirovaya voina 1914–1918. Fakty. Dokumenty [The First World War 1914–1918. Facts. Documents]. Moscow: OLMA-PRESS, 2003. 480 p.
 33. *Smolin A.V.* Parizhskaya mirnaya konferentsiya – mir bez Rossii [Paris Peace Conference – the Peace without Russia]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35863> (Accessed: 15.12.2023).
 34. *Soloviev O.F.* Podgotovka i nachalo interventsii protiv Sovetskoi Rossii [The Preparation and Beginning of the Intervention against Soviet Russia] // *Voprosy istorii* [Issues of History]. 1967. № 7. P. 38–53.
 35. *Svetachev M.I.* Imperialisticheskaya voina v Sibiri i na Dalnem Vostoke (1918–1922 gg.) [The Imperialistic War in Siberia and Far East (1918–1922)]. Novosibirsk: Nauka, 1983. 336 p.
 36. *Tsvetkov V.J.* Beloe delo: 1917–1919 [The White Matter: 1917–1919]. Moscow: Yauza-Katalog, 2019. 1056 p.
 37. *Tsvetkov V.J.* Beloe delo: 1920–1922 [The White Matter: 1920–1922]. Moscow: Yauza-Katalog, 2019. 1056 p.
 38. *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. 360 p.

39. *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921: in 3 vol. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. November 1918 – February 1920. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1968. 395 p.
40. *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921: in 3 vol. Vol. 3. The Anglo-Soviet accord. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1972. 509 p.
41. *Utkin A.I.* Pervaya mirovaya voyna [The First World War]. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, 2013. 560 p.
42. *Voina, revolutsiya, mir. Rossiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh, 1915–1925* [The War, the Revolution, the Peace. Russia in the International Relations, 1915–1925]. Moscow: Aspekt press, 2019. 492 p.
43. *Volkov F.D.* Tainy Uaytkholla i Dauning-strit [Secrets of Whitehall and Downing Street]. Moscow: Mysl, 1980. 462 p.
44. *White J.* The Siberian Intervention. Princeton: Princeton University Press, 1950. 471 p.
45. *Wright D.* Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20. Solihul: Helion & Company, 2017. 576 p.
46. *Yakovlev N.N., Polunin S.* Anglyskaya interventsia v 1918–1920 [The English Intervention in 1918–1920]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1928. 104 p.
47. *Yakushkin E.E.* Kolchakovshchina i interventsia v Sibiri [The Kolchakovshchina and Intervention in Siberia]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1928. 96 p.
48. *Zaitsov A.A.* 1918: Ocherki istorii russkoi Grazhdanskoi voiny [Essays of the History of Russian Civil War]. Moscow: Iks-Histori, 2015. 368 p.
49. *Zimina V.D.* Beloe delo vzbuntovavsheysya Rossii. Politicheskiy rezhim Grazhdanskoi voiny 1917–1920 gg. [The White Matter of Rebellious Russia: The Political Regimes of the Civil War of 1917–1920]. Moscow: RGGU, 2006. 467 p.

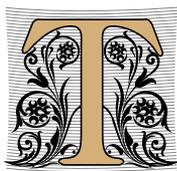

Ключевые слова:

Первая мировая война, Гражданская война в России, британская политика интервенции в России, Великобритания, Военный кабинет, Д. Ллойд Джордж.

Sergei A. Mironiuk

BRITISH INTERVENTION POLICY IN RUSSIA (NOVEMBER 1917 — DECEMBER 1919) AS A FACTOR OF THE CIVIL WAR: STAGES AND FEATURES

This article is devoted to an important problem in study of the Civil War in Russia: the British intervention policy in Russia (November 1917 — December 1919) as its factor. In order to determine the essence of this factor, its main characteristics, mechanisms and directions of affection, as well as the degree of influence on the dynamics of the Civil War, the stages and features of United Kingdom's intervention in the internal

Russian affairs are separated and analyzed.

Within this framework, a large complex of domestic and foreign origin's written historical sources was involved. It includes unpublished documents stored in the National Archives of the United Kingdom, the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archives of the Russian Federation, as well as published. The latter includes both regulatory legal and legislative acts of Soviet Russia, Great Britain and the Entente, and personal origin's documents of contemporaries and participants of the events. Most archival documents, primarily British, are introduced into scientific circulation in the domestic historiography for the first time.

The article pays special attention to the motivation and goal-setting of Great Britain in this operation at each stage, as well as the forms and scale of intervention. Along with this, the views of representatives of United Kingdom's upper political leadership on the issues of intervention in Russia are revealed, with the determination of the reasons that influenced the specifics and variability of their approaches.

This article presents a holistic study of British intervention policy in Russia as the factor of the Civil War in Russia in its dynamics and logic, as well as with the introduction and justification of periodization, including the disclosure of the specifics of this foreign policy course at its different stages.

Key Words: World War I, Civil War in Russia, British Intervention Policy in Russia, Great Britain, War Cabinet, David Lloyd George.

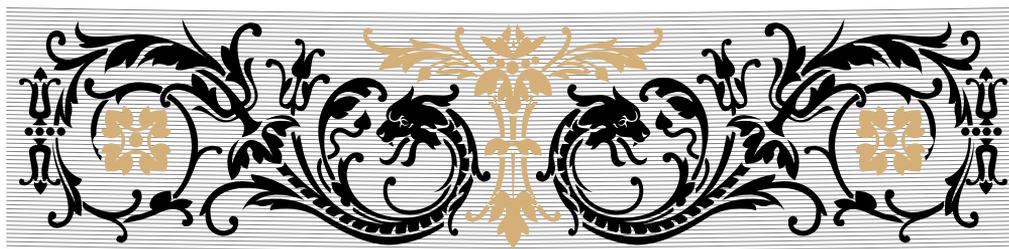
Sergei A. Mironiuk — Ph.D. in History, Assistant Professor of the Department of History of Russian Timiryazev State Agricultural University (Moscow, Russia).

Миронюк Сергей Алексеевич

кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории
Института экономики и управления АПК,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Российский государственный
аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева»
(Москва, Россия)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.011

П.Н. Базанов

НЕЗАВИСИМАЯ УКРАИНА — ОСНОВНОЙ ФАКТОР НОВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКА Н.И. УЛЬЯНОВА

Историк Николай Иванович Ульянов (псевдоним Н. Шварц-Омонский) (1904–1985) по праву считается одним из самых известных персонажей второй «волны» русской эмиграции¹. Представитель русской академической науки, последний ученик действительного члена АН СССР С.Ф. Платонова, профессор Ленинградского и Йельского университетов, более всего знаменит своей монографией «Происхождение украинского сепаратизма». Творчество Н.И. Ульянова по национальному вопросу стало последние десять лет особенно актуальным в связи с современной общественно-политической обстановкой, так как разоблачает изначальные мифы и неправду идеологии украинских самостийников. Как и большинство представителей русской интеллигенции, историк первоначально не интересовался проблемами появления «украинства», но общение с верными союзниками Третьего рейха — украинскими нацистами различных направлений в германских концлагерях и дипийских лагерях (от английского *displeased persons* -

¹ См. подробнее: Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.

Николай Иванович Ульянов

«перемещенные лица») определило научные интересы историка на всю оставшуюся жизнь. Критика Н.И. Ульянова украинских псевдоисторических концепций уже стала классической в современной российской науке. В то же время до сих остаются неизвестными прогнозы историка на ситуацию после падения коммунизма и распада СССР. Также чрезвычайный интерес представляет предсказание политической системы независимой Украины.

Система прогнозов была сконструирована историком Н.И. Ульяновым на основе анализа украинской сепаратистской идеологии в зарубежье. В большинстве своих работ Н.И. Ульянов исследовал феномен сепаратизма в российской действительности XIX—XX вв. Его интересовала мировоззренческая трансформация различных идейных течений XIX в., превратившихся в XX столетии в национал-сепаратистские политические партии. Самым удачным типом сепаратистского движения в России Н.И. Ульянов считал «самостийничество», которому и посвятил свою крупнейшую работу «Происхождение украинского сепаратизма». К монографии примыкает множество статей, эссе, рецензий, научных работ Н.И. Ульянова: «Украинцы и псевдоукраинцы», «К национальному вопросу», «Об одном учении в национальном вопросе», «Зеркало украинского национализма», «Происхождение украинцев и великоруссов в свете сепаратистской “науки”», «Геноцид или усердие не по разуму?», «Русское и великорусское», «История и утопия», «Русь-Малороссия-Украина», «Тезисы по национальному вопросу», «Богдан Хмельниц-

кий», «Патриотизм требует рассуждения», «Шевченко легендарный», «Ажепророк», «Один из забытых», «Об одном проекте разрешения национального вопроса в России», «Формальный национализм», «Путевые письма Василия Кельсиева» и др. Во всех своих работах Н.И. Ульянов убедительно доказывает, что главной чертой украинского самостийного мифотворчества является совершенно беззащитная фальсификация — лингвистическая, этнографическая, историческая, антропологическая, экономическая и даже филологическая.

Историк доказывал систему развития сепаратизма на российском геополитическом пространстве. Любой сепаратизм начинается с умеренных требований признания языковых особенностей, потом отличия культурного, затем обосновывается минимальная национально-культурная обособленность. Следующая стадия — появление национально-территориальной автономии в рамках единого государства. Последний этап — провозглашение национальной независимости. Уже независимые государства начинают предъявлять локальные территориальные претензии к бывшей метрополии. Любимая идея Н.И. Ульянова, что после обретения независимости любой сепаратизм выходит на евразийский простор с неизбежной фатальной гигантоманией, т.е. созданием собственного имперского пространства, если не до Тихого океана, то хотя бы до Урала. «Государственно-политическая мысль, как только соприкасается с российской почвой, не в состоянии бывает удерживаться от гигантомании. Ею фатально завладевает тысячелетний образ необъятного многонационального государства»². Объяснения Н.И. Ульянова были как всегда парадоксальные: «Исторический процесс воспитал, как в русском, так и не в русском населении России, большой слой сознательных сторонников ее единства, но идея единства внедрена, по-видимому, не только в сознание, но и в подсознание наших народов. Она довлеет даже над теми, кто ставит своей задачей разрушение России. Начав с призыва отторжения от нее земель и народов, они приходят каким-то заколдованным путем к тому же универсальному многонациональному государству, только на другой этнической основе»³. Претензии «незалежной» Украины с 1990-х гг. на территории Брянской, Воронежской, Курской, Белгородской, Ростовской областей, Кубанского края общеизвестны, а вот требования к созданию украинских анклавов — Серый (Омская и Курганская области) и Зеленый (Хабаровская, Амурская об-

² Шварц-Омонский Н. История и утопия // Рос. демократ. Париж, 1951. №1. С. 18.

³ Там же. С. 16.

ласти и Приморский край) «клины» вызывают неподдельное изумление и возмущение.

Н.И. Ульянов также отрицал априорную прогрессивность так называемых национально-освободительных движений и национализма, как больших, так и в особенности малых народов: «Подобный взгляд не приложим к современному национализму, выродившемуся в уродливые формы, лишённые не только интеллектуального начала, но и каких бы то ни было духовных высот. *Наиболее яркое проявление он нашел в немецком нацизме и в украинской бандеровщине* (выделено мной. — П.Б.). Для достижения своих целей он может пользоваться помощью демократических сил, но сам по себе глубоко враждебен демократии, таит в себе семена тоталитаризма и питает собой тоталитарные режимы. Этот вид национализма господствует сейчас повсюду и затмевает все остальные его виды. Самый факт его появления на сцене свидетельствует о том, что национальное начало в общественно-политической жизни имеет в наши дни шансы на победу или на какой-нибудь успех только в формах, приближающихся к *нацизму* (выделено мной. — П.Б.)»⁴. В первом журнальном варианте «Происхождения украинского сепаратизма» Н.И. Ульянов еще более категоричен в оценке изучаемого феномена: «Не будучи народен, был антидемократичен по методам, шел не на гребне народной волны, а путем интриг и союза с реакционными иноземными силами. Реакционность — это то, чего никогда не хотела замечать в нем русская прогрессивная интеллигенция. Он постоянно красовался в маске национально-освободительного движения. *Сорвать эту маску и показать его истинное “нацистское” лицо — задача современного исследователя* (выделено мной. — П.Б.)»⁵. По мнению историка, идеология украинского сепаратизма («интегрального национализма» Д. Донцова и его последователей) является нацистской и сравнима только с расовым фашизмом А. Гитлера. Современный неонацизм, ксенофобская идеология, ультраправый экстремизм на Украине лучшее доказательство правоты русского историка-эмигранта.

Для идеологии украинского сепаратизма краеугольным камнем является иррациональная ненависть к Российскому государству. Многонациональная страна, традиционно самая большая в мире вызывает самим фактом существования резкое неприятие: «против всякой импе-

⁴ Шварц-Омонский Н. Тезисы по национальному вопросу // Воля. Франкфурт-на-Майне, 1952. № 9. С. 64.

⁵ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма // Возрождение. Париж, 1965. №168. С. 85.

риалистической России — России большевицкой и царской, России фашистской и демократической, России панрусистской и панславистской, России буржуазной и пролетарской, России верующей и неверующей, России — покровительницы православия, ислама, последователей Моисея, России — защитницы угнетенных и колониальных народов, России мессианской и России — защитницы мирового пролетариата, России Милюкова и России Власова, вообще против России, которая уже сама по себе является синонимом империализма»⁶. Так и хочется продолжить цитату Н.И. Ульянова «против России — Путина, России — Медведева, России — Миронова и т.д.». Причем можно только согласиться с историком, что любой социальный строй, любая политическая система одинаково не приемлема для украинского сепаратизма по одной простой причине — существование России исключает Украинскую империю на евразийском пространстве.

Парадокс украинской шовинистической идеологии заключается в настоящем чуде. Публицистам данного направления удалось нереальное — их ненависть к России и русским больше, чем даже у немецких нацистов, которых по русофобии, казалось бы, никто не мог превзойти. Н.И. Ульянов в одной из первых своих публикаций в эмиграции писал: «Нет ни одного русского, который, познакомившись с галицийскими шовинистами, не задавал бы себе вопроса о причине их дикой ненависти к москалям. Из всех врагов и ненавистников нашего народа в настоящее время галичане по достоинству заслужили пальму первенства. Даже немецкие нацисты значительно уступают им в этом отношении. Нет той брани, грязи и мерзкой клеветы, которые русинские (галицийские. — П.Б.) политиканы постеснялись бы бросить по адресу России и русских. Они точно задались целью все скверное, что было сказано во все времена о России ее врагами, сконцентрировать и возвести в квадрат. О том, что русские — не славяне и не арийцы, представители монголофинского племени — это для них старая аксиома. Ныне они изошряются на все лады, доказывая, что и среди туранской ветви народов москали — самое отсталое, дикое звероподобное племя. Москали — грязны, вшивы, нечесаны, они ленивы, лживы, трусливы и обладают самыми низменными душевными качествами. Какой-то профессор Г. Ващенко в статье “Психологични причини недоли українського народу” (“Рідне слово”. № 9–10. 1946 г.) усматривает эту недолю в ужасном окружении со сто-

⁶ Ульянов Н.И. Большевизм и национальный вопрос // Возрождение. Париж, 1951. №13. С. 163.

роны соседних народов и прежде всего русского. Все несчастья украинцев проистекали от того, что им, всегда отличавшимся духовным аристократизмом, пришлось иметь дело с народом низменного, плебейского склада характера. Рабскими чертами определяются массы русского народа, — говорит Ващенко, — уважение к сильной, пусть и жестокой власти, ... низкопоклонство, подхалимство, неискренность — вот свойства типичного русского»⁷. Вся эта низкопробная публицистика, разжигающая межнациональную рознь, попала как истина в последней инстанции в XXI в. в украинские школьные учебники. Украинский педагог, кандидат богословия Григорий Григорьевич Ващенко (1878–1967) — ныне уважаемый человек в современной «незалежной», в честь него называют педагогические общества и переименовывают улицы.

К сожалению, взгляды Г.Г. Ващенко — это не исключение, а пример в шовинистической идеологии. Особенно пикантными сюжетами являются опусы, когда после энергичных проклятий по адресу москалей начинаются хвалебные гимны полякам. Естественно, расписывая будущий антирусский союз Польши и Украины, не упоминаются отношение поляков к украинцам в межвоенное время и Волынская резня. «Писания Ващенко могут почитаться верхом джентльменства по сравнению с тысячами других статей и заметок, заполняющих украинскую зарубежную прессу. Это сплошной остервенелый лай. Особенно характерный документ появился на страницах одного мюнхенского журнала от 18 мая 1946 г. в форме открытого письма в редакцию, автор которого, галичанин, не поставил под ним подписи. Он начинает свое письмо с того, что его чуть не хватил удар, когда он прочел в одном из номеров этого журнала сочувственные строки о взаимной симпатии и приязни, существующей между польским и русским народами. Неужели в Польше еще никто не догадался, что этот восточный империализм, в котором столь мало славянского и столь много азиатского — есть враг польский № 1? Неужели, действительно, существует кто-либо в Польше, кто еще верит в дружбу или испытывает потребность в дружбе с этим народом славяно-финско-монгольских бастардов? По словам безымянного автора, лучше было бы думать не о дружбе, а о том, как совместно с другими народами, пострадавшими от русских, загнать их куда-нибудь за Урал и вообще в Азию, откуда эти приятели прибыли на несчастье человеческого рода... Автор советует полякам дружить не с русскими,

⁷ Ульянов Н. Украинцы и псевдоукраинцы // На переломе. Мюнхен, 1949. №112. С. 16.

а с украинцами, потому что можно пройти весь земной шар и не найти двух народов более похожих друг на друга, чем польский и украинский. Увлечшись этим, он доходит до утверждения, будто этнографическая граница между ними проходит по середине их брачного ложа, скромно умалчивая, в то же время, о нежностях этого брачного ложа, заставлявших украинскую красавицу в свое время криком кричать на весь мир»⁸.

Особенно нужно выделить в самостийнической идеологии борьбу против общерусской культуры и русского литературного языка. Причина — понимание полной неконкурентоспособности их псевдонационалистической культуры и искусственной мовы. «Украинское самостийничество дает образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа. Оно подвергло гонениям даже церковно-славянский язык. Жесточайшее гонение воздвигнуто на общерусский литературный язык, лежавший в течение тысячи лет в основе письменности всех частей Киевского государства во время и после его существования. Истинно национальное чувство приносится в жертву сочиненному партийному национализму»⁹. Как никогда актуально звучат слова историка Н.И. Ульянова: «Чего только не предпринято было в период гитлеровской оккупации для натравливания украинцев на русских. Даже позволено было в центре Киева стрелять в людей, не желавших “розмовлять по вкраїнськи”»¹⁰. Преследование русского языка во всех сферах стало нормой на «незалежной», особенно после второго майдана. Причину данного явления Н.И. Ульянов еще в 1949 г. пояснял в письме историку С.П. Мельгунову: «Но единый гос.[ударственный] язык имеет еще колоссальное моральное значение, как символ единства»¹¹. Историк-эмигрант прозорливо предсказывал, что вне зависимости от характера режима в «незалежной» все русское будет ущемляться. «Можно ли, например, представить себе, чтобы русский язык, русская печать и русские школы были допущены в будущей “незалежной Украине”, независимо от того, будет ли она бандеровская или григорьевская? Самая мысль об этом смеш-

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Раковский Г.Н. Ульянов о происхождении украинского сепаратизма // Новое русское слово. 1966. 18 дек. С. 2.

¹⁰ Ульянов Н.И. Большевизм и национальный вопрос. С. 165.

¹¹ Письмо Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову. 4.09.1949 г. // The London School of Economics and Political Science Coll. No Melgunov (далее LSE), фонд не обработан. Л. 2.

Сергей Петрович Мельгунов

на»¹². Современная политика по преследованию русского языка и литературы сравнима только с обстановкой в рейхскомиссариате Украины в годы Великой Отечественной войны: «Так, например, в годы германской оккупации в галицийской печати можно было нередко встретить статью под таким заголовком: “Пушкин и Лев Толстой — парашютисты большевизма”»¹³.

Украинские самостийники никогда бы не достигли никаких результатов, если бы не имели поддержки в российском обществе. Еще в XIX–XX вв. среди представителей отечественной интеллигенции украинские самостийники, как и сепаратисты других национальностей, воспринимались как борцы с царизмом, а в эмиграции с советским тоталитаризмом: «Первая из них, самая застарелая, унаследованная от дореволюционной интеллигенции, заключается в понимании всякого национально-освободительного движения, как движения прогрессивного, естественного союзника демократии, либерализма и всех передовых устремлений»¹⁴. Российская империя, вопреки всякой логике, провозглашалась колониальной и «тюрьмой народов». «Россия же либо вовсе не была колониальной империей, либо была ею в очень незначительной степени. Трудно представить себе колониальную эксплуатацию Кавказа,

¹² Ульянов Н.И. Большевизм и национальный вопрос. С. 166.

¹³ Ульянов Н. Украинцы и псевдоукраинцы // На переломе. Мюнхен, 1948. №109. С. 5.

¹⁴ Шварц-Омонский Н. Тезисы по национальному вопросу. С. 64.

например, или татарских и мордовских областей. Что касается Украины и Белоруссии, то об их колониальной зависимости может говорить только сумасшедший»¹⁵.

Другой тенденцией наших отечественных интеллектуалов является отождествление сепаратистских и шовинистических организаций и групп с подлинным национальным и народным движением. «Это порождает широко распространенную боязнь серьезной критики и разоблачений сепаратизма из опасений кого-то отпугнуть, с кем-то поссориться. Кто в партийно-заговорщицких сепаратистских организациях усматривает массовое народное дело, тот находится в безнадежном плену у противника и немыслим, как боец с ним»¹⁶. Демагогическая защита украинского самостийничества в XXI в. основывается на либеральных ценностях, народовласти и т.д. Историк еще в начале 1950-х гг. писал: «Борьба за российское единство должна быть, прежде всего, борьбой против формального демократизма, против демократической схоластики и софистики»¹⁷, потому как «...украинский сепаратизм никогда не был народным явлением, но всегда являлся движением ничтожного меньшинства и всегда имел антинародные корни»¹⁸.

Даже в наши дни существует довольно распространенное мнение, что не нужно критиковать украинский сепаратизм, ибо «лица украинской национальности» могут обидеться и будут плохо относиться к России и русской культуре. Подобное мнение порождает пораженческие и капитулянтские тенденции. Дискуссии по данной проблеме идут уже более 150 лет. В Русском Зарубежье за такую позицию критиковали известного шахматиста и медика, лидера украинцев-федералистов в эмиграции, профессора Федора Парфеньевича Богатырчука (1892–1984): «...сейчас безоговорочно признать и искать контакта со всеми национальностями, а не производить исследования истоков сепаратизма, которые, думается, ясны и без книжек. Для меня является совершенной новостью заключение, что такой важный процесс, этот многовековой полип на теле российского государства может быть освещен и без книжек!? Спрашивается — каким же путем??? Не устным ли? Совершенно уверен, что подавляющее большинство русских людей, да и русской интеллигенции, не разбираются в истоках сепаратизма, и книга проф.

¹⁵ Ульянов Н.И. Национальный вопрос // Yale University Library, Manuscripts and Archives Boris Filippov papers. GEN MSS 334. Box 19. Folder 525.

¹⁶ Ульянов Н.И. Тезисы по национальному вопросу. С. 64.

¹⁷ Письмо Ульянова Н.И. — С.П. Мельгунову. 3.01.1952 г. // LSE. Л. 2.

¹⁸ Письмо Ульянова Н.И. — С.П. Мельгунову. 8.02.1955 г. // LSE. Л. 1.

Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма» может оказать им неоценимую услугу»¹⁹.

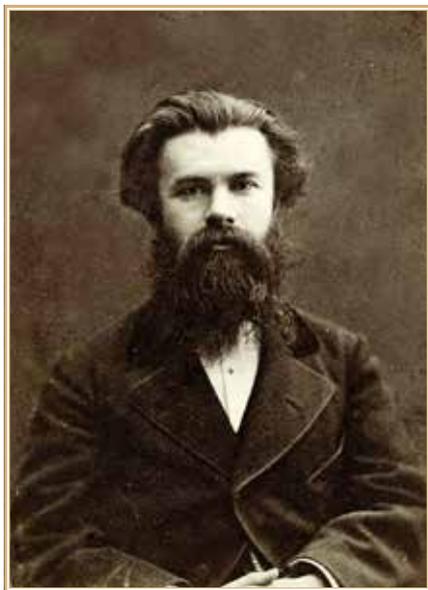
Западная поддержка украинского сепаратизма имела польскую, австрийскую и немецкую стадии. После Второй мировой войны начался американский этап. Знаменитый закон США Public Law 86–90 (1959 г.) о порабощенных нациях предполагал отделение от СССР всех союзных республик (и, конечно, Украины) и анекдотических Идель-Уралии и Казакии. «Исконная тенденция западного мира к ослаблению России, которую он в течение двух с половиной столетий рассматривает, как угрозу собственному существованию. Было бы величайшей наивностью думать, что он ныне откажется от ее расчленения, если к тому представится реальная возможность. Страны западной демократии будут действовать более осторожно, тонко и гибко, чем это делали Гитлер и Розенберг, но горе тому русскому, который хоть на минуту позволит себя убедить в отсутствии у них идеи раздела России»²⁰. Причем самую опасность для России представляют не иностранцы и сепаратисты, а российские соглашатели. Почти сразу после Второй мировой войны появился новый вид предательства. «Что же касается позиции наших русских организаций, то их тоже пора квалифицировать соответствующим образом. Нарождается новая коллаборация — *квислигианство атлантического блока*» (выделено С.П. Мельгуновым)²¹.

Н.И. Ульянов любил противопоставлять взгляды казакофилов, малороссофилов, хлопоманов и ранних украинофилов — украинским шовинистам. Сторонникам «незалежности» очень неудобно цитировать подлинные взгляды общественно-политического деятеля, публициста и основателя украинского социализма и автономизма Михаила Петровича Драгоманова (1841–1895). Будучи сам противником независимой Украины, историк с большим удовольствием в своих работах приводил аргументацию М.П. Драгоманова против отделения от России. Особенно интересны размышления Н.И. Ульянова о политической действительности на Украине, ставшей независимой. Новое государство будет сверхцентрализованным, оно унаследует самые худшие черты унитарности от Российской империи и Советского Союза. При этом не будет никакого местного самоуправления, фактически Киев просто заменит

¹⁹ Пав. Паг. Научилась ли чему-либо российская эмиграция? // Новое русское слово. 1967. 30 янв. С. 4.

²⁰ Шварц-Омонский Н. Тезисы по национальному вопросу. С. 63.

²¹ Письмо Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову. 14.05.1951 г. // LSE. Л.1.

Михаил Петрович Драгоманов

Петербург и Москву. В новообразованной стране будут на государственном уровне нарушаться права человека, прежде всего право на использование родного языка, получение образования, культурная деятельность и т.д. «Зная строй мысли Драгоманова, можно сказать, что он считал вредным для Украины превращение ее в самостоятельное, отделившееся от империи национальное государство. Вред заключается в том, что при таком отделении стране грозила бы утрата тех самых гражданских свобод, во имя которых поднят был вопрос об ее освобождении. Бичом всей жизни Российских народов Драгоманов считал централизацию управления и разросшийся на почве этого бюрократический строй. Там, где эти два зла получили широкое распространение, никакая подлинно национальная жизнь невозможна (выделено мной. — П.Б.)²². Н.И. Ульянов, используя авторитет М.П. Драгоманова, убедительно показывает, что никакой пользы от независимости не будет, если не решить вопрос сверхцентрализации. Процессы борьбы за суверенитет 1988–1991 гг. велись под лозунгом «Хватит кормить Москву», а после провозглашения независимости сохранилась та же система распределения, только направленная на новую столицу Киев. В ответ возникло массовое, федералистское движение, оформившееся в партию регионов. «Все спасение в упразднении этой централизации. Но никакого спасения не будет, если Украина обособится от России целиком и образует отдельное го-

²² Ульянов Н.И. Национальный вопрос.

сударство. Тем самым она должна будет вступить на путь централизации. Какое бы местное самоуправление она ни вводила у себя, логика независимого национального государства должна будет обеспечивать в ней перевес централизаторских тенденций над местными (выделено мной. — П.Б.)²³.

Свои выводы Н.И. Ульянов делал на основании истории национальных государств Восточной Европы, образовавшихся после распада Российской и Австро-Венгерской империй. В них победили националистические, авторитарные режимы, угнетавшие национальные меньшинства. «Такое предположение подтвердилось исторически, после отделения прибалтийских народов от России. В течение 20-ти лет они совершили быструю эволюцию в сторону централизма и некоторые из них, как-то Польша, Латвия и Литва, приблизились на этой почве к фашизму. Такой же путь совершила Венгрия, отколовшаяся от Австрийской Империи. Но Латвия, Литва, Венгрия, да и Польша — небольшие страны, и в них централизация власти не так больно сказывалась на населении. Другое дело Украина с ее громадной территорией. Она неминуемо превратилась бы в осколок старой Российской Империи со всеми свойственными этой империи болезнями. Какой смысл в переходе от одной централизации к другой? Уменьшится не только количество гражданских свобод, но и национальная жизнь, руководимая бюрократическим аппаратом, будет не подлинной народной жизнью»²⁴. В так называемых государствах-лимитрофах в межвоенное время запрещался русский язык, местным русским изменяли имена и фамилии в официальных документах на языки титульных наций, сокращали обучение на русском до минимума, фактически запрещали православную церковь, создавая автокефальные организации под патронажем Константинопольского патриархата и т.д. Все эти стадии за последние тридцать лет прошла независимая Украина.

Особенность Украинской республики от других национальных государств, образовавшихся после распада СССР, заключается в том, что большинство населения русскоязычно и вне зависимости этнографической принадлежности (великорусы и украинцы) считает себя принадлежащим к общерусской культуре. Как только ослабевает принудительная государственная «украинизация», возрождается южнорусская или так называемая «малороссийская» идентификация. В 1947 г. историк

²³ Там же.

²⁴ Там же.

писал о тяжелой судьбе этой части триединого русского народа: «За последние 30 лет он подвергся действию всевозможных развращающих сил, пережил короткую, но зверскую петлюровскую украинизацию, пережил тупую, бессмысленную, но страшную по своей длительности большевицкую украинизацию, испытал иезуитское нашептывание галичан, воспользовавшихся большевицкой политикой и пославших на Украину “диячей” в виде учителей, литераторов, научных работников и проч., испытал, наконец, дважды немецкую пропаганду, направленную на отторжение его от России»²⁵. «И все же остался прежним русским народом, а после этой войны более “русским”, чем когда бы то ни было. Сотни тысяч его, если не миллионы, завезены были в Германию (в 1941–1944 гг. — П.Б.), и эти люди проявили здесь, на чужбине, столь ярко выраженное российское обличье и до такой степени оказались чуждыми сепаратистских тенденций, что только слепец мог не узнать в них наших прежних “малороссов”²⁶. Подлинное, народное взаимоотношение «хохлов» и «москалей» прекрасно проявляется в дни национальных бедствий: «Об этом лучше всего спросить русских, бежавших в свое время из немецкого плена и прошедших сотни верст по Украине. Их там так же кормили, обували и укрывали от немецких преследований, как своих собственных сыновей. Простой народ на всем пространстве оккупированной территории от Финского залива до Азовского моря — принял на свое содержание сотни тысяч, если не миллионы беглецов, не взирая ни на какие национальные различия»²⁷. Вслед за Н.И. Ульяновым мы должны, по совести, сказать про население современной Украины и признать вину русской интеллигенции перед ними: «Между тем надо считать просто чудом, что этот народ до сих пор не утратил идеи общерусского единства. Мы ее не только не укрепляли, но в течение целого столетия делали все от себя зависящее, чтобы подорвать ее и выкорчевать в сознании южно-руссов. Мы их отдали на растление всем бесам национализма. Не они вступили на путь сепаратизма, а мы усвоили теорию, по которой они обязательно должны стать народом самобытным, вплоть до государственного отделения»²⁸.

Не нужно забывать, что после 1991 г. за пределами Российской Федерации оказалось 25 миллионов этнических русских и еще несколько

²⁵ Ульянов Н.И. Об одном учении в национальном вопросе // Возрождение. Париж, 1949. №6. С. 154–155.

²⁶ Там же. С. 155.

²⁷ Ульянов Н.И. Большевизм и национальный вопрос. С. 165.

²⁸ Ульянов Н.И. Об одном учении в национальном вопросе. С. 155.

миллионов людей, считающих себя принадлежащими к русской культуре. СССР, как и Российская империя никогда не имели колоний, а русское население жило в союзных и автономных республиках на своих исторических землях. Гражданские права наших соотечественников изначально никто не собирался соблюдать под видом «десоветизации». «В силу исторических условий и особых методов освоения окраины огромные массы русского люда давно уже вышли за пределы старого Московского Царства и разлились по необъятным просторам одной шестой земного шара. Это не горсточка бельгийцев в Конго и голландцев в Индонезии, это огромные массивы, зачастую превышающие численно тот народ, в землях которого они осели. В общей сложности, это может быть добрая половина всего русского народа. И эта половина окажется вдруг за границей, на положении жестоко преследуемых людей. Это только мы, русские, в каждой своей политической платформе обеспечиваем национальным меньшинствам национально-культурную автономию, но ни одна еще сепаратистская группа не сделала подобного заявления в отношении русского народа»²⁹.

Территориальные претензии к соседям, создание собственной евразийской империи, государственный национализм и нацизм, преследование русского языка и культуры, борьба с национальными меньшинствами, сверхцентрализация и борьба с федерализацией, надежды на пятую колонну в России отягощаются иррациональной ненавистью ко всему российскому и общему историческому наследию (особенно к малороссийскому), делают, по мнению Н.И. Ульянова, гражданскую войну на независимой Украине неизбежной. Еще в 1951 г., при жизни И.В. Сталина, эмигрант-антикоммунист предвидел такой вариант событий: «Русские поставлены будут перед необходимостью обашкириваться, отатариваться, *украинизироваться* и т. д. Наш народ поэтому вынужден либо найти достойное для всех народов разрешение национального вопроса в рамках общего государства, либо, если это встречает саботаж и этому противопоставляется идея раздела России — *грудью встать на защиту собственного существования*» (выделено мной. — П.Б.)³⁰.

Гражданской войны на Украине можно было легко избежать, если бы в «незалежной» соблюдались «права человека». Для решения этой сложной задачи историк Н.И. Ульянов предлагал новую территориальную структуру для будущего единого государства. В переписке

²⁹ Ульянов Н.И. Большевизм и национальный вопрос. С. 166.

³⁰ Там же.

с С.П. Мельгуновым он предлагал выработать четкие позиции по решению национального вопроса и гарантий национальным меньшинствам. Так, он ставил актуальный вопрос: «Кстати, в чем разница между Единой Неделимой и тем единством, за которое стоим мы? На эту тему нужна статья, вносящая ясность»³¹. Надежду у историка вызывал непреложный факт: «У российских народов — добрых две с половиной тысячи лет совместного существования в недрах единого государства. Это — довольно редкий образец длительного проживания под одной кровлей с сохранением своей самобытности и этнических особенностей»³². Создание новой свободной, единой страны заключало, по мнению Н.И. Ульянова, два основных тезиса, которые он изложил в письме С.П. Мельгунову: «Хотелось бы только Вас убедить в одном: борьба за российское единство — есть борьба с сепаратизмом и в первую очередь с украинским, как самым воинственным из них, а также с русскими апологетами сепаратистов всех оттенков»³³. Так же эмигрант, убежденный антикоммунист, пытался доказать, что сепаратизм — это способ уничтожения нашей родины: «Поэтому для нас украинское самостийничество всех оттенков представляет опасность не многим меньшую, чем большевизм, т.к. губит Россию столь же беспощадно, только с другой стороны»³⁴.

Прекрасно понимая, что сторонники существования украинской нации и люди с украинским национальным самосознанием никуда не исчезнут, Н.И. Ульянов предлагал пойти на многочисленные компромиссы. В то же время он был противником представления украинцам федеративного образования или автономии, историк предлагал создать «земли-штаты» по географическому и экономическому критериям, а не по национальному. Этнографические и языковые нужды он предлагал решать в рамках «прав человека». Н.И. Ульянов считал, что среди политиков-украинцев единственными надежными союзниками являются сторонники федерации. Чтобы привлечь их на свою сторону, он предлагал обратиться к проектам М.П. Драгоманова по решению украинского вопроса: «К этим соображениям необходимо прибавить, что драгомановский проект спасает российские народы еще от одного крупного зла — от национальной гордыни. В современном мире не-

³¹ Письмо Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову. 12.01.1952 г. // LSE. Л. 1.

³² Ульянов Н.И. Национальный вопрос.

³³ Письмо Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову. 9.02.1951 г. // LSE. Л. 1.

³⁴ Письмо Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову. 4.09.1949 г. // LSE. Л. 4.

возможна проповедь непризнания за каким угодно народом права на национальную жизнь. Это право слишком общепонятно и неоспоримо. Но весь мир, одновременно, страдает от страшного зла шовинизма и национальной исключительности; он как бы ищет средства отделить эти непривлекательные стороны национализма от его здорового начала. История XX столетия показала, что это не только не достигается путем предоставления народу государственной независимости, но как раз благодаря самостоятельному государственному существованию шовинизм и приобретает свое окончательное обличье. Между тем для выявления лучших сторон того или иного народа или удовлетворения его здоровых национальных потребностей вовсе не обязательно иметь посольства во всех странах, своего особого представителя в ООН и свою отдельную армию. Совсем не обязательны ни национальный гимн, ни герб, ни флаг, из которых обычно создаются предметы культа. Любовь к своему народу, к языку, ко всем местным особенностям возможна и без этого, равно как без сознания своего превосходства над другими народами, тем более, без ненависти к этим народам. Но совершенно очевидно, что воспитание столь благородного национального чувства труднее достигается в сепаратном государстве, чем в областной Федерации, предложенной Драгомановым»³⁵.

Далее Н.И. Ульянов развивает свою мысль, показывая отрицательные стороны федерации, которая неизбежно, по его мнению, ведет к требованию независимости, а потом и созданию собственной евразийской империи: «И Вы должны будете согласиться на ее учреждение, если признаете, что знаменитое “национальное самосознание” тоже имеет право на удовлетворение. В этом последнем случае все географические, экономические и культурно-исторические критерии полетят прочь и восторжествуют всевозможные “от можа до можа”. Но в таком случае Вам лучше и не становиться на путь федерации, ибо ясно, что в подобных автономных единицах будут не столько печься об истинном развитии самобытных свойств народа, сколько о величии, о какой-нибудь миссии, об ограничении своего народа от тлетворного влияния москальской культуры; подобные лаборатории националистического яда и центробежные силы там будут иметь больше шансов взять верх над центростремительными. Такая федерация будет коротким этапом на пути к полному распаду России»³⁶.

³⁵ Ульянов Н.И. Национальный вопрос.

³⁶ Письмо Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову. 4.09.1949 г. // LSE. Л. 6.

В неопубликованной работе «Национальный вопрос» Н.И. Ульянов излагает взгляды М.П. Драгоманова: «Прежнюю губернскую систему М.П. Драгоманов предлагает заменить делением России на 20 крупных областей сообразно совокупности географических, экономических и этнографических условий. Украинский патриот вовсе не считает ущербом для своего национального дела, если Украина вся целиком не будет выделена в особую территорию, а разбита будет, скажем, на три крупные области — на Киевскую, Одесскую, Харьковскую, в которые войдут также земли населенные и не украинским населением. В свою очередь, некоторые земли с украинской этнографией отойдут к области Полесской, заселенной, преимущественно, белорусами. Этнографический и национальный принципы не являются доминирующими в создании областей; иной раз, географические и экономические соображения оказываются гораздо более важными. По своим размерам области должны быть таковы, чтобы зло централизации и чиновничьего канцелярского управления не тяготело над ними. В то же время, в отличие от казенной губернской схемы, предлагаемое деление подчинено принципу единства. Население каждой области объединено чем-нибудь очень важным — либо экономическим фактором, либо географическим, либо такое единство заключается в его этнографии. Каких же благоприятных последствий ожидал Драгоманов от подобной системы для национальной жизни? Он полагал, что с учреждением областей народы России обретут все, что им нужно. По количеству прав, предоставленных областям, они выглядят настоящим государством, типа американских штатов. Во главе каждой области стоит выборное учреждение парламентского типа, именуемое Думой, перед которой ответственные все должностные лица области (кроме судей)»³⁷.

В письме С.П. Мельгунову Н.И. Ульянов уточняет свою позицию: «С точки зрения культурно-исторической и экономической Великобритания, Украина, Грузия должны быть разбиты на ряд земель-штатов, но принцип национальный будет стремиться к решительному подавлению этого начала и отстаиванию крупных национальных единиц в качестве составных частей федерации. Тут заложены непримиримые противоречия, разрешить которые, по моему краткому разумению, можно только путем полного устранения национального принципа. Быть может это звучит парадоксально, но в будущем Российской Федерации национальный вопрос не будет разрешен идеально, если земли — штаты будут фор-

³⁷ Ульянов Н.И. Национальный вопрос.

мироваться по национальному признаку. Каждую губернию реформировать в ранг штата — полноправного члена федерации, со своим правительством, законодательным собранием и прочими аксессуарами»³⁸.

Очень четко прописывал Н.И. Ульянов полномочия местных правительств «земель-штатов»: «Областная дума может издавать законы местного значения. Столь же широкими правами пользуются уезды, волости и простые сельские общества. Что мешает такой области, даже уезду, даже волости, при наличии перечисленных прав, осуществить свою национальную автономию, не порывая с общегосударственным целым? Функции всероссийского правительства ограничиваются только общими для всех областей сторонами управления — армия, финансы, почта и телеграф, внешние сношения и проч. Все остальное — в руках областей и уездов. ...Они могут брать под охрану местные национальные обычаи, традиции, памятники. Нет, буквально, ни одной здоровой национальной потребности, которую невозможно было бы удовлетворить таким путем»³⁹.

Вопреки создаваемому образу противниками и критиками Н.И. Ульянова, как «москаля-укаинофоба», историк показывает, как культурные, языковые и литературные особенности украинцев будут выполняться при принятии системы «земель-штатов»: «В самом деле, если задача сводится к тому, чтобы обеспечить наиболее полное и успешное развитие специфической культуры и самобытности населяющих Россию народов, то для этого отнюдь не нужно создавать национальные республики по образцу советских, для этого достаточно возродить старую губернскую систему (беру это как первый попавшийся пример) и каждую губернию возведут в ранг штата — полноправного члена федерации со своим правительством, законодательным собранием и прочими аксессуарами. Кто может запретить Полтавской губернии, населенной малороссами, носить широкие шаровары, плясать гопака, выпускать в миллионном тираже “Энеиду” Котляревского и обучать в школах на своей мове? Нет ни одного здорового национального запроса, который бы не мог быть удовлетворен при такой системе. С точки зрения культуры, быта, права и экономики — люди будут у себя полными хозяевами. Это, как бы, старые русские земства, поднятые до положения правительства в своем крае. Но зато шовинизму будут представлены существенные преграды, и он конечно возропщет на подобную систему.

³⁸ Письмо Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову. 4.09.1949 г. // LSE. Л. 3.

³⁹ Ульянов Н.И. Национальный вопрос.

Национальное самосознание потребует не Подольской, Киевской, Волынской и Винницкой автономий, а единой украинской автономии»⁴⁰.

Система «земель-штатов», придуманная украинским мыслителем М.Н. Драгомановым и переработанная Н.И. Ульяновым, очень напоминает современные «субъекты федерации» современной России, а еще более идентичность видна с государственным устройством так называемых «новых территорий» России (ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской областей), где нет национального принципа в формировании, зато все нужды национальных и языковых меньшинств неукоснительно выполняются.

Даже в 2024 г. многие российские интеллектуалы не понимают важности украинской проблемы в национальном вопросе. Снова не побоимся процитировать Н.И. Ульянова: «К сожалению, не все так думают и еще меньше отдают себе отчета в исключительной важности украинской проблемы, которая, с моей точки зрения, едва ли не представляет весь национальный вопрос в России. В самом деле, все другие сепаратизмы выражены гораздо слабее, они не обладают ни кадрами, ни разработанной идеологией, и сила их напора неизмеримо меньше силы напора украинофилов. Кроме того, некоторые из них, например, армяне, попросту не могут обойтись без России. Поладить с ними значительно легче. Да если бы, на худой конец, Кавказ, Туркестан, Средняя Азия и другие окраины в самом деле отделились от нас, с этим можно было бы примириться. Конечно, потеря велика, но для России это не было бы смертельным ударом. Эти народы все равно от нас никуда не уйдут и рано или поздно вновь прилепятся к нам, как космическая пыль к мощной планете. Надо только, чтобы ядро планеты оставалось цельным и мощным. Но если дробиться начнет само ядро, т.е. русская народность, если от нас отделится 30 миллионов украинцев и 10 миллионов белорусов, тогда Россия перестанет быть Россией»⁴¹.

Невозможность компромиссов с украинской шовинистической моделью развития заложена в самой модели «западной» идеологии. Еще в 1949 г. Н.И. Ульянов в одной из первых своих работ в зарубежье писал: «...галицийская идеология, исключая малейшее проявление братских чувств к этому народу, обязывает к зоологической, лютой непримиримой борьбе с ними. Русофобство объявляется отличительным признаком украинца. Будущей независимой Украине галицийский талмуд пред-

⁴⁰ Письмо Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову. 4.09.1949 г. // LSE. Л. 5.

⁴¹ Там же. Л. 7.

определяет в десять раз более враждебные отношения с Москвой, чем это было в гитлеровской Германии. Принятие галицийской доктрины означает подписание документа типа Майн Кампф. Будущее покажет, какие плоды принесет это самому украинскому сепаратизму. Не думаем, чтобы они были особенно сладкими»⁴². К сожалению, предсказания историка стали сбываться последние тридцать лет.

В Русском Зарубежье, своеобразном полигоне свободной научной и политической мысли, появлялись многочисленные концепции и теории, как решить национальный вопрос в России после падения коммунизма. Один из самых оригинальных мыслителей был историк Н.И. Ульянов. Он еще при жизни был признан ведущим специалистом по украинскому сепаратизму. В качестве худшего варианта событий он предсказывал неизбежность гражданской войны на независимой Украине. На основе анализа украинской шовинистической политической мысли он выводил предпосылки неизбежности войны на постсоветском пространстве. Во-первых, это иррациональная ненависть ко всему русскому. Во-вторых, огульное отрицание общего исторического и культурного наследия, маниакальная борьба со всем малороссийским. В-третьих, преследование русского языка и культуры, ущемление прав национальных меньшинств. В-четвертых, точно предсказанная сверхцентрализация независимого украинского государства и борьба с минимальной федерализацией. В-пятых, территориальные претензии к соседям и, прежде всего, к Российской Федерации. В-шестых, утопичные планы по созданию собственной евразийской империи, чуть ли не до Тихого океана. В-седьмых, неизбежная победа на независимой Украине государственного национализма и даже нацизма. Н.И. Ульянов предлагал и выход из печальной ситуации — создание «земель-штатов» по географическому и экономическому принципам, очень похожих на современные «субъекты федерации», и соблюдение «прав человека» в языковой, национальной и культурной сферах.

⁴² Ульянов Н. Украинцы и псевдоукраинцы // На переломе. Мюнхен, 1949. №113. С. 6.

REFERENCES

1. *Bazanov P.N.* «Tacitus of Petropolis» in exile: The life and work of the Russian historian Nikolai Ulyanov [«Petropol'skij Tacit» v izgnanii: Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaja Ul'janova]. Vladimir Dal [Vladimir Dal']. Saint-Petersburg, 2018. 511 p.
2. *Pav. Pag.* Have the Russian emigration learned anything? [Nauchilas' li chemu-libo rossijskaja jemigracija?] // *New Russian Word* [Novoe Russkoe Slovo]. New York, 1967. 30 Jan. S. 4.
3. *Rakovsky G.N.* Ulyanov on the origin of Ukrainian separatism [Ul'janov o proishozhdenii ukrainskogo separatizma] // *New Russian Word* [Novoe Russkoe Slovo]. New York, 1966. 18 Dec. S. 2.
4. *Ulyanov N.I.* Bolshevism and the national question [Bol'shevizm i nacional'nyj vopros] // *Revival* [Vozrozhdenie]. Paris, 1951. No. 13. P. 156–167.
5. *Ulyanov N.I.* About one doctrine in the national question [Ob odnom uchenii v nacional'nom voprose] // *Revival* [Vozrozhdenie]. Paris, 1949. No. 6. P. 150–156.
6. *Ulyanov N.I.* The origin of Ukrainian separatism [Proishozhdenie ukrainskogo separatizma] // *Revival* [Vozrozhdenie]. Paris, 1965. No. 168. P. 56–85.
7. *Ulyanov N.* Ukrainians and pseudo-Ukrainians [Ukraincy i psevdoukraincy] // *At the turning point*. [Na perelome] Munich, 1948. No. 107. P. 10–13; No. 108; 5 Dec. — P. 4–10; No. 109. P. 3–7; No. 110. P. 3–7; No. 111. P. 4–7; 1949. No. 112. P. 16–19; No. 113. P. 3–6.
8. *Schwartz-Omonsky N.* History and utopia [Istorija i utopija] // *Ross. democrat* [Ros. demokrat]. Paris, 1951. No. 1. P. 9–20.
9. *Schwartz-Omonsky N.* Theses on the national issue [Tezisy po nacional'nomu voprosu] // *Volya* [Volja]. Frankfurt-na-Mayne, 1952. No. 9. P. 61–65.

Ключевые слова:

русская эмиграция, украинский сепаратизм, русофобия, Н.И. Ульянов.

Pyotr N. Bazanov

INDEPENDENT UKRAINE — THE MAIN FACTOR FOR THE NEW CIVIL WAR, BASED ON THE WRITINGS BY HISTORIAN NIKOLAI I. ULYANOV

The views of the famous historian Nikolai Ivanovich Ulyanov on the chauvinist ideology of Ukrainian separatism are analyzed. The reasons why a Civil War will begin in independent Ukraine are shown. The reasons for it are the Russophobic ideology of Ukrainian chauvinists, state policies close to Nazism, territorial claims to neighboring countries, utopian plans for creating their own Eurasian empire, persecution of the Russian language, education and culture, oppression of national minorities, centralization and the fight against minimal federalization, hopes for the fifth column and the help of the collective West, irrational hatred of the entire Russian and general historical heritage. Projects are being reconstructed to resolve the national issue in Russia, creating «state states» on a geographical and economic basis.

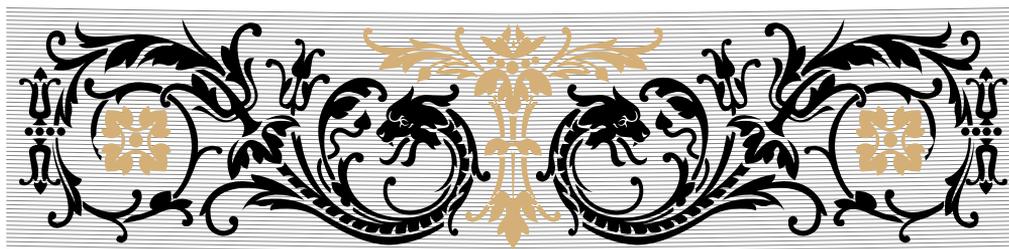
The work uses articles by N.I. Ulyanov from rare small-circulation publications of the Russian Abroad. For the first time, unpublished materials were used — the article «National Question» from the B.A. Filippov (Yale University archives) and letters from N.I. Ulyanov to historian S.P. Melgunov (archive of the London School of Economics and Political Science).

Key Words: Russian Emigration, Ukrainian Separatism, Russophobia, N.I. Ulyanov.

Pyotr N. Bazanov — D.Sc. (History), Professor, St.Petersburg Institute of Culture (St.Petersburg, Russia).

 Базанов Петр Николаевич

доктор исторических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО
Санкт-Петербургского государственного института культуры
(Санкт-Петербург, Россия)

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.012

С.В. Девятов, В.И. Жиляев, В.А. Невежин

«СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...» НА ЧИСТОМ АНГЛИЙСКОМ. СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГИМНА СССР В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

История создания Государственного гимна Советского Союза не раз рассматривалась в научной литературе. Помимо многочисленных изданий научно-популярного характера и учебных пособий, данная тематика затрагивалась исследователями с привлечением мемуаров, документальных публикаций и архивных документов¹.

В целом в отечественной историографии довольно подробно изучен процесс отбора на конкурсной основе вариантов текста и музыкального сопровождения Государственного гимна СССР, утвержденного взамен «Интернационала». Этот конкурс наиболее интенсивно проходил в 1943 г. при участии И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и А.С. Щербакова с привлечением руководства Президиума Верховного Совета, Комитета по делам искусств, Союза советских писателей и Союза советских

¹ Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 335–347; Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 406–421; Войтиков С.С. Сталин, Александров и Краснознаменный ансамбль. М., 2023. С. 167–189; Девятов С.В., Жиляев В.И., Невежин В.А. «Интернационал» устарел для нашего народа». Создание Государственного гимна СССР (1943–1944) // Российская история. 2023. №3. С. 78–94.

композиторов СССР. В конкурсе, несмотря на обстоятельства военного времени, участвовали сотни людей. В основном это были известные писатели и поэты, композиторы и дирижеры.

В конечном счете в качестве текста Государственного гимна СССР («Союз нерушимый республик свободных...») из сотен поэтических вариантов, представленных многочисленными авторами, были выбраны стихи С.В. Михалкова и Г.А. Эль-Регистана. Музыкой для него послужила мелодия «Гимна партии большевиков», созданного еще в 1939 г. композитором А.В. Александровым.

В то же время вопрос о популяризации за границей Гимна «Союз нерушимый...» на завершающем этапе Великой Отечественной войны остается практически не изученным. Исключение представляет фактический материал о распространении Гимна СССР в странах антигитлеровской коалиции в начале 1944 г., приведенный в документальном исследовании о переписке Сталина, Черчилля и Рузвельта² и в нашей предыдущей публикации³.

Основное внимание в предлагаемой статье сосредоточено на выявлении роли советских дипломатов (представителей руководства Народного комиссариата иностранных дел, послов СССР и советников посольств) в деле продвижения Государственного гимна в державах-союзниках по антигитлеровской коалиции — Великобритании и США.

В качестве основных источников использовались материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)⁴ и Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)⁵. Помимо этого, были привлечены документальные публикации⁶.

В отечественной историографии были выдвинуты различные версии относительно мотивации советского руководства при принятии решения о создании Государственного гимна взамен «Интернационала».

² Печатнов О.В., Магадеев И.Э. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. М., 2015. Т. 1. С. 638–639.

³ Деятлов С.В., Жиляев В.И., Невежин В.А. Указ. соч. С. 92–93.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125 (Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); ф. 523. (Личный фонд Д.З. Мануильского); оп. 163 (Протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)).

⁵ АВП РФ. Ф. 06 (Секретариат наркома В.М. Молотова); ф. 0129, 129 (Референтура по США); ф. 69 (Референтура по Великобритании).

⁶ «Гимн большевиков перерастает у нас в государственный»: Документы российских архивов об истории создания Государственного Гимна СССР. 1943–1946 // Электронный альманах «Россия. XX век». 2007 (URL: <https://alexanderyalovlev.org/almanah/inside/flmanah-intro/66230>); Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991. М., 2013; Печатнов О.В., Магадеев И.Э. Указ. соч. Т.1, 2.

По мнению Н.А. Соболевой, основным аргументом для принятия подобного решения были успехи, достигнутые Красной армией на фронтах Великой Отечественной войны, начиная с 1942 г., которые мотивировали обращение к российским боевым традициям, атрибутике и к именам великих русских полководцев (введение погон со звездами вместо петлиц и ромбов, формирование гвардии, учреждение орденов Александра Невского, Суворова и Кутузова)⁷.

Е.С. Громов отмечал, что подобно роспуску Коминтерна в мае 1943 г., решение о создании гимна взамен «Интернационала» являлось политической акцией. Новый гимн был призван подчеркнуть изменившийся статус Советской страны и оказался, по словам историка, весь пронизан «державным патриотизмом» в его «большевистской интерпретации». По мнению Громова, имелся еще один аспект этого дела. Гимну предстояло стать своеобразным «образцом социалистического искусства, его гражданской направленности». Так или иначе, подчеркивал Е.С. Громов, подготовка гимна была возведена в ранг «государственного дела». Об этом свидетельствовали: создание и активная деятельность специальной правительственной комиссии для отбора на конкурсной основе вариантов текста и музыкального сопровождения гимна (ее возглавили К.Е. Ворошилов и А.С. Щербаков), выделение солидных денежных сумм с целью вознаграждения участников конкурса⁸.

Н.А. Сидоров в предисловии к своей публикации архивных документов по истории создания Государственного гимна отмечал, что «официальных письменных указаний, распоряжений, постановлений И.В. Сталина и высших органов власти о причинах и точной дате» его разработки в архивах обнаружено не было. По мнению Сидорова, данное решение мотивировалось внешнеполитической ситуацией после создания антигитлеровской коалиции, заложившей основы межсоюзнических отношений СССР, Великобритании и США. Он высказал следующее предположение (правда, без опоры на источники): «В условиях увеличивавшихся контактов на высшем уровне, предполагавших, согласно дипломатическому протоколу, исполнение гимнов стран на церемониях встреч и проводов, И.В. Сталин посчитал неуместным оставить для этой цели практиковавшийся с первых революционных лет “Интернационал”»⁹.

⁷ Соболева Н.А. Указ. соч. С. 409.

⁸ Громов Е.С. Указ. соч. С. 338–339.

⁹ Цит. по: «Гимн большевиков...».

Александр Сергеевич Щербаков

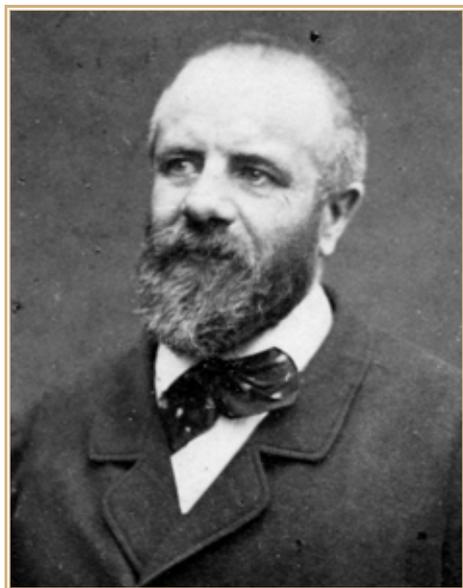
Несомненно, приведенные выше версии относительно сталинской мотивации принятия решения о замене «Интернационала» Государственным гимном заслуживают внимания. Для раскрытия темы, сформулированной в данной статье, особый интерес представляет интерпретация, предложенная Н.А. Сидоровым.

Ниже будет более подробно рассмотрен внешнеполитический аспект создания и популяризации гимна «Союз нерушимый...». Но прежде следует отметить некоторые важные, на наш взгляд, факты из истории бытования «Интернационала» в Советской России.

Предположительно в конце 1880-х гг. французский анархист Эжен Потье (1816–1887) создал стихи на мелодию «Марсельезы», которая являлась государственным гимном Франции. В 1888 г. этнический фламандец Пьер Дегейтер (1848–1932), композитор-самоучка, токарь по специальности, написал мелодию, которая вместе со стихами Потье стала исполняться как революционная рабочая песня под названием «Интернационал». В 1902 г. перевод ее на русский язык предложил находившийся в эмиграции во Франции бывший горный мастер из Донбасса А.Я. Коц. После Октябрьской революции 1917 г. «Интернационал» получил распространение в Советской России¹⁰.

Постепенно утвердилось мнение о том, что эта революционная песня, призывавшая разрушить весь «мир насилия», и является Госу-

¹⁰ Соболева Н.А. Указ. соч. С. 402–405.

Эжен Потье

дарственным гимном СССР. Так, 27 июня 1928 г. С.А. Лозовский, генеральный секретарь Профинтерна, писал, обращаясь в Политбюро ЦК ВКП(б): «Мне кажется, что Дежейтер (sic. — Авт.) заслужил от СССР, где «Интернационал» является *официальным гимном* (курсив наш. — Авт.), пенсию»¹¹. Искомая пенсия Дегейтеру, находившемуся в весьма преклонном возрасте, советским правительством была назначена, и старик был счастлив, поскольку эта денежная выплата оставалась для него до конца жизни единственным источником существования.

Следует отметить, что в предвоенный период «Интернационал» исполнялся, помимо прочего, на официальных торжествах и праздничных мероприятиях. Естественно, присутствовавшие при этом дипломаты, представлявшие по существу *враждебные СССР* страны, неоднозначно реагировали на подобного рода «церемониальное действие». Типичным было восприятие ими «Интернационала» не в качестве Государственного гимна, а как «партийной песни революционных рабочих», содержащей прямой призыв к свержению власти буржуазии. Поэтому при ее исполнении, даже в присутствии высших должностных лиц Советского государства, некоторые члены дипломатического корпуса не считали необходимым вставать. В то же время предлагавшееся одно лишь *музыкальное звучание* «Интернационала» воспринималось адекватно,

¹¹ Музыка вместо сямбура... Док. № 52. С. 68.

Соломон Абрамович Лозовский

и практически всегда иностранные дипломаты в подобных случаях дружно вставали с мест¹².

Как уже отмечалось, в условиях создания и развития антигитлеровской коалиции «Интернационал» исполнялся во время церемоний встреч и проводов представителей союзных государств. Его исполнение включалось в программы официальных визитов в СССР на высшем (премьер-министра Великобритании У. Черчилля (12–14 августа 1942 г.))¹³, а также на высоком (английского министра иностранных дел А. Идена (15–22 декабря 1941 г.))¹⁴ уровнях. Помимо этого, «Интернационал» наряду с гимнами Англии и США звучал во время церемоний встреч и проводов делегаций этих стран на межсоюзнической конференции в Москве (28 сентября — 2 октября 1941 г.)¹⁵.

Между тем У. Черчилль после начала формирования антигитлеровской коалиции (вероятно, по идеологическим причинам) запретил исполнение «Интернационала» на английском радио. Этот запрет оказался дурным знаком в условиях налаживания межсоюзнических отношений трех великих держав (СССР, Великобритании и США). В конечном

¹² Десятков С.В., Жиляев В.И., Невежин В.А. Указ. соч. С. 81.

¹³ Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. Дипломатические приемы 1939–1945 гг. М., 2020. С. 157–158.

¹⁴ Там же. С. 211–212.

¹⁵ Там же. С. 208.

счете благоразумие возобладало, и Черчилль отменил свой кратковременный запрет¹⁶.

Симптоматично, что работа над Государственным гимном в СССР активизировалась после того, как было принято решение о роспуске Коминтерна. Решение о прекращении его деятельности последовало 15 мая, а сообщение об этом появилось в советской печати 22 мая 1943 г.¹⁷ Не прошло и недели, как А.С. Щербаков направил И.В. Сталину докладную записку о работе над гимном (документ датируется 28 мая)¹⁸.

17 июля в помещении МК ВКП(б) состоялось двухчасовое совещание с писателями, поэтами и композиторами, которое провели Ворошилов и Щербаков. В начале совещания оба единодушно высказались в пользу скорейшего создания нового гимна, позволив себе ряд нелестных замечаний в адрес «Интернационала». Ворошилов прямо заявил: «Существующий гимн “Интернационал”, написанный французами (слова Потье [...] и музыка Дегейтера [...]), по своему содержанию современности не соответствует и для нас теперь устарел». Ему вторил Щербаков: «Нам надо иметь новый гимн. “Интернационал” устарел для нашего народа. Это пройденный этап. “Интернационал” пусть поет тот, кто еще не разрушил старый мир»¹⁹.

Подобное единодушие обоих сталинских соратников, позволивших столь резкие выпады в отношении прежде почитаемого гимна, лишь на первый взгляд представляется странным. Скорее всего, Ворошилов и Щербаков на упомянутом совещании *вторили* вождю в своей критике «Интернационала».

Прошло немногим более двух месяцев. 25 сентября 1943 г. Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О Гимне Союза Советских Социалистических Республик»²⁰. Особого внимания в тексте этого постановления заслуживает пространная преамбула: «*Ныне существующий Гимн Советского Союза “Интернационал”* [курсив наш. — Авт.] не отвечает положению Советского государства, так как: 1) Он только призывает к борьбе эксплуатируемых, к раскрепощению от насилия и к построению нового мира, то есть говорит о задачах, которые

¹⁶ Девятков С.В., Жилыев В.И., Небезин В.А. Указ. соч. С. 82.

¹⁷ Правда. 1943. 22 мая.

¹⁸ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

¹⁹ Там же. Док. № 3.

²⁰ Л.В. Максименков неверно называет этот документ «Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)» (см.: Музыка вместо сумбура... Док. №1 84. С. 228). — Прим. авт.

трудящиеся Советского Союза уже решили; 2) Не отражает в своем содержании коренных изменений, происшедших в нашей стране на базе Советов, и не выражает социалистической сущности Советского государства...»

В данной связи в документе отмечалось, что «Интернационал» «остается признанным гимном для трудящихся капиталистических стран, которым еще предстоит борьба за свое освобождение от капиталистического рабства».

На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановил принять вместо него в качестве Государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик новый текст, который начинался с четверостишия:

«Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь».

Упомянутое постановление ЦК ВКП(б) было единогласно одобрено представителями высшего звена партийно-государственной номенклатуры. За его принятие проголосовали И.В. Сталин, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, В.М. Молотов и А.С. Щербаков²¹, т.е. 10 из 14 функционеров, составлявших тогда Политбюро. Не голосовали по данному пункту повестки дня протокола высшего партийного органа А.А. Андреев, А.А. Жданов (находился в осажденном немцами Ленинграде), Н.С. Хрущёв (участвовал в руководстве военными операциями по освобождению от врага территории Украинской ССР) и Н.М. Шверник.

Можно предположить, что текст этого постановления, а следовательно, и преамбула к нему, в которой признавался устаревшим текст «Интернационала», явились результатом обсуждения, происходившего в сталинском служебном кабинете в Кремле. Вечером 25 сентября к И.В. Сталину прибыли Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, В.М. Молотов, А.С. Щербаков и все вместе находились в кабинете вождя до 00.35 26 сентября²².

Авторами текста нового гимна СССР, который был утвержден по постановлению ЦК ВКП(б), являлись С.В. Михалков и Г.А. Эль-Реги-

²¹ Музыка вместо сумбура... Док. № 184. С. 228–229.

²² На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным. (1924–1953). М., 2008. С. 419–420.

стан. 27 сентября они получили по телефону поздравление от К.Е. Ворошилова. Однако этот текст не был окончательным и *работа* по его доведению продолжилась при активном участии Сталина, Ворошилова и Щербакова²³. 28 октября 1943 г. Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) о новом, отредактированном варианте текста гимна (представленном Михалковым и Эль-Регистаном)²⁴.

Между тем Президиум Верховного Совета СССР в лице А.Ф. Горкина²⁵, одного из функционеров, который был задействован в процессе создания Государственного гимна СССР, направил в Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) поручение подготовить специальную справку о распространении в Советском Союзе гимна «Интернационал». 1 октября 1943 г. этот документ был отослан адресату И. Смирновым, заместителем заведующего отделом произведений В.И. Ленина. Смирнов, в частности, сообщал, что «Интернационал» «официальным законодательным актом, как государственный гимн, не утверждался, а получил распространение *бытовым путем* [курсив наш. — Авт.]»²⁶. Завершая небольшой экскурс в историю «Интернационала», основанный на анализе публикаций в периодических изданиях и текстов ряда законодательных актов, И. Смирнов пришел к следующему заключению: «Таким образом, все материалы свидетельствуют, что “Интернационал” получил свое широкое распространение в стране через советские и партийные съезды, где собирались руководящие кадры страны, и через массовые мероприятия: собрания, митинги и демонстрации. Первоначально “Интернационал” распевался, как революционный гимн, наряду с другими революционными песнями. В дальнейшем, отвечая известным чувствам и настроениям советского народа, “Интернационал” стал распеваться чаще, чем другие революционные песни. И, наконец, его исполнение превратилось в традицию»²⁷.

Таким образом, руководящий сотрудник ИМЭЛ выявил, основываясь на солидном своде источников, такую специфическую особенность «Интернационала», как постепенное распространение его в Советской стране «бытовым путем». Однако, наверняка не ведая об упомянутом

²³ Девятков С.В., Жилыев В.И., Небезин В.А. Указ. соч. С. 87–88.

²⁴ Музыка вместо сумбура... Док. № 184. С. 229.

²⁵ Александр Федорович Горкин (1897–1988) — государственный и партийный деятель. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (1938–1953, 1956–1957).

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 217. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 11.

Александр Федорович Горкин

постановлении ЦК ВКП (б) от 25 сентября 1943 г., где «Интернационал» был назван «Гимном Советского Союза», он, по существу, дезавуировал данную формулировку высшего партийного органа.

Между тем «Интернационал», явно не подходивший уже по всем критериям гимна и признанный устаревшим на уровне высшего партийно-государственного руководства, *продолжал рассматриваться* в таком качестве. Его мелодия исполнялась на церемониях встреч и проводов представителей Великобритании и США в ходе второй Московской межсоюзнической конференции (19–30 октября 1943 г.)²⁸, а также во время официального визита в СССР президента Чехословацкой Республики в изгнании Э. Бенеша (11–22 декабря 1943 г.)²⁹.

Еще до отъезда Бенеша из Москвы Политбюро утвердило 14 декабря 1943 г. новое постановление ЦК ВКП(б) о Государственном гимне³⁰.

Как следует из архивных документов, проект постановления от 14 декабря был подготовлен А.С. Щербаковым. В этом проекте отсутствовала преамбула; он состоял из шести пунктов. В первом пункте го-

²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 55. П. 40. Л. 17, 23; Советская дипломатия в период подготовки и проведения Московской и Тегеранской конференций 1943 г. // Великая Победа. В 15 т. Т. 13. Док. № 1. С. 325.

²⁹ Там же. С. 167–170.

³⁰ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

ворилось о принятии вместо «Интернационала» нового Государственного гимна. Вторым пунктом утверждался его текст. Третий пункт постановления ЦК ВКП(б) гласил: «Принять для Государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик музыку гимна партии большевиков композитора Александрова А.В.». Четвертый пункт документа зафиксировал поручение Комитету по делам искусств при СНК СССР «улучшить оркестровку» мелодии нового гимна. Пятый пункт был сформулирован следующим образом: «Поручить секретарю Президиума Верховного Совета СССР тов. Горкину А.Ф. в двухнедельный срок организовать перевод нового текста гимна СССР на языки народов Советского Союза». Наконец, шестым пунктом на Комитет по делам искусств возлагалась обязанность «обеспечить издание текстов и музыки Государственного гимна СССР»³¹.

Проект Постановления ЦК ВКП(б) «О гимне СССР» был направлен на имя Сталина Молотовым, Ворошиловым и Щербаковым³². В него рукой А.С. Щербакова (скорее всего, по указанию И.В. Сталина и других членов Политбюро) были внесены поправки и дополнения³³. Текст самого проекта А.Н. Крапивин, помощник Щербакова, 16 декабря 1943 г. сдал в архив³⁴.

В окончательном варианте постановление ЦК ВКП(б) от 14 декабря помимо тех пунктов, которые были изначально сформулированы в проекте Щербакова, включало в себя два новых: «[...]6. Ввести повсеместное исполнение Государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик с 15 марта 1944 года. 7. Постановление ЦК ВКП(б) от 28 октября с.г. о тексте Гимна Советского Союза отменить»³⁵.

За третье кряду постановление высшего партийного органа, касающееся утверждения нового Государственного гимна, на сей раз голосовали уже 12 из 14 представителей высшей партийно-государственной номенклатуры³⁶. По понятным причинам в голосовании не участвовали Жданов и Хрущёв.

Вслед за этим 20 декабря 1943 г. последовало постановление СНК СССР «О Государственном гимне Советского Союза». В преамбуле документа утверждалось, что «Интернационал» «по своему содержанию

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 217. Л. 13–16.

³² Там же. Ф. Оп. 163. Д. 1385. Л. 160.

³³ Там же. Оп. 125. Д. 217. Л. 21.

³⁴ Там же. Л. 13.

³⁵ «Гимн большевиков...». Док. № 2.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1385. Л. 160.

не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране в результате победы Советского строя, и не выражает социалистической сущности Советского государства». По этой причине Совнарком принял следующее постановление, состоявшее из пяти пунктов:

прежний текст Государственного гимна заменялся новым, «соответствующим по своему содержанию, духу и сущности Советского строя»;

был утвержден этот, новый текст, принадлежавший Михалкову и Эль-Регистану (он приводился в постановлении);

для нового Государственного гимна принималась музыка композитора А.В. Александрова;

ноты к музыке гимна предполагалось опубликовать особо;

повсеместное исполнение нового Государственного гимна вводилось с 15 марта 1944 г.³⁷

Представляется неслучайным, что данная публикация была осуществлена в день рождения И.В. Сталина, которому исполнилось 65 лет.

Таким образом, 20 декабря 1943 г. вполне обоснованно можно считать окончательной датой утверждения Государственного гимна Советского Союза, завершившей важный этап его создания.

С этого момента начался следующий, не менее значимый этап распространения нового Государственного гимна внутри страны и популяризации его за границей, в частности в Великобритании и США, которые являлись главными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции.

Следует отметить, что процесс популяризации гимна в союзных странах имел определенную специфику. Если в Великобритании интерес к нему возник после утверждения на высшем государственном уровне лично со стороны премьер-министра У. Черчилля, то в Соединенных Штатах этот интерес проявили представители руководства общественных организаций, с которыми Москва поддерживала активные связи, а также американские СМИ и рядовые граждане.

Воспользовавшись таким доступным и важным каналом связи, как личная секретная переписка со Сталиным (он был установлен после нападения Германии на СССР и начала советско-британских межсоюзнических отношений), Черчилль в очередном послании (направлено в Москву 29 декабря 1943 г.; вручено 1 января 1944 г.), в частности, писал: «Если Вы перешлете мне ноты нового советского русского Гимна, я бы мог позаботиться о том, чтобы Британская Радиовещательная Корпо-

³⁷ Правда. 1943. 21 декабря; Известия. 1943. 21 декабря.

У. Черчилль и посол Советского Союза в Великобритании Ф.Т. Гусев в советском посольстве. 1945 г.

рация [ББС. — *Авт.*] передавала его во всех случаях, когда будут передаваться сообщения о важных русских победах»³⁸.

Видную роль в деле выполнения данной просьбы играло посольство СССР в Англии, которое возглавлял Ф.Т. Гусев³⁹. В ходе беседы с ним, состоявшейся 3 января 1944 г., министр иностранных дел Англии А. Иден, ссылаясь на просмотренный текст упомянутого послания, заметил, что Черчилль «очень заинтересовался новым советским гимном и уже дал указание ББС передать гимн по радио». В данной связи Иден обратился к Гусеву со следующей просьбой: «Как только Вы получите гимн здесь, в Лондоне, дайте его нам [...], с тем, чтобы можно было познакомить премьера и выполнить его указание». Со своей стороны Ф.Т. Гусев пообещал выполнить эту просьбу Идена⁴⁰.

В тот же день в советское посольство в Лондоне В.М. Молотовым было отослано специальное распоряжение на имя Ф.Т. Гусева. Ему предписывалось направить прилагаемые «ноты к музыке государственного гимна СССР Идену» с сопроводительной запиской следующего содержания: «В своем письме [...] я [Ф.Т. Гусев. — *Авт.*] сообщал Вам, что ноты государственного гимна СССР, посланные Премье-

³⁸ Печатнов О.В., Магадеев И.Э. Указ. соч. Т. 1. Док. № 355. С. 638.

³⁹ Федор Тимофеевич Гусев (1905–1987) — дипломат. Советский посол в Англии (1943–1946).

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 23. Д. 236. Л. 27.

ром И.В. Сталиным Премьер-Министру г-ну У. Черчиллю, будут пересланы мною Вам по получении их из Москвы. В настоящее время ноты мною получены, и я направляю их Вам с просьбой передать их Премьер-Министру г-ну У. Черчиллю вместе с добрыми пожеланиями И.В. Сталина»⁴¹.

Распоряжение Молотова было исполнено 10 января 1944 г. В этот день Гусев передал оригинал нот нового Государственного гимна СССР в Форин офис. 2 февраля 1944 г. в ходе беседы с И.В. Сталиным английский посол А.К. Керр, в частности, сообщил, что У. Черчилль остался доволен, когда получил их. Британский премьер нашел мотив гимна «живым и возвышенным»⁴².

Позднее Черчилль получил не только ноты, но и текст нового Гимна СССР, который был передан Гусевым 7 февраля. 15 февраля Иден направил Гусеву благодарственное письмо с приложением послания британского премьер-министра на имя Сталина (оно датировалось 10 февраля; было доставлено адресату только 7 марта)⁴³. Черчилль писал: «Я получил от Советского Посла текст и ноты Советского Государственного Гимна, которые Вы сообразовали послать по моей просьбе. Волнующая музыка этого Гимна несколько раз передавалась Британской Радиовещательной Корпорацией и будет и в дальнейшем передаваться в ознаменование русских побед. Поэтому я не сомневаюсь, что британский народ в скором времени очень хорошо будет знать Гимн. Я горжусь тем, что являюсь обладателем экземпляров этого Гимна»⁴⁴.

К сожалению, приведенный текст послания не позволяет ответить на следующий вопрос: получил премьер-министр Великобритании русскоязычный вариант нового Гимна СССР, или его текст был предварительно переведен на английский язык?

Между тем руководящий состав и сотрудники Народного комиссариата иностранных дел озаботились решением задачи по ознакомлению с Новым государственным гимном СССР союзников по антигитлеровской коалиции, прежде всего, британских и американских. 3 января 1944 г. А.П. Павлов⁴⁵ направил В.М. Молотову составленный (скорее всего, по заданию главы внешнеполитического ведомства) проект

⁴¹ Там же. Д. 240. Л. 17.

⁴² Печатнов О.В., Магадеев И.Э. Указ. соч. Т. 1. Док. № 356. С. 639.

⁴³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 35. П. 115. Д. 21. Л. 5.

⁴⁴ Печатнов О.В., Магадеев И.Э. Указ. соч. Т. 2. Док. № 377. С. 57.

⁴⁵ Алексей Павлович Павлов (1905–1982) — дипломат. Заведующий Правовым отделом НКВД СССР (1940–1945).

циркулярной ноты следующего содержания: «Народный Комиссариат Иностранных Дел имеет честь довести до сведения Посольства..., что Советом Народных Комиссаров СССР 20 декабря 1943 года утвержден новый государственный гимн Союза Советских Социалистических Республик.

Повсеместно исполнение упомянутого выше государственного гимна, текст и ноты которого прилагаются, вводится в СССР с 15 марта 1944 года.

Народный Комиссариат Иностранных дел будет признателен Посольству за передачу содержания настоящей ноты Правительству...

Приложение: текст и ноты к музыке гимна.

Москва... 1944 года

В Посольство ...

г. Москва».

В левом верхнем углу этого документа имеется приписка, сделанная рукой В.М. Молотова: «Тов. Сталину. Эту ноту хочу послать посольствам (с приложением Гимна)» и проставлена дата — 12 января 1944 г. Судя по тому, что ниже поставил свою подпись И.В. Сталин, текст приведенной ноты был одобрен вождем⁴⁶.

Содержание данной пометы дает основание предположить, что Сталин инициировал рассылку не только нот, но и текста нового Гимна СССР за границу, прежде всего — в страны-союзники по антигитлеровской коалиции.

13 января 1944 г. текст и ноты нового Государственного гимна СССР были посланы в посольства и миссии ряда иностранных государств, в том числе — Великобритании и США⁴⁷.

Согласно справке Протокольного отдела НКВД, подтверждения о получении упомянутой ноты внешнеполитического ведомства СССР поступили от посольства США (17 января), а также от посольств и миссий правительств союзных государств, находившихся в изгнании (Бельгии, Греции, Нидерландов, Норвегии)⁴⁸. 4 марта откликнулось посольство Великобритании. В его письме отмечалось, что в соответствии с пожеланием СНК СССР ноты и текст нового

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 8. Д. 91. Л. 2. 12 января 1944 г. В.М. Молотов с 20.30 до 22.10 находился в сталинском служебном кабинете в Кремле (На приеме у Сталина... С. 425). — Прим. авт.

⁴⁷ Девятков С.В., Жиляев В.И., Небезин В.А. Указ. соч. С. 93.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 8. Д. 91. Л. 6.

Георгий Николаевич Зарубин

Гимна Советского Союза были направлены Правительству Его Величества в Лондон⁴⁹.

И в данном случае остается открытым вопрос о том, переводился ли предварительно (перед этой отсылкой) на английский язык текст Гимна.

Как уже отмечалось, большой интерес к новому Гимну СССР проявился со стороны общественных организаций США, которые поддерживали активные контакты с советскими представителями в этой стране. Здесь прежде всего следует назвать Russian War Relief (Рашен Уор Релиф, сокращенно РУР), Американский фонд (комитет) военной помощи России, возникший в сентябре 1941 г.

Председателем Совета директоров Комитета являлся Э.К. Картер; должность исполнительного директора занимал Ф. Майерс. Только за четыре года войны (1941–1944) эта представительная организация сумела собрать (материалами и деньгами) в помощь СССР 44 млн долларов; отправила ему медикаментов, одежды и других грузов на общую сумму в 32,5 млн долларов⁵⁰. С учетом официального курса валют (1 доллар равнялся тогда 5 руб. 20 коп.)⁵¹ суммы безвозмездной помощи, оказанной советскому союзнику Комитетом помощи России в войне,

⁴⁹ Там же. Л. 8.

⁵⁰ О деятельности Комитета помощи России в войне см., в частности: Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004. Док. № 201. С. 430–448; АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 29а. П. 176. Д. 81. Л. 5.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29а. П. 44. Д. 1. Л.

составляли, соответственно, порядка 230 млн и 161 млн, а всего — около 400 млн руб.

Помимо этого, руководство Комитета проводило большую пропагандистскую работу в пользу СССР: публиковало многочисленные статьи о своей деятельности, организовывало многолюдные митинги в его поддержку и т.д. и т.п.⁵²

В период Великой Отечественной войны межкультурная коммуникация с союзниками по антигитлеровской коалиции достигла большого размаха⁵³. Ведущая роль в этом процессе принадлежала Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС), должность председателя правления которого в военные годы занимал В.С. Кеменов. ВОКС осуществляло свою деятельность в тесном контакте с Народным комиссариатом иностранных дел. Культурные связи с Соединенными Штатами Америки оно поддерживало при посредничестве Г.Н. Зарубина⁵⁴ и В.И. Базыкина⁵⁵. Фонд помощи России в войне являлся одним из важных каналов советской культурной дипломатии в США.

7 марта в НКВД была доставлена корреспонденция от Е.Д. Киселева⁵⁶. Она была отправлена из Нью-Йорка дипломатической почтой еще 19 января на имя Г.Н. Зарубина. Киселев писал, что известие о появлении нового советского гимна в американской прессе было расценено «как дальнейшее развитие националистической тенденции Советского Правительства за счет отказа от революционного интернационализма». Такие реакционные, по определению Е.Д. Киселева газеты, как «Дейли ньюс», «Уорлд телеграм» и другие, даже писали о наступающем «конце социализма» и о возвращении советского руководства к «традициям старой России»⁵⁷. В то же время «реакционная печать» США выступила против отражения в новом Гимне СССР «роли Ленина и Сталина».

По словам Е.Д. Киселева, не только «реакционные круги», но и «некоторые элементы» «русского прогрессивного направления в США»

⁵² Там же. Оп. 27. П. 153. Д. 50. Л. 30–31.

⁵³ Подробнее об этом см.: Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М., 2016.

⁵⁴ Георгий Николаевич Зарубин (1900–1958) — дипломат. Заведующий Отделом Американских стран НКВД (1941–1944).

⁵⁵ Владимир Иванович Базыкин (1908–1965) — дипломат. Второй секретарь посольства СССР в Соединенных Штатах Америки, представитель ВОКС в США (1941–1945).

⁵⁶ Евгений Дмитриевич Киселев (1908–1963) — дипломат. Генеральный консул СССР в Нью-Йорке (1943–1945).

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Л. 9, 11, 22.

Евгений Дмитриевич Киселев

рассматривали смену в Советском Союзе Государственного гимна наряду, например, с ликвидацией Коминтерна, «как уступку со стороны СССР капитализму». К его сообщению были приложены вырезки из американских газет с небольшими по объему заметками о новом советском Гимне⁵⁸.

Действительно, в Соединенных Штатах известие о новом Гимне Советского Союза было получено практически одновременно с его утверждением и вызвало живой интерес. Так, газета «Русский голос» сообщила, что уже 21 декабря 1943 г. его текст был «передан в США в переводе на английский язык»⁵⁹. Однако другие американские СМИ отмечали: официальная англоязычная версия нового Гимна СССР не была представлена⁶⁰.

Большую статью посвятила новому Гимну СССР Д. Томпсон⁶¹. Известная американская журналистка подчеркивала, что отказ Советской России от «Интернационала» «в пользу нового, глубоко националистического гимна» является событием большого исторического и поли-

⁵⁸ Там же. Ф. 129. Оп. 29а. П. 44. Д. 1. Л. 15–19.

⁵⁹ Там же. Л. 18.

⁶⁰ Там же. Л. 19.

⁶¹ *Дороти Томпсон* (1893–1961) — американская журналистка и радиоведущая. С 1936 — вела собственную колонку под названием «On the record» в газете «New York Herald Tribune». В 1939 журнал «Time» назвал ее наряду с женой президента Рузвельта Элеонорой самыми влиятельными женщинами в США.

тического масштаба. По мнению Д. Томпсон, история этой страны со времени первой пятилетки доказывает возможность создания «революционного социалистического государства» без помощи извне, даже вопреки всему окружающему миру. Война СССР против Германии сулила победу над тем самым врагом, который нанес поражение России 25 лет назад. Престиж Советской России, рассуждала американская журналистка, стал возможен благодаря следующему «наиважнейшему историческому факту»: в Европе произошло повсеместное сращивание патриотических и революционно настроенных сил, отстаивающих социальные изменения. СССР взирал на это одновременно «и с позиции освободителя народов, и с позиции освободителя долго сдерживаемых общественных сил».

Д. Томпсон оставляла тем, кто верил, что влияние Советской России более не носит революционного характера, свободу «лелеять свои мечты», однако, утверждала она, «факты говорят об обратном». Американская журналистка заключала: если в СССР больше не исполняют прежний «Интернационал», «значит, исполняются новые и не менее революционные *национальные песни* (курсив наш. — Авт.)»⁶².

Следует отметить, что американские СМИ на все лады смаковали полученные из Москвы данные о размерах денежного вознаграждения, которое получили писатели, поэты и музыканты, участвовавшие в создании Гимна Советского Союза. Согласно подсчетам, приведенным в одной из газет, оно составляло в целом 2 млн рублей. В связи с этим делался сенсационный вывод о том, что новый Гимн Советского Союза «стал самым дорогим музыкальным произведением в мире»⁶³.

Учитывая присущий практичным американцам «коммерческий интерес», заслуживает внимания текст телеграммы, направленной Ф. Майерсом 27 декабря 1943 г. в адрес Всесоюзного общества культурной связи с заграницей: «Необходимы возможно скорее ноты и русский перевод нового советского Гимна для публичных митингов. Также желаем получить разрешение на запись, под нашим руководством, в исполнении знаменитых американских артистов, с целью продажи нашим комитетом по всей стране».

6 января Г.Н. Зарубин, ссылаясь на информацию, полученную от В.И. Базыкина, сообщал В.С. Кеменову, что в случае, если будет задержан перевод нового Гимна СССР на английский язык, не исключена веро-

⁶² АВР РФ. Ф. 129. Оп. 29а. П. 44. Д. 1. Л. 13.

⁶³ Там же. Л. 17.

ятность издания его американцами «по собственным вольным переводам», поскольку его «русский текст и ноты были опубликованы в газетах США»⁶⁴.

В проекте ответной телеграммы, адресованной Базыкину, Кеменов писал, что получил целый ряд подобного рода сообщений, содержащих сведения о возможности «коммерческого распространения» музыки и текста гимна в Соединенных Штатах без ведома советской стороны. В данной связи он рекомендовал разъяснить проявившим интерес к этому делу американским партнерам, «что никаких монопольных коммерческих прав» на Государственный гимн СССР им «предоставлено быть не может». Председатель правления ВОКС также просил учесть, что «ввиду особой важности, в Москве работает специальная комиссия над переводом Гимна на английский язык». Он рекомендовал исполнять в США принятый Москвой вариант его перевода на английский язык, который В.С. Кеменов и обещал передать В.И. Базыкину по телеграфу⁶⁵.

10 января Кеменов информировал Зарубина о том, что два варианта перевода на английский нового советского Гимна, «полученные ВОКС'ом из США, переданы т. Лозовскому (для апробации специальной комиссией)»⁶⁶.

9 февраля Г.Н. Зарубин сообщал председателю правления ВОКС: «После перевода Гимна [на английский язык] т. Базыкин просит его немедленно передать по телеграфу»⁶⁷.

Одновременно генконсульство в Нью-Йорке, по сообщению Е.Д. Киселева, получило ряд писем от граждан США. Среди них были и поэты, предлагавшие свои услуги для перевода текста гимна на английский язык и распространения его «среди американского народа»⁶⁸. В радиотелеграмме на имя Кеменова, приложенной к письму Киселева, содержался перевод Гимна СССР, сделанный А. Роумом⁶⁹.

Е.Д. Киселев также пересылал письмо жительницы Нью-Йорка Ш. Кинг, в котором выразились чувство симпатии к СССР и надежда

⁶⁴ Там же. Оп. 28. П. 164. Д. 85. Л. 4.

⁶⁵ Там же. Л. 7.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. П. 164. Д. 85. Л. 8.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Л. 8–9.

⁶⁹ *Гарольд Джейкоб Роум* (1908–1993) — американский композитор, поэт и продюсер. Автор слов к увертюре «Гимн наций» Дж. Верди, которая была исполнена по радио 31 января и повторена в прямом эфире 25 мая 1944 г. (дирижер — А. Тосканини).

на укрепление советско-американской дружбы. Она писала, что интересуется мероприятиями консульства в Нью-Йорке и посольства Советского Союза в США в отношении популяризации нового гимна. По ее мнению, переводы советских песен-маршей оказывались «не всегда хорошими для исполнения». Писать слова для переложения на музыку, подчеркивала Ш. Кинг, — большое искусство, и для решения этой задачи необходимо привлечь опытного человека. В данной связи она предлагала поручить перевод нового Гимна СССР «американскому поэту, который хорошо знаком с такой работой». Со своей стороны Кинг выдвигала кандидатуру О. Гаммерштейна II⁷⁰. По ее мнению, Гаммерштейн был «одарен необходимыми качествами» для выполнения этой работы.

Обращаясь к Е.Д. Киселеву, Ш. Кинг указывала на следующее обстоятельство: «по весьма благородным соображениям» он якобы не учитывает «методов влияния и рекламы», существующих в США, на американский народ. Кинг даже высказала опасение, что новый советский гимн будет исполнен лишь на одном из традиционных митингов в Мэдисон-сквер-гарден в Нью-Йорке, которые устраивались в поддержку СССР, где собирались тысячи людей, «являющихся уже друзьями Советского Союза». Между тем, декларировала Ш. Кинг, новый гимн должен преследовать цель увеличения числа его новых друзей.

По ее мнению, первое исполнение гимна в США «должно быть государственным и торжественным мероприятием с участием президента и государственного секретаря». К этому делу, считала Ш. Кинг, следовало привлечь лучшие американские хоры и хорошо известного в стране певца. Всю церемонию, по ее мнению, желательно было заснять на киноплёнку и продемонстрировать затем «на всех экранах». Помимо этого, она считала необходимым организовать радиорепортаж об этом знаменательном событии.

В заключение Ш. Кинг вновь предлагала свои услуги по привлечению к популяризации нового советского гимна, в частности, советовала связаться с «хорошими людьми», которые могут дать «правильные советы»⁷¹.

Между тем уже развернулась работа по организации перевода слов гимна на иностранные языки, к руководству которой были привлечены

⁷⁰ Оскар Грили Кленденнинг Хаммерштейн II (1895–1960) — американский писатель, сценарист, продюсер и поэт-песенник.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29а. П. 44. Д. 1. Л. 10–12.

Владимир Петрович Потёмкин

как профессиональные советские дипломаты, так и тесно контактировавшие с внешнеполитическим ведомством представители партийно-государственной номенклатуры.

Выше уже неоднократно приводились упоминания о встречавшихся в переписке НКВД и ВОКС ссылаках о существовании «специальной комиссии», которая начала работу в данном направлении.

Этот вопрос имел свою предысторию. А.Ф. Горкин в сопроводительной записке от 6 января 1944 г., адресованной Д.З. Мануильскому, писал: «Посылаю Вам проект состава комиссий по рассмотрению переводов текста гимна Советского Союза на иностранные языки. Состав комиссий предлагается внести на утверждение ЦК ВКП(б)». Секретарь Президиума Верховного Совета СССР просил Мануильского представить замечания по предлагавшемуся составу, «внести дополнительные кандидатуры» и весь этот материал в срочном порядке (до 20.00) вернуть ему⁷². Мануильский исполнил эту просьбу и 7 января направил ответ Горкину⁷³.

19 января 1944 г. последовало постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О переводе текста гимна Советского Союза на языки народов СССР и на иностранные языки». Документ состоял из четырех пунктов. Первый пункт обязал секретарей ЦК компартий и председателей СНК

⁷² РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

⁷³ Там же. Л. 3.

Максим Максимович Литвинов

союзных республик (естественно, за исключением РСФСР) рассмотреть перевод текста гимна на соответствующий язык и представить его к 1 февраля 1944 г. в СНК СССР.

Во втором пункте указывалось, что секретари обкомов и представители СНК автономных республик были обязаны проделать аналогичную работу и предоставить ее итоги в Совнарком СССР к 15 февраля 1944 г.

Согласно третьему пункту постановления СНК СССР, комиссии в составе начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова, А.Ф. Горкина и Н.Б. Храпченко предписывалось организовать проверку правильности переводов Гимна Советского Союза на языки народов СССР, для чего следовало привлечь лучших специалистов.

Наибольший интерес представляет для нас четвертый пункт упомянутого постановления: «Образовать для проверки переводов на иностранные языки комиссию в следующем составе: тт. Потёмкин В.П. (созыв), Мануильский Д.З., Литвинов М.М., Майский И.М. Поручить комиссии рассмотреть тексты переводов гимна Советского Союза на иностранные языки (в первую очередь, на английский, французский, итальянский, немецкий, польский, болгарский, сербский, норвежский) и представить на утверждение СНК СССР не позднее 10 февраля 1944 года»⁷⁴.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 143. Л. 24; Оп. 117. Д. 381. Л. 104–104 об.

Иван Михайлович Майский

В Секретариат ЦК ВКП(б) входили тогда И.В. Сталин, А.А. Андреев, А.А. Жданов, Г.М. Маленков и А.С. Щербаков. Можно предположить, что инициатива создания комиссии для проверки переводов текста Гимна Советского Союза принадлежала Сталину. Как следует из выявленных нами архивных документов, руководители этой комиссии находились в контакте с А.С. Щербаковым и главой внешнеполитического ведомства В.М. Молотовым.

При подборе руководящего состава упомянутой комиссии Секретариат ЦК ВКП(б) вполне обоснованно включил в нее дипломатов (бывших и действующих), поскольку они, во-первых, владели иностранными языками, а во-вторых, были связаны с представителями интеллигенции (писателями, преподавателями высшей школы и др.), которые хорошо знали языки, в частности английский.

Назначенный руководителем комиссии Владимир Петрович Потёмкин (1874–1946) имел высшее гуманитарное образование. В 1898 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Являлся членом партии большевиков с 1919 г. По окончании Гражданской войны Потёмкин в течение ряда лет находился на дипломатической работе: в Турции (генеральный консул в Стамбуле, 1924–1926 гг.; в 1927–1929 гг. — советник полпредства). Затем он был последовательно полномочным представителем СССР в Греции (1929–1932 гг.), Италии (1932–1934 гг.), Франции (1934–1937). В.П. Потёмкин избежал политических репрессий, которые не миновали внешнеполитическое

ведомство. В 1937–1940 гг. он занимал должность первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР.

Закономерно, что в комиссию, созданную по постановлению Секретариата ЦК ВКП(б), вошел и Дмитрий Захарович Мануильский (1883–1959). Будучи активным революционным деятелем, членом большевистской партии с момента ее основания, Мануильский получил прекрасное образование. До революции он обучался в Петербургском университете. Находясь в эмиграции, в 1911 г. окончил юридический факультет Сорбонны. Владел французским и английским языками. В 1928 г. — мае 1943 г. Д.З. Мануильский занимал должность Исполнительного секретаря Коминтерна.

Вполне обоснованным было и включение в комиссию для проверки переводов на иностранные языки нового Гимна Советского Союза профессиональных дипломатов — Максима Максимовича Литвинова (1896–1951) и Ивана Михайловича Майского (1884–1975).

Литвинов принадлежал к когорте «старых большевиков». В 1907–1918 гг. жил в эмиграции во Франции и в Англии. В 1921–1930 гг. — заместитель наркома, в 1930–1939 гг. — народный комиссар иностранных дел СССР. В 1941–1946 гг. М.М. Литвинов занимал пост заместителя главы внешнеполитического ведомства. Одновременно был послом в США (1941–1943 гг.) и посланником на Кубе (1942–1943 гг.).

Майский являлся полномочным представителем СССР в Финляндии (1929–1932 гг.), затем — послом в Великобритании (1932–1943 гг.). В 1943–1946 гг. он занимал должность заместителя народного комиссара иностранных дел СССР.

В.П. Потёмкин, Д.З. Мануильский, М.М. Литвинов и И.М. Майский являлись членами ЦК ВКП(б).

Наряду с созданием основной комиссии для проверки переводов Гимна Советского Союза на иностранные языки (в дальнейшем будем называть ее Главной комиссией, как обозначена она в делопроизводственной переписке) были сформированы ее рабочие органы — *комиссии* (точнее сказать, *языковые подкомиссии*) по рассмотрению текстов переводов гимна на иностранные языки. Каждая из этих подкомиссий конкретно отвечала за перевод его на один из 22 языков народов мира: английский, арабский, болгарский, венгерский, греческий, испанский, итальянский, китайский, монгольский, немецкий, норвежский, персидский, польский, румынский, сербский, словенский, турецкий, французский, хорватский, чешский, шведский, японский. Всего в состав упомянутых рабочих органов вошло око-

ло 70 человек, в числе которых были советские дипломаты, ученые и преподаватели (лингвисты и филологи), писатели, а также пребывавшие в СССР иностранные деятели коммунистического и рабочего движения, бывшие представители руководящего состава Коминтерна (К. Готвальд, Г.М. Димитров, Д. Ибаррури, П. Тольятти (Эрколи), М. Торез и др.)⁷⁵.

В своей работе они руководствовались основополагающим документом — «Предложениями членам Главной комиссии по утверждению текстов переводов Гимна СССР», в котором излагались принципы предварительного отбора этих текстов, а также регламентировались взаимоотношения между ней и языковыми подкомиссиями.

Прежде всего, необходимо было строго следить за *точностью* перевода. При этом следовало придерживаться критерия максимальной близости к подлиннику: ни одна мысль, содержащаяся в нем, не должна была «скрадываться». Помимо этого, в переводе нежелательными объявлялись «добавочные мысли или образы». Его следовало делать «хорошим, поэтическим языком, передающим торжественный характер Гимна и доступным народным массам». Стихотворный размер перевода должен был «полностью соответствовать музыке Гимна».

Каждый член Главной комиссии прикреплялся к руководству определенной группы языковых подкомиссий. Если он не владел языком обсуждаемого перевода, то обязан был требовать предоставления подстрочного варианта на русском языке.

Начать работу Главной комиссии (как это предписывалось постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 19 января 1944 г.) следовало с обсуждения текстов переводов, которые готовились в первую очередь. Утвержденные тексты переводов подписывались всем составом языковых подкомиссий и прикрепленным членом Главной комиссии, которая и утверждала его в окончательном виде.

Языковые комиссии могли отвергать переводы гимна, не удовлетворяющие изложенным выше требованиям. При отборе текстов не следовало «считаться с авторским престижем и самомнением, а исходить исключительно из оценки качества перевода, отбрасывая всяческую приятельскую кружковщину и групповщину». В случае необходимости члены языковых подкомиссий могли «брать отдельные, наиболее удачные части текста у разных авторов, следя, однако, за тем, чтобы не было нарушения стилистического единства текста». Они должны были «про-

⁷⁵ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 104. Л. 4–8.

должать работу по собиранию текстов переводов» гимна «путем привлечения улучшенных вариантов от прежних авторов»⁷⁶.

Содержание упомянутых «Предложений...» дает основание для определенных выводов, касающихся принципов деятельности Главной комиссии и подкомиссий по отбору и утверждению текстов переводов Гимна СССР на иностранные языки. Во-первых, их деятельность с самого начала регламентировалась предписаниями сугубо бюрократического характера, касавшимися прежде всего взаимоотношений между этими структурами. Во-вторых, заложенный в «Предложениях...» *соревновательный* принцип отбора и утверждения текстов переводов гимна на иностранные языки лишь увеличивал временные рамки всей работы. Следует подчеркнуть, что подобного рода затруднения имели место во второй половине 1943 г. и в процессе создания стихотворного варианта текста Государственного гимна Советского Союза.

В состав подкомиссии по утверждению перевода текста гимна на английский язык вошли М.М. Литвинов, И.М. Майский, являвшиеся одновременно членами Главной комиссии; М.М. Бородин⁷⁷, а также писатели С.Я. Маршак и К.И. Чуковский⁷⁸. Музыкальным консультантом был композитор С.С. Прокофьев.

Самуил Яковлевич Маршак (1887–1963) в 1912–1914 г. проживал в Англии, проходил обучение в Лондонском университете. Много путешествовал пешком по этой стране, записывал народные песни и баллады. Впоследствии, уже в советское время, стал их знаменитым переводчиком. Также переводил с английского языка на русский сонеты У. Шекспира, песни и баллады Р. Бёрнса, стихи У. Блейка, У. Вордсворта, Дж. Китса, Р. Киплинга, Э. Лира, А.А. Милна, Дж. Остин. Эти переводы были признаны классическими.

Корней Иванович Чуковский (1882–1969) также проживал в Англии (1903–1904 г.) в качестве корреспондента газеты «Одесские новости». Находясь в Лондоне, К.И. Чуковский смог ознакомиться с английской литературой, прочитал в оригинале произведения Ч. Диккенса и У. Тек-

⁷⁶ Там же. Л. 18–20.

⁷⁷ Михаил Маркович Бородин (1884–1951) — государственный и общественный деятель. Член РСДРП с 1903 г. Находился в эмиграции в Швейцарии, Англии и США (1904–1918). На дипломатической работе (1919–1927). Главный редактор англоязычной газеты «Moscow news» (1932–1941). Главный редактор Совинформбюро (1941–1945).

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 104. Л. 4.

керя. В 1907 г. он издал книгу переводов с английского на русский стихов американского поэта У. Уитмена.

По состоянию на 20 января 1944 г., как сообщал директор Госполитиздата К.М. Касрадзе в докладной записке на имя Д.З. Мануильского, уже имелся 21 вариант перевода текста гимна на английский язык; в этой работе приняло участие 15 переводчиков⁷⁹. Впереди предстоял длительный процесс отбора и утверждения единственного варианта, отвечавшего жестким требованиям упомянутых выше «Предложений...».

Из письма, направленного 8 февраля М.М. Литвиновым своим коллегам по Главной комиссии В.П. Потёмкину, Д.З. Мануильскому и И.М. Майскому, следовало, что к рассмотрению было представлено 16 вариантов «английских переводов гимна», ни один из которых «не оказался удовлетворительным и приемлемым». «При различных литературных достоинствах они все сильно грешили в смысле отступления от подлинника и большой вольности перевода», — подчеркивал Литвинов в своем письме. Те же недостатки имелись, в частности, в переданном ему по радио из США переводе Л. Унтермайера⁸⁰.

В сложившейся ситуации М.М. Литвинов предлагал английской подкомиссии заказать *заново* перевод гимна, «составив маленький словарь с точным английским обозначением перевода русских слов», встречающихся в нем. Он также сообщал, что коллективным трудом переводчиков, при участии его самого, а также других членов английской подкомиссии (Майского, Бородина, Маршака и Чуковского) удалось создать текст, который представляется «максимально точным и литературно приемлемым».

Этот текст был приложен к упомянутому письму М.М. Литвинова с припиской, что в нем встречаются некоторые отступления, а также «вольность, вызванная требованиями размера стиха», которая показалась допустимой членам английской подкомиссии⁸¹.

Вслед за этим В.П. Потёмкин, М.М. Литвинов, И.М. Майский и Д.З. Мануильский обратились к В.М. Молотову «по вопросу о переводе гимна на иностранные языки». 28 февраля копию этого письма Потёмкин переслал Щербакову. К нему прилагались тексты Гимна СССР, переведенные на иностранные языки. В распоряжении членов Главной

⁷⁹ Там же. Л. 20.

⁸⁰ Луис Унтермайер (1885–1977) — американский поэт, литературный критик и редактор. Член прокоммунистической Лиги американских писателей (1935–1943).

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 104. Л. 57–58.

комиссии, как сообщали Потёмкин, Литвинов, Майский и Мануильский, оказалось 18 вариантов переводов его на английский.

«Как Вы можете усмотреть из представляемых подстрочных переводов каждого текста, — разъясняли они Молотову, — буквальный смысл Гимна сохранен везде. Незначительные отступления допускались лишь тогда, когда это вызывалось необходимостью в связи с природой языка или требованиями верификации. При этом литературность перевода, как правило, не приносилась в жертву его точности». Как подчеркивали Потёмкин, Литвинов, Майский и Мануильский, они руководствовались указанием наркома иностранных дел о том, «что перевод должен быть возможно более художественным» и, в известных случаях, даже «вольным».

Примечательным являлось содержащееся в цитируемом письме упоминание, со ссылкой на сообщение сотрудников посольства СССР в США, относительно намерений некоего «американского музыкального издательства» в ближайшее время опубликовать новый Гимн Советского Союза в произвольном переводе поэта Унтермайера. Из Вашингтона в Москву было послано следующее предупреждение: «если немедленно не будет получен официально утвержденный перевод Гимна», то издание массовым тиражом Гимна в переводе Унтермайера станет фактом.

Поэтому члены комиссии просили Молотова утвердить «в отдельном порядке» вариант гимна в переводе на английский язык, чтобы немедленно сообщить его в Америку⁸².

6 мая состоялось совещание членов Главной комиссии и английской языковой подкомиссии в расширенном составе. Помимо М.М. Литвинова, И.М. Майского, М.М. Бородина, К.М. Касрадзе на совещании присутствовал первый заместитель народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинский. Были приглашены также Д. Гиббонс⁸³ и переводчики (Л. Талми, А. Файнберг, И. Файнберг и др.).

В ходе совещания, в частности, обсуждался вариант перевода Гимна Советского Союза, который был предложен Г. Маршаллом⁸⁴ (см. Приложение). Д.З. Мануильский задавался вопросом: «Как с точки зрения безукоризненности языка, это хорошо сделано?» Конечно, рассуждал

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 218. Л. 336–338.

⁸³ Джон Гиббонс (1882–1949) — корреспондент в Москве английской газеты левой ориентации «Дейли уоркер».

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 104. Л. 43–44. Герберт Маршалл (1906–1991) — английский писатель, режиссер, сценарист. В 1935–1937 гг. проживал в Москве.

Мануильский, в переводе Маршалла имеются определенные расхождения, однако дело не в этом. Далее он, вероятно, ссылаясь на мнение Молотова, заявил следующее: «[...] Нам было дано указание, что иногда можно отступать от [русскоязычного] текста. В гимне в переводе Маршалла с музыкальной точки зрения нужно кое-что поправить в соответствии с заявлением тов. Прокофьева, а с точки зрения содержания он написан хорошим английским языком»⁸⁵.

По поводу текста перевода, представленного Г. Маршаллом, на упомянутом совещании высказался и А.Я. Вышинский. По мнению первого заместителя народного комиссара иностранных дел, в этом тексте не была передана мысль о том, что именно Россия сплотила «Великий Союз республик». Вышинский утверждал, что Маршалл своим переводом «на $\frac{3}{4}$ извращает смысл гимна». Он в который раз повторил, что в предложенном английском поэтом переводе не акцентируется внимание на важности следующего обстоятельства: «Первая строка [гимна] говорит, что ведущая роль принадлежит Великой Руси. И во всей истории нашей страны Россия играла и продолжает играть эту роль».

Подытоживая собственный анализ текста перевода гимна, предложенного Г. Маршаллом, А.Я. Вышинский заключал: «С точки зрения стиля, музыкальности, поэтичности, литературности я не могу высказываться, но с точки зрения внутреннего содержания здесь много отступлений. Это не тот гимн, который утверждало наше правительство»⁸⁶.

В нашем распоряжении пока нет сведений о том, какой именно вариант перевода Гимна СССР на английский язык был выбран для дальнейшей работы на совещании 6 мая 1944 г.: одержал победу Маршалл или предпочтение было отдано тексту Майского, Бородина, Маршака и Чуковского?

Скорее всего, «советский» перевод и стал основополагающим для рассылки в союзные страны.

17 ноября 1944 г. советник посольства СССР в Великобритании Г.Ф. Саксин, в частности, сообщал С.А. Лозовскому, что к очередной годовщине Октябрьской революции в Лондон был прислан текст Гимна СССР, переведенный на английский язык. Его сразу опубликовали в газете «Совьет вор ньюс» («Советские военные новости»), которая изда-

⁸⁵ Там же. Л. 34.

⁸⁶ Там же. Л. 36.

валась силами сотрудников советского посольства тиражом 75 тыс. экземпляров. Помимо этого, в октябре 1944 г. он был напечатан в Англии отдельной брошюрой. Саксин заключал, что все хоровые кружки в этой стране смогли изучить этот текст. В результате на многочисленных собраниях и митингах, приуроченных к 7 ноября, «впервые в Англии исполнялся Советский гимн на английском языке»⁸⁷.

Таким образом, представители руководящего состава НКВД в лице В.М. Молотова, А.Я. Вышинского, М.М. Литвинова, С.А. Лозовского и И.М. Майского сыграли большую роль в деле популяризации текста Государственного гимна СССР в союзных странах — Великобритании и США. Они действовали в этом направлении в тесном сотрудничестве с дипломатами В.И. Базыкиным, Ф.Т. Гусевым, Г.Н. Зарубиным, Е.Д. Киселевым, Г.Ф. Саксиным, а также с председателем правления ВОКС В.С. Кеменовым. Эта деятельность сочеталась со стремлением предотвратить процесс коммерциализации записи слов гимна «Союз нерушимый...» за рубежом, в первую очередь, в США, и отстоять его советское авторство.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 28. Д. 306. Л. 25.

REFERENCES

1. *Devjatov S.V., Zbiljaev V.I., Nevezhin V.A.* «Internacional” ustarel dlja nashego naroda». Sozdanie Gosudarstvennogo gimna SSSR (1943–1944) [«The Internationale is outdated for our people». Creation of the State Anthem of the USSR (1943–1944)] // Rossijskaja istorija [Russian history]. 2023. №3. S. 78–94. *Golubev A.V., Nevezhin V.A.* Formirovanie obraza Sovetskoj Rossii v okruzhajushhem mire sredstvami kul'turnoj diplomatii, 1920-e — pervaja polovina 1940-h gg. [Formation of the image of Soviet Russia in the outside world by means of cultural diplomacy, 1920s — first half of the 1940s.]. M.: IRI RAN, 2016. 238 s.
2. *Gromov E.S.* Stalin: vlast' i iskusstvo [Stalin. Power and art]. M.: Respublika [Republic], 1998. 494 s.
3. *Nevezhin V.A.* Zastol'ja Iosifa Stalina. Kn. 3. Diplomaticheskie priemny 1939–1945 gg. [Feasts of Joseph Stalin. Book 3. Diplomatic banquets 1939–1945]. M.: AIRO—XXI, 2020. 768 s.
4. *Pechatnov V.O., Magadeev I.Ie.* Perepiska Stalina s Ruzvel'tom i Cherchillem v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. T. 1 [Correspondence between Stalin and Roosevelt and Churchill during the Great Patriotic War. Vol. 1]. M.: OLMA Media group, 2015. 656 s.
5. *Soboleva N.A.* Ocherki istorii rossijskoj simboliki: Ot tamgi do simbolov gosudarstvennogo suvereniteta [Essays on the history of Russian symbols: From tamga to symbols of state sovereignty]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur; Znak [Languages of Slavic cultures; Sign], 2006. 487 s.
6. *Vojtkov S.S.* Stalin, Aleksandrov i Krasnoznamennyj ansambl' [Stalin, Alexandrov and the Red Banner Ensemble]. M.: Veche, 2023. 304 s.

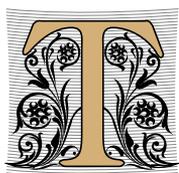

Ключевые слова:

Государственный гимн СССР, Интернационал, антигитлеровская коалиция, Народный Комиссариат иностранных дел, Американский фонд (комитет) военной помощи России, И.В. Сталин, Уинстон Черчилль, В.М. Молотов, А.С. Щербаков.

Sergey V. Devyatov, Valentin I. Zhilyaev,
Vladimir A. Nevezhin

«AN UNBREAKABLE UNION
OF FREE REPUBLICS...» IN CLEAR
ENGLISH. THE ROLE OF SOVIET
DIPLOMATS IN PROMOTING
THE USSR NATIONAL ANTHEM
IN THE UK AND THE USA

The article discusses the promotion of the new USSR Anthem, ratified on December 21, 1943, in the countries allied in the anti-Hitler coalition – the UK and the USA. The article is based on materials from the Russian State Archive of Social and Political History and the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, most of which are being introduced into academic discourse for the first time.

Among these sources is the decision of the Secretariat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) from January 19, 1944, to establish a commission for translating the Anthem into foreign languages. This document is being introduced into circulation for the first time by the authors of this article. Among other things, this commission included a subcommittee tasked with approving its translation into English. Prominent Soviet diplomats V. Molotov, M. Litvinov, S. Lozovsky, and I. Maisky played a leading role in its work. A. Vyshinsky, who was Molotov's first deputy, also participated.

The authors of the article provide a detailed account of the role these senior officials from the People's Commissariat for Foreign Affairs played in creating the English version of the Anthem. They also focus on their efforts to prevent the commercialization of this text, attempts at which were made in the USA amidst the intensification of Soviet-American alliance relations. In this endeavor, the members of the aforementioned commission received significant assistance from Soviet diplomats stationed in the UK and the USA, including V. Bazikin, F. Gusev, G. Zarubin, E. Kiselev, and G. Saksin.

Key Words: National Anthem of USSR, the Internationale, Anti-Hitler Coalition, People's Foreign Affairs Commissariat, Американский фонд (комитет) военной помощи России, Joseph Stalin, Winston Churchill, Vyacheslav Molotov, Aleksandr Shcherbakov.

Sergey V. Devyatov – D.Sc. (History), Professor, and Head of the Department of 20th–21st Century Russian History at the Faculty of History, Moscow State University (Moscow, Russia).

Valentin I. Zbilyaev – Ph.D. in History.

Vladimir A. Nevezhin – D.Sc. (History), Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

 Девятков Сергей Викторович

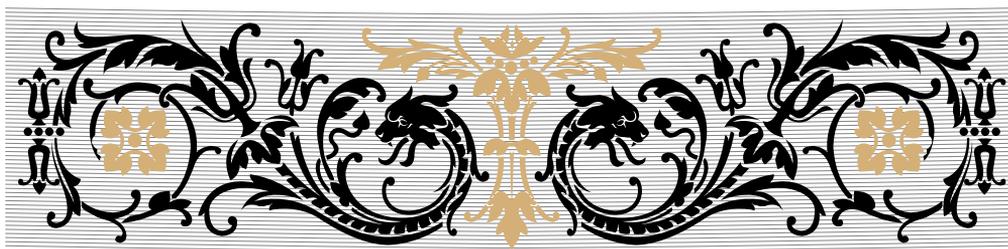
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории России XX–XXI вв. исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

 Жиляев Валентин Иванович

кандидат исторических наук

 Невежин Владимир Александрович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в формате Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.docx»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Следующий номер «Исторического вестника» будет посвящен теме сакральной географии – системе святых мест, маршрутов паломничества, культов локальных святых – как механизму формирования и поддержания этнической идентичности у христианских и мусульманских народов Ближнего Востока от Поздней античности до новейшего времени.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке